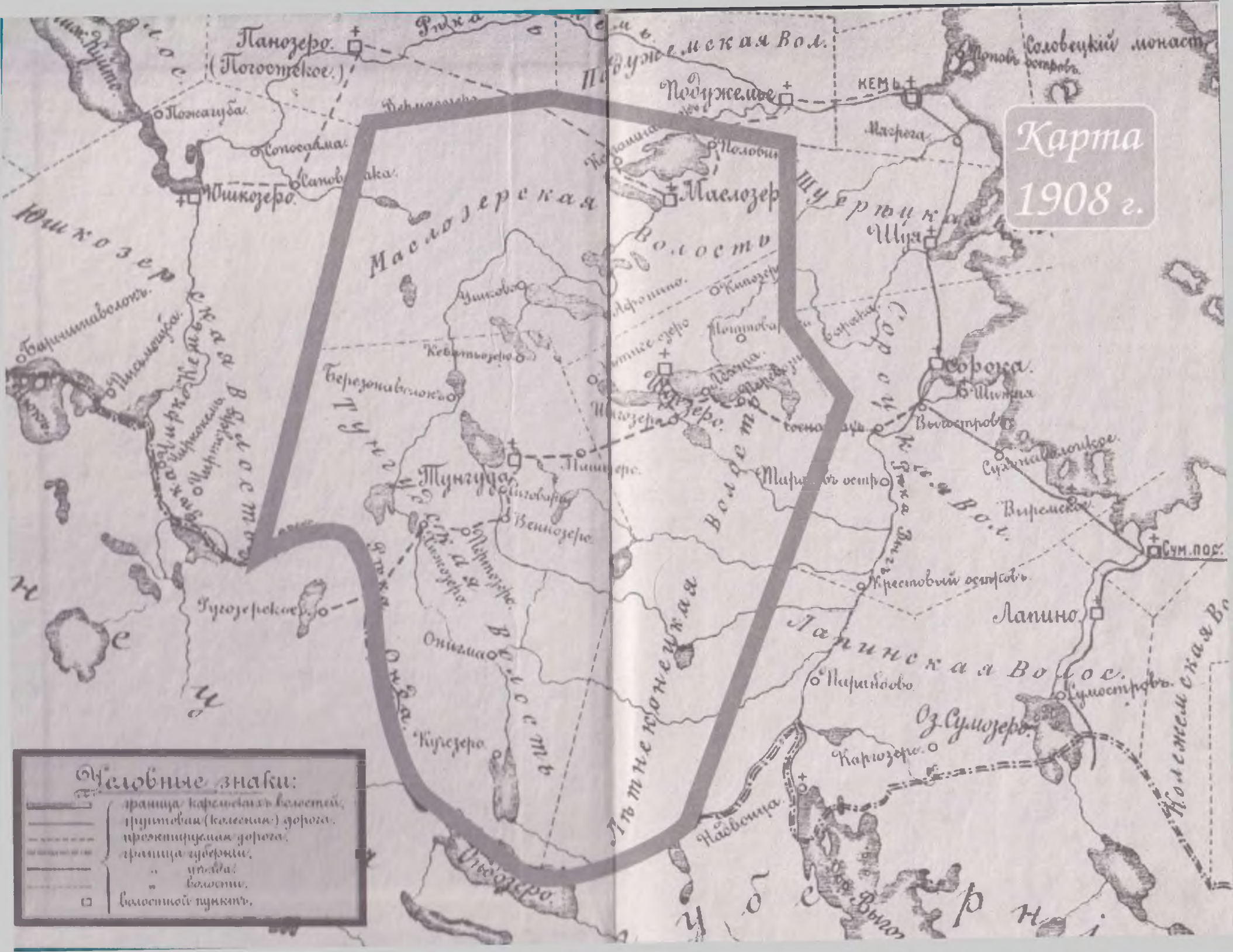

УСТНАЯ
ПОЭЗИЯ
ТУНГУДСКИХ
КАРЕЛ

Карта
1908 г.

Условные знаки:

	граница карельских волостей;
	прямая (колесная) дорога;
	проектируемая дорога;
	граница губернии;
	" уезда;
	" волости;
	волостной пункт;

VENYÄHEN TIEDOAKATEMIA
KARJALAN TIEDOKESKUS
KIELEN, KIRJALLISUUVEN
DA HISTORIAN INSTITUUTTI

TUNGUON RAHVAHAN SUUSANALLISTA PERINNEHTÄ

Kirjan valmisti
A. S. STEPANOVA

"PERIODIKA"
PETROSKOI
2000

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ
И ИСТОРИИ

УСТНАЯ ПОЭЗИЯ ТУНГУДСКИХ КАРЕЛ

Издание подготовила
А. С. СТЕПАНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПЕРИОДИКА"
ПЕТРОЗАВОДСК
2000

ББК 82.3(2Р-6К)

Редактор текстов: В. П. Федотова

Рецензенты: О. Э. Горшкова, Н. А. Лавонен

Художник: В. А. Наконечный

С 79 Степанова А.С.

**Устная поэзия тунгудских карел. – Петрозаводск:
Периодика, 2000. – 384 с.**

В книге впервые представлены образцы всех жанров устно-поэтической традиции карельского населения Беломорского района Карелии.

В публикации представлены тексты на двух языках, вступительная статья, научный аппарат.

Книга рассчитана как на исследователей, так и на широкий круг читателей.

ISBN 5-88170-037-6

© А. С. Степанова, автор-составитель, 2000

© В. А. Наконечный, художественное оформление, 2000

**Всем хранителям духовной
культуры тунгудского края
посвящаю**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник является первой публикацией устно-поэтического наследия тунгудских карел, проживающих на территории нынешнего Беломорского района. В издание включена часть произведений фольклора, записанных от жителей бывшей Маслозерской волости, входившей позднее частично в состав Кемского района, частично — Тунгудского/Беломорского. По языку же, по особенностям говора, по традиционной культуре эти группы деревень близки, между населением их всегда существовали тесные хозяйственно-бытовые связи.

Представлены почти все жанры карельского фольклора, собранные на территории бывшей Тунгудской, Летнеконецкой/Шуезерской и Маслозерской волостей (приходов).

Книга состоит из вступительной статьи, текстов, приложений и примечаний, а также различных указателей. Во вступительной статье дается общая характеристика устно-поэтической традиции исследуемого региона, история его собирания, освещены также некоторые стороны быта и уклада жизни населения.

Текстовая часть включает несколько разделов, выделенных по жанровому признаку. Как уже принято при публикации карельских фольклорных текстов, первый раздел — это эпические песни и баллады, заговоры и заклинания. За ними следуют свадебные и лирические песни, детский фольклор. Таким образом, названные разделы включают поэзию калевальской метрики.

Поскольку ранних записей причитаний из рассматриваемого региона почти нет, в раздел по данному жанру включено все, что удалось собрать, и даже воспоминания о случаях причитывания — в доказательство того, что причить здесь бытовала.

Малые жанры составляют свой раздел, куда кроме загадок и пословиц вошли и частушки. Соединение несколько искусственное, условное, но мы сочли возможным включить частушки в этот раздел, чтобы отделить их от лирики калевальской метрики. Жанр этот сравнительно новый, поздний по происхождению.

В следующую часть книги вошли все прозаические жанры, сказочная и несказочная проза. Основная ее часть — сказки, предания и легенды. Особый раздел составляют былички и бывальщины, которые рассказывают здесь до настоящего времени.

Вследствие относительно большого количества самых разнообразных рассказов/воспоминаний о жизни патриархальной деревни, раздел прозы значительно расширен. В него вошли различные приметы, запреты, поверья, а также рассказы о магии, магических действиях, знахарстве; святочные гадания молодежи; бытовые рассказы.

Материал для публикации отбирался в Архиве Карельского научного центра Российской Академии наук (КНЦ РАН) (59 текстов); в фонотеке Института языка, литературы и истории КНЦ РАН (138 номеров, но текстов больше, так как частушки, загадки, пословицы и другие малые жанры даны циклами, а не по одному произведению). Часть текстов получена из Фольклорного архива Общества финской литературы (KA SKS), Карельского просветительского общества (Хельсинки) и единичных публикаций¹ (всего 23 текста). В целом следует отметить, что выбор был не особенно большим, так как фольклорные записи в регионе производились от случая к случаю. Из 220 номеров публикации аудиозаписи составляют 138 (первые сделаны в 1979 г.).

Тексты даны на двух языках — на языке оригинала с параллельным переводом на русский. Перевод близок буквальному, с максимальной приближенностью к тексту оригинала. Это особенно относится к поэтическим жанрам, поэзии калевальской метрики, к частушкам. Как уже стало традицией при публикации карельских текстов, задача заключается в точной передаче смысла, в передаче отдельных особенностей языка, поэтики оригинала — своеобразных эпитетов, сравнений, метафор, отдельных стилистических средств. При переводе утрачиваются многие особенности оригинала, прежде всего богатая аллитерация. Не все образные обороты карельских текстов звучат адекватно на русском языке, и, тем не менее, считаем необходимым максимально точно передавать систему поэтических средств оригинала.

В Примечаниях дается ссылка на источник, где хранится текст: Фонотека (Фон.) или Архив (А.) и соответственно номер кассеты или коллекции и единицы хранения [внутри них]. Кроме того, указываются инициалы и фамилия исполнителя, место и год записи, фамилия собирателя. В отдельном Указателе приводятся полные данные об исполнителях, включая год рождения или возраст на момент записи (если они указаны); место рождения и номера публикуемых текстов. Имеется Указатель собирателей, карта региона, Список деревень края с численностью населения и Список сокращений.

¹ Имеется в виду книга *Karjalan kielen näytteitä, III. Julkaissut Eino Leskinen. Helsinki, 1936*. Включена одна сказка (№ 125).

Отдельным разделом дается потное приложение (1). Оно подготовлено музыковедом К. Х. Раутио, включает потные расшифровки наиболее характерных напевов публикуемых текстов. Включены и некоторые напевы песен, не вошедших в сборник, но известных здесь и записанных от многих исполнителей. Это ставшие популярными в 30—40-е гг. песни *Ruskie neičyt* — Красная девица и переведенная на карельский язык *Kaivoiin, kaivoiin minä kaivoio* — Копал, копал криниченьку...

В качестве приложения (2) публикуются образцы переводов Библии на карельский язык, сделанные финским ученым, лингвистом А. Генетцем в 1871 г. во время пребывания его в деревнях края. Это II глава Евангелия от Матфея (переводил в дер. Компакка на местном говоре) и VIII глава того же Евангелия на говоре дер. Шуезеро. Перепечатываются из названной выше публикации: *Karjalan kielen näytteitä*, III. Julkaissut Eino Leskinen. Helsinki, 1936. S. 74—78. Там же опубликовано 3 сказки из данного региона.

Отметим здесь, что кроме этих публикаций материала в целом почти нет. В 1998 г. вышла статья А. Конкка об одном из святочных обрядов, связанных с днем Василия [13.01], а именно — маскарадное шествие с «быком», заканчивавшееся его «закалыванием»². В 1999 г. в Финляндии же вышел отдельный номер журнала «*Karjalan heimot*» (№ 11—12), орган Карельского просветительского общества, целиком посвященный тунгудскому краю, с описанием деревень, образа жизни населения и т. д., но без публикации фольклорных текстов.

Следует обратить внимание читателя на принципы публикации фольклорных текстов, принятые в фольклористике. Они отличаются от принципов публикации литературного текста.

Мы имеем дело с устным словесным материалом, записанным от разных исполнителей в разное время и различными способами. Это прежде всего записи собирателей «от руки», т. е. вслед за рассказчиком, певцом, каковы-ми являются все архивные материалы вплоть до 70—80-х гг. XX века. Естественно, они не передают всех особенностей речи рассказчика, певца, тем более если записывал представитель другого диалекта, говора. Эти тексты подверглись очень осторожной правке, которая заключалась в замене глухих согласных на звонкие — после консультации со специалистами и носителями диалекта (k-g; t-d; s-z; š-ž и т. д.).

Сложнее обстоит дело со смягчениями, с палатализацией согласных. Надо отметить, что она является одной из ярких фонетических особенностей диалекта. В архивных записях, произведенных «от руки», такая правка делалась в крайних случаях — если это сказывалось на смысле, семантике

² Aleksi Konkka. Tunkuan häkinveto. // Hiiden kivi. Suomalainen kulttuurilehti. 1998, № 6. S. 22—23.

слов. В основном ээе тексты публикуются в том виде, в каком они были записаны: где-то смягчение отмечено, где-то нет.

Поэтому в публикации встречается разноречие в написании одних и тех же слов и выражений. Например, слово «прежде»: *en'n'ein*, *einnein*, *en'n'en*, *einnen*; «порог»: *кун'n'уш*, *куннуш*; «озеро»: *järvi*, *d'ärvi*; «показал, напомнил»: *juohatti*, *d'uoatti* и т. д.

Часть материала представлена в самозаписи (их немного), как правило, это записи бывших жителей края, хранящиеся в Фольклорном архиве Общества финской литературы (№56, 104, 117, 158). В них сохранено авторское правописание, которое в основном соответствует говору, но в них уже присутствует и некоторая финнизация речи. Ее мы не вправе «исправлять», она характеризует речь человека, оторванного от родной языковой среды. При публикации архивных материалов используется графика современной карельской письменности, например: *tsc—č*; *ü—u*.

Самыми достоверными, естественно, являются аудиозаписи. Они публикуются в том виде, в каком зафиксированы.

Но и здесь не исключены разночтения. Один и тот же рассказчик одно и то же слово может произносить по-разному: *hiän* — *hän*; *en'n'ein* — *en'n'en* и др. Кроме того, при произношении происходит ассимиляция отдельных звуков: *kirvež ei lyön'yn... oi kirveš, tara šie...* и т.п.

Таким образом, при публикации фольклорных текстов мы не производим унификацию звучания слов, а даем их в том виде, в каком они были зафиксированы.

В заключение хочу поблагодарить всех, кто оказывал помощь в работе, в оформлении рукописи. Это прежде всего З. М. Трофимчик, сотрудница ИЯЛИ, расшифровавшая с магнитной ленты экспедиционный материал А.С. Степановой за 1979 г. Э. П. Хуттер, сотрудница Архива КНЦ РАН, составила полную опись материала четырех коллекций, записанных в исследуемом регионе, что облегчило работу при подготовке публикации. Коллеги-фольклористы высказали критические замечания, пожелания и добрые советы при обсуждении рукописи. Всем им большое спасибо.

Благодарю моих добровольных консультантов — уроженцев края Е.И. Карпову, Т. Б. Лутошкину и семью К. Ф. Филатова. Благодаря им дополнились отдельные разделы сборника.

Особая благодарность коллективу Фольклорного архива Общества финской литературы и его сотрудникам во главе с секретарем Общества Урпо Венто и руководителем Архива Пеккой Лааксоненом за возможность работать в Архиве, за предоставленные копии фольклорных материалов, а также за финансовое обеспечение этого издания.

А. СТЕПАНОВА

УСТНО-ПОЭТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ТУНГУДСКИХ КАРЕЛ

Особенности быта

Термин «тунгудские карелы» является несколько условным. Так мы называли население карельских деревень, входящих ныне в состав Беломорского района Республики Карелия. До 1955 г. существовал самостоятельный Тунгудский район [с карельским населением] с центром в с. Лехта, в него входило около 60 деревень. При укрупнении районов он был ликвидирован, и эта территория вошла в состав Беломорского района.

Бывший Тунгудский район с севера граничил с Кемским, с запада — нынешним Муезерским (бывшим Ругозерским), с юга — Медвежьегорским (бывшим Сегозерским) и с востока — Беломорским районами.

Судьба карельских деревень этого региона схожа с судьбами большинства деревень не только Карелии, но и в целом России. Так, в начале века в Шуезерской/Летнеконецкой волости было 32/33 деревни (318 дворов, 1769 жителей); в Тунгудской волости — 26 деревень (356 дворов и 1917 жителей).

Нельзя обойти вниманием и соседнюю с ними Маслозерскую волость, которая административно частично была присоединена к Кемскому району (т. е. не входила в состав Тунгудского); теперь эта территория почти полностью относится к Беломорскому району. Исторически же между этими тремя волостями существовали тесные связи — хозяйственные, культурные, родственные. Их связывает и общность языковая, особенности местного наречия, отличающегося в целом от северокарельского. Итак, в Маслозерской волости было 17 деревень (173 двора, 1097 жителей). В общей сложности по трем волостям это составляло 75 деревень. Правда, среди них примерно 15 состояли из 2—3 дворов/хозяйств (см. Список поселений).

Эти три волости составляли приблизительно единое культурно-историческое и культурно-хозяйственное целое с относительно большой плотностью населения. При взгляде на карту (начала века — см. форзац) бросается в глаза обилие поселений на этой сравнительно небольшой территории. А кругом, на многие версты, — их полное отсутствие. Связи с остальной карельской территорией были минимальными. Чаще общались с жителями Ругозерской волости.

Больше тяготели к Поморью, к Сороке/Беломорску, где находили работу по найму, занимались рыболовством на Белом море.

Ныне сохранилось менее 10 деревень. Опустела почти вся Маслозерская волость и большая часть Тунгудской и Шуезерской. Население расселилось в крупных поселках — Пушном, возникшем на месте деревни Kurjužuaga (Курья-варака), в которой в XIX в. было 10 дворов, 56/58 человек населения; в Сосновце, Новом Машезере, Беломорске, а также в других районах Карелии и Мурманской области.

Местность была заселена давно, чему имеются подтверждения в исторических документах. Не будучи специалистом в области истории, не стану углубляться в вопросы истории заселения края. Сошлюсь лишь на некоторые факты из летописных материалов XVI века, в которых упоминаются многие местные деревни. Так, погост Шуезеро упоминается в «Книге сбора данных и оброчных денег с тяглого населения лопских погостов» за 1587—88 гг.³: «В погосте Шуезере тридцать четыре лука⁴. Дани с них шесть рублей двадцать шесть алтын четыре деньги, с лука по две гривны». Здесь же упоминается «волость Береский Наволок», т. е. Койвуннеми — Березово, «волость Тонгуя», т. е. Тунгуда.

«В дозорной книге лопских погостов за 1597 год» вновь упоминается «Погост Ильинской Шуезерской» и перечисляется 23 хозяйства и площадь посевов, из них самыми большими обладают «Якуш да Захарко Ермолины», которые сеют ржи в общей сложности 4, 75 осмины (примерно 3 десятины), а сена накашивают 22 копны⁵. Они используют пустующие земли — «след Юшка Пискунова»... «да след Карповской Яковлева», «да след Кокуевской Микитина»...⁶

Здесь же упоминаются деревня «на Лехте» (7 хозяйств), «волостка Тунгуда» (17 дворов), «волостка Кевятозеро» (18 дворов), «волостка Березов Наволок» (9 хозяйств), «волостка на Машезере» (10 хозяйств). «И всего в Шуезерском погосте и в волостках живущих 84 двory, а в них крестьян 125 человек...» (учитывались только взрослые мужчины). В каждой деревне/волостке оказываются опустевшие хозяйства, о чем в итоге говорится: «Да в Шуезерском же погосте и в волостках пустые луки не паханы и не кошены, а запустели с немецкие войны⁷. Далее перечисляется по деревням, сколько пустует земли и чьи это были хозяйства. Самое большое количество пустующих земель в Шуезере — более 30;

³ *Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvulta. История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Петрозаводск — Йоэнсуу, 1987. С. 179–181.*

⁴ Лук — «окладная единица в тех местностях, где основой крестьянского хозяйства были промыслы». — См. ук. соч., С. 257.

⁵ Здесь копна — «земельная мера сенокосов»; около 2,2 десятины, так как «считалось, что с десятины собирается десять копен сена». Там же.

⁶ Там же. С. 208–209.

⁷ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. С. 212.

в Тунгуде, в Березовской, Кевязозерской волостях и на Летнем озере — по 3—4 хозяйства.

Более других, таким образом, от «немецких войн» пострадало Шуезеро (перечислены имена владельцев земли — в общей сложности их 47).

Вновь о «немецких войнах» упоминается в дозорной книге за 1598 г., на этот раз в связи с Шуерецком, где «храм Климент святой сожгли немецкие люди в 99-м [т. е. в 1591] г.»⁸.

Сведения о разорительных нашествиях, предпринимавшихся с запада (со стороны Шведского государства, в состав которого входила и Финляндия), находим во многих источниках [в них внешний враг — «немцы»]: «А та Кемская волость и церкви Божии и двор монастырской и крестьянские дворы в 87 [т. е. 1579] г. да в 98 [т. е. 1590] г. от немецкие войны все пожжены, а крестьяне побиты, а иные в полон пойманы, а которые крестьяне остались от немецкие войны, и те по своим дворовым местам живут в шалашах и ослонях, а иные по своим дворовым местам избежца ставят»⁹.

В результате таких набегов, например, в соседней Кемской волости из 96 дворов, 146 человек и 63 казаков (наемные работники ?) осталось дворовых мест 52 и 64 человека. Из 20 соляных варниц сохранилось восемь; из четырех мельниц не осталось ни одной¹⁰.

Нет сведений по всем карельским волостям, но и те, что имеются, довольно красноречивы. В Подужемской волости осталось 15 дворов и 15 человек, пустых дворов 14; в Пебозерской — 5 дворов, 8 человек, пустых дворов 7; 9 дворов и 12 человек осталось в Маслозере, пустых дворов — 7¹¹.

Такой краткой исторической ссылкой хотелось лишь подчеркнуть, что исследуемый регион имеет довольно драматическое прошлое и свою многовековую историю.

До сих пор в народе сохранились предания о нападении, набегах внешних врагов, именуемых карелами «руоччи» — это в основном финны, шведы. Об этом, в частности, упоминается и в очерке «Архангельские карелы», составленном Н. А. Голубцовым: «Карелы страдали также от набегов финляндцев, входивших, например, в 1579, 1580, 1590 и 1592 гг. в Поморье и Карелу р. Кемью (а иногда и р. Ковдою) и уходивших обратно р. Ковдою. Для защиты от финляндцев или «Каянских Немцев», как они тогда назывались, и были построены остроги Кемский и Сумский»¹².

⁸ История Карелии XVI-XVII вв. в документах. С. 235.

⁹ Материалы по истории Карелии XII-XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 320.

¹⁰ Там же. С. 323.

¹¹ Там же. С. 324.

¹² Архангельская Карелия. Издание Архангельского Губернского Статистического Комитета. Архангельск, 1908. С. 4—5. (Очерк «Архангельские карелы» составил Секретарь Стат. Ком. Н. А. Голубцов по литературным и официальным источникам.)

Как обычно, враги — «руоччи» — в народных преданиях чаще всего погибали — тонули в озере или в болоте, умирали от голода на острове, слепли и т. д. Им не удавалось закрепиться на месте, завоевать край. Подчеркивается и жестокость врага, разорение деревень. Это все отражено и в текстах публикуемых преданий. Таким образом, предания о нашествиях «руоччи» имеют под собой реальную основу.

Близость русских поселений Поморья, Соловецкого монастыря имела несомненное влияние на карельское население Шуезерской, Тунгудской и Маслозерской волостей и в отношении его к христианской религии. Именно здесь, в Шуезере, появилась, возможно, первая в Северной Карелии — т. е. в карельских деревнях Кемского уезда — церковь: «Описываемый приход [Шуезерский — А.С.] — один из древнейших в Кемском уезде и в Карелии в частности. **Нынешняя** [выделено мной — А.С.] приходская церковь в честь святого пророка Илии устроена в 1619 г. на средства Соловецкого монастыря и освящена 20 июля того же года. Первая ли это церковь от основания прихода, неизвестно»¹³. Названное строение церкви не было первым, так как в Дозорной книге лопских погостов за 1597 г. читаем: «Погост Ильинской Шуезерской, на погосте храм Илья пророк, поп Федот Дмитриев, дьячек Софонко Карпов, пономарь Сенька Кирилов...»¹⁴ Год основания прихода и церкви пока не выявлен. Эта же церковь упоминается в 1592 г. — в документах о сборах с церкви «пророка Илии в Шуезере, которая поставлена «по благословению прежнего архиепископа новгородского Макарья»¹⁵. Под 1597 г. упоминается и «Погост Ильинской Панозерской [на р. Кеми — А.С.], а на погосте храм Илья пророк, поставлен **ново после неметцких войны**; поп Иван Никитин, дьячок Путилко Харитонов...»¹⁶ [выделено мной — А.С.] До конца XVIII столетия эти два самостоятельных прихода — Шуезерский и Панозерский (как и церкви) — были единственными в карельских деревнях Северной Карелии (в пределах Кемского уезда). Какая из церквей была первой?

Известно, что в Маслозерской волости на озере Муезеро¹⁷, на острове, некогда находился монастырь, основанный преподобным Кассианом. В докумен-

¹³ *Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской Епархии. Выпуск III. Изд-е Арханг. Епарх. церковно-археологич. комитета. Архангельск, 1896. С. 121.*

¹⁴ *История Карелии XVI–XVII вв. в документах. С. 208.*

¹⁵ *Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. С. 333–334.*

¹⁶ *История Карелии XVI–XVII вв. в документах. С. 213.* Была ли это первая церковь в Панозере? В упомянувшейся уже книге «Краткое историческое описание...» сказано о том, что первая церковь Святого пророка Илии начата была в 1596 г., освящена в 1624 г. 12 июля.

¹⁷ Не имеет отношения к современному Муезеру. Любопытно, что ныне карелы называют это озеро «Ушкельским» — *Uškeland'ärvi*. На его берегу стоит деревня

тах за 1591 г. читаем: «Да на Маслозерской же земли на Муезере на острове монастырек, а в нем храм Троицы живоначальные, пустынька, а в ней 5 братов, а питаютца от своих трудов лешую пашенкою и на озере рыбу ловят»¹⁸. Храм, по некоторым сведениям, например, за 1896 г., был самым первым на территории Северной Карелии: «На острове Муезерского озера, в 24 верстах от приходского храма¹⁹ [т. е. имевшегося в 1896 г. — А.С.], имеется приписной Николаевский деревянный храм, устроенный, как можно заключить по некоторым данным, в 1573 г. [выделено мной — А.С.] на средства Соловецкого монастыря...

Храм этот является в настоящее время единственным памятником о бывшем здесь Троицком монастыре, который по местонахождению своему на острове озера Муя назывался Муезерским»²⁰.

Предания и воспоминания о Троицком монастыре и Николаевском храме сохранились до наших дней (см. тексты № 137, 139, 140).

Остров, на котором был основан монастырь, находится на «Муеозере», правда, ныне карелы называют его Ушкельским — Uškeland'ärvi, а остров назван Троицким, или островом Троицы. Он считался и считается особым, святым местом, туда совершается паломничество, местное население по-прежнему собирается там в праздник Святой Троицы.

Мне удалось побывать на этом острове в августе 1998 г. с журналистами Сакарн Вуористо из Финляндии и Еленой Карповой (родившейся в Кевятозере) из Петрозаводска. С нами была также Тамара Лутошкина из Петрозаводска, родившаяся в Ушково, поблизости от острова Троицы.

И хотя дорога из пос. Новое Машезеро до Ушково местами еле видна, мы удачно добрались до места благодаря опыту нашего проводника Василия. В то лето в деревне Ушково проживало две семьи: одна из них — дачники, а вторая — из трех человек — живет там и зимой. В тот же день мы отправились на остров на лодках вместе с местными жителями и смогли воочию увидеть это святилище, место паломничества многих поколений жителей края. Остров довольно большой, заросший лесом. Особенно впечатляют вековые ели, в три

Ушкела – Ушково, входившая то в Маслозерскую, то в Шуезерскую волость.

В прошлом между волостями шла борьба за обладание этими землями: «А Кевятозерские волостки у крестьян лешую пашню Соловецкого монастыря крестьяне маслозерская отмежевали насильством к Касьянове пустыни к монастырю к Муеозеру, // а называли ту лешую пашню маслозерскою землею, а монастырь Муеозеро стоит на кевятозерской земли» (История Карелии XVI—XVII вв. в документах. С. 212).

¹⁸ Материалы по истории Карелии... С. 324.

¹⁹ Имеется в виду Маслозерский приход, образованный в 1847 г., в состав которого и были переведены остров Троицы и дер. Ушково.

²⁰ Краткое историческое описание... С. 153.

обхвата. Корни их, как гигантские пальцы, вцепились в почву, а верхушки взмывают высоко к небу. И хотя та часть острова, на которой находится церковь, в трех километрах от деревни, верхушки этих елей видны там.

Первое, что замечаешь, поднявшись с берега, — это церковь Святого Николая Чудотворца. Она является памятником архитектуры и охраняется государством. На острове уцелели еще старинная часовня и скит, а в скиту гробница, в которой, по преданию, хранились останки святого Касиана, считающегося основателем Троицкого монастыря. Монастырь не сохранился, и не видно его следов.

Церковь Святого Николая Чудотворца реставрировалась в 1977—1978 гг. Реставрация заключалась в том, что старую церковь разобрали и поставили на ее месте такую же. Стройматериалом послужили бревна от нескольких разобранных и перевезенных сюда домов из опустевшей к тому времени деревни Афонинно. По воспоминаниям местных жителей, «старая» церковь выглядела не совсем так, как нынешняя, даже внешне, не говоря уже о внутреннем убранстве. Не отстроено крыльцо (сделана лишь лестница с шаткими перилами). Иконостаса нет, имеется лишь несколько икон (?), но есть подставки для свечей. Посетители, паломники оставляют здесь деньги, платки, полотенца, куски материи (pel'opua), как принято это делать по всей Карелии, — в часовнях, на месте бывших часовен, на их развалинах оставляют «дары», своеобразное жертвоприношение.

Кладбище довольно обширное, просматриваются ранние захоронения, имеются и более поздние. Оно функционировало до последнего времени. Только в распутицу хоронили умерших на материке, а в остальное время всех хоронили на острове. Крестов на могилах очень мало, по большей части наблюдаются памятники-столбы. Они имеют различную конфигурацию, возможно, были и надписи, но их трудно разобрать. Многие из них повалились. На памятниках видны своеобразные квадратные углубления — это следы от икон, которые по обычаю ставили на столбах и на крестах по всей северной части Карелии. Теперь уже не найти ни одной иконы на всем кладбище. И не только здесь. По всей Карелии прошли «туристы и студенты», по утверждению местного населения, и собрали все иконы с кладбищ! И хотя это трудно укладывается в голове, но это так. Иконки не могли сгнить, так как они были медные. А горе-путешественники добрались до самых отдаленных и труднодоступных мест и обчистили все кладбища.

Рядом с церковью и часовней имеется каменная плита, которая раскололась на две части. По преданию, на ней приплыли первые монахи или женщина, возможно Богородица, которые и основали монастырь, ибо вначале здесь существовал монастырь, названный Троицким, а уже затем церковь.

Хорошо помнит прежнюю церковь на острове Троицы И. М. Дрягуева (1919 г. р.). Когда-то на острове жили два брата — дядя рассказчицы, переселивши-

еся в деревню — на материк, — после того как в течение одной недели в семье умерло 6 человек. А все из-за того, считали они, что хозяйка позаимствовала из часовни спички...

В разговоре промелькнуло упоминание о монастыре, но подробностей о нем рассказчица не знала. Кроме церкви, по ее словам, стояло две часовни. Сама она в детстве бывала в церкви на богослужении, принимала там причастие. Церковь была красивая, с куполами, колоколами; далеко была видна на озере. Колокола сняли уже до войны (до 1941 г.), а образа, или иконы, вывезли уже после войны, возможно, в Петрозаводск, возможно, куда-то еще, в музей — так предполагают местные жители (Фон. 3309/15), но точных сведений у них нет.

П. Р. Артамонова, 1918 г. р., из дер. Пусты (недалеко от дер. Ушкела, на берегу того же озера) также хорошо помнит этот остров с церковью и часовнями:

Kiriköllä oli nel'l'äšadua vuotta... Oli viizi kelluo, oli ikonua..., zoločoonoit... Moskovašta käydih, viedih, šin'n'e mändih... Jo voinan jäl'gie... (Фон. 3311/31).

«Церкви было 400 лет... Было пять колоколов, были иконы... золоченые... Из Москвы приехали, увезли, туда все ушло... Уже после войны (после 1945 г. — А.С.).»

Часовня стоит еще, и скит. По словам И. М. Дрягуевой, рабочие [при реставрации церкви] не могли жить в часовне: «Лягут спать, так аж вверх подбрасывает... Пол качается... Их так пугало. Так им пришлось поставить палатку на улице, в ней жили... Они еще взяли из часовни гробницу. Ну. А в другой часовне Святая Богородица, большая, нарисована там» (Фон. 3309/15).

Обо всем этом люди рассказывают с большим сожалением, как и в целом об утрате прежних традиций, об опустошении деревень.

Любопытно, что когда рассказывают о разорении и ликвидации церковей, непременно упоминают и о наказаниях, постигших исполнителей: кого-то разбил паралич, кто-то ослеп, кто-то упал и разбился и т. д. И это воспринимается как должное, как наказание свыше, расплата за грехи перед Богом. Например, в дер. Кевятзеро, по словам Ф. М. Яковлевой (1907 г. р.), из церкви (часовни?) сняли колокола, вынесли иконы. И у того, кто это сделал, «рот перекосило» — šuu viäräh mäni.

Надругательство над святым местом не проходило безнаказанно. Это подчеркивается и в преданиях. Враги, «руоччи», насмеются над церковью на острове Троицком, увидев ее издали (с противоположного берега):

Viikongo šie, kirikkö, šiin'ä kiirrotat?! Vain myö tulemma šin'n'e kyläh, et šiin'ä šeizo... (Фон. 3309/33)

«Долго ли ты, церковь, будешь тут стоять-блистать (смотреть)?! Только мы войдем в деревню, не будешь тут стоять...»

И после этого все ослепли.

Уроженец дер. Чирккакеми (к западу от Тунгуды) Юрьё (Yrjö) Айттаваара рассказывает примерно о том же, но уже в отношении церкви в дер. Койвуниеми: «Руоччи шли по лесу в Койвуниеми. Сели обедать и увидели церковь. Тут они говорят меж собой: «Ну, чего стоишь ты, церковь, скоро тебе конец будет!» Только они это сказали — тут же окаменели!»²¹

Остановлюсь вкратце на вопросах, относящихся к религии, церкви. В регионе Шуэзера—Тунгуды, в относительной близости с Поморьем, с Соловецким монастырем, религия имела значительное влияние на карельское население. Впрочем, об этом трудно говорить более полно, не имея обширных статистических данных и специальных исследований.

В крае, как и в целом на севере Карелии, широко был распространен раскол, или по-местному «староверство». (Это и не удивительно, вспомним лишь события в Соловецком монастыре, который был захвачен и разбит в 1676 г., и откуда часть обитателей, приверженцев «старой» веры, скрылась в лесах).

В публикации «Краткое историческое описание...» за 1896 г. отмечалось: «Но особенно печальным явлением в жизни большинства приходов Кемского уезда вообще и Корельского края в частности является то обстоятельство, что издавна в разных местах этого уезда находил себе приют раскол, который мог свободно укрываться здесь от светского образования и вообще от воздействия правительства. Поэтому в конце 70-х гг. нынешнего столетия почти половина корелов были раскольниками Филипповского и Даниловского толка»²².

Ранее в очерке П. Чубинского за 1865 год говорится примерно о том же: «Кореляки-раскольники принадлежат к беспоповщинским сектам Филипповской [примеч. = началось при Петре Великом после первого рекрутского набора. Основатель — беглый солдат Филипп...] и Даниловской. Первоначальное появление относится к царствованию Алексея Михайловича, когда по Поморью разбрелись бежавшие из Соловецкого монастыря, после взятия его, раскольники»²³. Они поселялись в глухих местах, в том числе и Кемского уезда, образовывали так называемые скиты, часто на островах. Хорошо был известен Топозерский скит в бывшей Кестеньгской волости, оказывавший сильное влияние на местное население»²⁴.

«Развитию раскола, — пишет там же П. П. Чубинский, — способствовало то, что в Кореле в прошлом столетии [т. е. в XVIII — А.С.] было только два православных прихода (Шуэзерский и Панозерский). В начале нынешнего столетия был учрежден Вокнаволоцкий приход и в последнее двадцатипятилетие

²¹ Virtaranta P. *Vienan kansa muistellee. Porvoo-Helsinki, 1958. S. 104.*

²² *Краткое историческое описание... С. 109–110.*

²³ Чубинский П. *Статистико-этнографический очерк Корелы. // Труды Арханг. Статистич. комитета за 1865 г. Книга 2-я. Архангельск, 1866. С. 108.*

²⁴ См. о староверстве в этой волости в книге: *Песенный фольклор кестеньгских карел. Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989. С. 32–37.*

учреждены приходы: Ухтинский, Юшкозерский, Маслозерский, Тунгудский и Топозерский. Церквей в Кореле пять, в селениях: Вокнаволоке, Ухте, Папозере, Юшкозере, Шуезере. В Маслозере, Тунгуде и Топозере богослужение совершается в часовнях; в первых двух [т. е. Маслозере и Тунгуде — А.С.] строятся церкви»²⁵.

Финский историк Л.-В. Пяаккенен (L. V. Pääkkönen), один из редких в этих краях финских исследователей и путешественников XIX века, в 1892 г. посетивший регион Тунгуды и побывавший во многих деревнях края, также отмечает приверженность населения расколу. Здесь местом раскола был Березов Наволок — Койвуннеми, вернее, остров (Лукин Остров — по карельски *Lukan Šuari*, или просто *Šuari*) вблизи дер. Койвуннеми. На этом острове жили староверы, когда-то здесь был скит (возможно, монастырь). Л.-В. Пяаккенен отмечает, что жители Острова все «староверы». У них у всех одно-единственное великое и главное занятие — они молятся беспрестанно. «Едва ли, — замечает автор далее, — это «староверство» еще где-либо является настолько сильным и всеобщим, как в северной и средней части Архангельской Карелии... В деревнях Маркова Гора (*Markkizenvuora*), Койвуннеми и Остров [Лукин Остров]... — все «староверы», особенно жители Острова»²⁶.

Староверство /раскол/ в волостях Тунгуды, Шуезера и Маслозера занимало прочные позиции — 79,59% из общего числа населения, по официальным данным на 1865 г., числились раскольниками²⁷. Чем ближе к Поморью, тем больше среди карел раскольников, или староверов. В народе употреблялось и употребляется именно это слово — *starovierat*. Не вдаваясь в терминологические тонкости, я в основном пользуюсь этим термином.

На вопрос: «Какой веры у вас придерживались?» — обычно отвечают: «Были миряне» — «*mierolaizet*», посещавшие церковь, придерживавшиеся официального православия; были «староверы» («*starovierat*»). И часто упоминается еще одна разновидность или ответвление раскола, называемое карелами *puužeskoï viero* — некая «поужеская вера» (?) В чем состояла ее суть, чем она отличалась от других направлений раскола, выяснить у рассказчиц не удалось. В быту, т. е. наглядно, это проявлялось также в пользовании отдельной посудой, как и вообще у всех «староверов». По словам А. Г. Филатовой, ее мать в молодости относилась к этой «поужеской» разновидности раскола. Выйдя замуж за православного, она выдержала особый, «венчальный» пост — *venčäryhä*.

²⁵ Чубинский П. Указ. соч. С. 109.

²⁶ Pääkkönen L. V. *Kesämatkoja Venäjän Karjalassa sekä hajanaisia kuvia Karjalan kansan nykyisyydestä ja entisyydestä* L. V. Pääkkösen tekemiä // *Suomen muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*. XVIII. Helsinki, 1898. S. 52–53.

²⁷ См. Чубинский П. Указ. соч. С. 109. По соседним волостям картина следующая: в Кестеньгской — 77,74%, Вычетайбольской — 63,58%, Маслозерской — 54,39%. В Вокнаволоцкой же, например, 14,9%, в Юшкозерской — 5,34%.

Исходя из этого и других фактов, можно предположить, что эта «ноужеская» вера не что иное, как «повожены» — «секта сторонников брака, выделившаяся от беспоповцев»²⁸. Беспоповцы были против вступления в брак. «Однако с течением времени повоженство быстро распространилось по всему Поморью, и около половины XVIII столетия, когда в Москве открыто проповедовали в пользу брака Василий Емельянов и Г. И. Скачков, она стала признанною сектою и чаще называлась монинским согласием или новопоморским»²⁹.

А. К. Годиева на вопрос, какой веры придерживались в вашей деревне (Машезеро), отвечала:

Mierolaini, myö olemma mierolazet... A šiid'ä onne — staroviero. I viel'ä... Kuinhan kolmašše šanottih?... Kolmaž — noožeskoï... Vain kuin hyö šid'ä interesno šanottih? Noožeskoï...

Kun oli kolme čaškua meil'ä kaikičči,... aštieda pidimä, ken tulou, šid'ä vieruo on.

T'ädi i ämmö oldih starovierat, kun vanhakši tul dih... — «Миряне (мирской веры), мы миряне... А потом были староверы. И еще... Как же эту третью называли?.. Третья — «ноужеская»... Или как ее, интересно, называли? Ноужеская...

У нас в доме всегда было три чашки... посуду держали, если кто придет — другой веры.

Тетка и бабушка стали староверами, как состарились». (Фон. 3307/38).

Насколько четкое представление о сути «ноужеской веры» было у карел и как она могла влиять на их жизнь, сказать трудно. Во всяком случае, каких-то особых следов в памяти людей, кроме названия *noožeskoï*, она не оставила. В одной и той же семье, к примеру, мать могла относиться к названной вере/секте, отец — к православному вероисповеданию, детей крестили в церкви; кто-то из детей был крещен и раскольниками, и священником в церкви.

Вообще же, судя по воспоминаниям, если детей, в любой семье, и крестили в «раскол», то позднее от них не требовали строгого соблюдения канонов этой веры. Каждый был волен придерживаться той веры, какую считал для себя более приемлемой. Поэтому в одной семье мирно уживались приверженцы нескольких религиозных направлений.

О староверах мог рассказать каждый собеседник (во время экспедиций), у всех на памяти такие знакомые, соседи, родственники. Но тут же утверждали: «Мы теперь не староверы». В большинстве своем староверами и прежде были люди пожилые, молодые среди них встречались реже. На вопрос, как «становились» староверами, отвечают примерно так:

Vanhat en'n'en toini toista myöd'en ni oldih, starovierakši ruvettih... Valettih da rissittih rannašša, šiid'ä vašta starovierakši rojittih...

²⁸ Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. и Ефрона И. А., Петербург, 1890—1907.

²⁹ Там же.

«Раньше старики друг по дружке и становились староверами... Обливали [водой] да крестили на берегу, потом и становились староверами» (Фон. 2579/6).

В семье А. Г. приверженцами раскола были ее дед и бабушка. Они ушли из дома с богомольцами, по ее словам, в Ярославскую область, но вскоре вернулись оттуда. Сыновья, по их просьбе, построили для них келью в лесу, за озером (в Келлявуара), где они и жили со своей незамужней дочерью, молились богу:

Nastojaššoid molijat oldih, bogomol'tsat. — «Были настоящие верующие (молющиеся), богомольцы» (Фон. 3307/1).

Пожилые, старые люди, будучи староверами или став ими недавно, часто отделялись от семьи и жили отдельно в кельях — *kel'l'at*, *kel'l'azet*. Об этом рассказывают почти все, с кем довелось беседовать мне и другим собирателям фольклорного материала в 1979—1998 гг. — жители Тунгуды, Кевязозера, Нуоттаваары, Машезера, Ушкелы и других деревень. Данное явление было характерно именно для исследуемого региона, ибо о нем почти нет сведений из других волостей Северной Карелии⁵⁰. Но это не были скиты, подобные Топозерскому.

Кельи чаще всего строились в деревне, рядом со своим домом. А. В. Акимова из Тунгуды рассказывала, что в Тунгуде было много келий. Она же дает их подробное описание:

Tunguošša oli äijä kel'l'ua. Kel'l'at, kun kylyd rouno. Kiuguat oldih. Oli lauvoist'a kozn'o. Kun pertti, vain oli pikkaraini. Vot tuošša ollah nuo, n'ygön'e, kačo, niin kun letn'oi kuhn'a. Ikkuna oli libo kakši. Hirrešt'ä luajittu /kel'l'a/... Kyl'äššä oldih, talojen rinnalla.

Tuatto, muamo vanhat, käzetäh pojalla luadie kel'l'an — lapsien kera on jygie olla... Hiän kun kuollou, tuaž ni laškietah toini šiih el'ämäh, t'ädi libo ken... (Фон. 2579/5a) — «В Тунгуде было много келий. Кельи были ровню бани. Печки были. Из досок был голбец. Как изба, только была маленькая. Вот тут теперешние, смотри, как летние кухни. Окно было либо два. Из бревен выстроенные... В деревне были, рядом с другими домами. Отец, мать старые, просят сына построить келью — с детьми тяжело жить...

А как умрет [хозяин/хозяйка келий], опять кого-нибудь и пустят жить: тетку либо кого...»

На вопрос, как и чем питались такие старики, тоже имеется четкий ответ. Если у них были дети, то они их и содержали. Если же не было близких, их содержали всем миром:

⁵⁰ П. Виртаранта приводит упоминания о кельях в деревне Аконлакии. Там было две кельи, но не как отдельные постройки, а отдельные комнаты в пристройке к жилому дому. Жили в них «старцы, странники, богомольцы» (*starččat*, *srannikat*, *molijat*). Чаще всего это были пришлые люди, не местные. Староверы же здесь жили в семьях, не отделялись. А, например, в Вокнаволоцкой волости о кельях знали лишь понаслышке. — См. Virtaranta P. *Op. cit.* S. 728–730.

Halguo ristikanža viedih. Ken ved'äy omua halguo, l'ykkyäy staruuhalla. Omat autettih...

Tulet kalašta, pid'äy puolet jagua. Maiduo tuot, kun l'ehmä kandau. «Päivä dai einhe» — ristikanža i tuuvah, joga päivyä. Zapuastua ei piet't'y... (Фон. 2579/5a) — «Дров люди (крещеные) привозили. Для себя возят дрова, сбросят и старухе. Свои помогали...

Возвращаешься с рыбалки — половину улова раздашь. Молока несешь, как корова отелится. «Будет день, будет пища» — крещеные и принесут, каждый день. Запаса не держали.

Жили они обособленно, с мирянами мало общались: «Из самовара чай не пили... Нас, мирян, они не касались... А так они сами по себе [в кельях], для них «покой дорогой».

Вместе собирались молиться, пели. У кого келья побольше, тот и зовет. Если принесут им стряпни какой, они вместе едят и молятся. В церковь они не ходили; у них были свои иконы, свои книги». (Фон. 2579/7a).

Основной причиной уединения считается возможность молиться. В молитвах они проводили большую часть времени. Собирались по вечерам вместе, читали духовные книги. Среди них были и люди грамотные, так называемые «книжники» — kirjanikat. Т. М. Макарову обучала грамоте староверка, «книжница» (2583/6). А. К. Миронова вспоминает, что у ее деда были такие книги, и сожалеет, что не смогла взять их с собой в эвакуацию (с семьей детьми!). Книги эти во время войны пропали. А. Г. Филатова хорошо помнит свою тетку, сестру отца:

Oli ilman-iguni staroviera, kirjua oli kaikenmoist'a... Oli strannikkana... Kel'l'ašša ellettih...

Ipatissa /kylännimi/ oli kolme kel'l'ua... Kai oldih,.. kiuguat i kai... Rahvaž iče i viijäh miilostinua — ei pid'än hiän i kyžyö... Tuuvah halguo... (Фон. 3305/5) — «... Была вековая староверка, книги были всякие... Была странницей... В келье жили...

В деревне Ипатти/Удозеро было три кельи... Все было — печки и все... люди сами и несут милостыню — не надо было им просить... Привезут дров...»

Что касается отношения к староверству, к его учению, к сути, приверженности к нему, то у основной части большинства населения оно было чисто внешним, формальным.

Главное, что отмечается обычно в качестве их отличия от мирских — это пользование своей посудой. Есть-пить из чужой, кем-то использованной, посуды считалось большим грехом. Некоторые так и говорят — «была староверкой, а как пошла на лесозаготовки (в интернат и т. д., т. е. отлучившись из дому), пришлось есть из общей посуды, и стала миряной (mierolaizekši)».

Как уже отмечалось, в одной семье легко и мирно уживались представители разных направлений. Переход кого-то из православия в раскол и обратно происходил, по воспоминаниям, безболезненно для остальных членов семьи. Это было характерно для Северной Карелии в целом.

На это обстоятельство обратил внимание П. Чубинский в 1865—66 гг.: «Раскол кореляков отличается совершенно внешним характером. Он состоит в том, чтобы не есть с мирскими (православными) и не молиться вместе. О сущности же учения секты, к которой они принадлежат, они не имеют ни малейшего понятия, в особенности в тех обществах, где не знают русского языка. Там можно встретить многих, которые не знают других молитв, кроме «Господи Иисусе Христе сыне Божий, помилуй нас». Не будучи проникнуты расколуочением, они не имеют фанатизма, свойственного сектантам. Дети их, окрещенные в православие, спокойно остаются православными, без всякого принуждения со стороны родителей к расколу»³¹.

Когда речь идет непосредственно о данном регионе (Тунгуда — Шуезеро — Маслозеро), то можно сказать, что в целом религиозность населения могла быть более осознанной в силу ряда причин.

Здесь большее влияние оказывал Соловецкий монастырь и поселения раскольников общин, скиты. Здесь находился один из древнейших монастырей в Северной Карелии — Троицкий монастырь на Муезере; одна из наиболее древних церквей в Шуезере. Недалеко был расположен Выгорецкий монастырский комплекс. Определенная часть населения владела русским языком.

В силу того, что регион являлся местом пребывания приверженцев иных вероучений, противников официальной церкви, преследования и гонения на них продолжались и здесь. Это также наложило свой отпечаток на умонастроения местных жителей, нашло отражение и в области духовной культуры. Именно в этом регионе записано относительно большое количество преданий о «сожженцах» — «самосожженцах» — *palanuizet*.

Л. В. Пяаккенен также отмечал сильное влияние раскольников, поселявшихся в данной местности и на Севере Карелии. В качестве примера он приводит Лукин Остров на озере Тунгуда вблизи деревни Койвуниemi, где также, по преданию, был когда-то монастырь. Его руины к тому времени (к концу XIX века) еще сохранились. По словам автора, в народе Остров называли «Святым городом» («Pyhä kaupunki»). В монастыре жили староверы. И когда их силой хотели обратить в официальную, православную веру, они закрылись внутри монастыря, подожгли его и сгорели вместе с ним, но не приняли «новую веру»³².

Кто они были, эти люди? Скорее всего, пришлые, бежавшие от преследований властей, инакомыслящие. Все это оказывало сильное влияние на местное население.

До наших дней в памяти местных жителей сохранились предания как об этом, так и о других подобных случаях — о самосожжении верующих. Нам удалось сделать несколько фонозаписей о «сожженцах» — *palanuizet* [см. в публикации тексты № 142—146].

³¹ Чубинский П. Указ. соч. С. 110.

³² Pääkkönen L. V. Op. cit. S. 52—53.

По преданию, Лукин Остров (с остатками сгоревшего монастыря) спасал, защищал деревню Койвуниеми от завоевателей, от «руоччи»:

Ruocit ei piäšt'y iččeh Ber'oozovah /Koivuniemi/... Kun tullah Markkizen Vuarašta Koivuniemeh... /niemen/ n'okkah šuaheh... Hirvozekši šid'ä paikkua kučuttih... I kun šemmozen pogoodan luadiu... Jälel'l'äh kiän'n'yt'äh. Niin rubieu tuuli muttimah... A yhemmoini šiid'ä jäl'ešt'ä piäštih... Emän'd'akka kerroisti kaikki! Hän Šuarešša oli miehel'l'ä; en'ämbi kymmend'ä kodie oli... (Фон. 3308/2) — «Руоччи в само Березово не попали... Как подходят со стороны Марковой Горы к Койвуниеми, на мысок... Это место называлось Хирвонни. Такая непогода вдруг поднимется... Обратно повернут. Ветер такой сильный... А все равно потом проникли...

Свекровь рассказывала. Она была замужем на [этом] Острове; более десяти домов было».

С этим преданием перекликается или является продолжением другое, опубликованное в книге финского академика Пертти Виртаранта. В ней приводится текст, записанный от уроженца деревни Чирккакени Юрье (Yrjö) Айттаваара о захвате «руоччи» деревни Койвуниеми и ее уничтожении. Все жители деревни — 75 человек — вошли в церковь, которая стояла на мысу Ристиниеми. Захватчики подожгли ее, и все сгорели внутри. Спаслись только двое пожилых стареров, брат и сестра, отъехавшие на лодке на дальний остров³³.

Нечто вроде скита, возможно с часовней или церковью, существовало в окрестностях деревни Рийхивуара Шуэзерской волости — в лесу, за озером (см. текст № 145). Место также считалось святым, туда приходили молиться паломники и местные жители. По рассказам, здесь тоже жили «староверы», «богомольцы» — Jumalanmolijat. Когда их стали преследовать, они сожгли себя внутри строения.

О случаях самосожжения в той или иной мере помнят многие. Как Лукин Остров, так и след скита в Рийхивуара были местами паломничества. Сюда приходили не только местные жители, но и из Ругозерской и Юшкозерской волостей, из Маслозера и других деревень. Чаще всего шли по «завету», т. е. обету, чтобы избавиться от недуга, либо уберечься от несчастья и т. д.

А. К. Годиева, как и многие другие, ходила на Лукин Остров, на место самосожжения — palanuizilla:

Käyt, konža hambahie kivist'äy, libo mid'ä. Mänet, ni šiel'ä risti oli pandu... No vot konža hambahie kivist'äy, män'emmä, šid'ä ristie puremma... (Фон. 3308/1) — «Идешь, когда зубы болят или еще что. Приходишь, а там был крест... Так вот, когда зубы болят, подходим, этот крест кусаем...»

Паломничество здесь и в целом в Северной Карелии было обычным явлением. Совершали его часто по обету/завету и без такового к местным святыням, но основным местом поклонения были Соловки, Соловецкий монастырь.

³³ Virtaranta P. Op. cit. S. 103–104.

Обет обычно давали в случае заболевания. Отправлялись в такое путешествие летом, на пароходе из Сороки (Беломорска), в другие же места (внутри Карелии) — на лодках и пешком.

А. Г. Филатова вспоминает, как она была на Соловках еще в 14-летнем возрасте со своей богомольной теткой. У нее в то время болели уши, она плохо слышала, и мать дала обет паломничества дочери в Соловецкий монастырь. Пробыли они там неделю. Три дня можно было жить и питаться в монастыре бесплатно, а если сверх того — за плату. Для «лечения» ей надо было взойти на самую высокую колокольню. Там ударили в большой колокол. Звук был такой силы, что она упала и два дня вообще ничего не слышала. А затем все прошло, уши уже не болели. Надо заметить, что и в 99 лет у нее был отличный слух.

Паломничество в Соловки совершали из самых дальних карельских деревень (Северной Карелии). Об этом пишет, например, Виви Вуористо, уроженка деревни Кивиярви Вокнаволоцкой волости. Она подробно описывает этот долгий и сложный путь пешком и на лодках¹⁴.

Считалось, что чем дальше объект почитания, тем важнее и результативнее его посещение.

Многие женщины в деревнях Тунгуды рассказывали о посещении с этими же целями часовни в Письмагубе, Троицкой церкви в Ругозере и других.

В ходе бесед, при прослушивании записей других собирателей выяснилась еще одна характерная деталь быта — наличие и обилие крестов вблизи почти каждой деревни или непосредственно в деревне. Создается впечатление, что эти кресты были неотъемлемым атрибутом деревни. Функция их была также понятной и определенной — они служили как бы щитом, оберегом поселения или же напоминали о значительных памятных событиях — отражении неприятеля и др. (Что вытекает и из некоторых опубликованных текстов, например, № 135).

Кресты, по рассказам, стояли обычно при входе в деревню у дороги. В некоторых местах было по два креста — в обоих концах деревни, при входе /въезде и выходе/выезде из нее. Д. П. Аникиев (текст № 151) излагает «историю» появления креста в дер. Машезеро — его первоначально якобы принес медведь. Рассказчик подчеркивает, что прежде во многих деревнях были кресты — обязательно должен был стоять крест при входе/выходе из деревни. В Машезере был один крест, стоял еще до войны (1941 г.).

Кресты были деревянные, большие от 2—2,5 до 3—4 метров. У подножия креста обычно складывали камни. Сейчас уже не могут объяснить, почему были камни, но предполагают, что их оставляли путники, приносили к кресту. И на всех крестах (о которых имеются сведения) были привязаны и привязывались куски материи — «пелёны», «пелёнки» — *pelenat*, *pel'onkat*. Объяснить эту функцию

¹⁴ Vuoristo Vivi. *Ikävä omia maita*. Helsinki, 1983.

ныне тоже затрудняются — «так делали». Они были не очень большие, как маленькие полотенца, могли быть квадратными. Такие же «пелёнки» привязывали к столбикам и крестам на могилах, оставляли в часовнях. Некоторые кресты были огорожены, но это в рассказах встречается реже. Рядом с крестом ставили скамейку или какое-либо подобие сиденья. Путник останавливался здесь для отдыха.

В селе Тунгуда было два креста (см. текст № 153). То же самое и в деревнях Кевятозеро и Ушково, где один крест стоял за деревней, второй посреди деревни. Все рассказчики подчеркивают, что кресты стояли еще перед войной (т. е. до 1941 г.), но после войны их уже не восстанавливали.

Кроме того, на дверях жилых помещений, на дверях сараев, хлевов делали кресты как обереги от болезней и невзгод. Их рисовали смолой с внутренней стороны строения (см. текст № 155).

Крест нателный тоже считался оберегом, его нельзя было снимать (в качестве оберега служил также пятиконечник — *viizikandahini*).

Крест служил оберегом против всяких проявлений нечистой силы. Если леший беспокоил охотника в лесной избушке, то рядом с ней ставили деревянный крест, и все успокаивалось.

Обычай ставить кресты вдали от деревень на перекрестках дорог, на мысу — на берегу озера, на берегах рек, около порогов и т. д. существовал по всей Карелии. По сведениям, почерпнутым из публикации П. Виртаранта³⁵ и по рассказам местных жителей, на берегах водоемов кресты ставили по разным поводам — в случае хорошего улова, или же если поблизости произошло несчастье. И все путники останавливались около такого креста, крестились, приносили к его подножию камень. В особых случаях привязывали кусок материи, ткани. Таких крестов несколько на берегах/мысах озера Куйтто, на Пяозере и многих других больших и малых озерах.

В очерке священника В. Мелетиева «Карельские сюжеты» упоминается о придорожных крестах на пути из Подужемья в Маслозеро: «Недалеко было видно два больших креста, с подвязанными к ним кусками ситца, на которых были нашиты осьмиконечные кресты из цветных ленточек. Обычай ставить кресты при дорогах и украшать эти символы христианской веры в старшем поколении карел наблюдается до сих пор, свидетельствуя о несомненном благочестии простых людей, обитающих за лесами и болотами»³⁶.

Кресты ставили или вырезали и в случае хорошего улова рыбы, например, неводом. На берегу, в том месте, где вытаскивали невод из воды, на ближайшем дереве делали надруб. В образовавшуюся щель поперек ставили щепку. Такие примитивные кресты были недолговечны.

³⁵ Virtaranta P. *Op. cit.* S. 735–743.

³⁶ Мелетиев В. Карельские сюжеты // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910, № 13. С. 21.

Более древним действием в таких случаях было обрубание нижних сучьев на дереве — *karsikko*. И это повторялось — обрубались сучья — каждый раз в случае удачного улова.

Вопросы религиозности населения, приверженности народа к различным верованиям являются весьма сложными. Карелы, обращенные в христианство, на протяжении всей своей истории вплоть до наших дней сохраняют и дохристианские верования. Это подчеркивается во многих работах, но подробного анализа ситуации в целом пока еще нет. Ю. Сурхаско касается данного вопроса в связи с семейными обрядами, констатируя: «... еще в конце XIX — начале XX в. карелы, усвоив внешнюю, обрядовую сторону православия, в большинстве своем оставались верны традиционному миропониманию...»³⁷

Священник В. Мелетиев в уже упоминавшейся статье приводит свою беседу с проводником, карелом из дер. Подужемье. Речь идет об отпущении грехов, о предсмертном покаянии. Проводник говорит, что в случае наступления смерти вне дома — в лесу, на озере: «Можно «сдать» (отдать) грехи и вот такому пеньку, — карел показал на небольшой погнивший пенёк, поросший с одной стороны мхом, — а на воде камню, который бросится в глаза»³⁸.

Примерно схожим было религиозное мировоззрение соседнего поморского, русского населения, у которого также были сильны элементы дохристианских верований, суеверия.

Т. А. Бернштам, петербургский этнограф, в течение многих лет изучавшая обычаи и быт поморов, констатирует: «Бытовые верования поморского населения представляли сложную картину... Общим было сочетание крайнего суеверия... с одной стороны, и довольно-таки пренебрежительное отношение к исполнению церковных предписаний... — с другой...»

Внехристианские верования пронизывали всю хозяйственную и семейную жизнь помора, являясь основой обрядов, обычаев, а также системы магических действий продуцирующего, очистительного и обережного характера»³⁹.

Такова вкратце, в общих чертах религиозно-мировоззренческая характеристика населения на рассматриваемой территории. Автор ни в коей мере не претендует хотя бы на относительную ее полноту — вопросы сложные, неоднозначные и нуждаются в специальном, более тщательном исследовании.

Несомненно, характер верований, религиозного миропонимания наложил свой отпечаток на всю духовную культуру края, на устно-поэтическое творчество. Но прежде чем перейти к анализу народной поэзии, следует кратко остановиться на хозяйственной деятельности, на основных занятиях населения в

³⁷ Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Л., 1985. С. 139.

³⁸ Мелетиев В. Указ. соч. С. 21.

³⁹ Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX—начале XX в. Этнографические очерки. Л., 1983. С. 174–175.

прошлом, т. е. к началу нынешнего века. Здесь также использованы немногочисленные печатные источники, на которые уже давались ссылки, а также записи Майю Кеуняс, магистра истории из Финляндии. В 1939—40 гг. XX века она подробно записывала воспоминания карельских беженцев, бывших жителей этих мест. Этот материал разнообразен и объемён по содержанию, с детальным описанием быта карел во всех его проявлениях. Использованы и более поздние экспедиционные записи, воспоминания местных жителей.

Население волостей Тунгуды — Шуезера — Маслозера, как и в целом Беломорской (Vienan) Карелии, по большей части обеспечивало себя самими необходимыми продуктами питания (за исключением хлеба и хлебопродуктов), предметами быта, одежды. Основными занятиями являлись земледелие, животноводство, рыболовство и охота. Трудно выделить, что из них было главным, — все они в совокупности составляли основу жизнедеятельности карел.

Судя по воспоминаниям, по документальным записям, в каждом хозяйстве в среднем было по 2—4 дойных коровы. 1—2 лошади, кроме того, овцы и молодняк крупного рогатого скота. Это хозяйства средние. Разумеется, кто-то имел скота больше, если в семье было несколько работоспособных мужчин; а кто-то и меньше или вовсе не имел — семьи стариков, вдов. Обычно в деревнях их было немного (сами деревни были невелики), и трудоспособные члены таких хозяйств работали по найму.

В исследуемом регионе, судя по воспоминаниям, местами были неплохие пахотные земли. Например, в Койвуниemi сеяли пшеницу, сравнивали местность с Украиной. В основном же сеяли рожь, ячмень, овес. Площади под посевы, как правило, были невелики, урожай низкий. По данным на 1865 г., приведенным в статье П. Чубинского⁴⁰, по Тунгудской волости (сюда входила в то время и Шуезерская) урожайность составляла $5\frac{1}{4}$ (т. е. 1:5,25) — сеяли $797\frac{1}{5}$ четверти зерна, получали 4243 четверти⁴¹; по Маслозерскому обществу сеяли 217 четвертей, получали $755\frac{2}{5}$, урожайность составляла $3\frac{1}{2}$ (1:3,5).

Самый большой урожай, по тем же данным, в Северной Карелии (карельские деревни Кемского уезда) получали в Вычатайбольском обществе — $5\frac{3}{4}$ (1:5,75); в среднем же по всему краю — $3\frac{7}{8}$ (по яровым — $3\frac{3}{4}$, озимым — 4)⁴².

Из овощных культур на первом месте были картофель и репа. Репу сеяли чаще всего на подсеčných полях, в лесу. Наряду с картофелем она занимала важное место в рационе карел. Репу употребляли в сыром виде (натирали), печеном, тушеном, использовали в качестве начинки для пирогов. Репа была и лакомством для детей — тушеную репу нарезали дольками и вялили, подсушивали в печи, получались сладкие «цукаты» (без сахара!).

⁴⁰ Чубинский П. Указ. соч. С. 77–78.

⁴¹ Четверть — старая русская мера сыпучих веществ, весила 4 пуда; четверть — также земельная мера, равная 1200 квадратным саженим.

⁴² Чубинский П. Указ. соч. С. 77–78.

Определенное место в хозяйственной жизни занимало скотоводство. Держали коров, овец и лошадей. П. Чубинский приводит следующие данные (на 1865 г.). В Тунгудской волости (включая Шуезерскую — всего около 60 деревень) на 561 двор имелось 552 лошади (0,98 на хозяйство); 1075 голов крупного рогатого скота (1,9 на хозяйство) и 1219 овец (2,17 на хозяйство)⁴³.

В книге «Архангельская Карелия» приводятся данные на 1907 г. По Тунгудской волости лошадей на хозяйство — 0,8; крупного рогатого скота — 1,1. По Летнеконецкой (Шуезерской) волости лошадей — 0,9; крупного рогатого скота — 1,8; овец — 1,8⁴⁴.

Это в среднем. Но существовало имущественное неравенство, более «справные» хозяйства имели скота побольше, бедные могли не иметь ничего. В очерке «Архангельские карелы» читаем: «У самых зажиточных карелов имеется не более 4—5 коров, десяти овец да одной, и много двух лошадей, у бедняков же водится по одной, и много по две коровы, по 3—4 овцы и далеко не всегда лошадь... Свиной и домашних птиц карелы совсем не держат»⁴⁵.

Относительно малое количество скота объясняется отсутствием хороших покосов и пастбищ. Сено без примеси давали только лошадям. Коровам и овцам добавляли солому, тростник, хвощ. В Северной Карелии в довольно большом объеме заготавливали листья — березы, осины, ивы, добавляли их в пойло коровам, овцам. Для овец заготавливали веники (*vašta, kerppu*). Кроме того, в корм скоту использовался и ягель — «олений мох», запаренный и приправленный солью, отрубями, подсушенными потрохами рыбы.

Сравнивая приведенные данные, замечаем уменьшение поголовья домашнего скота. Возможно, это произошло и в связи с увеличением доли отхожих промыслов, а именно, морского рыболовства. Дома в основном оставались женщины и дети.

Рыболовство и охота были исконным и наиболее древним занятием карел. Рыбу ловили практически круглый год, она являлась одним из основных продуктов питания — в свежем, соленом, сушеном виде. Карелы Тунгудского региона выезжали ловить рыбу (кроме своих близлежащих озер) на Белое море. Добывали сельдь, треску, и все это тут же, в свежем виде, продавали скупщикам из различных губерний России. Многие жители из тунгудских и шуезерских деревень ежегодно отправлялись на промысел рыбы на Север — к берегам Норвежского моря и на Мурман. Ловили треску, зубатку, палю, камбалу. Часть рыбы продавали на месте, в свежем виде, часть засаливали и привозили домой для нужд семьи и для продажи на ярмарках.

⁴³ Чубинский П. Указ. соч. С. 77–78.

⁴⁴ Архангельская Карелия... С. 26.

⁴⁵ Там же.

Хочется заметить, что рыболовство было почти безотходным «производством», впрочем, как и вся хозяйственная деятельность крестьянина. Все возможные отходы использовались в хозяйстве. Очистки, рыбы потроха, чешуя шли на корм скоту: их вместе с березовыми листьями сушили на пластинах из сосновой коры, толкли в ступе и зимой добавляли в пойло. Рыбьи кости также сушили на пластинах из коры, толкли, эту муку подсыпали в пойло и давали курам, когда стали их заводить в хозяйстве. Все это служило хорошим подспорьем в скотоводстве, позволяло разнообразить рацион животных.

Охота существенно дополняла рацион питания людей дичью, лосятиной, оленьей. Дичь ловили силками. Для этого глубокой осенью мужчины отправлялись в лес, по двое, по трое, жили там месяцами в лесных избушках. Добывали тысячи штук и более разной лесной птицы: это глухари, тетерева, куропатки, рябчики. Сохраняли ее там же в замороженном виде. Кроме того, охотились на медведей, лосей, оленей, били пушного зверя. Все это не только использовалось для нужд семьи, большая часть добычи служила предметом торговли.

Из других занятий можно отметить извоз, но в данном регионе он не получил широкого распространения.

Маслозерская волость славилась кузнечным ремеслом, там было 8 кузниц. Там делали даже винтовки. П. Чубинский отмечает: «Маслозерские кузнецы снабжают также Корелу топорами, косами и серпами... В прежнее время в Кореле выделывалось железо в Юшкзерском, Вокнаволоцком, Погосском (Панозерском — А. С.), частично Костомужском, но в особенности Маслозерском обществах»⁴⁶.

Как уже отмечалось, часть продукции сельского хозяйства: масло, творог; шкуры домашних животных, кожа; большая часть охотничьей добычи, особенно дичь, пушнина; а также рыба (в основном, морская, частично и озерная) — являлась объектом продажи. Более состоятельные крестьяне сами отвозили свой товар, прикупая к нему у тех, кто сам не мог выехать, на ярмарки — свои, российские, и в Финляндию. Большой популярностью в Северной Карелии пользовались ярмарки в Каяни (большая ярмарка здесь проводилась 24 ноября), Оулу и других городах Финляндии. Везли примерно тот же набор товаров: птицу, рыбу, кожи, шкурки, закупаая взамен различные бытовые предметы и разную хозяйственную утварь.

Особо славилась Шуньгская ярмарка (в Заонежье, в Шуньге), которая проводилась в период Рождества. Сюда съезжались со всей Карелии многие сотни крестьян. Везли рыбу, птицу, пушнину, выделанные шкуры и кожу, масло. Здесь закупали разный необходимый в доме и хозяйстве товар — мануфактуру, конскую сбрую, глиняную посуду, решета, вышитые рубахи, платки, сладости и многое, многое другое. Более «справные» крестьяне брали товар и для после-

⁴⁶ Чубинский П. Указ. соч. С. 87.

дующей продажи дома. В Шуньге, по воспоминаниям очевидцев, можно было купить исключительно все.

Так как об этих ярмарках мало что помнят и знают теперь, приведу здесь полностью перевод записи Майю Кеуняс, сделанной по воспоминаниям /рассказам Пекки Аалто (Иванова) в Финляндии, в 1939 г. (Пекка Аалто/Иванов 1897 г. р., уроженец дер. Кевятозеро, в Финляндию ушел в 1922 г.):

«Ярмарки

Осеннюю добычу на охоте увозили в Шуньгу на рождественскую ярмарку и в Каяни на осеннюю ярмарку (24.XI), если позволяли дороги (распутица).

П[екка] дважды был в Шуньге и один раз в Каяни. В Шуньге он был в первый раз лет в 12, вместе с братом (примерно в 1910 г.). Привезли в Шуньгу два воза дичи и другой охотничьей добычи. П[екка] был за кучера и охранял груз. В период с 26.XII по 3—4.I удачно проделывали путь до места.

Обычно отправлялись в дорогу на второй день Рождества [26.XII]. Маршрут: Кевятозеро — Тунгуда — Парандово — Выгозеро — Повенец — через залив в Шуньгу. По пути присоединялись все новые путники, и к концу пути могло собраться вместе до ста лошадей (возов).

Харч брали из дому, чай и молоко покупали в пути, как и корм лошадям. Останавливались всегда у прежних (знакомых) хозяев, где их уже ждали. Были и постоянные дворы, где в конюшни помещалось до двадцати лошадей. Торговцы (ехавшие на ярмарку) особо нанимали доверенного сторожа для своих грузов. По пути на ярмарку ничего не продавали, но возвращаясь, на обратном пути, продавали купленный в Шуньге товар (в первую очередь ткани, решета/сита, деревянные ложки, уздечки; шуньгские пряники и крендели (баранки) тоже следует назвать в числе товаров, купленных в Шуньге).

В Шуньге обычно были 4 дня, иногда неделю, в зависимости от состояния дорог. Главная ярмарка проходила 6-го января. Приезжали обычно за два дня до нее и уезжали через два дня после нее. В Шуньге можно было купить все, что угодно. К перечисленному добавим еще рукоделие (льняные платки, скатерти, вышитые женские сорочки; полотенца), лампы, ушаты»⁴⁷.

Из Финляндии привозили также ткани, нитки для вязания сетей, самопрялки и другие предметы быта. Многие привозили товар не только для своих нужд, но и на продажу, торговали затем дома. Особенно вспоминают жителей Койвуниеми, как хороших торговцев, как бы специализировавшихся на этом.

Хочется обратить внимание еще на одну важную с точки зрения крестьянина сторону деревенского быта. Она часто возникает в рассказах старожил, особенно в связи со скотоводством, — это пастушество. По воспоминаниям

⁴⁷ *Karjalan Sivistysseuran Arkisto. Helsinki. Конии материалов любезно предоставил председатель Карельского просветительского общества (Хельсинки) Пейтти Кеуняс.*

людей старшего поколения, пастух в жизни деревенской общины занимал важное место. Существовал своеобразный культ пастуха. Он, как правило, обладал (должен был обладать) магическими знаниями, был знахарем, колдуном. Поэтому пастуха уважали и боялись, старались нанять одного и того же человека на несколько сезонов. Это мог быть пришлый человек, из ближней или более дальней деревни, даже из Финляндии, но мог быть и свой.

Таким же было отношение к пастуху как к колдуну и среди русского населения, о чем пишет Т. А. Бернштам. Она подчеркивает, что особенно это было присуще «в контактных (с иноэтническим населением) районах: высоко ценились пастухи — карелы, зыряне, саамы»⁴⁸. Магические знания и способности были необходимы, чтобы уберечь стадо от потерь — от медведя в лесу, от порчи; от духов-хозяев леса и т. д.

Ранней весной при первом выпуске скота на пастбище в обязанности пастуха входило совершение обряда оберега — *kierd'yä karja*. Буквально это значит — обойти, сделать магический круг, «очертить» вокруг стада невидимую ограду, заграждение, через и сквозь которое ничто и никто не сможет проникнуть в стадо. В общих чертах это происходило следующим образом. Стадо запускали в ограду, где пастух и совершал обряд оберега, «отпуска» скота. Он трижды обходил стадо вокруг, произнося заговоры. В руке у него был пастуший посох, могла быть горящая лучина, предметы из железа (по разным версиям — топор, коса, нож). Иногда упоминается и икона.

Посох, который был у пастуха во время «отпуска» стада, следовало носить с собой, сохранять в течение всего пастбищного периода. Даже в случае, если он изнашивался, обламывался, остатки его нужно было сохранять и носить с собой.

Кроме того, в каждом доме перед первым выпуском скота в общее стадо совершали свой обряд оберега, «отпуска» скотины (см. об этом текст № 199).

В целях большей безопасности стада каждое утро после отправки скота на пастбище пастуху следовало снять/срезать один из оставленных на выгоне следов и повернуть его по направлению к дому, то есть в обратном направлении. Это должно было способствовать благополучному возвращению стада с пастбища. Имелись и другие магические действия для сохранения стада и благополучного возвращения его домой.

Чтобы не быть голословной, приведу еще воспоминания П. Аалто (Иванова), записанные в 1939—40 гг. в Финляндии М. Кеуняс:

«Когда весной впервые выпускали стадо в лес, с пастухом, следовало совершить особые обряды. Стадо вместе с пастухом закрывали в изгороди; кто-либо «знающий» (знахарь, колдун), мужчина или женщина, «обходил» изгородь кругом, произнося заговоры. Когда «обход» был завершен, тот же «знахарь» да-

⁴⁸ Бернштам Т. А. Указ. соч. С. 179.

вал пастуху советы, чего нельзя делать; например, нельзя было собирать в лесу, при стаде ягоды прямо в рот, а есть их только из посуды, нельзя стрелять птиц и т. д. Если не соблюдались эти советы [запреты], могло случиться несчастье⁴⁹.

В изгороди (во время «обхода») у пастуха в руках была палка, которая должна была быть при нем весь пастбищный период, пусть даже истершаяся, хоть обрубок, в кошеле.

Каждый раз, когда выпускали скотину в лес, в прогоне один коровий след следовало срезать, с землей, и повернуть его в сторону дома, чтобы скотина вернулась домой.

Пастбищный период начинался в разное время, в зависимости от времени наступления лета, но заканчивался всегда в Воздвижение, 14 сентября [по старому стилю — А. С.].

Ежедневно пастух обходил деревню примерно в пять часов утра, трубил в трубу и будил хозяек, затем он шел на свою квартиру, ел и пил, и в шесть часов выгонял коров в лес. Обратное возвращались в шесть часов [вечера]. Это зависело и от погоды [сезона]: в грибное время могли задержаться и до ночи (часть стада могла остаться в лесу и на ночь)⁵⁰.

Определенные запреты, табу для пастуха следовало соблюдать неукоснительно. Например, в пастбищный сезон пастуху запрещалась охота в лесу на любую живность. При сборе ягод нельзя было есть их прямо с куста. Сначала он должен был собрать ягоды в посуду, в корзину и только потом из них есть. Ему ни в коем случае нельзя было вступать в интимную связь. В деревне Нуоттаваара, по воспоминаниям, несколько лет подряд нанимали пастуха из соседней дер. Шуезеро (Suigärvi). «За все лето он ни разу не ходил домой и жену не приглашал: не положено было!»

Некоторых запретов, установлений следовало придерживаться и хозяйкам. Отправляя свою скотину в общее стадо, хозяйка должна была быть «чистой». Это значило — после близости с мужчиной/мужем ей необходимо было «очиститься», т. е. обмыться и сменить белье, надеть все чистое (Фон. 3307/3). Таким образом, сексуальный запрет касался не только пастуха, но отчасти и хозяев.

Нельзя было выгонять скотину в стадо, равно как и встречать ее вечером, с голыми ногами, босиком и с непокрытой головой. Заметив такое, пастух мог больно ударить кнутом по голым ногам.

И если случалось, что пропадала корова или на стадо нападал медведь, считалось, что кто-то нарушил запреты или же без должного знания совершил оберег, «отпуск» скота.

⁴⁹ В одно лето П(екка) [рассказчик] вместе с другим мальчиком были в пастухах. На стадо напал медведь. Мальчики отогнали его с помощью огня, загнали в воду, и медведь был убит. И все-таки старики считали, что причиной появления медведя являлось нарушение мальчиками определенных запретов.

⁵⁰ Karjalan Sivistysseura...

В то же время в порядке вещей было «отдавать» каждый сезон в качестве жертвы одну корову медведю — «лесу», чтобы уберечь остальное стадо. Такой жертвой оказывалась корова, первой выходившая из ограды, где совершался обряд «отпуска» стада пастухом. «*Še pidi andua kežāššä yksi žiivatta, hot' kel'd'ä...rosčitaiččiuduo pid'äy mečän kera... šgyžyl'l'ä*» — «Надо было «отдать» за лето одну животину, хоть чью... рассчитаться надо с лесом... осенью» (Фон. 3307/25). «В последний раз, осенью, надо было «отдать» медведю; пастух обещает... это уже хозяевам леса...» (Фон. 2581/6).

Пастбищный период продолжался от Юрьева дня до Воздвиженья, но все зависело от погоды. В любом случае в Юрьев день производились определенные магические действия. А. К. Мионов рассказывает о пастухе-женщине, которая занималась пастушеством лет 15, — в Юрьев день она обходила все дома, обрезала у коров клочок шерсти на лбу, между рогами. Всю шерсть складывала вместе и замешивала в тесто, из которого выпекала колоб. При выгоне скота на пастбище, во время «обхода» стада она давала каждой корове кусочек этого хлеба. После такой «процедуры» они все лето должны были держаться вместе. И медведь ее стада не трогал (Фон. 2585/8).

Труд пастуха по тем временам неплохо оплачивался. Жил и кормился он в домах по очереди, время проживания зависело от количества скота (одна корова — одни сутки; теленок, телка — половина суток). Кормили пастуха лучшим, что имелось в доме, и снабжали харчами на день: молоко, масло; стряпали, пекли для него рыбник — это обязательно. Если он не съедал все, что давали, то хлеб сушил в запас, на зиму. Обеспечивали его и одеждой. Основной заработок, разумеется, платили деньгами. По сведениям Осипа Маркова (род. в 1871 или 1872 г.) из деревни Маркова Гора (Markkizenvuara), состоявшей примерно из 17—20 дворов, пастуху по совокупности платили примерно 35 рублей (до 1922 г.). Осип Борисов (Oskari Kivinen, родился в 1886 г. в дер. Тунгуда) сообщает, что пастуху платили 1—1,2 рубля за корову, половину платы за теленка или нётель; за быка обычно не платили.

Кроме того, существовал так называемый «петровский» сбор масла (petrosskoi voi) — в Петров день пастух шел по домам и собирал своеобразную дань маслом — одна ложка масла за корову, пол-ложки за теленка/нётель; за быка — нисколько. По рассказам, у пастуха набирался большой таз масла, особенно в крупных деревнях.

Больше всего воспоминаний сохранилось о пастухе по имени Ондрей (Андрей), родом из деревни Кивиярви Вокнаволоцкой волости. По рассказам, он пас в разных деревнях этого региона в течение нескольких лет (примерно в первом и втором десятилетии XX века). Воспоминания о нем записаны от жителей деревень Ушкала, Шуезеро, Тунгуда, Кевятозеро, от многих исполнителей и в разные годы (1939—1940 гг. — собиратель Майю Кеуняс; в 1957—1959, 1980—1981, в 1993 гг.). Он оставил глубокий след в памяти людей. Его считали искус-

ным, знающим пастухом, сильным колдуном. Медведь никогда не тревожил стадо, которое пас Ондрей, и хотя, по воспоминаниям, он любил выпить и не всегда сопровождал стадо в лесу, но стоило ему вечером протрубить в свою трубу, как стадо тут же возвращалось домой.

Это была легендарная личность, и о нем рассказывали самые разные истории, особенно о его знахарстве, его колдовстве, магических способностях. Его боялись. Рассказывают, что в Шуезеро его не посмели паянть в пастухи после того, как он, обидевшись на одних хозяев, отомстил им: «... в течение зимы в доме слышался стук палок; слетали с голов шапки, тянули людей за волосы... Сам урядник приходил проверять, и у него сорвало саблю (шашку)...» (вспоминает Осип Борисов).

Умея «возвращать» из леса потерявшихся животных, он и сам мог их «спрятать», обидевшись на хозяев.

И. А. Самсонова из дер. Ушкела вспоминает:

Mie olen kuullun, vanhemmat šanottih... Muin'en oli meil'äni pastuhha... no, paimen oli... No ni... ken hän'el'l'ä hyvyä ei luaji, nin hän l'ehmän «peit't'äy». Sarajan pordahien alla «peit't'äy»... Dai kello kuuluu, dai kai, a ei l'öyvet't'yä, a kello kuuluu...

Händ'ä Ondreiksi kučuttih, šan(o)tah... Šiid'ä iče hän piäšt'äy. Ruvetah hän'el'd'ä hyväzil'l'ä kyžymäh da kaikki da.

... Še paimen oli tied'äjä. (Фон. 3308/22). — «Я слыхала, старшие рассказывали... Прежде был у нас пастух,... ну, пастух... Так вот... кто ему добра не сделает, так он корову «спрячет» [колдовством]. Вот... Под въездом на сарай «спрячет», и ботало слышно, и все, а не находят, а звук ботала слышен...

Его Ондреем звали, говорят... Потом сам же и найдет (выпустит). Станут у него по-хорошему спрашивать, да все да.

... Тот пастух знахарь/колдун был».

К нему часто обращались в связи с разными несчастьями и недугами, и всех он избавлял от страданий. Так, в воспоминаниях Алекси Максинена⁵¹ (1907 г. р., уроженец дер. Кевятозеро) находим несколько эпизодов о магических способностях Ондрея. Он помог рассказчику, которому было тогда лет 9—10, избавиться от зубной боли, мучившей его двое—трое суток: «Из кожаной сумочки, висевшей у него на поясе, он достал предмет, напоминавший по виду маленький напильничек, пошептал над ним чего-то. Потом велел мне открыть рот, чуть дотронулся до зуба [напильником], и в тот же миг боль исчезла; и после того в течение 10 лет зубы не болели».

Он мог «разоблачить» вора. Так, отцу рассказчика вор сам вернул часы после колдовских действий Ондрея. Недаром, пишет А. Максинен, его прозвали «бесов кум» («biessan kuoma»).

⁵¹ Suomalaisen kirjallisuuden seura, Kansanrunousarkisto: MT, 7, 881–883, 1958.

Вспоминают и других пастухов — например, Мокеева Петра из деревни Лехта, но более всего воспоминаний о себе оставил пастух Ондрей, как сильный, могущественный знахарь и колдун.

Хейкки Мерилайнен, финский исследователь, в конце века (1896—1900 гг.) путешествовал по Северной Карелии, записывал фольклорный и этнографический материал, в том числе и магию. Обращает на себя внимание один из его собеседников, уроженец деревни Маслозеро Данила Андронов /сын/, 86 лет (записи произведены в дер. Чикша, вблизи Ухты — ныне пос. Калевала). Интересны его сообщения о различных мерах оберега как знахаря/колдуна, так и любого человека, путника. Так, знахарь, отправляясь совершать магические действия, опоясывал себя красной нитью и говорил:

Eipä ennen miun isoni,
eikä valta vanhempani,
lahjonun ei Lappalaista,
noudanun ei noijan mielä.
Lappalainen langetkohon
omahansa miekkahansa,
tekemähänsä terähän.

Прежде мой отец,
и мой державный старший,
не задаривал Лапландца,
не добывал дар колдуна.
Пусть Лапландец падет
от своего же меча,
от созданного им острия.

Затем подвизывает к ней (к нити, опояске) огниво, или кремь, и голову орла/сокола⁵².

Отправляясь на войну, также следовало опоясаться красной нитью (пряжей?), прямо по телу, привязать к нити голову орла/сокола и огниво, которым был зажжен огонь на девяти пожарах/подсеках и сказать:

Tien mie laitan sorsan luista,
kanteleen kalan evästä.
Laulain ennen isoni läksi,
soittaen mäni sotaha,
Toitotellen tappelu.
Sinne kaski kaatukoho,
sotipeldo sortukoho,
kunne eäni kuulunevi,
laulun kaiku laajennevi⁵³.

Дорогу проторю из утиных костей,
кантеле из плавников рыбы.
С песней прежде отец уходил,
играя шел на войну,
наигрывая — на битву.
Там подсека пусть падет,
поле битвы повалится,
где мой голос слышится,
отзвук песни донесется.

⁵² KA SKS, Meriläinen, 9 L, V 7, 2132.

⁵³ Ibid., 2133.

Крестьянин трудился круглый год, выполняя годовой цикл работ, почти не имея послабления в тяжком труде: путина, пахота, весенний сев, сенокос, уборка урожая, молотба; охота, рыбалка, зимой — зимний лов на море; вязание и починка неводов и сетей; обработка шерсти, вязание; заготовка дров, вывоз удобрений; изготовление саней и другой утвари.

Но существовали и *праздники*, которые свято соблюдались. Зимой устраивались посиделки, беседы, веселились и стар и млад. Между Крещением и Масленицей играли свадьбы. Весной, в Пасхальную неделю, устраивались качели, где молодежь развлекалась, где звучали песни.

Из зимних праздников наиболее значимыми были Рождество (Roštuo), Крещение (Vierissä) и в целом период святок (Vierissänkeški). В это время веселились, чудили, особенно молодежь, ходили ряжеными, гадали. В Васильев день (14.01) представление устраивали взрослые женатые мужчины, совершали обряд «закалывания быка» («Häkkie tapetah»). «Быком» наряжали кого-либо из крепких стариков (bojevoi starikka) — шубу наизнанку, горшок на голову, рога приделывали и т. д. Водили «быка» по деревне на длинной веревке. Участвовали в этом действе только старшие мужчины, ни молодежь, ни женщины не допускались. Завершалось все совместным празднеством, застольем с пивом, позднее с вином (Фон. 2580/2, 17; 2583/24(31)).

В первый день Рождества ходили «Христа славить» — молодежь, подростки. Им за это давали деньги, стряпню.

В этот же день ходили нищие, бедные. А. В. Акимов вспоминает: «Заходят в дом, спрашивают: «Можно ли у вас «Христа славить» («Hristos sluavie»)»? Хозяйка зажигает лампадку, и начинают «Христа славить»... Поет: «Христос рождается, славите ...» Это рождественская песня» (Фон. 2579/5).

«Приходили из других, маленьких деревень кто победнее, с корзинами. И корзину полную наберут, и молока в кастрюлю им нальют, и творога в миску. ...А кто местный [из бедных], тем в праздники сами хозяйки несут, женщины уже их знают...» (Фон. 2579/5).

В Крещение практиковалось купание в иордани. Об этом тоже имеется много свидетельств. Купались по «завету»/обету, а кто посмелее, то и без обета. Во всех воспоминаниях такого рода купавшиеся подчеркивают, что никто не простужался, приписывая это чудодейственной силе воды в иордани, освященной священником.

Важной вехой в жизни населения была Пасха — Äijä päivä. К ней готовились тщательно. Перед Пасхой мыли избы «большим мытьем» («šuuŋi režu») — мыли, терли с песком потолки, стены, лавки, полы, всю деревянную мебель, кухонную утварь.

Накануне вечером стряпают, ночью не спят. С восходом солнца садятся за стол. Здесь существовала и пословица:

«Roštuo — noštuo, Äijäpäivä — päivän noštuo». — «Рождество — с подъемом [т. е. когда встаешь], Пасха — с восходом солнца».

Молятся, поют духовные песни, славят Христа. Всем желающим в первый день Пасхи разрешалось звонить в церковный колокол.

На второй день Пасхи молодежь, парни устраивали качели: на улице или на сараях. Качели были большие, крепкие. На них помещалось по 8—9 человек, девушек. Парни раскачивали, с двух сторон. Девушки пели песни, частушки. Песни пели русские, протяжные и другие долгие песни. На качелях качались в течение двух недель, но стояли качели до Вознесения, шесть недель, затем их снимали. Здесь молодые люди сходились ближе, парни и девушки присматривали себе пару.

Летние праздники так широко не отмечались, но период между Ивановым и Петровым днем — летние святки — считался благоприятствующим всякой магии. В эту неделю старались лечить больных — и детей, и взрослых. Об этом говорили многие исполнители, в их числе А. В. Акимова и А. Д. Никонова: «В период летних святок лечить лучше всего. Приносят воду — проточную воду, не стоячую. Зачерпывают снизу против течения, с трех мест: с одного места в три приема, со второго — в три, со следующего — всего в девять приемов (раз)...

Этой водой ребенка парят (в бане), обливают: вода вниз, дитя ввысь/вверх... И любимого крещеного, если кто болеет...

Были и слова, но я не знаю... Знаю по-русски, по-карельски не знаю. По-русски так:

Речка-девичка, дай мне водицы,
не для хитрости, не для мудрости,
для ради божьей милости,
для младенца... имя назовешь» (Фон. 2581/8).

Эти дни считались самыми подходящими и для совершения любовной магии. Самым важным среди подобных обрядов у карел считалось «поднятие лемби» — «*lemmennošto*» — девичьей «славути», обаяния⁵⁴.

Этот же период считался благоприятным для летней рыбалки. Существовало поверье о том, что «*vedehini kalat piäšti otpuskah*» — «водяной выпустил рыбу в «отпуск», поэтому уловы были хорошие.

Не буду подробно останавливаться на всех праздниках. Скажу только, что по деревням чтили храмовые, престольные праздники: в Тунгуде — Успение Богородицы, в Машезере — Юрьев день, в Кевятозере — Микола весенний, в Койвуниemi — Петров день, в Шуезере/Лехте — Ильин, в Нуоттавуара — Рождество Богородицы (21.09), в Ушково — Троица и т. д. На праздник приходили из ближних и дальних деревень, останавливались у родственников, у знакомых. Днем устраивали игры, гуляния. Летом мужчины играли в городки.

⁵⁴ См. об этом: Ю. Ю. Сурхаско. Карельская свадебная обрядность. Л., 1977. С. 52–55.

Деревня заранее готовилась к встрече гостей: готовили пищу — варили, стряпали, пекли. В домах набиралось иногда по 20 и более гостей.

В Тунгуду на Успение приходили из дальних деревень — Пибозера, Маслозера, Лежоева, Ругозера.

На таких праздниках молодые люди знакомились друг с другом, заключались и браки «уходом». Парень протягивал платочек понравившейся девушке («*paikkazeh ottau*»): «Возьмись за платочек» (*tartu paikkazeh*). Если девушка была согласна, она бралась за кончик платка, и парень вводил или увозил ее в свой дом, свою деревню. Если ехали на лодке, то лодку с такими «новобрачными» с берега тянули прямо во двор жениха, посыпали их ячменем — «*ozgua oščah*». Свадьбу играли позже, а могли обойтись и без собственно свадьбы⁵⁵. Отношение к такому способу выхода замуж было в основном спокойным, но были и случаи, когда родители невесты не хотели признавать такой брак. А. К. Миронова вспоминала об одной такой истории: «Был случай — девушка согласилась, взялась за кончик платка. Отец 40 км проехал следом, настиг их по дороге и вернул дочь домой, не отдал» (Фон. 2583/33). О себе же она говорит, что и сама вышла замуж с праздника, в Петров день. Свадьба была маленькая.

В целом свадебный обряд совершался так же, как было принято в Северной Карелии — со сватовством (*koiz'ottih* — сватали), с думой, с залогами, с обязательным причитыванием, молодежными беседами/вечеринками, обходом родни и т. д. Промежуток от сватовства до собственно свадьбы составлял недели две, но часто сокращался до недели, а то и нескольких дней. В этот период невеста в сопровождении подруг и причитальщицы прощалась с девичеством. Девушки водили хоровод, который называли «*allikruuga*» — «хоровод, круг морянок (уток)», что значит, «хоровод девушек, девиц». Девичья баня называлась по этому же принципу «*allikyl'y*» — «баня морянки».

Но в свадебном обряде тунгудских карел имеются и черты, отличающие его от свадебного обряда других регионов, в частности, заметно некоторое русское, поморское влияние, а именно: здесь на свадьбах могли исполнять и русские песни, наряду со своими свадебными песнями «Прилетел орел» и «Мир ждал» (о последней могли сказать и так — «*Tukkuo rajatettih*» — «о толпе пели», так как песня в доме жениха при встрече молодых могла начинаться словами: «*Ken tukkuloin tulou*» — «Кто толпой идет»...)

Есть сведения и о том, что женскую прическу — «укладку головы» — *piänpano*, как и в южных районах Карелии делали в доме жениха, в отличие от более северных районов, где это происходило в доме невесты.

Причитывали на карельском языке, и были хорошие плакальщицы, но, к сожалению, до наших дней традиция причитывания не дошла, и нам не удалось записать ни одного свадебного причитания. Нет их и в более ранних записях — от 1937, 1956—1959 гг.

⁵⁵ Там же. С. 41.

Случилось так, что карельские деревни бывшего Тунгудского района постоянно оставались вне серьезного внимания собирателей фольклора и в XIX веке, и позднее. Возможно, одна из причин заключается в расположении региона — он находится довольно далеко от границы, в глубине карельской территории. Собирателей XIX века, приходивших из Финляндии, возможно, останавливало это, а также отсутствие дорог и тесных связей Тунгуды с более западными карельскими приходами. К тому же в непосредственной близости от границы находились приходы Реболы, севернее — Вокнаволока, Ухты, уже ставшие известными своими фольклорными, рунопевческими традициями и богатствами.

Что касается дорог, то их, по сути, и не было. Вот лишь одно из многих высказываний: «Летние пути сообщения в Кореле ужасны; по порожистым рекам, где путешествующему приходится выходить из лодки и идти пешком, пробираясь между камнями; между многими деревнями существует исключительно пеший путь, где путешествующему приходится балансировать по жердочкам, положенным через болото...»⁵⁶. Это свидетельство П. Чубинского, члена и секретаря статистического комитета, члена-корреспондента Императорского Московского общества сельского хозяйства.

В 1910 г. священник В. Мелетиев, отмечая ужасное состояние дорог и вообще полное их отсутствие, писал: «Самый первый частный вопрос в общем карельском вопросе — дороги. Без них все другие мероприятия будут висеть в воздухе»⁵⁷.

Поэтому история собирания фольклорного и этнографического материала в регионе невелика.

Самыми ранними, видимо, являются записи отдельных произведений, сделанные финским лингвистом А. Генетцем, который был в этих краях летом или осенью 1871 года, в том числе в деревнях Компака, Шуезеро (Лехта) и в основном записывал языковой материал. В Фольклорном Архиве Общества финской литературы хранится запись только одной легенды. Находясь в названных деревнях, А. Генетц пересказал на местном диалекте II главу Евангелия по Матфею (говор дер. Компака) и VIII главу этого же Евангелия (говор дер. Шуезеро)⁵⁸ (см. Приложение 2). Перевод же их на тверской говор карельского языка был осуществлен ранее и опубликован в Санкт-Петербурге в 1820 г. под названием «Герранъ мянь шюндюроухтынанъ святой Јовангели Матвійста, карьялан кіелелля» (напечатано кириллицей). К сожалению, другие фольклорные записи А. Генетца, если они и были, в поле моего зрения не попали.

В Фольклорном Архиве Общества финской литературы (KA SKS) имеется определенное количество фольклорно-этнографического материала из этого ре-

⁵⁶ Чубинский П. Указ. соч. С. 71.

⁵⁷ Мелетиев В. Указ. соч. С. 20.

⁵⁸ Опубликованы в книге: *Karjalan kielen näytteitä, III...* S. 74, 76; печатаются как Приложение 2.

гиона. Это записи 30—50-х гг. от карельских беженцев, прибывших в Финляндию в 1921—1924 гг. Самыми интересными и значительными среди них являются коллекции материалов от Василия Сидорова и Алексея (Aleksi) Максина.

В. Л. Сидоров (по прозвищу Вяйнямейнен) родился в 1856 г. в дер. Койвуниemi. Записи произвела А. Вирккунен в Финляндии в 1931—1935 гг. В его коллекции сказки, предания, заговоры, пословицы и другой фольклорно-этнографический материал. Они ценны тем, что исполнитель их — по возрасту самый старший из наших сказителей.

Большой интерес представляют и материалы Алексея Максина, записанные им самим в 1957—1958 гг. и отправленные в Фольклорный Архив в связи с объявленным конкурсом по сбору фольклорных материалов. Такие конкурсы в Финляндии проводятся до настоящего времени. Алексей Максина (другая фамилия не указывается) родился в 1907 г. в дер. Кевятозеро, бежал в Финляндию с родителями в 1921 г. Материал очень интересный, разнообразный — сказки, заговоры, пословицы, воспоминания о быте, обычаях; большой раздел детских игр. Его коллекция — самая большая по объему и самая богатая по разнообразию представленного материала.

Отдельные произведения из нее публикуются в настоящем издании с любезного разрешения руководства Архива. Имеются и другие, единичные произведения, вошедшие в разные коллекции. В записях Х. Мерияйнена за 1896—1900 гг., например, зафиксированы заговоры и различные магические действия от жителей дер. Маслозеро.

Но специальных публикаций текстов из региона не имеется. Первая целенаправленная экспедиция, организованная Карельским научно-исследовательским институтом культуры (КНИИК) в Тунгудский район состоялась в 1937 г. Записи производил известный карельский писатель, тогда студент Педагогического института Яакко Ругоев (Архив КНИИ, фонд I, коллекция 35). Материал разносторонний, представляющий большой интерес для науки, характеризующий в общих чертах состояние устной народной поэзии региона в 40-е гг. нашего века. Судя по нему, фольклорное наследие края было богатым и довольно разнообразным. В нем присутствовали все жанры, свойственные в целом устно-поэтической традиции Карелии. Многие виды устной поэзии в то время еще функционировали в быту, жили полнокровной жизнью.

В хорошей сохранности была сказочная традиция. Сказки как жанр составляют самую заметную часть данной коллекции (41 сказка). Большая их часть — волшебные, затем сказки-апекдоты и сказки новеллистические.

Здесь еще помнили эпическую и лироэпическую поэзию, баллады, такие как: «Выкуп девушки», «Задержавшаяся у источника (+Поиски гуся)», «Морские женихи», «Огой и Гаврой». Кроме того, из поэзии калевальской метрики бытовал детский фольклор, кумулятивные песни, потешки; отчасти заговоры и свадебные песни: «Прилетел орел» и «Мир ждал» («Kokko lendi», «Miero vuotti»).

В коллекцию входят также песни лирические, детские, два заговора, частушки (их 50), бытовые рассказы и русские песни (21), хотя далеко не все исполнители знали русский язык.

Коллекция включает более ста единиц текстов и является наиболее цельным и ценным собранием фольклорного материала, записанного в крае в 30—40-е гг. Важно то, что она свидетельствует о богатстве устно-поэтической традиции тунгудских карел в прошлом.

В 1940—1941 гг. в районе работала группа по сбору лингвистического материала — это Ольга Елисеева, Анна Леонтьева и Иван Пажлаков, которые записывали и отдельные произведения фольклора.

Следующий выезд состоялся в 1947 г., Хельви Финберг записала примерно 70 единиц фольклорного материала (Архив, коллекция 36).

В 1956—1959 гг. в некоторые районы Карелии на фольклорную практику выезжали студенты Петрозаводского Государственного университета под руководством известного карельского ученого фольклориста В. Я. Евсеева. В Тунгудском регионе работала Ирма Кондратьева. Тогда еще многие карельские деревни были заселены, в них жили люди, хорошо помнившие прежний крестьянский быт, устную поэзию. За время двух выездов ею было записано более ста произведений (считая частушки). Материалы ценны тем, что в них есть заговоры (11), детские песни калевальской метрики (9) и баллады (4); удалось записать и 9 сказок; а также загадки (22), частушки (55) и русские (поморские) песни (27) (Архив, коллекции 37, 38).

Небольшой по объему, но весьма ценный по значению устно-поэтический материал записал в 1956 г. студент ПГУ Ф. Федоров, занимавшийся здесь сбором лингвистического материала. В его коллекции мы имеем самое большое количество эпических и лироэпических песен — их 13, что существенно дополнило круг сюжетов, бытовавших в регионе (Архив, коллекции 37, 38).

Затем в собирании материала последовал длительный перерыв. Тунгудский район был ликвидирован, включен в состав Беломорского. Он как бы выпал из поля зрения фольклористов.

И лишь в 1979 г. вместе с языковедом Визно Федотовой мы направились в дер. Тунгуда. В прошлом большое, по карельским меркам, село, центр бывшей Тунгудской волости и прихода, превратилось в маленькую вымирающую деревню, где жили в основном люди пенсионного возраста. В деревне тогда еще находился скотный двор с небольшим дойным стадом и посадки картофеля. Ни школы, ни сельского совета, ни почты здесь уже не было. Все это находилось в поселке Новое Машезеро, в нескольких километрах от деревни.

Старшее поколение еще не забыло своих традиций, языка, хранит их в памяти. Удалось записать довольно интересный материал, образцы почти всех фольклорных жанров, многое, правда, фрагментарно. Явно выявляется как общность с фольклорной традицией Карелии в целом, так и черты, присущие только данному региону.

Так, среди песен-баллад самой популярной является песня на сюжет «Выкуп девушки» и «Весть о смерти родных», не забытые до сих пор, как и многие детские кумулятивные песни (Suatua, vuatua; Hiiri, hiiri, hiigamoine и другие).

Женщины продолжают сохранять в памяти, отчасти и в быту, некоторые традиционные способы лечения и другие магические действия, а также их словесное сопровождение — заговоры. Но последние сохранились лишь во фрагментах. Большинство исполнителей не смогли вспомнить (а может быть и не хотели «отдавать»?) больше 4—6 строк заговора. Удалось записать лишь несколько более полных текстов.

Рассказы о мифических «хозяевах», духах-покровителях стихий, построек, т. е. былички, бывальщины, вспоминали почти все наши собеседники. (Заметим, что мужчин в деревне, как и вообще в карельских деревнях, почти нет. В тот приезд мы встретили лишь одного мужчину преклонного возраста, от которого В. Федотова записывала словарный материал. От исполнения фольклорных жанров он отказался, ссылаясь на незнание их.)

Неплохо сохранились сведения об основных традиционных обрядах — родильном, свадебном, похоронном. В быту в какой-то степени сохраняется лишь похоронный, но и он уже утратил многие элементы былой обрядности. Так, мы не смогли записать ни одного традиционного похоронного плача, за исключением двух коротких фрагментов. Судя по всему, причет здесь бытовала в том же объеме, что и по всей Карелии, и была непременной частью похоронного ритуала. Свадебный и родильный обряды в живом бытовании уже не встречаются. Свадьбы играют современные, роды происходят в больнице.

Если в 1937 г. за короткий промежуток времени было записано более 40 сказок от исполнителей разных возрастов, то летом 1979 г. удалось записать лишь шесть сказок. В основном, это бытовые, сатирические.

Пожалуй, самый живой жанр — это частушки. Их вспоминали и пели и на карельском, и на русском языках. Тематика известная — любовные переживания молодых, иногда с юмором, иногда с сатирическим изображением «супротивной» стороны:

Niegla katkei, langa loppu
paidua ommellešša.
Kogonaine tuohuš palo
kuldua vuotellešša.

T'ämä kyl'ä, hyvä kyl'ä,
vain on pieni viga.
Kaikki pojat viinanjuojat,
t'äyvet pihat ligua.

Игла сломалась, нитка вышла,
пока рубаху шила.
Целиком свеча сгорела,
пока милого ждала.

Хороша эта деревня,
с небольшим изъяном:
парни все пьяницы,
грязи полны улицы.

Здесь проходит северная граница бытования частушек. Они являются достаточно поздним жанром, возможно, возникшим под влиянием русской традиции.

В какой-то степени можно говорить и о бытовании русской народной песенной традиции. Русские песни пелись на свадьбах, на беседах; свадебные и протяжные, а также песни игровые — хороводные, утушные, качельные. Не всегда четко или, вернее, правильно произносятся слова, так как не все певицы знали русский язык, и песни перенимали на слух (было записано 22 таких песни, их сравнительно много и в более ранних записях).

Надо отметить, что именно на песенном репертуаре сказалось сильное влияние русской песенной традиции ввиду давних связей местных карел с поморским населением Беломорья. Многие женщины, родившиеся в начале века, вспоминали, как они в молодости, чаще в зимнее время, более свободное от хозяйственных работ, уходили на заработки в Сороку (Беломорск): нанимались в няньки, в прислуги — «казачихи». Ходили и в море ловить сельдь, треску, навагу. Здесь они в какой-то степени усваивали русский язык, перенимали русскую, особенно песенную, культуру.

В результате поездки 1979 г. удалось записать 189 единиц устно-поэтического материала (сюда входит 61 частушка).

Летом 1980 г. в район выезжал сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Алексей Конкка. Ему удалось записать интересный и весьма разнообразный этнографический материал: обряды, верования, приметы, различные запреты; много мифологических рассказов — быличек, бывальщин; лечебная, обережная магия; предания; множество рассказов/воспоминаний из быта старой деревни — это хозяйственные занятия, пастушество, охота, рыболовство; прежние церковные/религиозные праздники, их распределение по деревням; старообрядчество.

В 1981 г. вместе с Визно Федотовой в район выезжала фольклорист Раиса Ремшуева. Она записала 10 часов звучания на магнитную ленту. Большую часть материала составляют обряды, их описания, былички, бытовые рассказы, описание прежних ремесел. Но наряду с этим имеются и чисто фольклорные тексты — заговоры, детские песни, сказки (7), несколько фрагментов плачей и много быличек. Судя по результатам этих последних экспедиций можно констатировать отход в прошлое большинства фольклорных жанров — песен калевальской метрики, особенно на сюжеты эпоса «Калевала»; причитаний — за все это время не удалось записать ни одного полного текста причитания. Забываются сказки, отчасти, и то фрагментарно, рассказывают новеллистические и сказки-анекдоты. Более живы частушки и русские народные песни, но и они сохраняются в памяти старшего поколения. Молодежь предпочитает современную музыку, современные ритмы и песни.

Вновь я побывала в интересующем меня районе в марте 1993 г., на этот раз

в поселке Новое Машезеро, где проживают карелы из многих окрестных опустевших деревень бывшего Тунгудского района. Беседовала и записала материал примерно от 20 человек (среди них лишь двое мужчин), уроженцев деревень Кевятозеро, Келляваарака, Койвуниemi, Машезеро, Нуоттаваара, Помпи, Тунгуда, Ушкела, Шагозеро. Итог в целом неплохой — 10 часов магнитофонной записи, 230 единиц/наименований произведений различных жанров.

Эта поездка, ее результаты подтверждают тенденцию к забыванию, отходу в прошлое традиционного крестьянского фольклора. Достаточно сказать, что я не записала ни одной цельной песни (не говоря уже о причитаниях), ни карельской, ни русской, а лишь отдельные фрагменты и несколько частушек. Хотя при разговоре о песнях с удовольствием вспоминали, что пели и когда — на посиделках-беседах, на свадьбах, на качелях и т. д.

Так ли печально обстоят дела в отношении песен на самом деле, или здесь причины совсем другого порядка? То, что русские народные песни, частушки, отчасти карельские, и особенно детские песни не совсем забыты, выяснялось в разговорах. Но петь не был склонен никто. Влияние ли это периода ранней весны — был месяц март; погоды — дни стояли серые, пасмурные; или вообще атмосферных, шире — космических факторов? Возможно, что влияет и время наше — тревожное, беспокойное, нестабильное. Я не исключаю влияния всего перечисленного в совокупности. Но как бы то ни было, петь люди отказывались, хотя принимали исключительно доброжелательно, с открытой душой. Уже одно то, что за неполных 7 дней я смогла записать 10 часов на магнитную ленту, доказывает готовность поделиться всем, что они знают и что интересует собирателя.

При сравнении с записями предыдущих лет содержание материала существенно изменилось. В основной своей массе это несказочная проза — былички, то есть рассказы о духах-хозяевах жилищ и других строений, также различных объектов природы — леса, воды, недр земли. Удалось записать несколько любопытных преданий о заселении края, о нашествии врагов «руоччи».

И самый большой и значительный раздел — это материалы о различных магических действиях, связанных в основном с животноводством. Сюда входят самые разные способы избавления скота от болезней, а также оберегательная, частично, продуцирующая магия — при выпуске скота на пастбище, при покупке его, при построении хлева и т. д. В связи с этим возник вопрос о пастушестве, о пастухах, игравших в прежние времена значительную роль в жизни деревенской общины.

Многие женщины помнят и лечебную магию, направленную на избавление людей от различных недугов, таких как экзема, в первую очередь, нарывы, зубная боль, беспокойство и ночной плач — «Полуночица» — *Yönitkettäjä* — у детей и т. д. При этом все излагается в виде конкретных случаев, происходивших с рассказчиком или его близкими.

Женщины с удовольствием вспоминали свои детские годы, когда их бабушки или даже прабабушки рассказывали им сказки, загадывали загадки, забавляли потешками, играли с ними в старинные детские игры. Но, к сожалению, не удалось записать ни одной сказки. Ответ один — «не помню, все забыла, было не до сказок», то есть и сами они уже не рассказывали их ни детям своим, ни внукам. Жизнь круто изменилась. Это поколение женщин, детство и молодость которых выпали на 10-е, 20-е, 30-е гг. XX века. Они испытали тяготы коллективизации, пережили годы репрессий, большинство из них многие годы трудились на лесозаготовках, на лесосплавах.

Об исполнении причитаний в былые времена помнят все, с кем мне довелось беседовать, но причитывать никто не смог и не пытался. Хотя прежде в каждой деревне были хорошие причитальщицы, и о них рассказывали с удовольствием. Об одной из таких талантливых карельских женщин, Пелагее Дементьевой из Кевятозера, тепло вспоминала ее племянница Р. А. Маслова. Она не раз еще в детстве слушала причитывание своей родственницы, и оно произвело на нее неизгладимое впечатление. По прошествии многих десятков лет — а в последний раз она слышала причитывание П. Дементьевой перед отъездом в эвакуацию в ноябре 1941 г., при прощании с родным домом и родиной — рассказывая об этом, она растрогалась до слез. Не обладая сама навыками причитывания, по ее словам, Р. Маслова тонко чувствует красоту поэтического языка причети, его уникальность и неповторимость (тексты № 87, 88).

Рассказы собеседников убедили меня в широком бытовании (в прошлом) традиции причитывания в Тунгудском крае, но до настоящего времени она уже не сохранилась. Отрадно то, что здесь еще жив карельский язык, люди помнят его, говорят на нем, стремятся сохранить.

В 1993 г. в пос. Новое Машезеро и г. Пертозаводске удалось сделать в общей сложности 17 часов магнитофонной записи.

Мне посчастливилось встретить талантливую исполнительницу А. Г. Филатову (1897—1997 гг.), уроженку дер. Удозеро (Ipatti), бывшего Тунгудского района (Шуезерской волости). Жила она в Петрозаводске, в семье сына. Встречи с ней продолжались вплоть до ее кончины. В результате каждой выявлялись новые подробности прежнего быта, верований, обычаев, фольклорных традиций (что составило примерно 20 часов аудиозаписи).

Анна Григорьевна оказалась человеком весьма общительным, беседы с ней доставляли истинное удовольствие. Она сохранила ясный ум, здравость суждений; у нее была отличная память, складная речь на прекрасном, образном карельском языке тунгудского говора. У нее хороший слух, только вот глаза подвели — уже много лет она ничего не видела. Несмотря на это человек она жизнерадостный, утешение находила в воспоминаниях, в вере в Бога, в тепле семейного окружения и заботе близких. Все, что записано от А. Г. Филатовой, представляет большую ценность.

Правда, такие редко сохранившиеся ныне фольклорные жанры как причитания, сказки, не входили в круг ее интересов. Но она помнила, как причитывали во времена ее молодости, какие были мастерицы–плакальщицы. В детстве бабушки рассказывали им сказки, загадывали загадки. Последние сохранились в ее памяти, и сходу она загадала мне с десятка загадок (они публикуются). Среди них и русские, и одна, на мой взгляд, довольно редкая: «Село заселенное, петухи не поют, и люди не встают». Я так и не смогла ее отгадать, так как раньше не слышала. Это оказалось кладбище. О наказаниях за неотгаданные загадки Филатова не помнила.

Она, как и многие другие женщины, хорошо помнила игры времен своего детства, в зимнее время в избе, летом на улице во дворе. Это были прятки и жмурки — «kuurupeitto», «čokko»; в «короля» — «korolie kižatti»; в камешки (подбрасывали) — «n'oppuo kivizil'l'ä»; «šavišotko» — прятали предмет, а водящий должен был отгадать, у кого он находится, и другие. Девочки играли в куклы, сшитые из тряпок; в специальных домиках на улице вели свое хозяйство — «стряпали» из глины, «готовили» пищу, «заготавливали» сено и т. д., то есть девочки играли во взрослую жизнь, готовились стать хозяйками дома.

Забавы молодежи, ее досуг заключались в «беседах», играх/танцах, причем каждый сезон диктовал свои формы проведения досуга. Зимой, поздней осенью — это беседы, игры/танцы в избах, нанимаемых парнями; весной, после Пасхи — качели, на улицах или на сараях. Здесь собиралась молодежь, пели песни, в основном, русские народные. Зимой в святки большое место в жизни молодежи занимали различные способы гадания, их было множество. Все они сводились, как правило, к предугадыванию будущего жениха, к вопросам заключения брака (см. № 159—161).

Из уст Анны Григорьевны я услышала много ценных и редких сведений, связанных с различными сторонами магии, особенно скотоводческой; о различных случаях «порчи», недугов и других бедствий, от которых избавляли деревенские знахари. Одним из обладателей таких способностей являлся и отец рассказчицы, но ничего из своих познаний он не передал дочери. Она вспомнила лишь один заговор против «порчи» коровы (см. № 40а, 40б) и несколько других, во фрагментах.

Жизнь не баловала Анну Григорьевну, как и почти всех ее ровесников. Она прошла в трудах, в воспитании детей. И тем не менее, в воспоминаниях трудности затушевываются, чаще всего вспоминается хорошее, приятное. Это характерно для всех женщин–рассказчиц — они тогда были молодыми, здоровыми, сильными.

Здесь я более подробно остановилась на личности лишь одной из моих собеседниц, но таким же образом могла бы охарактеризовать и многих других рассказчиц. Судьбы их во многом схожи. Они сохранили в душе любовь к своим корням, в памяти — духовное наследие предков.

Обращает на себя внимание тот факт, что в течение многих лет во всех регионах Карелии среди рассказчиков/информантов преобладают всегда женщины. Пожилых мужчин, стариков почти нет. Здесь удалось сделать записи лишь от Михаила Алексеевича Проккуева (1921 г. р., уроженца дер. Шагозеро — Šägärvä). В его памяти сохранились предания, былички, воспоминания о прежней жизни, мемораты (по рассказам старших). В Петрозаводске вместе с Е. Карповой записывали от Бориса Максимовича Артемьева (1905—1999 гг., уроженца дер. Ушково).

Было приятно и полезно побеседовать со знающим человеком, мужчиной, взглянуть на события прошлого, на духовную культуру, духовный мир народа его глазами, с его точки зрения. Это нам редко удастся.

К сожалению, мужчин старшего поколения в карельских деревнях — по всей Карелии — почти не осталось. И это вполне понятно — столько трагических исторических событий произошло, начиная с первой мировой войны, перешедшей в результате Октябрьской революции в войну гражданскую. Интересно, что здесь гражданская война имеет свое местное название — *Kesseliaina* («война с кошелями», «кошель-война»). По крайней мере, мне раньше нигде не приходилось слышать такого «термина». Оказывается, судя по рассказам, народ не хотел воевать друг с другом, против своих. Разобраться же, кто лучше, кто хуже, кто прав, кто не прав — белые, красные или еще какие другие — людям на местах было не просто. Поэтому мужчины уходили в лес, на дальние лесные заимки, в лесные избушки, скрываясь от участия в войне. Как правило, уходили с кошелями (*kesseli*) за спиной, в них несли харч. Отсюда и название «*Kesseliaina*» (см. № 147, 148).

Конечно, ушли не все. Когда стала очевидной победа большевиков, многие, более зажиточные семьи, среди них опять же много мужчин, бежали в Финляндию, покинув свои родные места.

На подходе была коллективизация, а вместе с ней и раскулачивание самых «справных», крепких крестьянских хозяйств. Сосланными, оторванными от родной земли оказались работоспособные, трудолюбивые крестьяне, мужчины. Это коснулось всех наиболее крупных деревень: Кевятозера, Шуезера/Лехта, Машезера, Тунгуда и других, в целом Тунгудского района. Красноречивые данные об этом можно найти в сборнике документов «Из истории раскулачивания в Карелии. 1930—1931 гг.» (Петрозаводск, 1991).

Репрессии 1937—1938 гг. также оставили заметный след. Сколько скорбных историй, рассказов и просто реплик о трагических событиях, изломанных судьбах можно услышать. Многие женщины, чьи мужья, отцы, братья бесследно исчезли в те годы, часто говорят об этом — внешне совершенно обыденно: «*Kaheksän vuotta miehel'lä olin, mužikka mäni — konža kaikkie mužikkoja kerät't'ih*» — «Восемь лет была замужем, мужик пропал — когда всех мужиков забирали (собирали)...» Часто можно было услышать выражение: «*Konža mužikkoja*

kerät't'ih» — «Когда мужиков собирали» (как грибы в лесу); «Kun tulou ser'oda, niin rahvašta i ker'ät'äh. Äijä viedih!» — «Как настанет среда, так и забирают людей. Много увели!»

Чтобы не быть голословной, приведу лишь одну ссылку. Карельское отделение общества «Мемориал» на протяжении нескольких лет публиковало списки репрессированных жителей Карелии в финно-язычном журнале «Caretia».

Только в одном из номеров журнала — № 6 за 1992 г. по Тунгудскому району я насчитала 32 человека — мужчин разного возраста — от 26 до 54 лет. Поражают масштабы «чистки» по отдельным деревням. Так, из дер. Кевятозеро уведен/расстрелян (рядом с годом ареста указан год «смерти» — это 1937—1939 гг.) 21 человек (в 1908 году в деревне насчитывалось 43 хозяйства, 133 человека, в 1933 г. — 272 человека). Судя по спискам, арестовывались братья, отцы с сыновьями, т. е. из одной и той же семьи по 2—4 мужчин. Слов нет, когда вникаешь в эти цифры и факты! Все эти люди впоследствии реабилитированы.

Затем последовали две войны: Зимняя, или Финская — 1939—1940 гг. и Великая Отечественная — 1941—1945 гг. В Книге Памяти (том II, Петрозаводск, 1994) количество погибших в Отечественной войне по бывшему Тунгудскому району составляет 143 человека (но все ли попали в списки?).

В результате всех таких экстремальных событий деревни (и в Карелии и по всей России) остались почти без мужского населения. Многие из уцелевших ушли из колхозов в города и рабочие поселки.

Это к слову, чтобы объяснить, почему мы, фольклористы и этнографы, так мало имеем записей от мужчин старшего поколения. Было бы очень важно и интересно и мужское видение прежних традиций, культуры прошлого, как и пласты в ней чисто мужского духовного наследия.

В ноябре 1994 г. вновь удалось съездить к старым знакомым, в пос. Новое Машезеро и дер. Тунгуда, правда, с предельно кратким визитом. Национальная редакция Карельского телевидения решила снять очередной видеоочерк с фольклорной тематикой в этом регионе. Материал отсняли за два дня с участием в основном тех же женщин, от которых я делала записи в 1993 г. Это Любовь Лазаренко и Юлия Гужиева, Роза Маслова, Татьяна Макарова (в Тунгуде), Иринья Самсонова. Женщины поют частушки и песни (на карельском языке); рассказывают об обрядах, о прежнем быте; засняли и рождественские, и крещенские гадания. По устным отзывам, фильм заинтересовал зрителей. Попутно я производила и аудиозаписи.

Летом 1998 г. удалось совершить поездку в Ушково, на Троицкий остров (см. с. 13—14). Естественно, вела и записи материала, встретила многих прежних знакомых, появились и новые. В общей сложности за 5—6 дней (считая с дорогами) сделала 4 часа аудиозаписи. Сбылось и желание побывать в Шуезере, правда, проездом. Там встретила уже знакомую А. И. Кондратьеву (1917 г. р.).

Записала от нее небольшой плач (см. № 85). Договорились встретиться зимой, но, к великому сожалению, вскоре ее не стало.

Как уже упоминалось, жанровый состав фольклорной традиции региона разнообразен; бытовали все разновидности устно-поэтического творчества, известные в Карелии (кроме ёйг, которые исполнялись на ограниченной территории Северной Карелии)⁵⁹.

Но имеются и определенные локальные особенности, отличия от общекарельской традиции внутри жанров, например, в области эпических песен, сказочного репертуара. Здесь появляется жанр частушки, не характерный для более северной части Карелии. Существуют и некоторые другие особенности, которые будут отмечены в соответствующих разделах в связи с анализом отдельных жанров.

ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ. Имеющийся материал не дает возможности судить об истинной картине бытования эпической поэзии в крае. Основные сюжеты эпических песен записаны в 1956—1959 гг., когда, как известно, эта традиция по всей Карелии уже активно не бытовала. И хотя записи немногочисленны — чуть более 20 вариантов, говорить о менее интенсивном их бытовании в прошлом в сравнении с другими регионами Карелии рискованно. Отсутствие записей XIX века объясняется однозначно — сюда не приходили собиратели фольклора, здесь его почти не записывали. (А. Генетц, насколько мне известно, их тоже не записывал. Не удалось мне узнать и о его путевых заметках и о том, были ли таковые.)

В Архиве Карельского научного центра самыми ранними являются записи 1937 г., сделанные Я. В. Ругоевым. В его коллекции десять эпических и лиро-эпических песен калевальской метрики, среди них «Состязание в пении» (фрагмент), «Состязание в сватовстве», «Дева Велламо», «Пир в Похьёла»; баллады «Задержавшаяся у источника», «Сваты из моря», «Выкуп девушки».

Записи 1956—1959 гг., сделанные студентами ПГУ Ф. Федоровым и И. Кондратьевой, существенно дополняют сюжетный состав эпической и лироэпической поэзии края. В целом здесь представлены следующие сюжеты, причем большинство из них — одним-двумя вариантами: «Пир в Похьёла/Пяйвёля»; «Состязание в пении», «Сватовство», «Утерянные украшения» («Сват из рощи»); «Сваты из моря», «Весть о смерти родных», «Выкуп девушки».

От исполнительницы Прасковьи Гужневой из Койвуниеми записана эпическая песня с контаминацией нескольких сюжетов: «Состязание в сватовстве», «Ранение Вяйнямёйнена», «Изготовление кантеле и игра на нем», «Состязание в пении», «Золотая дева», «Морской поход», «Большая щука», «Игра на кантеле» (см. текст № 1).

⁵⁹ Карельские ёйги. Изд. подготовили Н. А. Лавонен, А. С. Степанова, К. Х. Раутио. Петрозаводск, 1993. С. 8–9.

Имеется интересный вариант песни «Огой и Гаврой», исполненный М. М. Мошниковой из Койвуннеми. В ней нет основного конфликта «Баллады о влюбленных», отсутствует и третий герой — сын попа; имя брата — Лаури (см. текст № 16). Это типичная песня-повтор, в которой перечисляется имущество/богатство отца, его сыновья, дочери, невесты. Схема довольно проста: Лаури — брат — приглашает Ого(й) в отцовскую конюшню, сарай, хлев, на берег, в баню, ригу, горницу, амбар, в дом — и везде по три перечисляемых объекта — золотой, серебряный, медный. Золотое принадлежит отцу, серебряное — сыну брата (племяннику), медное — зятю (количество повторов достигает 11).

Среди исполнителей эпических песен особого внимания заслуживает П. В. Гужиева, родом из дер. Койвуннеми. Кроме контаминированной из нескольких сюжетов эпической песни (текст № 1) она исполнила еще четыре: «Лемминкяйнен на пиру в Похьёла» (текст № 2); «Поиски гуся» + «Утерянные украшения» («Сват из рощи») (текст № 3); «Весть о смерти родных». Это составляет в общей сложности 5 песен (на 12 эпических сюжетов) и 443 стиха. От нее же записаны несколько заговоров. По региону Тунгуды это самый большой результат.

Учитывая то обстоятельство, что записи сделаны в 1956 году, можно предполагать о существовании в прошлом заметной эпической традиции, которая, к сожалению, осталась незафиксированной.

Мошникова М. М. исполнила четыре песни-баллады: «Весть о смерти родных» (пожалуй, одна из самых популярных здесь) (текст № 12), «Поиски гуся» в контаминации с сюжетом «Задержавшаяся у источника» (текст № 11) и песню «Ого-сестрица» (№ 16), всего 270 стихов. Эти песни были записаны от нее дважды, в 1937 г. Я. В. Ругоевым и в 1956 г. Ф. Федоровым (кроме «Ого-сестрицы»), что позволяет судить об устойчивости ее репертуара. Марина Мошникова была разносторонней исполнительницей — от нее записаны пять сказок, а также заговоры, детский фольклор, свадебные песни.

Среди исполнителей эпических песен можно отметить еще Миронову А. П. из дер. Венозеро (недалеко от Койвуннеми). От нее записан сюжет «Лемминкяйнен на пиру в Похьёле», фрагмент «Состязание в пении», «Сваты из моря» (текст № 5) и баллада «Сватовство в пути» (текст № 6).

В общей сложности записи эпических песен и баллад произведены от 11 человек — женщин, от большинства по одной песне: это или «Выкуп девушки», или «Весть о смерти родных» — наиболее популярные песни, дошедшие до наших дней.

В коллекции Я. В. Ругоева имеется запись еще трех эпических песен (на пять сюжетов — «Лемминкяйнен на пиру в Похьёле»; «Состязание в сватовстве» + «Жалоба лодки»; и «Морской поход» + «Дева Велламо»), записанных от уроженки дер. Киймасозеро Ф. А. Елагинной с комментарием: «Песни усвоила от

своей тети, родом из дер. Латваярви». Поэтому тексты не включены в публикацию и не учитываются при характеристике эпической традиции края.

Значительный раздел произведений калевальской метрики составляют *заговоры*, в районе записано около 50 текстов собственно заговоров, относящихся к основным ситуациям, в которых они традиционно применялись. Кроме того, тексты заговоров-заклинаний часто встречаются при описании различных способов лечения, в лечебной магии, составляющей особый раздел.

Если посмотреть на записи заговоров в хронологическом порядке, то к 1937 г. относятся два заговора (А. 35/90, 91), записанных от Я. М. Петрова. Судя по этим текстам, Яков Петров хорошо владел традицией. Почему записано так мало, трудно сейчас сказать. Мне кажется, это прямое следствие отношения в целом ко всякой магии. В те годы оно было резко отрицательным. По всей Карелии в предвоенные годы (до 1941 г.) записано очень мало заговоров, хотя жанр этот был еще жив, функционировал в быту в необходимых случаях, но в глубокой тайне.

Если бы они были уже тогда полностью забыты, то не удалось бы в более поздние годы записать порядка 50 заговоров в районе Тунгуды, причем больше половины из них записано в последнее время. Среди исполнителей можно отметить М. Е. Каторину из дер. Койвуниemi. От нее в 1947 г. Х. Финберг записала пять заговоров с комментариями (А. 36/4, 5, 6, 7, 8). Это заговоры от пореза (раны), от ожога, экземы, прострела и чирея/парыва, то есть те, к которым чаще всего прибегали в быту.

И. Кондратьева в 1957 г. в дер. Нуоттаваара от Е. Е. Филимоновой записала два заговора: от прострела и заклинание воды. В той же деревне Л. В. Филимонова исполнила три заговора: от зубной боли, от пореза (раны) и заклинание воды. В этой коллекции имеется два заговора — от укуса змеи и банного пара — записанных от Д. Е. Мироновой из дер. Вирнаволоок. В 1959 г. в с. Лехта записано три заговора от М. А. Ильиной — от пореза (раны), экземы и заговор при лечении коровы.

Часть заговоров получена от разных исполнителей (по одному тексту). Пишу об этом так подробно, чтобы показать, что были люди, знавшие заговоры, возможно, пользовавшиеся признанием в своей местности. Но «отдавали» они только часть своих познаний, примерно одни и те же заговоры, которые считались более доступными, повседневными. Но есть круг заговоров и заклинаний, считающихся особо оберегаемыми, «заветными», и с ними расставались в исключительных случаях — при большом доверии к просителю (собирателю) и в предчувствии близкой смерти. В последней ситуации считалась необходимой «передача» всего магического знания остающимся на земле. К таким, на мой взгляд, относились заговоры от болезней, которые «пристали» от «леса», т. е. от духа/хозяина леса (лесных мифических существ), от «калмы» (кладбища) — мира умерших предков, от «воды» и других природных объектов, стихий. Счи-

талось, что «отдав» другому заговор, знахарь терял свою силу (именно в отношении той болезни, против которой заговор использовался).

Мне удалось записать около тридцати заговоров, не считая коротких фрагментов и заклинаний, входящих в рассказы, относящиеся к лечебной магии. Это также в первую очередь заговоры от пореза (раны) — подразумевается здесь остановка кровотечения, являвшаяся основной функцией магического действия; от ожога; несколько заговоров от пара в бане; от дурного глаза — сглаза; от грыжи. Несколько заговоров при лечении вымени у коровы и другие. Такого же характера заговоры, записанные Рансой Ремшуевой. Из исполнителей следует назвать А. Е. Гридину, А. В. Акимову, обе уроженки дер. Тунгуда; С. С. Яковлеву из дер. Летнее Озеро; Т. М. Самсонову из дер. Койвуиннеми и некоторых других.

В 1993 г. в пос. Новое Машезеро удалось записать и заговоры, и множество рассказов (пояснений) о лечебной магии от многих женщин. Среди них хочу выделить Лазаренко (дев. фамилия Семенова) Л. Д., родившуюся в дер. Маслозеро, выросшую в дер. Ушково. Ее познания кажутся неисчерпаемыми. О чем с ней ни заговоришь, на все случаи она знает способ излечения; относится ли это к болезням детей, взрослых; связано ли со скотом. От нее удалось сделать два часа магнитофонной записи, но это лишь небольшая часть ее познаний. Многому она научилась от своей матери и от своей тети. Она обладает определенным даром воздействия и, видимо, легко воспринимала все, что слышала, узнавала.

Человек она открытый, искренний, доброжелательный. Но при всем желании помочь некоторые свои секреты она не раскрывала, ссылаясь на то, что слова потеряют силу, и она уже не сможет применить их в нужный момент, хотя и не считает себя знахаркой.

Можно было бы написать много добрых слов о каждой из тех женщин, от кого сделаны записи и кто от души помог мне в пополнении материала, в выяснении разных вопросов. Но сделать это не позволяет объем и, возможно, не совсем уместно здесь. Я им всем искренне благодарна и надеюсь, что наши материалы сослужат добрую службу и следующим поколениям исследователей, и молодому поколению в целом.

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ. В Тунгудском районе, как и в других северных районах Карелии — Лоухском, Калевальском и Муезерском (бывшем Ругозерском/Ребольском), известно два цикла свадебных песен калевальской метрики. Первая из них — «Kokko lendi» — «Летел орел» — пелась в доме невесты, частями, сопровождая отдельные циклы свадебного ритуала — приезд жениха, одевание невесты, поучения невесте, проводы и т. д. Вторая — «Miero vuotti» — «Мир ждал» — исполнялась в доме жениха, начинаясь уже во дворе при встрече молодых. Обе песни, большие по объему, могли состоять из 200—300 стихов и более. Теперь

они почти забыты, так как на свадьбах их уже давно не поют. В записях имеем 13 вариантов. Здесь, в районе Тунгуды — Ругозеро — Ребол, проходит граница активного бытования названных свадебных песен. Южнее, в Сегозерье, зафиксированы их отдельные небольшие фрагменты, но об их исполнении на свадьбе уже не помнят. Там пелись частушки и русские свадебные песни. Русские песни, наряду с карельскими, пелись на свадьбах и в регионе Тунгуды.

ДЕТСКИЙ ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР включает те же жанровые разновидности, что и в других районах Северной Карелии: колыбельные, прибаутки и потешки, пестушки, кумулятивные песни. Из общего количества записей — более 40 песен — колыбельных всего две. При расспросах ссылаются на то, что забыли, не помнят. Любопытно, что в качестве колыбельных пели лироэпические песни, баллады, что наблюдается и у кестеньгских карел, о чем пишет Н. А. Лавонен⁶⁰.

ПРИЧИТАНИЯ. В свое время в конце 70-х гг. при подготовке к изданию сборника карельских причитаний было констатировано, что в регионе Реболы — Ругозеро — Тунгуда «причитывание уже полностью отошло в прошлое... Причины такого явления назвать пока трудно»⁶¹. Достаточно сказать, что в публикацию вошел лишь один текст (КП, 74), наиболее цельный из записанных шести, состоящих из двух—трех стихов. Не удалось их обнаружить и позднее, за исключением нескольких фрагментарных записей. Несмотря на скудность материала, можно предположить, что по особенностям причитывания регион относился к северокарельской локальной традиции. В текстах (фрагментах) наблюдаются совершенно одинаковые, по типу строения, метафорические замены основных терминов родства, сходная система эпитетов и сравнений, характер аллитерации и других стилистических средств.

В разделе «Причитания» публикуется несколько отрывочных текстов в качестве образца и рассказы/воспоминания о причитывании. Считаю правомочным включение их в данный раздел, чтобы хотя бы таким образом доказать бытование традиции в не совсем еще далеком прошлом. Рассказ Р. А. Масло-вой, слышавшей талантливое исполнение причети в такой экстремальной ситуации, как вынужденный отъезд из родного дома в неизвестность, в эвакуацию, дает представление как о бытовании, так и об эмоциональном воздействии причети на окружающих. Воспоминаний подобного рода удалось записать много, и они являются подтверждением существования и здесь всех разновидностей обрядовой — свадебной и похоронной, а также внеобрядо-

⁶⁰ *Песенный фольклор кестеньгских карел. С. 22.*

⁶¹ *Карельские причитания. Изд. подгот. А. С. Степанова, Т. А. Коски. Петрозаводск, 1976. С. 24. (В дальнейшем: КП и номер текста).*

вой, бытовой причети. Об этом вспоминали буквально все собеседницы.

Что же касается причин более раннего, чем в соседних регионах Карелии, угасания традиции, то они пока не ясны. Лишь однажды в беседе с А. Г. Филатовой о похоронах и причитывании, из ее уст прозвучала фраза, насторожившая меня. Она сказала: «A meil'ä šiel'ä ei it'kiet't'y. Siid'ä šanottih, što riähkä on it'kie, da ei ni ruvettu it'kömäh... Riähkä, šan(o)tah, on pokoinikalla it'kie...» — «А у нас там (в Нуоттаваара — А. С.) не причитывали. Сказали, что грех причитывать, и не стали... Грех, говорят, покойнику причитывать...» В дальнейшей беседе выяснилось, что так говорили люди, придерживавшиеся раскола, или староверы. Неясно, могло ли такое отношение к причети явиться одной из причин ее более быстрого угасания в регионе.

Из так называемых малых жанров публикуются *пословицы и загадки*. Часть пословиц (55) — это самозапись Алексея Максинена, копии которых были получены из Фольклорного Архива Общества финской литературы. Остальные (42) — записи последних лет на магнитофон.

Загадки (35) также даются в записях последних лет. В целом их немного. Они записаны от женщины, которые вспоминают детство, когда вечерами собирались вместе и, наряду с другими забавами, загадывали и отгадывали загадки. Каких-либо следов ограничения загадывания во времени или ритуальной функции загадок обнаружить не удалось. Загадывание происходило вечерами в виде игры, времяпрепровождения. Участвовали в этом дети и подростки, а ведущим был кто-то из взрослых, чаще дедушки и бабушки. Существовало несколько видов наказания за неотгаданные загадки, обычно три загадки: заставляли петь, кукарекать; прыгать на одной ноге вокруг избы; кричать в печную трубу; назвать «жениха/невесту»; «чертить» лбом стену — столько-то бревен (три, пять и т. д.). (Стены изнутри были не обшиты и не оклеены.) О наказании «высылкой» в «Хуйкколя» за отгадками сведений нет, и никто не мог вспомнить об упоминании такового. Хотя в более северных районах Карелии такое наказание бывало⁶².

СКАЗКИ. В конце 40-х годов сказочный репертуар в крае, судя по записям Я. В. Ругоева, был значителен. В последующие годы (1947, 1956—1959) коллекции архива КНЦ пополнились на 29 сказок. Сказок о животных всего 6, новеллистических — 13, сказок-анекдотов — 15 и самое большое количество волшебных — 31 сказка.

В 1979—1980 гг. удалось записать 15 вариантов, но тематика их значительно сузилась, это в основном сказки-анекдоты или новеллистические, причем некоторые являются повторными записями от одних и тех же исполнителей (А. В. Акимовой, А. Д. Никоновой).

⁶² См. об этом: Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. Л., 1977. С. 27–33.

Кроме того, в Фольклорном Архиве Общества финской литературы хранится двенадцать сказок, восемь из них записаны в 1932 г. от Василия Сидорова (см. тексты № 108—110, 121).

Таким образом, в регионе зафиксировано чуть более 90 сказок, из которых в данную публикацию вошли 18, на наш взгляд, наиболее полно характеризующих сказочную традицию тунгудского края. В целом она мало отличается от общекарельской, тяготея к северокарельской. Но особенности бытия, долгое пребывание на морских промыслах, более тесное общение с русскоязычным населением Поморья оказали на нее некоторое влияние. Особенно это чувствуется в репертуаре мужчин.

В 1937 г. Я. В. Ругоев встретился с несколькими хорошими сказочниками мужчинами (записи сделаны от восьми). Наиболее яркими среди них представляются А. В. Марков из дер. Маркова Гора и А. И. Иванов из дер. Компакка.

А. В. Марков исполнил четыре сказки: три волшебные (СУС 502 + 570 + 300А; СУС 650 + 301А; СУС 735 + 567) и одну новеллистическую (СУС 880). Сказки эти большие по объему, с подробным изложением приключений героя, с соблюдением всех особенностей сказочной поэтики. (Публикуется одна из них — № 113.) В них много русских слов и выражений, концовок типа: «Сказка вся, сказать нельзя больше»; «Оли (было) некотором царстве, некотором государстве паппи (поп)» и другие. В комментарии собирателя о сказителе читаем: «Был солдатом в старой (царской) армии, там усвоил большую часть своих сказок, которых хранится в его памяти большое количество».

Репертуар А. И. Иванова, судя по записанным от него шести сказкам, состоял из сказок «Об одураченном черте» (СУС 1060 + 1052; СУС 1149); сказок-анекдотов «О хитрых и ловких людях» (СУС 1525А + 1535; СУС 1539); о попах (СУС 1725; СУС 1730). Две его сказки опубликованы в сборнике, подготовленном У. С. Конкка «Карельские народные сказки» (Л., 1963 — № 69, 75). В нашу публикацию включен текст КНС, 63, № 69 (см. текст № 124). Все они рассказаны с большим юмором и в целом не отличаются от общекарельской традиции.

Три сказки такой же юмористическо-сатирической направленности записано Я. В. Ругоевым от Николая Андреевича Гужиева, 56 лет (в 1937 г.), из дер. Компакка.

В коллекции представлены сказочники разных поколений, начиная с младших по возрасту, 11—12-летних мальчиков. Гужиев Алексей Никитич, 12 лет, из дер. Компакка, рассказал три сказки: о животных (СУС 15 и СУС 103) и одну волшебную (СУС 700). Одну из популярнейших карельских волшебных сказок на сюжет «Золушка» (СУС 510А) рассказал Миронов Хейкки, 11 лет, из дер. Венозеро (текст № 114). Григорьев Иван Васильевич, 11 лет, и Иванов Виктор Максимович, 12 лет, оба из дер. Компакка, рассказали по одной сатирической сказке (СУС 1360 С и СУС 1408).

По несколько сказок записано и от женщин-сказочниц. Среди них следует

отметить А. Н. Гужиеву из дер. Компака. Это сказки новеллистические и сатирические (СУС 875; СУС 138; СУС 1130; СУС 1164) и сказка на сюжет «Живот плачет», который в Указателях не зафиксирован, в Карелии записан в нескольких вариантах (см. КНС, 63, № 78).

В. Я. Евстратова из дер. Койвуниemi, рассказала три сказки: волшебную, на сюжет «Мертвая царевна» (СУС 709) и две сказки-анекдота (СУС 1359С и СУС 1653А, В, С).

Ни от кого из перечисленных, несомненно, талантливых сказочников более поздних записей не имеется.

Одна сказка (текст № 112 — Марко богатый (СУС 461) — была записана от М. М. Мошниковой из дер. Койвуниemi. От нее в 1947 г. Х. Финберг записала ту же сказку и еще четыре новые. Из волшебных М. М. Мошникова рассказала одну из популярнейших в Карелии — «Чудесные дети» (СУС 707), а также «Волшебное кольцо» (СУС 560) и две сказки-анекдота (СУС 1120, 1132 и СУС 1653А, В, С).

В 1940—1941 гг., собирая языковой материал, О. П. Елисева записывала и сказки. В ее материалах имеется три сказки от Анны Кирилловны Богдановой, 56 лет, одна из них — «Хитрая девушка» — была опубликована ранее — КНС, 63, № 53.

С годами возможности записи сказок заметно уменьшаются. Так, в 1956 г. Ф. Федоров записал четыре сказки, три из них от А. И. Евсевой. Это популярные у карел волшебные сюжеты — «Чудесные дети» (СУС 707), «Подмененная жена» (СУС 403), а также сказка «Волшебное кольцо» (СУС 560).

И. Кондратьева в 1959 г. в дер. Машезеро встретила двух хороших сказочниц, женщины уже преклонного возраста. Это Анна Захаровна Аникеева, 1871 г. р., в ее исполнении имеется три волшебные сказки: «Подмененная жена» (СУС 403), весьма популярная в Карелии, сказка «Мачеха и падчерица» (СУС 480; 480*) и встречающийся реже сюжет «Два брата и 40 разбойников» (СУС 676).

Наталья Ефимовна Малюкова, 1877 г. р., родом из дер. Кевязозеро, исполнила четыре сказки: два варианта редко встречающейся волшебной сказки «Незнайка» (СУС 532; СУС 300, 532) и две новеллистические — «Три слова/совета» (СУС 910В + 677) и редкая для Карелии «Жених-разбойник» (СУС 955).

После 1979 г. записей сказок сделано мало, как правило, это сказки новеллистические: «Умные советы», «Добрые советы», «Укрощение строптивой» — и сказки-анекдоты о глупцах. Рассказаны многие из них схематично, с частыми ремарками: «Ой, тут забыла». По несколько сказок такого типа рассказали А. В. Акимова и А. Д. Никонова. Наиболее цельными из записанного в эти годы являются сказки-анекдоты о глупцах. Здесь многие сюжеты рассказываются в виде цепочки, цикла приключений/встреч молодого человека, отправившегося на поиски глупцов. Завязкой служит обнаруженная им глупость родителей или матери и сестры (№ 123).

Волшебных сказок, как и сказок о животных, записать уже не удалось. Их не помнят. Запоминание сказок требует активного бытования жанра. То, что нам рассказали, женщины запомнили с детства, от своих бабушек или других родственников старшего поколения.

Несколько неожиданной явилась возможность записи относительно большого количества *преданий*, что позволило включить их в публикацию отдельным разделом. Более всего преданий исторических — о нападении внешних врагов, здесь — руоччи. В этом названии для местного населения слились шведы и финны, возможно, и немцы (см. с. 11—12). К этому же разделу отнесены и легенды. Их было мало.

Имеется небольшой раздел преданий о заселении края и основании деревень, о народных героях и т. д. Любопытны несколько преданий о «панах», записанные финским историком, путешествовавшим здесь в конце века, Л. Пяаккененом. «Паны» здесь скорее всего воспринимаются в качестве аборигенов края (см. тексты № 132, 133).

Преданий или каких-то других рассказов о Лаппи здесь не выявлено. Само слово *lappi*, *lappalaizet* знакомо далеко не всем. Ответы на вопрос о «лаппи» примерно такие: «Не помню, это не «нация» ли такая? Не лопари ли это? Лопари, лопари, точно». «У нас говорили: «Ой ты, словно лаппалайни» — с осуждением, кто был слишком шустрым»; «ревешь, как лаппалайни» и т. д.

Много рассказов о староверах, раскольниках, самосожженцах, о чем уже упоминалось.

Сразу за преданиями публикуются рассказы о крестах, устанавливаемых вблизи деревень или в деревне. В этих рассказах реальность переплетается с вымыслом (текст № 151), а также выявляется их магическая, оберегательная функция.

Как уже отмечалось, в народе до сих пор бытуют *былички* и *бывальщины*, рассказы о духах — «хозяевах» — стихий, строений и т. д. Все публикуемые тексты записаны в последние годы (начиная с 1980 г.). В беседах не всегда выясняется, насколько устойчива вера в существование духов-«хозяев», но при записи, в процессе повествования о том или ином «духе» явственно обнаруживается вера в описываемые события. Чаще всего это рассказы из собственной житейской практики или из жизни близких людей. Наиболее часто выступают «хозяйка» хлева, «домовые» и «баенник». Часто они сняты во сне, высказывая свое недовольство или удовлетворенность отношением к ним людей.

Интересно, что в хлеву, при корове и овцах, существует «хозяйка» хлева — *liivän emänd'ä*; о «хозяйке» чаще всего идет речь и в разговоре о домовом — то есть это как бы женский персонаж. Хотя о домовом могут говорить и как о «хозяине». В конюшне же, при лошадях, предполагается «хозяин» — *tanhuon izänd'ä* — мужской персонаж, как и в бане, и в риге.

Водяной предстает всегда в образе женщины с длинными волосами, которые она расчесывает. Но рассказов о водяном относительно мало.

В жизни, в крестьянском быту большое значение придавалось *приметам*; существовало множество *запретов*, табу, определявших поведение человека в различных ситуациях. Их нарушение могло обернуться несчастьем. Часть их сохранилась до наших дней.

Как уже отмечалось, вера в *магию*, магическую силу слова, сопровождающего определенные магические действия, была велика, отчасти сохранилась в быту и поныне. Рассказы о знахарях, их могуществе, о различных способах избавления от недугов и несчастий, которых набирается довольно много, составляют особый раздел в публикации. Они отражают не только единичные факты определенных действий, но и в целом особенности мышления предшествующих поколений.

И в наши дни в Карелии повсеместно прибегают к традиционным способам лечения грижи у детей, избавляют детей от «Полуночницы» (ночной плач) — *Yöni't'et't'äjä* с помощью магических действий; совершают оберег скота и некоторые другие действия.

Сочла необходимым включить в публикацию и материал, на первый взгляд, не совсем относящийся к фольклору, — это тексты, отражающие некоторые особенности рождественских праздников и Пасхи, пасхальной недели. Для святок были характерны гадания молодежи. В регионе еще помнят о множестве способов гаданий, часть которых включена в сборник, как демонстрация прежнего быта и досуга молодежи.

Жизнь менялась. Новое, неизвестное раньше проникало в установившийся веками быт, тревожило и будоражило умы; рядом с богомольцами-староверами, твердо соблюдавшими раз и навсегда усвоенные истины, жизнь менялась и в деревенской глубинке. В завершение публикации включены еще два мемората, рассказа-воспоминания, А. В. Акимовой о появлении в деревне первой керосиновой лампы, о чем она слышала от родственницы, и о проведении телефонной связи, что происходило уже при ней. Рассказывала она с большим мастерством, артистизмом.

Надеюсь, материалы настоящей публикации дадут общее представление об устно-поэтической традиции края, о людях, сохранивших эти традиции, будут данью памяти ушедшим поколениям и помогут молодым в познании своих духовных корней, в сохранении родного языка.

А. СТЕПАНОВА

ПОЭЗИЯ КАЛЕВАЛЬСКОЙ МЕТРИКИ

■ *Эпические песни. Баллады*

Заговоры, заклинания

Свадебные песни

Лирические песни

Календарные песни

ЕЕПPISET LAULUT. BALLADIT

1. Kosinta ym.

Anni pežöy uduzen niemen nenäššä,
pit'än pordahan piäššä,
rähähäizie räiskyt't'äy,
n'ägöy ven'ehen merellä.

- 5 Anni t'yt't'ö ainuo kyžyy,
tinarinda riidelöy:
«Kunne läksit, vanha Väin'ämöine,
ulgozit, Šuvannon ukko?»
«Läksin lohta pyyd'ämää,
10 Tuonen muššašta d'ovešta.»
«Tunnen mie valehtelijan,
keškikielarin šanojan.
Oli ennen miun izoni,
viel'ä oli vašta vanhembani,
15 verkkuo oli ven'eh t'äyži,
laivan t'äyzi oli laškemist'a.»
Anni ainagi kyžyy,
tinarinda riidelöy:

- «Kunne läksit, vanha Väin'ämöine,
20 ulgozit, Šuvannon ukko?»
«Läksin d'ouččenien ajoo,
Tuonen muššašta d'ovešta.»
Anni ainagi šanou:
«Tunnen mie valehtelijan,

ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ. БАЛЛАДЫ

1. Сватовство и другие

Анни на туманном мысу стирает,
на длинных причалах
бельё вальком отбивает,
видит лодку на море.

- 5 Анни-девица выспрашивает,
с оловянной брошкой, вопрошает:
«Куда поехал, старый Вяйнямейне,
муж из Суванто направился?»
«Поехал лосося ловить
10 в чёрной реке Туони».
«Узнаю я лжеца,
говорящего неправду.
Бывало, прежде мой отец,
отправлялся мой родитель,
15 с полной лодкою сетей,
с судном, полным снастей».
Анни всё выспрашивает,
с оловянной брошкой дева

спорит:

- «Куда поехал, старый Вяйнямейне,
20 муж из Суванто направился?»
«Еду на лебедей охотиться
в чёрной реке Туони».
Анни говорит ему:
«Узнаю я лжеца,

- 25 keškikielarin šanojan.
 Oli ennen miun izoni,
 viel'ä oli vašta vanhembani,
 hyvä oli šampu olgapiäššä,
 hyvä oli Halli kahleheššä.»
- 30 Anni ainagi kyžyy,
 tinarinda riidelöy:

«Kunne läksit, vanha Väin'ämöine,
 laulaja ijäniguhini?»

- «Läksin neit't'ä koiz'omaa,
 35 t'yt't'yö miehel'l'ä pyrit't'ämää
 pimeistä Pohjalašta,
 tarkašta Tavingol'ašta.»
 Anni koppai helmat kobrihize,
 käzin kiäri vuattiet,

- 40 d'uoksi šepän pihalla:
 «Oi on, šepä Ilmolline,
 tagoja ijäniguhini,
 tavo miula viijet vitjat,
 kolmet korvirengahat,

- 45 mie šanon hyvät šanomat,
 pagajan hyvät paginat.»
 Hiän tago päivän, tago toizen,
 šai hiän veššat valmehekši.
 «D'oba viedii šiun omaš

- 50 pimeistä Pohjalašta,
 tarkašta Tavingol'ašta,
 kolmin vuožin koiz'ottu,
 kakšin kaupiteldu.»
 Šepällä kirjvottii pihet pihalla,

- 55 vaibui vazara kiäšt'ä.
 «Pangua Virkku val'l'ahii
 ruškien rein edee.»
 Šivaldi Virkkuo vičalla.
 Virkku d'uoksi, matka d'oudu,

- 60 regi vieri, tie mureni.
 Pački padvizet d'alakšet,
 vommel tuomine tudazi,
 vezi vuodi vembelešt'ä,
 ražva tippu rahkehist'a.

- 25 говорящего неправду.
 Бывало, прежде мой отец,
 отправлялся мой родитель,
 с добрым оружием за плечом,
 с верным псом на поводке».
- 30 Анни всё выспрашивает,
 с оловянной брошкой дева

спорит:

«Куда поехал, старый Вяйнямейне,
 песнопевец вековечный?»

- «Поехал я девицу сватать,
 35 замуж девушку просить
 из тёмной Похьёлы,
 из строгой Тавинголы».
 Анни подола подхватила,
 собрала своё белишко,

- 40 побежала к кузнецу:
 «Ой, кузнец ты Илмоллине,
 ты кователь вековечный,
 выкуй пятеро цепочек,
 в уши трое серёжек,

- 45 сообщу тебе хорошие вести,
 скажу добрые слова».
 Куёт он день, куёт другой,
 выковал все украшения.
 «Увели твою наречённую

- 50 из тёмной Похьёлы,
 из строгой Тавинголы,
 ту, что сватал по три года,
 что два года торговался».
 Выронил щипцы кузнец,

- 55 молоток из руки выпал.
 «Резвого мне запрягите
 в красные сани».
 Ударил вицей коня.
 Конь бежал, путь сокращался,

- 60 сани катились, дорога крошилась,
 стучали берёзовые полозья,
 дуга из черёмухи качалась,
 из дуги вода струилась,
 из гужей жир стекал.

- 65 Ajo piigojen pihalla,
mäni piijan pienee perttii,
oččišein'än ottamatta,
kamuan kohottamatta.
Tuoba vanha Väin'ämöine
- 70 maguau hänen neijon kera.
«Ammunba vanhan Väin'ämöizen.»
Käzi käšköy, toine kield'äy,
šormet, šuonet ebyäl'l'ää.
«Elä ammu vanhua Väin'ämöist'ä,
- 75 ilo ilmalda kadou,
laulu mualda puuduu.
Ammu Väin'ämöizen heboni.»
Väin'ämöine vezillä piädy,
Väin'ämöine ved'ee mäni.
- 80 Šielä kulgi kuuži vuotta,
šeilu šeiččemen kežyä.
Pölkyn päissä ped'äjin'ä,
kuuzešša käbrylöin'ä.
Tuoba hijen akka pikkaraini,
- 85 pyyhki pien'en perttizen.
Mäni šeizattaudu ruhkazilla,
kuundelougo: itku kuuluu.
Ei ole itku lapšen itku,
Še on vanhan Väin'ämöizen itku.
- 90 D'uoksi šepän pihalla:
«Oi on šepo Ilmolline,
tagoja ijäniguhini,
tavo miula šadua šyldä haravanvarži,
viit't'ä šyldä haravan piit.»
- 95 Šai hiän veššat valmehekši,
haravoičči šuan kevoist'ä,
tukkuzi tuhannen tukuist'ä.
Puuttu vanha Väin'ämöine,
Laulaja ijäniguhini.
- 100 Tuoba vanha Väin'ämöine:
«Kandakkua kalan evie,
lehmän luikkuloida luida.»
Luadi šoiton šormil'l'aa,
šoitau, šovittelou.
- 65 Во двор к девицам заехал,
вошёл в малую избушку,
передней стены не снимая,
не поднимая косяков.
Видит — старый Ваянямёйне
- 70 спит уже с девицей.
«Застрелю старого Ваянямёйне».
Рука велит, вторая медлит,
пальцы, жилы сомневаются:
«Не стреляй ты в Ваянямёйнена,
- 75 в мире радости не будет,
песня землю покинет.
Стреляй в коня Ваянямёйнена».
Ваянямёйне был на озере,
Ваянямёйне в воду упал.
- 80 Там плавал он шесть лет,
все семь лет его носило,
словно сосновое бревно,
будто поплавок еловый.
Баба Хийси малорослая
- 85 подмела маленькую избу.
Вышла, встала на мусор,
слышит: плач доносится.
Этот плач — не плач дитяти,
то плач старого Ваянямёйне.
- 90 Прибежала к кузнецу:
«Ой, кузнец ты Илмоллине,
ты кователь вековечный,
выкуй мне грабли в сто сажен,
на них пяти саженьей зубья».
- 95 Изготовил снаряжение.
Нагребла она сто копен,
собрала в кучу тысячу.
Поймала старого Ваянямёйне,
песнопевца вековечного.
- 100 Этот старый Ваянямёйне:
«Принесите плавников от рыб
и костей от коров».
Сделал он инструмент для
пальцев,
налаживает, примеряется.

105 Kedä oli mečäššä zvierie,
tuldii šoituo kuundelomaa;
kedä oli veissä kalua,
tuldii šoituo kuundelomaa.
Oli van'hin vein emän'd'ä,
110 vedäydy vezikivellä
vanhan Väin'ämöizen šoituo
kuundelomaa.

Tuoba vanha Väin'ämöine:
«Ken en'ämmän tied'änöy,
še tiellä šeiz'okkaa,
115 a ken vähemmän tied'änöy,
še tiellä väl't'ykkää.»
Tuoba vanha Väin'ämöine,
laulaja ijaniguhini,
laulo lammin kangahalla
120 aivan kalattoman,
ihan ahvenettoman,
laulo šepän kalakši,
ažetteli ahvenekši.
«Tuoba vanha Väin'ämöine,
125 laulaja ijaniguhini,
ota pois milmani tiäldä,
ualdo piäd'äni ajau
rannalla hagoja vaššen.»
«Mid'äbä šie koist'aš lubuat?»
130 «On miula kakši venuo koissa,
yksi on kilvašša kebie,
toine on äijä ved'äjä.»
«En mie nyt niist'ä huoli,
miun on kullat kukkazina,
135 helyt hein'ärieškazina:
mie kulin kuuži vuotta,
šeiluvin šeiččemen kežyä,
pölkyn päissä ped'äjin'ä,
kuuzešša kăbrylöin'ä.»
140 «Tuoba vanha Väin'ämöine,
laulaja ijaniguhini,
piäššä šie milmani tiäldä,
ualdo piäd'äni ajau,
rannalla hagoja vaššen.»

105 Что было в лесу зверей,
прибежали игру послушать,
что было рыбы в воде,
приплыли игру послушать.
Тут и старшая воды хозяйка
110 на камень поднялась
послушать игру Ваянямёйна.

Тут старый Ваянямёйне:
«Кто больше знает,
тот останется на дороге,
115 а кто знает меньше,
тот с дороги сойдёт».
Тот старый Ваянямёйне,
песнопевец вековечный,
напел на бору ламбу,
120 вовсе безрыбную,
и совсем без окуней,
кузнеца в рыбу превратил,
в окуня оборотил.
«Ой, ты старый Ваянямёйне,
125 песнопевец вековечный,
вызvoli меня отсюда:
волны к берегу подгоняют,
головой о брёвна бьют».
«Что из дому обещаешь?»
130 «Дома у меня две лодки,
одна лёгкая — для состязаний,
вторая — груз большой несёт».
«Не нуждаюсь я в лодках,
у меня золото вместо игрушек,
135 украшений, что безделушек;
шесть лет меня носило,
все семь на волнах качало
между брёвнами сосновыми,
словно поплавок еловый».
140 «Ой, ты старый Ваянямёйне,
песнопевец вековечный,
вызvoli меня отсюда:
волны к берегу подгоняют,
головой о брёвна бьют».

- 145 «Mid' äbä šie koist' aš lubuat?»
 «Anan ainuon sizären,
 igälopulla ijäkši,
 värizijällä trudakši.»
 Otti hän hän'en šieldä.
- 150 Lähtiettii ajamaa, karauttamaa.
 Mäni šepä muamon luokši,
 vanhan Väin'ämöizen kera.
 «Poiguoni, ainuoni,
 mid'ä olet pahalla mielin?»
- 155 «Muamoni, kandajaini,
 annoin ainuon sizaren,
 lupazin emoni lapšen.»
 «Poiguoni, ainuoni,
 šid'ä mie ijän itin:
- 160 vävykšeni Väin'ämöist'ä,
 šuguhušše miešt'ä suurda,
 langohoze laulajua.»
 Läksi neidi it'kömää,
 vanhalla vävyllä mänömää.
- 165 Kakši kuuda kupetettii,
 vanhan kera vaigeroittii.
 Tuli šurma šanohuoho,
 otti vanhalda Väin'ämöizeldä vaimon.
 Šepä rubei nagramaa,
- 170 vanha Väin'ämöine it'kemää.
 Rubei neit't'ä luadimaa,
 kullašta kukastamaa;
 rubei t'yt't'ö tulomaa,
 kuldakašša kuumokšešta.
- 175 Šai hän t'yt'ön tulešta,
 rubei muata nejjon kera,
 nouzi yläh huomenekšella:
 kumbane oli kyl'gi neit't'ä vaššen,
 še oli kyl'gi kyl'mä kyl'gi;
- 180 kumbane oli varzien vaippua vaššen,
 še oli kyl'gi šula kyl'gi.
 Tuoba vanha Väin'ämöine,
 laulaja ijäniguhini,
 otti laivan rannašta,
- 185 läksi merdä viilemää.
- 145 «Что из дому обещаешь?»
 «Отдам единственную сестру
 тебе, состарившемуся навеки,
 в услужение трясающемуся».
 Освободил его из ламбы.
- 150 Поехали они, покатили.
 Пришёл кузнец к матери
 вместе со старым Вайнямёйне.
 «Ой, ты сын мой единственный,
 отчего пришёл невесел?»
- 155 «Ой, ты мать, меня носившая,
 отдал единственную сестру,
 пообещал дочь своей матери».
 «Ой, ты сын мой единственный,
 я о том всю жизнь мечтала:
- 160 иметь Вайнямёйнена в зятях,
 в роду своём великого мужа,
 славного певца в родне».
 Тут девица стала плакать,
 за старого замуж выходить.
- 165 Два месяца прожили,
 со старым кручинилась.
 Пришла смерть, не сказалась,
 отняла жену у старого Вайнямёйне.
 Кузнец стал смеяться,
- 170 старый Вайнямёйне плакать.
 Стал он девицу мастерить,
 из золота создавать;
 стала девица выходить
 с золотой косой из пламени.
- 175 Вынул он девушку из огня,
 лёг спать с девицей,
 встал поутру с постели:
 бок, что был к девице ближе,
 тот бок совсем холодный;
- 180 бок, что был под одеялом,
 тот бок был совсем тёплым.
 Тут старый Вайнямёйне,
 песнопевец вековечный,
 взял с пристани корабль,
- 185 отправился по морю плавать.

Kaččeliekši, kiändeliekši,
ei havolla, eigä kivellä,
suuren hauvin hardella,
merenkoiran kouhkoloil' l'a.

190 Tuoba vanha Väin'ämöine,
laulaja ijäniguhini,
iski miekalla meryt' t'ä,
alla laiijan langetteli —
haugi ei ni tied'äkšeh,

195 a miekka kolmekši palakši.
Tuoba vanha Väin'ämöine,
laulaja ijäniguhini,
iski miekalla meryt' t'ä,
alla laiijan langetteli —

200 haugi kolmekši palakši,
a miekka ei ni tied'äkšeh.
Keškimuru keilahteli,
händ'ämuru häilähteli,
piäpalat kädee šai.

205 Luadi šoiton šormillaa,
šoittau šovittelou.

Tuli pieni Pekan akka,
piijalla šanou:
«Mäne, piiga, kaččomaa,
210 kenbä šielä šoittanou?»

Piiga varzien vaštual'ou:
«En mie d'ouvva kaččomaa:
kivi šuuri, d'auhot hienot,
d'auhoja vähävägini.»

215 Izän' d'ä kazakalla šanou:
«Mäne, kazakka, kaččomaa.»
Kazakka varzien vaštual'ou:
«En mie d'ouvva kaččomaa,
pino šuuri, hallot pienet,

220 a halgoja vähävägini.»
Šebä iče kaččomaa läksi:
Tuoba vanha Väin'ämöine
laulaja ijäniguhini,
šoittau šovittelou,

225 omilla šuonen šormukšil' l'a.

Смотрит, оглядывается:
не на бревне и не на камне,
а на хребте огромной щуки,
на хрящах морской собаки.

190 Тут старый Ваянямёйне,
песнопевец вековечный,
ударил мечом по морю,
за бортом ударил сильно —
щука и не шелохнулась,

195 меч сломался на три части.
Тут старый Ваянямёйне,
песнопевец вековечный,
нанёс второй удар мечом,
за борт меч вонзил он с силой —

200 щуку разрубил на три части,
а меч целёхонек остался.
Средняя часть всплыла,
хвостовая закачалась,
голову поймал руками.

205 Изготовил инструмент для
пальцев,
налаживает, настраивает.

Подошла малая жена Пекки,
говорит прислуге:
«Поди, служанка, посмотри,
210 кто там играет?»

Служанка важно отвечает:
«Недосуг мне смотреть,
жернов большой, мука мелка,
мельющая малосильна.»

215 Хозяин говорит работнику:
«Сходи, работник, погляди».
Работник важно отвечает:
«Недосуг мне смотреть,
поленница велика, дрова мелки,

220 дровосек малосильный».
Хозяин сам пошёл смотреть:
там старый Ваянямёйне,
песнопевец вековечный,
инструмент настраивает

225 своими сильными пальцами.

2. Päivölän/Pohjolan pivot

Ozmoni olutta keitti,
Päivänpoiga leivät paisto.
«Kuču kurjat, kuču keyhät,
yht'ä elä kuču Lemmingäist'ä.»

- 5 Kattilalla pikkuzella,
šormenpiän šovittavalla,
peigalon mahuttavalla,
hialdi kohti kämmend'ä —
rodiudu oravarauda.
- 10 Kučču kurjat, kučču keyhät
yht'ä ei kuččun Lemmingäist'ä,
Lemmingäist'ä liijaten,
še on kaikičči toraza.

Hiänbä šuuttu, hiänbä šiändy,

- 15 hiänbä kovuan vihaštu.
«Muamozeni, kandajaini,
lämmit'ä udu kylini,
luaji poruo poukku täyži,
šaikan täyži šaippovaist'ä.
- 20 Kanna šie varžišobat,
pidoloissa piet't'ävät,
šovašša häilyt'et't'ävät.»
«Poiguoni, ainuoni,
kolme on šurmua šiun matalla.»
- 25 «Šano šurma enžimmäini.»
«Matkuat matkoja vähäzen,
tijät teid'ä pikkuzen,
tulou tulini aida,
kiärmehil't'ä kiämit'et't'y,
- 30 pandu hän'n'ät häilymää,
piäkellot kihajamaa
šiun, polozen, piän varalla.»
«Muamozeni, kandajaini,
še on šurma, ei miehen šurma,
- 35 eigo ole šurma, lapšen šurma,
še on kuolema urohon.»
«Poiguoni, ainuoni,

2. Пир в Пяйвеля/Похьёла

Осмони пиво варил,
сын Солнца хлеб испёк.
«Позови нищих, позови бедных,
одного не зови —

Леммингяйнаена».

- 5 В котелочке маленьком,
с палец величиной,
вместимостью с большой палец.
Потёр ладонью о ладонь —
появился капкан на белку.
- 10 Созвал нищих, созвал бедных,
одного не позвал —
Леммингяйнаена,
Леммингяйнаена особо —
уж очень он драчлив.
Он обиделся, он рассердился,
- 15 он безмерно обозлился.
«Маменька, меня носившая,
истопи-ка парную баньку,
изготовь щёлочи бочонок,
шайку полную пенистой.
- 20 Принеси мне одежду,
ту, что носят на пирах,
на войну что надевают».
«Сыночек мой, единственный,
три смерти на твоём пути!»
- 25 «Скажи про смерть первую!»
«Пройдёшь пути немного,
одолеешь часть дороги,
встретится огненная изгородь,
змеями она обвязана —
- 30 хвосты снаружи свисают,
головы шипят, колышутся,
на твою погибель, бедняжка».
«Маменька, меня носившая,
эта смерть — не смерть мужчины,
- 35 не смерть — то детская смерть,
то смерть молодца».
«Сыночек мой, единственный,

- matkuat matkua vähäzen,
tiijät teid'ä pikkuzen,
40 tulou tulini koški,
kožešša on tulini korgo,
korošša on tulini koivu,
koivušša on tulini kokko,
kokošša on tulizet nielut.
45 Yöt hiän hambahie hivou,
päivät kynžie niičkuttau,
šiun polozen piän varalla.»
«Muamuoni, kandajaini,
še ei ole šurma, miehen šurma,
50 eigo ole šurma lapšen šurma.
Še on kuolema urohon.»
«Poiguoni, ainuoni,
mänet Karun pihalla,
kondiet on raudačieppilöis's'ä,
55 šijat raudakahlahis's'a
šiun polozen piän varalla.»
«Muamuoni, kandajaini,
še ei ole šurma, miehen šurma,
eigo ole šurma, lapšen šurma,
60 še on kuolema urohon.»
Läksi hiän šodua käymää,
keräi mualda linnut,
koivuloist'a koppelot.
Matkai matkoja vähäzen,
65 tiezi teid'ä pikkuzen,
tuli tulini aida,
čičiliuškoilla šivottu,
kiärmehillä kiämit'et't'y,
pandu oli hän'n'ät häilymää,
70 piäkellot kihajamaa.
«Madozeni, muaneläjä,
pis's'ä piähyt mät't'ähää,
pane händäš koillizee,
anna männä matkamiehen».
75 Pisti piän mät't'ähää,
pani hän'n'än koillizee,
ando männä matkamiehellä.
Matkai matkua vähäzen

- пройдёшь пути немного,
одолеешь часть дороги,
40 встретится огненный порог,
в том пороге огненная отмель,
на отмели огненная берёза,
на берёзе огненный орёл,
у орла огненная пасть.
45 По ночам он зубы [клюв] точит,
днём оттачивает когти,
на твою погибель, бедняжка».
«Маменька, меня носившая,
эта смерть — не смерть мужчины,
50 и не смерть — это детская смерть,
это смерть молодца».
«Сыночек мой, единственный,
придёшь во двор Кару,
там медведи на железных цепях,
55 свиньи в цепных оковах
на твою погибель, бедняжка».
«Маменька, меня носившая,
эта смерть — не смерть мужчины,
и не смерть та, смерть дитяти,
60 это смерть для молодца».
Отправился он воевать,
собрал птиц на земле,
на берёзах коппалух.
Прошёл пути немного,
65 одолел часть дороги,
на пути — огненная изгородь,
ящерами обвязана,
змеями скреплена,
хвосты снаружи свисают,
70 головы колышутся, шипят.
«Змей ты мой, в земле живущий,
уткнись в кочку головой,
хвост на северо-восток поверни,
позволь путнику пройти».
75 Головой уткнулся в кочку,
хвостом — на северо-восток,
дал путнику пройти.
Прошёл он пути немного,

- tiezi tied'ä pikkuzen.
- 80 Tuli tulini koški,
tulizešša koješša tulini korgo,
korošša on tulini kokko,
kokošša on tulizet nielut.
Yöt hiän hambahie hivou,
- 85 päivät kynzie kriičkuttau,
hänen polozen piän varalla.
«Kokkozeni, linduzeni,
ota kobrašta koppalat,
šyö lihat liikkuja.
- 90 Anna männä matkamiehellä.»
Mäni hiän Lemmingäizen (?) pihalla',
kondiet raudacieppilöissä
hukat raudakahlahissa
šijat raudakahlahissa.
- 95 Mäni hiän Lemmingäizen (?) pertii,
Lemmingäine šanou:
«Rubiemma miekkoja kuottelomaa.»
Ozmo šanou:
«Emmä rubie pertis's'ä kuottelomaa,
- 100 Lemmingäizen perti vereyd'yy,
rubiemma pihalla toruamaa.»
Ozmo kerran kokšazi,
otti kun kalalda evän,
vei kuin nagrehelda nuatin.
- 105 Mäni Ozmo (?) muamon luokši.
«Muamozeni, kandajaine,
kunne šie miun nyt panet?
Mänen meččää puukši.»
- 110 «Poiguoni, ainuoni,
elä mäne meččää puukši,
riihipuukši ripšataa,
porrašpuukši paakataa.
Mäne šelväl'1'ä merenšeläl'1'ä,
- 115 kaunehella kallivolla.
Šielä šilma ni ken ei koje.

- одолел часть дороги.
- 80 На пути огненный порог,
в том пороге огненная отмель,
на отмели огненный орёл,
у орла огненная глотка.
По ночам он зубы [клюв] точит,
- 85 днём когтями скребёт,
на твою гибель, бедняжка.
«Ты орёл, птица славная,
возьми из рук всех коппалух,
проглоти живое мясо,
- 90 дай путнику пройти».
Пришёл он во двор
Леммингяинена',
там медведи на цепях,
волки — в железных оковах,
свиньи — в железных оковах.
- 95 Зашёл он в дом Леммингяинена,
Леммингяине говорит:
«Будем испытывать мечи».
Озмо отвечает:
«Не будем в избе испытывать,
- 100 избу кровью испачкаем,
будем драться во дворе».
Озмо первый раз ударил,
будто плавники у рыбы срезал,
будто с репы снял ботву.
- 105 Вернулся Озмо к матери:
«Маменька, меня носившая,
где меня теперь укроешь?
Пойду в лес, стану деревом».
- 110 «Сыночек мой, единственный,
не ходи в лес деревом:
срубят на дрова для риги
иль для ступенек на крыльцо.
Пойди на простор морской,
- 115 на красивую скалу.
Там тебя никто не тронет.

¹Здесь произошла подмена имён — Леммингяине оказался в роли хозяина, Осмо-Озмо — в роли незваного гостя.

Elä miun marua muššenna.»
 Šinne mäni ainuo poiga,
 šuarella kuolomaa.

3. Kadotetut koristeet

- Anni t'yt't'ö, ainut t'yt't'ö,
 aijan it'köy, toizen istuu,
 vyöd'ä kullaist'a kudou,
 hobiest'a huolittau,
 5 piädy veikko veräjäl'l'ä,
 kirvežvartta vuolomašša:
 «Midä it'et, Anni-čikko?»
 «Onba midä it'kömist'ä.»
 Anni aina ga it'köy,
 10 vyöd'ä kullaist'a kudou.
 Piädy izä ikkunašša,
 piiruanpualikaist'a vuolomašša:
 «Midä it'et, Anni-t'yt't'ö?»
 «Onba midä it'kömist'ä,
 15 aigoja hyreht'emis't'ä.
 Kirboi šormuš šormeštani,
 šinilangat šil'mil'däni,
 kuldalangat kulmildani,
 hobielangat vöijenpäis't'ä.»
 20 «Elä it'e, Anni-t'yt't'ö,
 piekšä voida vuoži-toine,
 kolmatta kovuangi äijä,
 veny vergavuattekšissa.
 Lien'et šie muijengi moine!»
 25 Anni ainago it'köy,
 vyöd'ä kullaist'a kudou.

Käy hiän aitan, käy hiän toizen,
 löydi rahista palazen;
 rissist'ä hiän ripuštaudu,
 30 kaglašta hiän kuakistaudu.

Моё сердце не томи». —
 Так ушёл единственный сын
 на остров умирать.

3. Утерянные украшения

- Анни—девица, дочь единственная,
 временами плачет, порой сидит,
 золотой пояс ткёт,
 серебряный ткёт, поспешает.
 5 Братец у ворот сидит,
 топорнице мастерит:
 «О чём, сестрица Анни, плачешь?»
 «Есть о чём плакать».
 Анни всё плачет,
 10 золотой пояс ткёт.
 Отец у ворот сидит,
 скалочку выделяет:
 «О чём рыдаешь, дочка Анни?»
 «Есть о чём плакать,
 15 есть о чём рыдать.
 Кольцо с пальца выпало,
 нити синие с бровей,
 золотые нити с висков,
 серебряные с кушаков».
 20 «Не плачь, дочка Анни,
 сбивай масло годик—два,
 на третий и того больше,
 подрастай в одежах тканых.
 Будешь равною другим!»
 25 Анни продолжает плакать,
 золотой пояс ткёт.
 Пошла она в амбар, зашла
 в другой,
 нашла обрывок вожжей,
 на крестине повесилась,
 30 за шею удавилась.

4. Meren kosijat

- Noužou mieš merešt'ä —
 vaški šuušša, vaški kiäššä,
 vaškikihlät kormanošša:
 «D'ogo olet, t'yt't'ö, miušta mielin?»
- 5 Istuu t'yt't'ö niemizellä,
 hennervöiččöy heiniköššä,
 vuottau miešt'ä mielehist'ä,
 šulhast'ä šulanšanaist'ä.
 Noužou mieš merešt'ä —
- 10 hobie šuušša, hobie kiäššä,
 hobiēkihlät kormanošša:
 «D'ogo olet, t'yt't'ö miušta mielin?»
 «Eulo kiät't'y, eigö šyöt'et't'y,
 eigo pien'enä tuuvvitettu,
- 15 eigo koist'ä t'yönnyt'et't'y.»
 Istuu t'yt't'ö niemizellä,
 hennervöiččöy heiniköššä,
 vuottau miešt'ä mielehist'ä,
 šulhaist'ä šulanšanaist'ä.
- 20 Noužou mieš merešt'ä —
 kulda šuušša, kulda kiäššä,
 kuldakihlät kormanošša:
 «D'ogo olet, t'yt't'ö, miušta mielin?»
 «Eulo kiät't'y, eigö šyöt'et't'y,
- 25 eigo pien'enä tuuvvitettu,
 eigo koist'ä t'yönnyt'et't'y.»
 Istuu t'yt't'ö niemizellä,
 hennervöiččöy heiniköššä,
 vuottau miešt'ä mielehist'ä
- 30 šulhast'ä šulanšanaist'ä.
 Noužou mieš merešt'ä —
 Leibä šuušša, leibä kiäššä,
 leibäkihlät kormanošša:
 «D'ogo olet, t'yt't'ö, miušta mielin?»
- 35 «D'o on kiät't'y, d'o on šyöt'et't'y
 dai i koist'ä t'yönnyt'et't'y.»

4. Сваты из моря

- Из моря мужчина вышел —
 медь во рту, медь в руке,
 медные дары в кармане:
 «По праву ль я тебе, девица?»
- 5 Сидит девица на мысочке,
 отдыхает на лужочке,
 ожидает мужа себе по праву,
 жениха сладкоречивого.
 Из моря мужчина вышел —
- 10 серебро во рту, серебро в руке,
 серебряные дары в кармане:
 «По праву ль я тебе, девица?»
 «Не тебе обещана и вскормлена,
 не для тебя в люльке качали
- 15 и из дому отпускали».
 Сидит девица на мысочке,
 отдыхает на лужочке,
 ожидает мужа себе по праву,
 жениха сладкоречивого.
- 20 Из моря мужчина вышел —
 золото во рту, золото в руках,
 золотые дары в кармане:
 «По праву ль я тебе, девица?»
 «Не тебе обещана и вскормлена,
- 25 не для тебя в люльке качали
 и из дому отпускали».
 Сидит девица на мысочке,
 отдыхает на лужочке,
 ожидает мужа себе по праву,
 жениха сладкоречивого.
- 30 Из моря мужчина вышел —
 хлеб во рту, хлеб в руке,
 хлебные дары в кармане:
 «По праву ль я тебе, девица?»
- 35 «Тебе обещана, для тебя
 вскормлена,
 для тебя из дому отпущена!»

5. Meren kosijat

- Ist'uu neidoni kivellä,
kaunehella kallivolla.
Noužou mužikka merešt'ä —
lauda šuušša, lauda kiäššä,
5 laudakihlat kormanošša:
«Tule, neidoni, miehellä!»
«En ole šiänd'yn, engä ole
kiänd'yn,
engä ole koist'ani toivotettu.»
Ist'uu neidoni kivellä,
10 kaunehella kallivolla.
Noužou mužikka merešt'ä —
rauda šuušša, rauda kiäššä,
raudakihlat kormanošša:
«Tule, neidoni, miehellä!»
15 «Engä ole šiänd'yn, engä ole
kiänd'yn
engä ole koist'ani toivotettu.»
Ist'uu neidoni meren rannalla
kirjavallago kivellä,
kaunehella kallivolla.
20 Noužou mužikka merešt'ä —
tina šuušša, tina kiäššä,
tinakihlat kormanošša:
«Tule, neidozen, miehellä!»
«Engä ole šiänd'yn, engä ole
kiänd'yn,
25 engä ole koist'ani toivotettu.»
Ist'uu neidoni meren rannalla,
kirjavallago kivellä,
kaunehella kallivolla.
Noužou mužikka merešt'ä —
30 vaški šuušša, vaški kiäššä,
vaškikihlät kormanošša:
«Tule, neidoni, miehellä!»
«Engä ole šiänd'yn, engä ole
kiänd'yn,
engä ole koist'ani toivotettu.»
35 Ist'uu neidoni meren rannalla

5. Сваты из моря

- Сидит девица на камне,
на красивой на скале.
Выходит из моря мужчина —
доска во рту, доска в руке,
5 в подарок доска в кармане:
«Выходи, девица, замуж!»
«Не сержусь и не отвергаю,
но не тебе дома обещана».
- Сидит девица на камне,
10 на красивой на скале.
Выходит из моря мужчина —
железо во рту, железо в руке,
в подарок железо в кармане:
«Выходи, девица, замуж!»
15 «Не сержусь и не отвергаю,
но не тебе дома обещана».
- Сидит девица на берегу моря,
на пёстром камне,
на красивой на скале.
20 Выходит из моря мужчина —
свинец во рту, свинец в руке,
в подарок свинец в кармане:
«Выходи, девица, замуж!»
- «Не сержусь и не отвергаю,
25 но не тебе дома обещана».
- Сидит девица на берегу моря,
на пёстром камне,
на красивой на скале.
Выходит из моря мужчина —
30 медь во рту, медь в руке,
в подарок медь в кармане:
«Выходи, девица, замуж!»
- «Не сержусь и не отвергаю,
но не тебе дома обещана».
- 35 Сидит девица на берегу моря,

- kirjavalla kivyöllä,
kaunehella kallivolla.
Noužou mužikka merešt'ä —
hobie šuušša, hobie kiäššä,
40 hobiekihlät kormanošša:
«Tule, neidozen, miehellä!»
«Engä ole šiänd'yn, engä ole
kiänd'yn,
engä ole koist'ani toivotettu.»
Ist'uu neidoni meren rannalla
45 kirjavalla kivyöllä,
kaunehella kallivolla.
Noužou mužikka merešt'ä
kulda šuušša, kulda kiäššä,
kuldakihlat kormanošša:
50 «Tule, neidozen, miehellä!»
«Engä ole šiänd'yn, engä ole
kiänd'yn,
engä ole koist'ani toivotettu.»
Ist'uu neidoni meren rannalla
kirjavalla kivyöllä,
55 kaunehella kallivolla.
Noužou mužikka merešt'ä —
paikka šuušša, paikka kiäššä,
paikkakihlat kormanošša:
«Tule, neidozen, miehellä!»
60 «Engä ole šiänd'yn, engä ole
kiänd'yn,
engä ole koist'ani toivotettu.»
Ist'uu neidoni meren rannalla
kirjavalla kivyöllä,
kaunehella kallivolla.
65 Noužou mužikka merešt'ä —
leibä šuušša, leibä kiäššä,
leibäkihlät kormanošša:
«Tule, neidoni, miehellä!»
«Olen šiänd'yn, olen kiänd'yn,
70 olen koist'ani toivotettu.»
T'yt't'ö läht'öy miehellä.

- на пёстром камне,
на красивой на скале.
Выходит из моря мужчина —
серебро во рту, серебро в руке,
40 в подарок серебро в кармане:
«Выходи, девица, замуж!»
«Не сержусь и не отвергаю,
но не тебе дома обещана».
- Сидит девица на берегу моря,
45 на пёстром камне,
на красивой на скале.
Выходит из моря мужчина —
золото во рту, золото в руке,
в подарок золото в кармане:
50 «Выходи, девица, замуж!»
«Не сержусь и не отвергаю,
но не тебе дома обещана».
- Сидит девица на берегу моря,
на пёстром камне,
55 на красивой на скале.
Выходит из моря мужчина —
платок во рту, платок в руке,
в кармане платок в подарок:
«Выходи, девица, замуж!»
60 «Не сержусь и не отвергаю,
но не тебе дома обещана».
- Сидит девица на берегу моря,
на пёстром камне,
на красивой на скале.
65 Выходит из моря мужчина —
хлеб во рту, хлеб в руке,
хлеб в кармане для подарка:
«Выходи, девица, замуж!»
«Уж не сержусь и не отвергаю,
70 и дома тебе обещана!»
Выходит девушка замуж.

6. Tiellä kosinta

- Aššuin tiedä t'emmingöist'ä,
muada maksankarvallista.
Tuligo tamma vaštahani,
kačahingo tamman tuakši,
5 tamman tagana nuoret miehet,
nuoret kudrit šuapkan alla,
nuoret kirjat kindahissa.
Hyö milma kos' s' omah,
mie iče mänömäh,
10 tuatto, muamo ei andamah.
Aššuin tiedä t'emmingöist'ä,
muada maksankarvallista.
Tuligo tamma vaštahani,
kačahingo tamman tuakši,
15 tamman tagana vanhat miehet,
vanhat kirjat kindahissa,
vanhat kudrit šuapkan alla.
Hyö milmani kos' s' omah.
Mie en iče mänömäh,
20 tuatto, muamo andamah.
Millägö nuorda vuatitah?
Ošša pivo pellavaist'ä,
kezryä yksin kuiduzin,
luaji paida palttinaini,
25 pukšut lumikabuzet.
Millägö nuorda šyöt'et'äh?
Keitä huttu suurimašta,
pane voida painimekši.
Millägö nuorda kylvet'et'äh?
30 Lämmit'ä kyly uduni,
ota valittu vaštani,
haudelego hardehuizie,
pehmittele peräpahkazie.
Millägö vanhua šyöt'et'äh?
35 Keitä huttu ruumenist'ä,
pane tervua painimekši.

6. Сватовство в дороге/ в пути

- Шла дорогой проторённой,
по земле тёмно-коричневой².
Идёт ли кобыла мне навстречу,
смотрю, следом за кобылой —
5 там стоят молодые мужчины,
младые кудри под шапкой,
новый узор на рукавицах.
Они меня сватать,
я сама замуж выходить,
10 отец, мать не выдают.
Шла дорогой проторённой,
по земле тёмно-коричневой.
Идёт кобыла мне навстречу,
смотрю, следом за кобылой —
15 там стоят старые мужчины,
старый узор на рукавицах,
старые под шапкой кудри.
Они меня сватать,
я сама не хочу выходить,
20 отец, мать выдают.
Как молодого одевают?
Купи пясть льна,
спряди по одному волоконцу,
сотки полотняную рубаху,
25 белые, что снег, портки.
Чем молодого кормят?
Свари кашу из крупы,
положи посередине масла.
Как молодого в бане парить?
30 Истопи парную баню,
выбери отборный веник,
попарь ему плечи,
распарь ягодицы.
Чем старого накормить?
35 Свари кашу из мякины,
добавь смолы вместо масла.

² Букв.: цвета печени.

- Millägö vanhua vuatitah?
 Kuužen karhiet kudiekši,
 loukkunaizet loimekši.
 40 Šiid'ä paida palttinaini,
 pukšut lumikabuzet.
 Millägö vanhua kylvet'et'äh?
 Lämmit'ä kyly uduni,
 ota koivuni korendo,
 45 haudele hardiezie,
 pehmittele peräpahkoja.

7. Neidon lunastus

- Ist'uu n'eido meren rannalla,
 kirjavalla kivellä.
 Kaččou yläh — päiväni paistau,
 alahana venoni šoudau.
 5 «Kenen tuo ven'eh?
 Tuattoni tuo venoni.
 Ota, tuatton, venozeh!»
 «En ota, en ota!»
 Šulkut-verkot ven'eheššä,
 10 kuldani harjuš kudomaššä
 ruškiesšä ruuvikoššä,
 kauneheššä kazlikoššä.»
 Ist'uu n'eido meren rannalla,
 kirjavalla kivellä.
 15 Kaččou yläh — päiväni paistau,
 alahana venoni šoudau.
 «Kenen tuo ven'eh?
 Muamoni tuo venoni.
 Otaš, muamo, venozeh!»
 20 «En ota, en ota!»
 Šulkut-verkot ven'eheššä,
 kuldani harjuš kudomaššä
 ruškiesšä ruuvikoššä,
 kauneheššä kazlikoššä.
 25 Veikkozi on jälellä.»

- Во что старого одеть?
 Кору еловую вместо утка,
 кострику вместо основы³.
 40 Вот и полотняная рубашка,
 белые, как снег, портки.
 Чем старого в бане парят?
 Истопи парную баню,
 возьми березовое коромысло,
 45 попарь ему плечи,
 распарь ягодицы.

7. Выкуп девушки

- Сидит девица на берегу моря,
 на пёстром камне.
 Взглянет вверх — солнце светит,
 понизу лодка плывёт.
 5 «Чья же эта лодка?
 То отцова лодка.
 Возьми, отец мой, в лодку!»
 «Не возьму, не возьму,
 сети шёлковые в лодке,
 10 золотой хариус нерестится
 в коричневых камышах,
 в красивых зарослях.»
 Сидит девица на берегу моря,
 на пёстром камне.
 15 Взглянет вверх — солнце светит,
 понизу лодка плывёт.
 «Чья же эта лодка?
 Это лодка матери.
 Возьми, маменька, в лодку!»
 20 «Не возьму, не возьму,
 сети шёлковые в лодке,
 золотой хариус нерестится
 в коричневых камышах,
 в красивых зарослях.
 25 Братец следом едет».

³ При тканье: утёк — поперечные нити, основа — продольные нити в ткани.

- Ist'uu n'eido meren rannalla
kirjavalla kivellä.
Kaččou yläh — päiväni paistau,
alahana venoni šoudau.
- 30 «Kenen tuo ven'eh?
Veikkoni venoni.
Otaš, veikkoni venozeh!»
«En ota, en ota!
Šulkut-verkot ven'eheššä,
35 kuldani harjuš kudomašša
ruškiešša ruuvikošša,
kaunehešša kazlikošša.
Čikkoš on jälellä.»
Ist'uu n'eido meren rannalla,
40 kirjavalla kivellä.
Kaččou yläh — päiväni paistau,
alahana venoni šoudau.
«Kenen tuo venoni?
Čikkoni venoni.
45 Otaš, čikkoni, venozeh!»
«En ota, en ota!
Šulkut-verkot ven'eheššä,
kuldani harjuš kudomašša
ruškiešša ruuvikošša,
50 kaunehešša kazlikošša.
Šulhazeš on jälellä.»
Ist'uu n'eido meren rannalla
kirjavalla kivellä.
Kaččou yläh — päiväni paistau,
55 alahana venoni šoudau.
«Kenen tuo ven'eh?
Šulhazen venoni.
Ota, šulhane, venozeh!»
«Otan, otan venozeh!»
60 Ei ole šulkkuja-verkkoja
ven'eheššä.»
«Šulhon airot armahammat,
šulhon mela mieluzemi.»

- Сидит девица на берегу моря,
на пёстром камне.
Взглянет вверх — солнце светит,
понизу лодка плывёт.
- 30 «Чья же эта лодка?
Это лодка братца.
Возьми, братец, в лодку!»
«Не возьму, не возьму,
сети шёлковые в лодке,
35 золотой хариус нерестится
в коричневых камышах,
в красивых зарослях.
Сестра следом едет».
Сидит девица на берегу моря,
40 на пёстром камне.
Взглянет вверх — солнце светит,
понизу лодка плывёт.
«Чья же эта лодочка?
Это лодочка сестры.
45 Возьми, сестрица, в лодку!»
«Не возьму, не возьму,
сети шёлковые в лодке,
золотой хариус нерестится
в коричневых камышах,
50 в красивых зарослях.
Твой жених едет следом».
Сидит девица на берегу моря,
на пёстром камне.
Смотрит вверх — солнце светит,
55 лодка понизу плывёт.
«Это чья же лодка?
Это лодочка жениха.
Возьми, жених, в лодку!»
«Возьму, возьму в лодочку,
60 нет сетей шёлковых у меня».
«Вёсла милого милее,
вёсла милого ласковее».

8. Neidon lunastus

- Ist'uu t'yt't'öne ulahuttau,
kadajikkoh kajahuttau.
Kaččou yläh — päiväne paistau,
kaččou alah — ven'õ šoudau.
- 5 Kenen ven'oni šoudau?
Kui tuaton ven'oni šoudau.
«Ota, ota, armaš tuattoni,
ota milmani ven'eheh.
Ota, ota, armaš tuattoni,
10 ota milmani ven'eheh.»
«En voi ottua, en voi ottua,
šulkud—verkod on ven'eheššä,
kuldani haugi kudomašša.
Muamoš jäl'el'l'ä tulou —
15 muamoš airoi armahemmat,
muamoš peränpivot paremmat.»
Ist'uu t'yt't'öne ulahuttau,
kadajikkoh kajahuttau.
Kaččou yläh — päiväne paistau,
20 kaččou alah — ven'oni šoudau.
Kenen ven'oni šoudau?
Muamon ven'oni šoudau.
«Ota, ota, armaš muamoni,
ota milmani ven'ozeh.»
25 «En voi ottua, en voi ottua,
šulkud—verkod on ven'eheššä,
šulkud—verkod on ven'eheššä,
kuldani haugi kudomašša.
Kuldani jälgeh šiun tulou,
30 da kuldazen airoi armahemmat,
kuldazen peränpivot paremmat.»
Ist'uu t'yt't'öne ulahuttau,
kadajikkoh kajahuttau.
Kaččou yläh — päiväne paistau,
35 kaččou alah — ven'oni šoudau.
Kenen ven'oni šoudau?
Da kullan ven'oni šoudau.

8. Выкуп девушки

- Сидит девушка, рыдает,
в можжевельнике стенает.
Смотрит вверх — солнце светит,
смотрит вниз — лодка плывёт.
- 5 Чья лодочка плывёт?
Будто бы отцова лодка.
«Возьми, возьми, милый отец,
возьми меня в лодку.
Возьми, возьми, милый отец,
10 возьми меня в лодку».
«Не могу взять, не могу взять.
Сети шёлковые в лодке,
золотая щука нерестится.
Мать сзади едет,
15 вёсла матери милее,
руль у матери надёжней».
Сидит девушка, рыдает,
в можжевельнике стенает.
Смотрит вверх — солнце светит,
20 смотрит вниз — лодка плывёт.
Чья лодочка плывёт?
Лодка матери плывёт.
«Возьми, возьми, милая мама,
возьми в лодочку меня».
25 «Не могу взять, не могу взять,
шёлковые сети в лодке,
шёлковые сети в лодке,
золотая щука нерестится.
Твой милый⁴ сзади едет,
30 вёсла милого получше,
руль у милого надёжней».
Сидит девушка, рыдает,
в можжевельнике стенает.
Смотрит вверх — солнце светит,
35 смотрит вниз — лодка плывёт.
Чья лодочка плывёт?
Лодка милого плывёт.

⁴ Буквально, «золотой», так часто карелы называли возлюбленного.

«Ota, ota, kallis kuldani,
ota milmani ven'ozeh.»

- 40 «Tule, tule, armaš kallis,
tule miulani ven'ozeh.

Tule, tule armaš kallis,
tule miulani ven'ozeh.»

9. Neidon lunastus

L'äksi čirkkuni čivošta,
pieni linduni pežāštā.

Anni t'yt't'ö, ainuo neido,
pyyhki pikku perttizen,

- 5 läksi ulloš ortta myöt'e,
pihalla päret't'ä myöt'e.

Kaččo ylōš, kaččo alaš,
ylāhānā päivyt paist'au,
alahana venoni šoudau.

- 10 Kačongo, toattoni tulou.

«Tule, tule, toattozeni,
ota milma ven'ehee!»

«En d'ouva, en d'ouva,
en d'ouva t'yt'ärrukka,

- 15 šulkud-verkod ven'cheššā,
kuldaharjuš kudomaššā,
kuldazis's'a kuominois's'a,
vaškimāhnā valumaššā.»

Kačongo, moamoni tulou.

- 20 «Tule, tule, moamozeni,
ota milma ven'oze!»

«En d'ouva, en d'ouva,
en d'ouva t'yt'ärrukka.»

Kačongo, veikkoni tulou.

- 25 «Tule, tule, veikkozeni,
ota milma ven'ehee!»

«En d'ouva, en d'ouva,
en d'ouva čikkorukka.»

Kačongo čikkoni tulou.

- 30 «Tule, tule čikkozeni,
ota milma ven'oze!»

«Возьми, возьми, дорогой милый,
возьми в лодочку меня!»

- 40 «Приди, приди, милая дорогая,
приди в лодочку ко мне.

Приди, приди, милая дорогая,
приди в лодочку ко мне.»

9. Выкуп девушки

Вылетела пташка из травы,
птица малая из гнезда.

Анни-девушка, единственная,
подмела маленькую избу,

- 5 вышла на улицу по жёрдочке,
во двор по лучинке.

Смотрит вверх, смотрит вниз —
наверху солнце светит,
внизу лодочка плывёт.

- 10 Вижу, мой отец плывёт.

«Подъезжай, приди, отец мой,
возьми меня в лодку!»

«Недосуг мне, недосуг мне,
недосуг мне, доченька,

- 15 сети шёлковые в лодке,
золотой хариус нерестится
на золотых тонях,
медная икра вытекает».

Вижу, маменька плывёт.

- 20 «Приди, приди, маменька,
возьми меня в лодочку!»

«Недосуг мне, недосуг мне,
недосуг мне, доченька».

Смотрю, братец плывёт.

- 25 «Приди, приди, братец,
возьми меня в лодочку!»

«Недосуг мне, недосуг мне,
недосуг мне, сестрица».

Смотрю, сестрица плывёт.

- 30 «Приди, приди, сестрица,
возьми меня в лодочку!»

«En d'ouva, en d'ouva,
en d'ouva čikkorukka.»

10. Itköy neičyt

It'köy neičyt ulahuttau,
kadajikkoh kajahuu.
Kaččou yläh — päiväni paist'au,
alahana veno šoudau.

- 5 Kenbä šiinä venošša?
Tuatto šiinä venošša on.
«Tuleš, tuatto, armaš tuatto,
tuleš milma ottamah.»

«En voi tulla, en voi tulla,

- 10 šulkud-verkod venošša.»
It'köy neičyt, ulahuttau,
kadajikkoh kajahuu.

Kaččou yläh — päiväni paist'au,
alahana veno šoudau.

- 15 Kenbä šiinä venozešša?
Veikko šiinä venozešša.
«Tulež, veikko, armaž veikko,
tule milma ottamah.»

«En voi tulla, en voi tulla,

- 20 šulkud-verkod venošša.»
It'köy neičyt, ulahuttau,
kadajikkoh kajahuu.

Kaččou yläh — päiväni paist'au,
alahana veno šoudau.

- 25 Kenbä šielä venošša?
Kuldani šielä on venošša.

«Tuleš, kuldani, armaš kuldani,
tuleš, ota milma venozeh!»
Kuldani tuli, otti venozeh.

«Недосуг мне, недосуг мне,
недосуг, сестрица!»

10. Плачет девушка

Плачет девушка, рыдает,
в можжевельнике [эхом]
раздаётся.

Смотрит вверх — солнце светит,
понизу лодочка плывёт.

- 5 Кто же в этой лодочке?
Отец в этой лодочке.
«Приди же, отец, милый отец,
приди ты, возьми меня».
«Не могу придти, не могу

подойти,

- 10 сети шёлковые в лодке».
Плачет девушка, рыдает,
в можжевельнике [эхом]

раздаётся.

Смотрит вверх — солнце светит,
понизу лодочка плывёт.

- 15 Кто же в этой лодочке?
Братец в этой лодочке.
«Приди, братец, милый братец,
приди ты, возьми меня».
«Не могу придти, не могу

придти,

- 20 сети шёлковые в лодке».
Плачет девушка, рыдает,
в можжевельнике [эхом]

раздаётся.

Смотрит вверх — солнце светит,
понизу лодочка плывёт.

- 25 Кто же в этой лодочке?
Милый мой в этой лодочке.
«Приди же милый, дорогой
милый,
приди, возьми меня в лодочку!»
Милый пришёл, взял в лодочку.

11. Kadonnut lintu/hanhi. Vesitiellä viipynyt

- Tilkin, tilkin t'eid'ä myöte,
malkin, malkin maida myöte,
kullaista kujoista myöte,
hobieista tiehyt't'ä myöte,
5 mänin miän, /mänin/ toizen,
mänin puolen kolmatta:
tuli kodane vaſtaa.
Kolahunin kovaſpuida,
rämähytin räyſäispuida,
10 vuidi muſta Muččine,
puri polgupehkuon,
haukkai hauvvis'lihazen.
«Mid'ä, n'eidin, it'et?»
«Yksi läksi tuomen tuondaa,
15 toine läksi d'änön ajoo,
kolmaſ läksi pedran ajoo.»
«Mid'ä ſiula ſiel'd'ä tuuvvaa?»
«Yksi tuou t'äyvvät ſormet
ſormuſta,
toine tuou t'äyvvät kulmat kuldua,
20 kolmaſ tuou t'äyven rinnan risti
da vuagalinduzen.»
«Kunneba ſie vuagalinduzen
panet?»
«Panizin ozrapuurnuoho,
ozrapuurnuoſſa ovaſtuu;
25 panizin kagrapuurnuoho,
kagrapuurnuoſſa kahist'uu;
panizin ruispuurnuoho,
ruispuurnuoſſa ruvaſtuu;
panizin aitan piäl'l'ä,
30 aitan lenga languau (?);
panizin riihen piäl'l'ä,

11. Понски птицы/гуся. Девушка задерживается у источника

- Тили, тили, по дорожкам,
мали, мали, по земельке,
по золотому проулку,
по серебряной тропинке,
5 прошла горку, прошла вторую,
прошла половину третьей:
встретилась на пути избушка.
Стукнула по брусу / бревну,
брякнула по застрехе —
10 вышла чёрная Чернушка⁵,
укусила за колено,
откусила кусок икры⁶.
«Чего, девица, плачешь?»
«Один пошёл за черёмухой,
15 второй — охотиться на зайцев,
третий — в погоню за оленем». «Что тебе принесут?»
«Один принесёт кольца на
пальцы,
второй — золотые украшения
к вискам,
20 третий — крестики на шею
да ещё чудо-птицу».
«Куда ты поместишь
чудо-птицу?»
«Поместила бы в ларь с ячменём,
да в ячмене поперхнётся;
25 поместила бы в ларь с овсом,
да в ларе с овсом охрипнет;
поместила бы в ларь с рожью,
да в мякине вывалется;
положила бы на амбар,
30 да стропила обломается;
отнесла бы в ригу,

⁵ Кличка собаки.

⁶ Икропожистой мышцы.

rämähytin räyšäispuuda,
mänin pertlizee:

- 70 rebo kangašta kudou,
lindune vain kiämit' t'äy...

Otin korvon ollallani,
kauhan käzivarrellani,
vein vet' t'ä tuatollani.

- 75 Tuatto šano: «Mäne, poto, poigeš,
et ollun vein kannannašša,
olit šulhon ečin' n' äššä.»

Otin korvon ollallani,
kauhan käzivarrellani,

- 80 kačahin, ga kaivone kuiva,
lehet piäl' t'ä langettu.

Otin vet' t'ä olgozešta (?),
läbi tinan tilkutin,
läbi važen valutin.

- 85 Vein vet' t'ä muamollani.
Muamoni šanou: «Mäne, poto,
poigeš.

Et ollun vein kannannašša,
olit šulhon ečin' n' äššä.»

Otin vet' t'ä olgozešta,

- 90 läbi tinan tilkutin,
läbi važen valutin.

Vein vet' t'ä veikollani.

Veikkoni šanou: «Mäne, poto,
poigeš!»

Otin vet' t'ä olgozešta,

- 95 läbi tinan tilkutin,
läbi važen valutin.

Vein vet' t'ä čikollani.

Čikkoni šanou: «Mäne, poto,
poigeš!»

Otin vet' t'ä olgozešta,

- 100 läbi tinan tilkutin,
läbi važen valutin.

Vein vet' t'ä ukollani.

Ukkoni šanou: «Mäne, poto,
poigeš,

et ollun vein kannannašša,

брякнула по застрехе,
вошла в избу:

- 70 лиса полотно ткёт,
моя птица наматывает...

Взяла ушат на плечо,
ковшик на руку,
отнесла воды отцу.

- 75 Отец говорит: «Уходи, блудница,
прочь,

ты не за водой ходила,
ходила жениха искать».

Взяла ушат на плечо,
ковшик на руку,

- 80 смотрю, колодец высох,
листья поверху упали.

Взяла воды в ложбинке,
сквозь олово процедила,
сквозь медь пропустила,

- 85 отнесла воды матери.
Мать говорит: «Уходи,
блудница, прочь,

ты не по воду ходила,
ходила жениха искать».

Взяла воды в ложбинке,

- 90 сквозь олово процедила,
сквозь медь пропустила.

Отнесла воды брату.

Брат говорит: «Уходи, блудница,
прочь».

Взяла воды из ложбинки,

- 95 сквозь олово процедила,
сквозь медь пропустила.

Отнесла воды сестре.

Сестра говорит: «Уходи,
блудница, прочь».

Взяла воды из ложбинки,

- 100 сквозь олово процедила,
сквозь медь пропустила.

Отнесла воды дедушке.

Дед говорит: «Уходи, блудница,
прочь,

ты не за водой ходила,

- 105 olit šulhon ečin' n' äššä.»
 Otin vet' t' ä olgozešta,
 läbi tinan tilkutin,
 läbi važen valutin.
 Vein vet' t' ä ämmölläni.
- 110 Ämmöni otti vet' t' ä.
 Rubezin läzimää, rubezin
 kuolomaa,
 oigiešta olgupiästä,
 važemmašta varbahašta.
 Tuli tuattoni proškenjalla:
- 115 «Prosti, prosti, Laurikka—rukka.»
 «Engo prosti, engo prosti,
 d' o kuin t' yö miun potolalla polgija,
 tulilautalla t' yöndijä.»
 Rubezin läzimää, rubezin
 kuolomaa,
 120 oigiešta olgupiästä,
 važemmašta varbahašta.
 Tuli muamo proškenjalla:
 «Prosti, prosti, Laurikka—rukka.»
 «Engo prosti, engo prosti,
- 125 d' o kuin t' yö miun potolalla polgija,
 tulilautalla t' yöndijä.»
 Rubezin läzimää, rubezin
 kuolomaa,
 važemmašta varbahašta,
 oigiešta olgupiästä.
- 130 Tuli veikkoni proškenjalla:
 «Prosti, prosti, Laurikka—rukka.»
 «Engo prosti, engo prosti,
 d' o kuin t' yö miun potolalla polgija,
 tulilautalla t' yöndijä.»
- 135 Rubezin läzimää, rubezin
 kuolomaa,
 oigiešta olgupiästä,
 važemmašta varbahašta.
 Tuli ukkoni proškenjalla:

- 105 ходила жениха искать».
 Взяла воды из ложбики,
 сквозь олово процедила,
 сквозь медь пропустила.
 Отнесла воды бабушке.
- 110 Бабушка воду взяла.
- Начала я болеть, стала умирать,
 от правого плеча
 до пальца на левой ноге.
 Пришёл отец просить прощения:
- 115 «Прости, прости, моя Лаурикка!»
 «Не прощу и не прощаю —
 меня блудницей обозвали,
 негодной женщиной сочли^a».
- Начала я болеть, стала умирать,
 120 от правого плеча
 до пальца на левой ноге.
 Пришла мать просить прощения:
 «Прости, прости, моя Лаурикка!»
 «Не прощу и не прощаю —
 125 меня блудницей обозвали,
 негодной женщиной сочли».
 Начала я болеть, стала умирать,
 от пальца на левой ноге
 до правого плеча.
- 130 Пришёл брат просить прощения:
 «Прости, прости, бедняжка
 Лаурикка!»
 «Не прощу и не прощаю —
 меня блудницей обозвали,
 негодной женщиной сочли».
- 135 Стала я болеть, стала умирать,
 от правого плеча
 до пальца на левой ноге.
 Пришёл дедушка просить
 прощения:

^a Букв.: Отправили на огненном плоту.

«Prosti, prosti, Laurikka–rukka.»

140 «Engo prosti, engo prosti,
d'o kuin t'yö miun potolalla polgija,
tulilautalla t'yöndijä.»
Rubezin läzimää, rubezin

kuolomaa,

oigiešta olgupiäštä,

145 važemmašta varbahašta.

Tuli ämmöni proškenjalla:

«Prosti, prosti, Laurikka–rukka.»

«Prostin, prostin, ämmözeni.»

12. Kuolin sanomat

Kil'l'arvon Kal'l'arven Kal'oškan
poiga,

läksi šonnilla /šotilla /šoudamaa,
šuo šorahti, mua d'ärähti,
kangaš vaštaa i kajahti.

5 Tuldii koistaš šanomat:

«Tuattoš on kuolomašša.»

«Kuolghaze, kuolghaze,
on tuanmoizie tuattoloja,
d'oga niemen nenäššä,

10 d'oga pellon peräššä.»

Kil'l'arvon Kal'l'arven Kal'oškan
poiga,

läksi šonnilla /šotilla /šoudamaa,
šuo šorahti, mua d'ärähti,
kangaš vaštaa i kajahti.

15 Tuldii koist' aš šanomat:

«Muamoš on kuolomašša.»

«Kuolghaze, kuolghaze,
on tuanmoizie muamoloja
d'oga niemen nenäššä,

20 d'oga pellon peräššä.»

«Прости, прости, бедняжка

Лаурикка!»

140 «Не прощу и не прощаю —
меня блудницей обозвали,
негодной женщиной сочили.»

Стала я болеть, стала умирать,
от правого плеча

145 до пальца на левой ноге.

Пришла бабушка просить

прощенья:

«Прости, прости, бедняжка

Лаурикка».

«Прощаю, прощаю, милая

бабушка».

12. Вести о смерти родных

Калёшка — Киллярво Каллярво
сын,

отправился грести на лодке.
Болото ухнуло, земля вздрогнула,
звонко отозвался бор.

5 Принесли из дому весть:

«Отец твой при смерти».

«Умирает, пусть умрёт,
хватает таких отцов
на каждом мысу,

10 за каждым полем».

Калёшка — Киллярво Каллярво
сын,

отправился грести на лодке.
Болото ухнуло, земля вздрогнула,
звонко отозвался бор.

15 Принесли из дому весть:

«Мать дома при смерти».

«Умирает, пусть умрёт,
хватает таких матерей
на каждом мысу,

20 за каждым полем».

Kil'l'arvon Kal'l'arven Kal'oškan
poiga,
läksi šonnilla /šotilla/ šoudamaa,
šuo šorahti, mua d'ärähti,
kangaš vaštaa i kajahti.

- 25 Tuldii koist'aš šanomat:
«Veikkoš on kuolomašša.»
«Kuolghaze, kuolghaze,
on tuanmoizie veikkoloja
d'oga niemen nenäššä,
30 d'oga pellon peräššä.»
Kil'l'arvon Kal'l'arven Kal'oškan
poiga,
läksi šonnilla /šotilla/ šoudamaa,
šuo šorahti, mua d'ärähti,
kangaš vaštaa i kajahti.
- 35 Tuldii koist'aš šanomat:
«Čikkoš on kuolomašša.»
«Kuolghaze, kuolghaze,
on tuanmoizie čikkoloida
d'oga niemen nenäššä,
40 d'oga pellon peräššä.»

13. Kuolin sanomat

Kul'l'arven Kal'l'arven Kal'oška
poigani
läksi sotilla šoudamah.
Šuo šurahti, mua d'äräht'i,
kangažmarjazen karahti.

5 Tuldih koist'a šanomah,
jott' on tuattoš kuolomašša:
«Kuolghah, kuolghah oma tuatto,
on tuommoizie tuattoloi n'ägiēt't'y,
šil'mäd varbun šienenist'ä,
10 korvat koivun lebehist'ä.»
Kul'l'arven Kal'l'arven
Kal'oškani poigani

Калёшка — Киллярво Каллярво
сын,
отправился грести на лодке.
Болото ухнуло, земля
вздогнула,
звонко отозвался бор.

- 25 Принесли из дому весть:
«Брат твой при смерти».
«Умирает, пусть умрёт,
хватает таких братьев
на каждом мысу,
30 за каждым полем».
Калёшка — Киллярво Каллярво
сын,
отправился грести на лодке,
болото ухнуло, земля
вздогнула,
звонко отозвался бор.
- 35 Принесли из дому весть:
«Сестра дома при смерти».
«Умирает, пусть умрёт,
хватает таких сестёр
на каждом мысу,
40 за каждым полем».

13. Вести о смерти родных

Калёшка, Куллярво Каллярво
сын,
отправился грести на лодке.
Болото ухнуло, земля вздогнула,
ягодный бор отозвался.

5 Из дому пришли сказать,
что отец при смерти.
«Пусть умрёт, умрёт отец,
видали мы таких отцов:
глаза из семени деревьев,
10 уши из бересты тонкой».
Калёшка, Куллярво Каллярво
сын,

- läksi sotilla šoudamah.
 Šuo šurahti, mua d'ärähti,
 kangažmarjazen karahti.
 15 Tuldih koist'a šanomah,
 jott'on muamoš kuolomašša:
 «Kuolgah, kuolgah oma muamo,
 on tuommoizie muamoloi n'ägiel't'y.
 Vardalo on lohtašpuušta,
 20 šil'mät šiemen'ešt'ä,
 korvat koivun lebehist'ä.»

14. Vasileine lähtee kotoa

- Vasileine, veličkoine,
 kuldane kibenyt,
 kunna läksit? — Ruoččii!
 — Midä d'ätit tuatollaš?
 5 — Kozn'on muata, kudomizen
 čurpuu.
 — Vasileine, veličkoine,
 kuldane kibenyt,
 kunna läksit? — Ruoččii!
 — Midä d'ätit muamollaš?
 10 — Midä muata, kroman luarii...(?)
 — Vasileine, veličkoine,
 kuldane kibenyt,
 kunna läksit? — Ruoččii!
 — Midä d'ätit veikollaš?
 15 — Piššalin vuarnaa, koiran
 sarajalla.
 — Vasileine, veličkoine,
 kuldane kibenyt,
 kunna läksit? — Ruoččii!
 — Midä d'ätit čikollaš?
 20 — Šuuren ikkunavieren istuo,
 pialat ommella.

- отправился грести на лодке.
 Болото ухнуло, земля вздрогнула,
 ягодный бор отозвался.
 15 Из дому пришли сказать,
 что его мать при смерти:
 «Пусть умрёт, умрёт мать,
 видали мы таких матерей:
 стан из толстого бревна,
 20 глаза из семени,
 уши из бересты тонкой».

14. Василейне уезжает из дома

- Василёк, мой братец,
 золотая искорка,
 куда уходишь? — В Руоччи!
 — Что оставил отцу?
 5 — Голбец [полати] для сна,
 вязание [сети] в углу.
 — Василёк, мой братец,
 золотая искорка,
 куда уходишь? — В Руоччи!
 — Что оставил матери?
 10 — Чтобы спать могла, корочку
 [хлеба] в ларе.
 — Василёк, мой братец,
 золотая искорка,
 куда уходишь? — В Руоччи!
 — Что оставил брату?
 15 — Пищаль на гвозде, собаку
 на сарае.
 — Василёк, мой братец,
 золотая искорка,
 куда уходишь? — В Руоччи!
 — Что оставляешь сестре?
 20 — Широкий проём оконный,
 где сидеть,
 пяльца для шитья.

⁹ Букв.: в Швецию, но в это понятие входила и Финляндия.

- Vasileine, veličkoine,
kuldane kibenyt,
kunna läksit? — Ruoččii!
25 — Midä d'ätit moržiemellaš?

— Kiven karžinaa, pletin vuarnaa,
min kivi kriičkahtau,
šen pletti rouškahtau.

15. Iivana/Vasileine/ lähtee kotoa

- «Iivana, izoš poiga,
kunne läksit?» — «Ruoččih
tapparaist'a tavottamah,
kirvežvartta kirjuttamah.»
5 «Minbä jätit tuatollaš?»
«Tuatolla jätin
hyvän ikkunan istuokšeh,
hyvän kudomizen kuduokšeh.»
«Minbä jätit muamollaš?»
10 «Muamolla jätin
hyvän lypšyšrengin vuarnah
da hyvän kiugankorvan
ven'yökšeh.»

- «Iivana, izoš poiga,
minbä jätit moržiemella?»
15 «Moržiemella jätin
hyvän kiven karžinah,
hyvän pletin vuarnah.
Min kivi ričkau,
šen pletti rauškau.»

16. Ogo ossizoini

- Oijoi, Ogo ossizoini!
— Mid'ägä, Lauri Laverijoini?
— L'akkämä tuaton tanhuozih.

- Василёк, мой братец,
золотая искорка,
куда уходишь? — В Руоччи!
25 — Что оставляешь жене
[молодухе]?
— Жернов в подполье, плетъ
на стене,
как жернов скрипнет,
так и плетъ ударит.

15. Ийвана/Василейне/ уезжает из дома

- «Ийвана, отцовский сын,
куда едешь?» — «В Руоччи,
топоры добывать,
топорища украшать.»
5 «Что оставил ты отцу?»
«Отцу оставил
светлое окошко, где сидеть,
добрую работу — сеть вязать».
«Что оставляешь матери?»
10 «Матери оставил
славный подойник на полке,
тёплую печь, где лежать».

- «Ийвана, отцовский сын,
что оставил молодухе?»
15 «Молодой жене оставил
крепкий жернов в подполье,
добрую плетъ на вешалке.
Как камень скрипнет,
так и плетъ взмахнёт».

16. Сестрица Ого

- Ой-ой, Ого, ты сестрица!
— Что скажешь, Лаури Лаверини?
— Пойдём-ка на двор отцовский —

Tuaton tanhunošša kolme hevoista:
 5 tuaton heboni kuldaharja,
 vellenpojan hobieharja,
 vaivazen vävyn vaškiharja.

— Oijoi, Ogo ossizoini!

— Mid'ägä, Lauri Laverijoini?

10 — Läkkämä tuaton kon' ušn' aizih.

Tuaton kon' ušn' ašša kolme uvehta:
 tuaton uveh kuldaharja,
 vellenpojan hobieharja,
 vaivazen vävyn vaškiharja.

15 — Oijoi, Ogo ossizoini!

— Mid'ägä, Lauri Laverijoini?

— Läkkämä tuaton sarajaizih.

Tuaton sarajašša kolme korjua:
 tuaton korja kuldakokka,
 20 vellenpojan hobiekokka,
 vaivazen vävyn vaškikokka.

— Oijoi, Ogo ossizoini!

— Mid'ägä, Lauri Laverijoini?

— Läkkämä tuaton liävazih.

25 Tuaton liäväšša kolme lehmyä:
 tuaton lehmä kuldašarvi,
 vellenpojan hobiešarvi,
 vaivazen vävyn vaškišarvi,

— Oijoi, Ogo ossizoini!

30 — Mid'ägä, Lauri Laverijoini?

— Läkkämä tuaton stuajazih.

Tuaton stuajašša kolme lammašta:
 tuaton lammaš kuldavilla,
 vellenpojan hobievilla,
 35 vaivazen vävyn vaškvilla.

— Oijoi, Ogo ossizoini!

на дворе том три коня:

5 конь отцовский с золотой гривой,
 конь племянника [букв. сына
 брата] с серебряной гривой,
 бедняги зятя с медной гривой.

— Ой-ой, Ого, ты сестрица!

— Что скажешь, Лаури Лаверини?

10 — Пойдём-ка в отцову

конюшню —

в конюшне той три жеребца:

жеребец отца с золотой гривой,

жеребец племянника

с серебряной гривой,

бедняги зятя с медной гривой.

15 — Ой-ой, Ого, ты сестрица!

— Что скажешь, Лаури Лаверини?

— Пойдём-ка на сарай

отцовский —

на том сарае три повозки:

отцова повозка с золотым

передком,

20 повозка племянника с серебряным,
 бедняги зятя с передком медным.

— Ой-ой, Ого, ты сестрица!

— Что скажешь, Лаури Лаверини?

— Пойдём-ка в отцовский хлев —

25 в том хлеву три коровы:

корова отца с золотыми рогами,

корова племянника с серебряными,

бедняги зятя с рогами медными.

— Ой-ой, Ого, ты сестрица!

30 — Что скажешь, Лаури Лаверини?

— Пойдём-ка в отцовскую

стайку¹⁰ —

в той стайке три овечки:

отцова овечка с золотой шерстью,

овечка племянника с серебряной,

35 бедняги зятя с шерстью медной.

— Ой-ой, Ого, ты сестрица!

¹⁰ Стайка — здесь: помещение для домашнего скота; хлев.

- Mid'ägä, Lauri Laverijoini?
 — Lökkämä tuaton randah.
 Tuaton rannašša kolme ven'ehtä:
 40 tuaton ven'eh kuldän'okka,
 vellenpojan hobien'okka,
 vaivazen vävyn vaškin'okka.
 — Oijoi, Ogo ossizoini!
 — Mid'ägä, Lauri Laverijoini?
 45 — Lökkämä tuaton kyl'yzih.
 Tuaton kyl'yššä kolme vaštua:
 tuaton vašta kuldalehti,
 vellenpojan hobielehti,
 vaivazen vävyn vaškilehti.
 50 — Oijoi, Ogo ossizoini!
 — Mid'ägä, Lauri Laverijoini?
 — Lökkämä tuaton riihizih.
 Tuaton riiheššä kolme briužua:
 tuaton briuža kuldakieli,
 55 vellenpojan hobiekieli,
 vaivazen vävyn vaškikieli.
 — Oijoi, Ogo ossizoini!
 — Mid'ägä, Lauri Laverijoini?
 — Lökkämä tuaton gorničaizih.
 60 Tuaton gorničašša kolme poigua:
 tuaton poiga kuldakudri,
 vellenpojan hobiekidri,
 vaivazen vävyn vaškikudri.
 — Oijoi, Ogo ossizoini!
 65 — Mid'ägä, Lauri Laverijoini?
 — Lökkämä tuaton aittazih.
 Tuaton aitašša kolme t'yt't'yö:
 tuaton t'yt't'ö kuldakašša,

- Что скажешь, Лаури Лаверини?
 — Пойдём-ка на отцовский берег —
 на берегу у него три лодки:
 40 отцова лодка с золотым носом,
 лодка племянника с серебряным,
 а бедняги зятя с медным.
 — Ой-ой, Ого, ты сестрица!
 — Что скажешь, Лаури Лаверини?
 45 — Пойдём-ка в отцовскую баню —
 в бане у него три веника:
 отцовский веник с золотыми
 листьями,
 веник племянника с серебряными,
 а бедняги зятя с медными.
 50 — Ой-ой, Ого, ты сестрица!
 — Что скажешь, Лаури Лаверини?
 — Пойдём-ка в отцовскую ригу —
 у отца в риге есть три цепа¹¹:
 цеп отцовский с золотым биллом,
 55 цеп племянника с серебряным,
 бедняги зятя с биллом медным.
 — Ой-ой, Ого, ты сестрица!
 — Что скажешь, Лаури Лаверини?
 — Пойдём-ка в горницу отца —
 60 в той горнице три юноши:
 отцов юноша [сын] с золотыми
 кудрями,
 юноша [сын] племянника
 с серебряными,
 бедняги зятя с кудрями медными.
 — Ой-ой, Ого, ты сестрица!
 65 — Что скажешь, Лаури Лаверини?
 — Пойдём-ка в отцовские
 амбары —
 в тех амбарах три девницы:
 дева [дочь] отца с золотой косой¹²,

¹¹ Цеп — ручное орудие для молотьбы, состоящее из длинной ручки и прикрепленного к ней ремнём короткого деревянного бита.

¹² В оригинале в первом случае *kassa*, в другом *palmikko*, на мой взгляд, это девичья коса, речь идёт об одной косе, т.е. девичьей, *palmikko* же — это женская коса, женская причёска.

- vellenpojan hobiekašša,
 70 vaivazen vävyn vaškikašša.
 — Oijoi, Ogo ossizoini!
 — Mid'ägä, Lauri Laverijoini?
 — Läkämä tuaton perttizih.

- Tuaton pertissä kolme moržienda:
 75 tuaton moržien kuldapalmikko,
 vellenpojan hobiepalmikko,
 vaivazen vävyn vaškipalmikko.

LOITSUT

17. Rauvan vihat

- Rauda raukka, koittis kuori (?),
 ei šilloin ollun šuuri,
 konža šuošta šotkettih,
 muaalašta muokattih,
 5 veinalašta mellattih...
 Piäldä noužomattomakši
 šiälmeldä kivuttomakši,
 alda tundumattomakši.

18. Veren sulkupysäytys

- Puhun šuulla puhtahalla,
 herran hengellä hyvällä,
 löyhyt'elen lämbyzellä
 läbi tulizen teräkšen.
 5 Veri juoksi veičen tiešt'ä,
 šima tapparan šijašta.
 Meholaini, ilmalindu,

- дева [дочь] племянника
 с серебряной,
 70 бедняги зятя с косой медной.
 — Ой-ой, Ого, ты сестрица!
 — Что скажешь, Лаури Лаверини?
 — Пойдём-ка в комнаты отца —
 там в комнатах три молодухи:
 75 молодуха отца с золотыми косами,
 молодуха племянника
 с серебряными,
 бедняги зятя с косами медными.

ЗАГОВОРЫ. ЗАКЛИНАНИЯ

17. Закливание железа

- Железо жалкое, изгарь злая,
 не было ты великим тогда,
 когда из болота добывали,
 из-под земли тебя копали,
 5 из-под воды выгребали...
 Сверху чтоб не воспалялось,
 внутри не болело,
 снизу было незаметно.

18. Остановка кровотечения

- Заговариваю устами чистыми,
 добрым духом господина
 [Божьим],
 навеваю тёплым [духом]
 сквозь огненную сталь.
 5 Кровь по следу ножа бежала,
 сукровица по следу топора.
 Пчёлка, птица небесная,

- mäne, kunne mie käžen:
 yl' öči yhekšän meren,
 10 merd'ä puolen kymmenet' t'ä.
 Tuo met' t'ä nen' ässäš,
 tuo šimua šiivel' l'äš.
 Kušta on lihad liikuttu,
 šihi lihad liiviikkäheš,
 15 kušta on šuonet šorruttu,
 šihi šuonet šolmikkaheš,
 piäl' d'ä tundumattomakši,
 šiämel' d'ä kibuottomakši,
 alda aivan t'ervehekši.

19. Leikkaukšeh. Veren sulk/pysäytys

- Puhun šuulla puhtahalla,
 löyhät' t'elen lämbimällä,
 šuušta kuin šulan kynäšt' ä,
 piäšt' ä päivän kämmen' ešt' ä,
 5 alda kibuttomakši,
 piäl' d'ä tundumattomakši.

- Kušta šuonet šorruttih,
 šiihe šuonet šolmiekkačče,
 kušta veret valuttih,
 10 šiihe veret verd' ykkäh,
 kušta lihat liikuttih,
 šiihe lihat liit' t' ykkäh.
 Alda vihattomakši,
 piäl' d'ä tundumattomakši.

20. Veren sulk/pysäytys

— *Mih nähen šie tämän puhut? Rau-
 van vihoih vain mih?*

— *Hod' min vihoja!*

Puhun šuulla puhtahalla,
 herran mielel' l'ä hyväl' l'ä,

- иди туда, куда велю,
 по-над девятыю морями,
 10 через половину моря десятого.
 Принеси мёда в клюве,
 медового напитка на крыльях.
 Где мышцы нарушены,
 там пусть они воссоединятся;
 15 где сосуды порваны,
 пусть сосуды завяжутся.
 Сверху незаметными,
 изнутри безболезненными,
 снизу совсем здоровыми.

19. Заговор от пореза [кровотечения]

- Заговариваю устами чистыми,
 навеваю тёплыми,
 из уст, как с кончика пера,
 словно из ладоней солнца.
 5 Снизу [пусть будет]
 безболезненным,
 сверху незаметным.
 Где сосуды порваны,
 там пусть соединятся,
 где кровь течёт,
 10 там пусть кровь запечётся,
 где мышцы сдвинуты,
 там пусть срастутся,
 снизу безболезненными,
 сверху незаметными.

20. Заговор от кровотечения

— *Ты теперь что заговариваешь?*
От пореза железом или от чего?
 — *А хоть от чего!*

Заговариваю устами чистыми,
 добрыми думами господина [Бога],

- l'äikyt't'el'en l'ämbym'al'l'ä.
 Muarie, madala n'eido,
 5 tuleš kibuja puhelomah,
 voidelomah, parendamah,
 piäl'd'ä tundomattomakši,
 šiämel'd'ä kivuttomakši,
 alda aivan t'ervehekši.
 10 Luo jo riehtiet (?) mät't'ähäl'l'ä,
 pahah(t) puoleh(t) važemmalla,
 langie mualla seiččemel'l'ä...
 Kušta lihad liikuttih,
 šihi lihad liit't'ähäkkäš,
 15 kušta šuonet šorruttih,
 šihi šuonet šolmikkahaš,
 kušta veret valuttih,
 šihi veret vejäkkäheš.

Še veren šalbuanda...

- *A midä šiinä ruatah vielä?*
 — *Puhutah, muuda ni mid'ä. Kože-*
tah rauvalla, še vähäni purrah da
šyl'giet'äh.
 — *A kun palau?*
 — *Nu, še godiu i palandahizeh.*

21. Palandahizeh

- Meholaine, mezimieš,
 mäne yl'če yhekšän meren tuakše,
 ota met't'ä mät't'ähäštä,
 kušša on vet't'ä, kušša on met't'ä,
 5 kušša on kibeän voidie,
 kušša pahan parendajie.
 Voiija alda, voiija piäl'd'ä,
 piäl'd'ä tundumattomakše,
 šiämel'd'ä kivuttomakše,
 alda aivan t'ervehekše!

- произношу тёплыми.
 Мария, низенькая дева,
 5 приди-ка боль заговорить,
 помазать, излечить,
 чтоб сверху было незаметно,
 изнутри чтобы без боли,
 снизу и вовсе здоровым.
 10 Скинь порчу [?] на кочку,
 всё худое на левую сторону,
 пади на семь земель...
 Где мышцы сдвинулись,
 там мышцы пусть сойдутся,
 15 где сосуды порвались,
 там пусть сосуды свяжутся,
 откуда кровь пролилась,
 там пусть кровь остановится.

Это при остановке кровотечения...

- *А что тут ещё делают?*
 — *Заговаривают, больше ничего.*
Дотрагиваются [раны] железом, не-
множко его покусывают и сплёвывают.
 — *А если ожог?*
 — *Ну, это годится и от ожога.*

21. От ожога

- Пчёлка, владелица мёда,
 пойдй за девять морей,
 возьми мёда на кочке,
 где вода, где мёд,
 5 где мазь от болезни,
 где средство против зла.
 Помажь снизу, помажь сверху,
 сверху незаметным,
 изнутри безболезненным,
 снизу совсем здоровым!

22. Palandahizeh. Vihoista

Šano vain:

Ruškíe Muarie, kauniz Muarie,
ota t'ämä tarbehiksež
šiämel'd'ä kivuttomakši,
piäl'd'ä tundumattomakši.

Vot nimellini ken šielä on, šilla nimellizellä šanou, hot' ken šielä — Anni, hot ken šielä olgah, hoš ken. «Prosti» t'äd'ä, šano šie, šano šie, nimellizel't'ä šanot, vot, en muissa šanuo:

Mid'ä ollen duumainnun,
mid'ä ollen šmiettin,
šid'ä kaikki prosti t'äštä.
— *A mih nähebä tämä šanotah?*
— *A še panou t'ämä, konža palat.*
Palonuizeh. /Tulen vihat/.

Ruškíe Muarie, kauniz Muarie,
ota t'ämä tarbehiksež.
Šiämel'd'ä kivuttomakši,
piäl'd'ä tundumattomakši...

T'äd'ä šiel'd'ä otetah: ken on muššinverini, no ni šid'ä pid'äy šiemen-voilla, a ken on valgieverini, ni n'än'n'imajjolla voidua, šid'ä, še vot kiinit't'äy, šid'ä puhutah...

— *Ših puhutah — voih eli nän'n'imaidoh?*

— No, no, no n'än'n'imaidoh, muššinverizel't'ä, šano šie, šiemenvoih, a kun šielä nyt šano šie, valgieverini on, ni hoš n'än'n'imaiduo. Kellä on midä kaččuo, še i šillä voidua.

— *A mih nähe vielä tiijät? A rauvan vihoja kuinba otetah?*

— Ota, rauda, raudallini,
ota omaš tarbehiksi...
ota tarbehiksi t'ämän...
— Oi, unahin vet'.

22. От ожога.

От разных болей

Только скажи:

Красная Муарие, красивая
Муарие,
возьми это себе на потребу.
Изнутри чтобы без боли,
сверху чтобы незаметно.

Вот кого там по имени, так по имени и назовёшь, хоть кто там — Анни. Пусть там хоть кто: «Прости», скажешь по имени, вот. Не вспомню...

О чём подумала,
о чём помыслила,
за всё это прости.
— *А это от чего говорят?*
— *А это, когда обожжёшься. От*

ожога:

Красная Муарие, красивая
Муарие,
возьми это себе на потребу.
Изнутри чтобы без боли,
и чтоб сверху незаметно.

Там берут, кто темнолицый, смуглый, так для того надо растительное масло, а кто светлый, то для того грудное молоко... Мажут ожог, ... сначала над этим слова произносят...

— *Над маслом или над грудным молоком произносят?*

— Да, да, да, на грудное молоко. А темнолицему на растительное масло, а если светлый, то на грудное молоко.

— *А ещё от чего знаешь?.. Как снимают боль от пореза?*

— Сними, железо, железное,
возьми себе на потребу...
Возьми это на потребу...
— Ой, ведь забыла.

23. Puun vihat

- Puu, Jumalan luoma,
ole olovembi okšil'd'aš,
lehevembi l'ehvil'd'aš,
löyvä voida, maazie
5 kivel'd'ä, paaziloil'd'a,
šiämel'd'ä vihattomakši,
piäl'd'ä päin tundumattomakši.

Puhud šatannuozeih paikkah. Puhut šiemenvoih i šil'l'ä voijat... Puun voih.

24. Muahizeh

— *A muahizešta?*

Ota, mua, muahizeni,
ota t'ämä, priimi, ota šid'ä,
mist'ä ollou... nu kylvšt'ä,
mist'ä märgä muahini.

Kuiva muahini ollou — šammalista, a jesli ollou märgä muahini, ka muašta, hot mist'ä kylvšt'ä, painella.

— *Kuin pidäy painella? Painele miula, näytä, kuin painellah?*

- Ota omaš, peri pahaš.
Ota omaš, peri pahaš.
Mid'ä ollen duumainnun,
mid'ä ollen smiettin,
prosti muašta taivahah šuat'en,
5 prosti tuatot, prosti muamot,
prosti čikot, prosti veikot,
prosti milmani...

23. Заговор от ушиба деревом

- Дерево, созданное Богом,
славься ветвями,
пышной листвою,
найди масел, мази
5 у камня, у скал,
чтоб внутри не болело,
спаружи было незаметно.

Произносишь над ушибленным местом. Можно на растительное масло, и этим мазать... И древесное [?] масло.

24. Заговор от экземы

— *А от экземы?*

Сними, земляца, боль,
возьми своё, прими это.
Откуда пристало ... ну, из бани...
Откуда мокрая экзема.

Сухая может быть от мха, а если мокрая, то от земли или из бани, надо лечить.

— *Как надо прикладывать?*
Покажи на мне, как это делается.

- Возьми своё, заberi зло,
возьми своё, заberi зло.
Если о чём-то думала,
если что помыслила,
5 прости от земли до неба,
простите, отцы, простите, матери,
простите, сестры, простите братья,
простите меня...

25. Muahizeh

- Muariezeni, muahizeni,
 kuldani kuningaš,
 kuldazilla langoilla,
 kuldazilla niegloilla,
 5 ota omaš ičel' l' äš,
 ana omat ičel' l' äni.
 Kuldani kuningaš,
 kuuven šylen šyvyöšt' ä
 tuo zel' l' äzie n' okaššaš,
 10 šiibyöl' l' ä voi jat.
 Kun ollou kibut tuldu
 kivešt' ä, muašta,
 puašta, kuormašta,
 kuldani kuningaš...

26. Mavon vihat

- Uuvu juutaš juošteššaš,
 väžy väškytellesšaš
 šelvällä meren šelällä,
 šinervillä lainehilla.
 5 Läksi voahto varžan šuušta,
 kehno ilgiän kiašta,
 oaldo rannalla ajeli,
 vezi pitkäksi ved' eli,
 päivä paisto pehmieksi,
 10 šilmäd šiunazi D' umala.
 Tuošta tuli tuonen toukka,
 mado mušta moanalani,
 toukka tuonenkarvallini,
 läbi mät' t' ähän mänijä,
 15 puun juuren pujottelija.
 Miksi liuškahid liha,
 emän ruumin kabehee?
 Villani oli šiun izäzi,
 villani oli šiun emäzi,
 20 villazed oli šiun viizi kynt' t' äzi,

25. Заговор от экземы

- Марьюшка, земли хозяйка [?],
 золотая королевна
 с золотыми нитями,
 с золотыми иглами.
 5 Возьми своё себе,
 отдай моё мне.
 Золотая королевна,
 из глубины шести сажен
 принеси зелье в клюве,
 10 крылышком помажь.
 Если болезнь пристала
 от камня, от почвы [земли],
 от котла, от груза [повозки?],
 золотая королевна...

26. Заговор от укуса змеи

- Уморись, злой дух, при беге,
 выбейся из сил, извиваясь
 в открытом морском просторе,
 на синее волнах.
 5 Пена шла из губ жеребёнка,
 дурная накипь из гортани
 поганого,
 волна пригнала её на берег,
 вода в длину растянула,
 солнышко размягчило,
 10 глаза Бог благословил.
 Вот и вышел червь Туонелы,
 чёрная змея подземная,
 цвета тёмной Туонелы,
 внутрь кочки проникающая,
 15 между корнями скользящая.
 Ты зачем задела мышцы,
 коснулась плоти материнской?
 Волосатым был отец твой,
 волосата твоя мать,
 20 волосаты твои пять когтей,

villazed oli šiun viizi kielyt't'äzi.

Tule n'yd töidäzi tundemah

pahojazi parandamah.

Oi Ukko Ylijumala,

25 tule t'anne tarvittais's'a,

häd'ähizen huudaješša,

pakkoizan parguješša.

27. Mavon vihat

Mušta mado, muanalani,

kulgija, kulonalani,

šilma t'anne tarvitah,

kibuloida kerit't'ämäh,

5 pahoja parendamah...

Yličči yhekšän merdä,

puolen merdä kymmenettä,

šiula šilmät liinan šiemenistä,

vardalo lahošta puušta,

10 korvat koivun lehtizistä.

Hänen oli kodi koivikošša,

pertti pedäjiköšša.

28. Mavon vihat

Klimantei, papariskoi,

šie matkuat muan alačči,

mie matkuan muan piäličči.

Tuo hijiešt'ä heboni,

5 helvetist'ä mušta ruuna.

Šiärivärttinäizet šapatetah,

vardaloizet vapatetah.

Šen työnän iče yhekšästä mereštä,

šielä on luutoinda lihua,

10 purematoinda pohkieda.

волосаты твои пять языков.

Приди на проступок посмотреть,
злодеяние своё исправить.

Ой ты Укко, Бог верховный,

25 явись сюда, здесь ты нужен,

в беде тебя призывают,

к тебе болящий взывает.

27. Заговор от укуса змеи

Чёрный змей, червь подземный,

под травую ползущий,

ты здесь нужен,

чтоб от боли избавиться,

5 своё зло исправить...

Через девять морей,

половину моря десятого.

У тебя глаза из семян льна,

туловище из трухлявой

древесины,

10 уши из листьев берёзы.

Его дом был в березняке,

изба в сосновом лесу...

28. Заговор от укуса змеи

Климантий, папарисский [?],

ты ходишь под землёй,

я хожу по земле.

Приведи коня от Хийси,

5 чёрного мерины от дьявола

[из ада].

Мышцы на ногах играют,

весь круп дрожит.

Отправлю его за девять морей,

там есть мясо без костей,

10 там необкусанные мышцы.

29. Kylvetyssanat

...Kun kyl'vet'et'äh, bol'ačka kun
on, šiin'ä šan(o)tah:

- T'erveh l'öyl'y, t'erveh l'ämin,
t'erveh t'erveht' t'ämäl'l'ä.
Ei ole l'öyl'yl'l'ä l'öyhkämist'ä,
l'ämmöl'l'ä l'ävist'ämist'ä,
5 tužat tuleh, pahuot paččahan ed'eh.
El'ä viero vieroikseš,
el'ä vaivu vaivoikseš,
šiun t'äh, muan t'äh,
kai pahad l'äht'ömäh,
10 otrokalda Annilda,
eli Liizalda, eli kel'd'ä kaččo.

— A miksi luvetah? Štobi ei löyly
mänis?

— Enžist'äh kun tulet kylvh, dak še
pid'äy šanuo:

- T'erveh l'öyl'y, t'erveh l'ämin,
t'erveh t'erveht' t'ämäl'l'ä.
leule l'öyl'yl'l'ä(?) l'öyhkämist'ä
lävyl'l'ä(?) l'ävist'ämist'ä,
15 tužat tuleh,
pahuot paččahan ed'eh.

Štobi ei l'öyly mänis...

30. Kylvetyssanat

- Muarie, madala neidi,
pyhäpiiga pikkaraine,
tule tänne tarvitešša,
hädähizel'l'ä huhutešša
5 lihoja liit't'elemää,

29. Заговор в бане

... Когда в бане парят при болезни,
при этом говорят:

- Здравствуй, пар, здравствуй,
тёплый,
здравствуй, на здоровье [?].
Пусть пар не заносится,
тёплый не пронзит насквозь,
5 недуги в огонь, муки к столбу.
Не кручинься от кручин,
не уставай от страданий
из-за себя, из-за земли,
все муки [зло] пусть уйдут
10 от отроковицы Анни,
либо Лизы, или кого другого.

— А зачем заговаривают? Чтобы
пар не навредил?

— А сразу как войдёшь в баню, так
надо сказать:

- Здравствуй, пар, здравствуй,
тёплый,
здравствуй, на здоровье [?].
Пусть пар не заносится,
тёплый(?) не пронзит насквозь.
15 Недуги в огонь,
муки к столбу.

Чтобы пар не проник [внутрь]...

30. Заговор в бане

- Мария, низенькая дева,
святая дева, невеличка,
явишь сюда, ты здесь нужна,
по зову попавшего в беду,
5 мышцы чтоб соединить

- šuoñiloja šolmielemaa.
 Kušta lihat liikutit,
 šihi šuoñet šolmiele,
 piällä tundumattomakši,
 10 šiämel'ä kivuttomakši,
 alda aivan t'erveheksi.
 Kylyn löyly, kivyzen lämmin,
 mie olen, raukka, ruanahine,
 vierona, vidin(?) alane.
 15 Kičkut kiuguan perää,
 šavut šaunan šammalii.

31. Lasta kylvetetäh

Puhun šuulla puhtahalla
 herran hengel' l'ä hyväl' l'ä.

Mist'ä lien'et tullun,

- šin'n'e i män'e,
 5 tuattoš, muamoš luokše.
 Tuattoš, muamoš vuotetah
 verizis's'ä vuatteis's'a.
 Tuattoš šiula ildazilla (?),
 muamoš šiula murginalla.
 10 Otaš hiijen hiihtošukšet (?),
 lemmon leppäzet šivušta (šivukat),
 mil' l'ä hiihät hiijen maida (?),
 lemmon maizet l'eyhyt'el' l'ä.
 Kuni kuiža (?), kuni päižä,
 15 kunne koira haukkuu t'än,...
 šin'n'e on šiun mänd'ävä.

- Ken on kadehin kaččon,
 šilmin kierin kerškun,
 šilmäd verin'ä vuodakkah,
 20 ragehina (?) rappauvukkah,
 /?/... tippukkah.
 Min verda vaivan varua,

- и сосуды завязать,
 там, где мышцы порваны;
 соедини сосуды вместе,
 чтоб сверху стало незаметно,
 10 и внутри чтоб не болело,
 снизу было бы здоровым.
 Банный пар, тепло от камня,
 я, бедная, вся хворая,
 несчастная в болезнях [?].
 15 Весь угар за печку,
 весь дым в банный мох.

31. Ребёнка в бане пряят

Заговариваю устами чистыми,
 добрым духом божьим
 [господина].
 Откуда ты [болезнь, недуг]
 пришла,

- туда и уйди,
 5 к своим отцу и матери.
 Отец и мать ждут
 в кровавых одеждах.
 Отец ждёт на ужин,
 мать тебя на обед.
 10 Возьми—ка лыжи у Хийси,
 ольховые у Лембо,
 на них проедешь по землям
 Хийси,
 прокатаешься по землям Лембо.
 Где прямо, где криво [?].
 15 Где собака залает,
 туда и ты следуй.
 Кто косо посмотрел,
 кто с завистью наговорил,
 [у того] пусть глаза кровью
 вытекут,
 20 словно град, выпадут,
 [?] каплями прокапают.
 Сколько муки натерпится,

šen verda i šanan šijua,
oigiešta otrokašta,
25 Pyhän Bohročan bladenčašta.

*N'äin lašta kyl'vet'ettih... pienie
lapšie, šuudelukšešta.*

32. Kylvet'etäh lapšie kylyššä

*Miun lapšet kaikičči muattih... kun
muatičat. Mamma kun pokoiničča
kyl'vetti, mie kun kuundelin kaikičči, da
i omie bunukkoja niin kyl'vetiin:*

*Hospodi blahoslovi — lauvoilla kun
ottau lapšen, panou... reizilöil'l'ä
omil'l'ah:*

*«Hospodi, blahoslovi, Hospodi, bla-
hoslovi, Hospodi, blahoslovi» — kolme
kerdua.*

*Vaššalla kun l'äht'öy šiid'ä röp-
šyt't'ämäh:*

Hospodi, blahoslovi,
magua, kun muatičča,
ven'y, kun vezihago,
el'ä tiijä tulijist'ä,
5 el'ä tiijä läksijist'ä,
el'ä tiijä i kešt'ä.
Magua, kun muatičča,
ven'y, kun vezihago,
el'ä tiijä tulijist'ä,
10 el'ä tiijä läksijist'ä,
el'ä tiijä i kešt'ä.

*Kolme kerdua niin lugou, vot n'e
šanat. Kaikičči muis's'an. Muattih kun
havot, točno, muattih kun havot.*

столько и слов скажется
за правого [невинного] отрока,
25 за младенца святой Богородицы.

*Так в бане дитя парили, маленьких
детей, от сглаза.*

32. Детей парят в бане

*Мои дети всегда спали... словно
матицы. Мама-покойница как пари-
ла, а я всегда слушала, и своих внуков
так эсе парила:*

*Господи, благослови — как возъ-
мёт дитя на полук, положит себе на
колену:*

*«Господи, благослови. Господи,
благослови. Господи, благослови», —
три раза.*

*Как начинёт потом веником па-
рить:*

Господи, благослови.
Спи, словно матица,
лежи, словно бревно [топляк],
не знай входящих,
5 не ведай уходящих,
не знай никого,
спи, словно матица,
лежи, что мокрое бревно [топляк],
не знай входящих,
10 не ведай уходящих,
не знай никого.

*Трижды так произнесёт, вот эти
слова. Всегда помню. Спали «будто
матицы», точно, «будто брёвна».*

33. Lašta uinottuassa

Panen lapšen muata,
 štobi maguazit, kuin muatičča,
 ven'yzit, kuin vezihago,
 edgo tied' äis tulijist'a,
 5 edgo l'äksijist'ä,
 edgo illanistujist'a,
 edgo kyl'änkaččojist'a.
 Magua, kuin muatičča,
 ven'y, kuin vezihago.

34. Lugu vedeh

Vezi, kuldani kuningaš,
 vezi, vel'l'ekšist'ä vanhin.
 Spuasu prostiu,
 Spuasun naini prostiu;
 5 i čuari prostiu,
 i čuarin naini prostiu;
 ämmö prostiu,
 i tuatto prostiu,
 i čikko prostiu,
 10 i muamo prostiu,
 i veikko prostiu,
 i t'ädi prostiu,
 i rahvaš mualla prostitah;
 i pokoinikat muašša prostitah,
 15 i puut mečäššä prostitah,
 i kivet i kannot prostitah
 oigieda rissit't'y hengie.
 Mid'ä lien'öy duumainun,
 kaikista smietkoista prostitah
 20 Iivanan t'yt'är, Pedrin bunukka.

33. При укладывании
ребёнка спать

Укладываю дитя спать,
 спи, словно матица,
 лежи, словно бревно [топляк],
 не знай ни входящих,
 5 не знай уходящих,
 на посиделки пришедших,
 на тебя глазающих.
 Спи, словно матица,
 лежи, словно брёвнышко.

34. Заклинание воды [просьба
прощения у водоёма]

Вода, золотой король [царь],
 вода, старшая из братьев.
 Спас простит,
 жена Спаса простит,
 5 и царь простит,
 и жена царя простит,
 бабушка простит,
 и отец простит,
 и сестра простит,
 10 и мать простит,
 и брат простит,
 и тётка простит,
 и народ на земле простит;
 и покойники в земле простят,
 15 и деревья в лесу простят,
 и камни, и пни простят
 праведную душу крещёную.
 О чём [она] подумала,
 за все думы простят,
 20 дочь Ивана, внучку Петра.

35. Kuin prossitetah

Prostikkaa, moaemä

šyöt't'äjäizeni,

izän'n'ät, emän'n'ät,

kai helie heimokunda.

Prostiet, ukot, prostiet, ämmöt,

- 5 prostiet, tuatot, prostiet, muamot,
prostiet, čikot, prostiet, veikot,

prostiet, bunukat,

da i pravobunukat, prostikkaa,

da milma raboa, prostikkaa.

- 10 Hospodi, blahoslovi. Amin'!

*No ni kolme kerdua pid'äy niin...
T'äššä avando kun on, nin ymbäri,
myöd'äh päivyä... /bol'noi/ on šiin'ä,
rinnalla šeizou... ä hiän avannošta ym-
bäri prostiekše... A viel'ä... hod mi pua-
likka kiäššä pid'äy olla. Šanou: «Täššä
on svideeteli»; viel'ä pualikka šihi jät'ä.
Avannolla... Kolme kerdua ymbäri, što-
bi ni ken n'ägis, peitočči... Yöllä... Mua-
te ven'yt'ä yäkše, ovet blahosloves'
touže...*

Mie muis's'an, muamo starinoičči.

36. Hambahien
kivušta piäššet'äh

*Illalla, päivä jo on šijaudun, pid'äy
vuidie kril'čalla. Niät, kun kuudamo
paist'au:*

— Kuudomaizeni valgie,

miš's'ä šie olit?

— Gorien taguana.

— Ked'ä šie šiel'ä n'ait?

- 5 — Kuolienuizie rahvašta.

35. Как прощения просят

Простите, мать-земля

кормилица,

хозяева, хозяйюшки,

вся ясная родня [соплеменники].

Простите, деды, простите

бабушки,

- 5 простите, отцы, простите, матери,
простите, сёстры, простите,

братья,

простите, внуки

и правнуки, простите,

и меня, рабу [божую] простите.

- 10 Господи, благослови. Аминь!

*Так вот, трижды надо так... Вот
тут прорубь, так вокруг, по солнцу...
[Больной] тут же, рядом стоит... А
она [знахарка] вокруг проруби, про-
сит прощения. А ещё какая-нибудь
палка в руках должна быть. Говорит:
«Вот тут свидетель», ещё палку
тут оставь. У проруби... Трижды
вокруг, чтобы никто не видел, скрыт-
но... Ночью... Спать ляжет, двери
[закроить] тоже же благословясь...*

Я помню, мать сказывала.

36. Избавляют
от зубной боли

*Вечером, когда солнце ушло село,
надо выйти на крыльцо. Увидишь, что
луна светит:*

— Месяц мой светлый,

где ты был?

— За горами.

— Что там видел?

- 5 — Умерших людей.

— Mid'ä hyö šiel'ä ruatah?

— Hyö šiel'ä muatah

ilmazen iguhizella unella,

ei ni mid'ä muuda ruuttua.

10 Heil(ä) ei ni mid'ä kivis's'ä,

hyö ollah kai spokois's'ä.

Dai (nimie myöt'e) raba boožeilla

štobi hän'el'l'ä toože

(šiula, hot kel'l'ä)

ei ni ilmazešša igyā hambahie

kivist'äis.

15 Kuin šiel'ä pokoinikat n'e

muatah spokois's'ä,

heil'ä... eigo hambahie kivis's'ä,

eigo d'osnie noiče,

hyö spokoizešša muatah.

20 Niin ni šiula, raba boožeilla,

eigo hambahie kivist'äis,

eigo d'osnie noiččiz.

Šamah tabah šiul(a) olgah.

*I šemmoni šana hambahih prikosniu,
piäšt'äy hambahat...*

37. Čiireen puhumini

Kuin päivä noužou,

niin šie noužet.

Kuin päivä kadou,

niin šie kadozit.

*Toistetaan kierrellen nimettömällä
sormella kipeää paikkaa päinvastaisel-
le suunnalle auringon noususta aurin-
gon laskuun.*

— Что они там делают?

— Они там спят

вековечным сном,

больше ничего не делают.

10 Ничто у них не болит.

Они в полном покое.

И [по имени] у раба божьего,

чтобы у него [по имени] тоже

во веки веков не болели зубы.

15 Как эти покойники

спят спокойно,

у них... зубы не болят,

и дёсны не ноют,

они спят спокойно.

20 Так и у тебя, раба божьего,

пусть зубы не болят,

пусть дёсны не ноют.

Пусть и у тебя будет так же.

*И это слово для зубов подходит,
отпустит зубную боль.*

37. Заклинание парыва, чиря

Как солнце восходит,

так и ты восходишь.

Как солнце уходит,

так бы и ты исчез.

*Повторяют, чертя круг безымян-
ным пальцем вокруг большого места
против движения солнца [?] [объяс-
нение собирателя не совсем понятно].*

38. Pissošta vaštah

- Puhun šuulla puhtahalla,
 herran hengellä hyväl' l'ä,
 hambahalla halattomalla.
 Kuin ei pikkuista pistäis,
 5 eikä vähäistä vaivaiz.
 Miun šuu puhunut,
 ei nii kellä puhumist' a,
 miun kiät(?) kaunehet (käynehet?),
 ei nii kellä käymist' ä.

39. Pisteykših

- Šiula on yksi, miula kakši;
 šiula on kakši, miula kolme;
 šiula kolme, miula nel' l'ä;
 šiula on nel' l'ä, miula viizi;
 5 šiula on viizi, miula kuuži;
 šiula on kuuži, miula šeiččemen.
 Šeiččemendeh ševotah,
 kahekšandeh kavotah,
 yhekšandeh yhet' t' äväkše,
 10 šiämellä vihattomakše,
 piäldä tundumattomakše,
 oigielda hengeldä rabalda... /nimi/.

40a. Lehmyä paranduas' s' a

*Kun liävššä lehmän «mua panou»,
 kodimuahini:*

Ist' uu kyhä kyn' n' ykšil' l' ä,
 kehno keški lattiella.
 Vähin vien' n' yt' t' ä peräššä,
 eidozella luodazella, laudazilla,

38. Заговор от колотья
[прострела]

- Заговариваю устами чистыми,
 добрым духом Божиим,
 с неповреждёнными зубами.
 Чтобы вовсе не кололо,
 5 не причиняло бы мучений.
 Моими устами произнесено,
 никому больше нет дела;
 моими руками красивыми
 [касались],
 никому не надо прикасаться.

39. Заговор от колотья
[прострела]

- У тебя один, у меня два,
 у тебя два, у меня три;
 у тебя три, у меня четыре;
 у тебя четыре, у меня пять;
 5 у тебя пять, у меня шесть;
 у тебя шесть, у меня семь.
 На седьмом всё смешается,
 на восьмом всё исчезнет,
 на девятом ничего не останется.
 10 Изнутри безболезненным,
 снаружи незаметным,
 у праведной души, раба ... [имя].

40a. Заговор при лечении
коровы

*Если корова заболела в хлеву, от
 «земли»:*

Сидит кюхя [?] на пороге,
 нечистый [?] посреди пола.
 Малый плетётся сзади [?]

- 5 madozet šuveuttajina.
Päivärikka, pellontoppa...
Alla aidojen alačči,
kiirikorvan kierdäjä,
maidoašteijen pezijä.
10 Tuo maijot tullesšäs,
t'ervehyöt ollesšäs.
Piäššä, kun olit en'n'en vanhana.
Mie vet šanon Eibozella,
Eiboni šanou van'himmalla.
15 Van'hin, ota vaivaš pois
omalda skotinalda, kirjolda.

Orrenpiälline omena,
parrenpiälline pagana,
tuobaž voida vierahalla.

- 20 Kengo šano, kengähyš,
talvizist'a tadehist'a,
ped'äjäzešt'ä pežäšt'ä,
hongazešta huonehešta,
liävän pohjimmaizešta liäžöšt'ä.
25 Ota omaž vaivaž ičel'l'äš,
ana miula omat t'ervehyöt
omalla skotinalla.

— *Mibä se oli «Eiboni»?*

— *Ka «Eiboni», mie en tiijä, mi še on? Mie en tiijä... Kun niin onga...*

— *Vähin viän'n'yt't'ä peräššä — midä še znaaččiu?*

— *Ka, mie en tiijä, mid'ä...*

— *Ildazet šiula ettonilla?..*

— *Hiän niät šie ei ole kaikki, moniehat šanat on, voit malttua, a monieš ei, et malta... No, ei šua malttua, mi še i on. Nu, šemmoni nazvanije kun on. No vuota mie viel'ä kerran luven...*

- [?] с тарелками, дощечками,
5 змеи [черви] утепляют [?].
Солнца луч [?], мусор с поля...
Снизу под изгородью,
[?] обходящий,
молочную посуду моющий.
10 Принеси с собой молоко,
дай здоровья, прибывши.
Отпусти, как было прежде.
Я скажу ведь Эйбони [?].
Эйбони скажет старшему.
15 Старший, сними недуги
у моей скотины Кирьё

[Пеструхи].

Подпотолочное яблоко,
за брёвнами поганое,
принеси масла гостю.

- 20 Кто сказал [?],
от зимнего навоза,
из соснового гнезда,
из строений сухостойных,
из нижней лужи в хлеву...
25 Возьми себе свои недуги,
дай мне здоровье,
моей скотине.

— *Что такое «Эйбони»?*

— *Так «Эйбони», я не знаю, что это. Не знаю я, что это. Так было...*

— *«Малый плетётся сзади» — что это значит?*

— *Так я не знаю, что это значит...*

Видишь ли, не все... некоторые слова можно понять, а некоторые нет, непонятные... Нельзя понять, что это. Ну, вот такие названия. Ну подожди, я ещё раз произнесу...

40b. Lehmyä paranduas's'a

*Kun liäväsšä lehmän «tua panou»,
kodimuahini:*

Ist'uu kyhä kyn'n'yksil'l'ä,
kehno keški lattiella.
Vähin viän'n'yt't'ä peräsšä.
Edoraizen (?) luodazilla
5 päivärikka, pellontoppa,
vähin viän'n'yt't'ä peräsšä,
edonaizen luodazella,
madozet šuvettajina.

Piäsšä, kun olit en'n'en vanhana.
10 Mie vet šanon Eibozella,
Eiboni šanou van'himmalla.
Van'hin, ota vaivaš pois
omalda skotinalda...
(No, šielä, Kirjo libo Ruško, libo),
15 omalda skotinalda Kirjolda.

Orrenpiälline omena,
parrenpiälline pagana,
tuobaš voida vierahalla.
Kengo šano, kengähys,
talvizist'a tadehist'a,
20 hongazešta huonehešta,
pedäjäizešt'ä pežäst'ä.
Piäsšä, kuin olit ennen vanhana.
Ota omaž vaivaž ičel'l'änä,
ana miula omat t'erveyhöt
25 omalla skotinalla.

41. Kuin parennettih
lehmän nannie

*L'ehmä kun ei rubie lypšämäh da
n'ännit puhaldau, maido matkuamah
kun ei rubie, no ni vot šenin lugietah:*

40б. Заговор при лечении
коровы

*Если корова болеет в хлеву,
«от земли», духа-покровителя земли:*

Сидит кюхя (?) на порогах,
нечистый посередь пола.
Малый плетётся сзади (?)
[?] с тарелочками.
5 Солнца луч (?), соринка с поля,
малый [по-малому] плетётся
сзади (?),
[?] на тарелочке [с тарелочками],
молочко для утепления (?).
Отпусти, как и было прежде.
10 Я ведь скажу Эйбони (?),
Эйбони скажет старшему.
Старший, сними недуги
у моей скотины...
[Ну, там у Кирьё, либо у Руско,
либо...]

15 у моей скотины Кирьё.
Своронца плод/яблоко,
с брёвен нечистое/поганое,
принеси-ка мази/масла гостю.
Кто-то сказал — освободись [?!]
от зимнего навоза,
20 из сухостойного жилища,
из соснового гнезда.
Отпусти, как и было прежде.
Возьми себе свои недуги,
отдай нам наше здоровье
25 для моей скотины.

41. Как лечили вымя
у коровы

*Если корова перестаёт доиться,
вымя вздуется [опухнет], молоко не
идёт, то вот так наговаривают:*

- Onni—manni maidokissi, maidopörö,
 maidopöröššä pömörö,
 pömöröššä pöndärikki,
 pöndärikissä rimikki,
 5 rimikissä rissinšorkka,
 ristinšorkašša šomero,
 šomerošša šormikinnaš,
 šormikindahan kiberö,
 kiberöššä kirjahändä,
 10 kirjahännäššä kirikkö,
 kiriköššä nuored miehet,
 naimattomat,
 vielä viinan juomattomat
 punotah punaist'a köyht'ä
 15 raunikoijah...
 Mis's'ä tuomarin šanuokše,
 kangašlakši koukist'uakše.
 Šielä on pikku perttini,
 pöydä kullašta kuvattu,
 20 očäšeinä oz'man luušta,
 šivušeinä šiivin luušta,
 lagi lahnan šuomukšist'a,
 uuni uužist'a kivist'ä.
 Šiel'ä Muarieni maguali,
 25 tintariuhto riuhotelli.
 Šielä puhiet puheli.

Fuf! Voi tak.

*Puhuttih ved'eh i l'ehmä'l'l'ä
 n'ännil'öjä peštih i l'ehmyä juotettih...
 — Hämmen'n'et'äh veičellä vielä.
 No, veičellä vet't'ä hämmen'n'ellä...
 No, risti luaitah, šinne, ved'eh,
 veičel'l'ä. Is's'utah kiuguan hingalon
 ieššä, no, hingalon ieššä... Taburetkal-
 la ist'uuvutah, hingalon ieššä, da šid'ä
 lugou šielä, puhuu, ved'eh. Šiid'ä
 n'an'n'it pežöy, tullou tolkkuu, ei tulle,
 no. T'amän vain milma l'otuška opašti.
 Šanou, rubiet l'ehmyä pid'amäh. Vielä
 mie olin pacanka, muis's'an...*

- Онни—манни, молочник...¹³
 11 в церкви молодые мужчины,
 ещё не женатые,
 ещё вина не пившие,
 выют они красный канат,
 15 свивают...
 О чём судья скажет [?],
 кангашлакши опутать.
 Там малая избушка,
 стол золотом украшен.
 20 передняя стена из костей оленя,
 боковая — из костей птицы [?],
 потолок из чешуи леща,
 печь из новых камней.
 Там Мария спала,
 25 оловянная грудь [?] возлежала.
 Там слова произносила.

Фуф. Вот так.

*Наговаривали на воду и мыли этой
 водой вымя коровы, и давали корове
 пить.*

*Воду помешивают пожом. Ну,
 пожом помешивают воду... Делают
 крест, крестный знак в воде, пожом
 как бы крестят воду... Садятся пе-
 ред печкой, у шестка...*

*Садятся на табуретку, у шест-
 ка, и тут заговаривают воду.*

*Моют вымя, будет толк или
 нет... Этому меня тётушка научи-
 ла, говорит, будешь корову дер-
 жать... Я ещё была ребёнком, запом-
 нила.*

¹³ Строки 2–10 не подлежат пере-
 воду, так как значение большинства
 слов непонятно.

42. Kun lehmäldä n'ännit puhaldau

N'äin otetah tuahta kabien alda, kabeijen alda, a vot t'äšš(ä) ollah udaret... Tuahta otetah tagajalan alda, i ših i pannah, jälelläh. I šil'l'ä ristih kožetetah. Udarie:

Liävän emänd'ä, liävän emänd'ä, tule t'öid'ä tundomah, omie azeida azettamah.

Kolme kerdua kožetetah udarie, nel'l'äšt'ä kohtua. I pannah ne tadehet tuaš šamah kohtah /jalan alla/.

(Lugou kolme kerdua.)

Šiid'ä l'ypšäy prostokis's'ua, prostokis's'alla l'ypšäy... Toože viijäh vedeh, järveh... Maido kuatah, šield'ä otetah t'äyži kattila vet't'ä tilah:

*Ota maido muahaš,
anna maido muaštaš.
Ota maido muahaš,
anna maido muaštaš.
Ota maido muahaš,
anna maido muaštaš.*

*Miula oli yhen kerran še...
I sraazu proidi.*

43. Kondien sanat

Meččäh lähet, šanot:

*Kondiezen, kondiezen,
šiula on meččä kodina,*

42. Если у коровы вымя вздует

Вот так берут [показывает] навоз из-под копыта, из-под копыт, и сюда же кладут обратно. И этим [навозом] прикасаются к вымени, крест-накрест:

Хозяйка хлева, хозяйка хлева, приди, признай свою работу, исправь свои деянья.

Три раза касаются вымени, в четырёх местах [крестный знак]. И кладут затем навоз на то же место, под копыто. (Слова такие произносят трижды.)

После этого корова доится простокисшим молоком, простоквашей... Относят его в воду, в озеро... Молоко выливают, вместо него набирают полный подойник воды.

*Прими молоко в землю,
отдай молоко из земли.
Прими молоко в землю,
отдай молоко из земли.
Прими молоко в землю,
отдай молоко из земли.*

У меня однажды было такое [с коровой] ... И сразу прошло.

43. Заклинание медведя

В лес пойдёшь, скажешь:

*Медведюшка, медведюшка,
твой дом — лес,*

- kivet, kannot šiun.
 Ole miuštani šelin,
 5 kivilöih, kandoloih kohin.
 Meččäh kohin, miušta šelin,
 štobi mie šilma en n' ägis.
 Milma elä ni konža põlätä.
 Mäne kivilöih, kandoloih kohin,
 10 miušta šelin.

*Hiän läht'öy omuah doroguah
 myöt'e.*

- камни, пни — твои.
 Будь ко мне спиной,
 5 к камням, пням — лицом.
 К лесу передом, ко мне спиной,
 чтобы я тебя не видела.
 Никогда меня не пугай.
 Ступай прямо к камням и кочкам,
 10 ко мне спиной.

И он пойдёт своей дорогой.

HÄÄLAULUT

44. Kokko lendi

- Lendi kokko koilda ilmoин,
 koilda ilmoин, alda ilmoин,
 kaččelekši, kiändelekši:
 kaččo parvešta parašta,
 5 tukkapäistä turbiehinda,
 kaššapäistä kaunehinda,
 šormuškäzistä šominda.
 Šen kokko kobristi,
 Huamulindu huamuzi.
 10 Jo šanoin kogo kevyän:
 «Luadiet myö piiloperti,
 missä neittä šäilytellä.»
 Ammui aivoin aigašuopo
 neijon kuuluizan kojissa;
 15 mäkätti kevätkaričča
 neijon kuuluizan kojissa.
 Ei kylä šigieh muattu
 neijon pirren puikkehelda,
 šukkulaizen šuikkehelda.
 20 Kaččeleuvut, kiändelevyvt.

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

44. Летел орёл

- Летел орёл с северо-востока,
 из той стороны просторной,
 покружил он, осмотрелся,
 выбрал лучшую из стаи,
 5 с самыми пышными волосами,
 самую красивую с косою,
 привлекательную в перстнях.
 Ту орёл схватил когтями,
 птица леса ухватила.
 10 Всю весну я вам твердила:
 «Сделайте избу потайную,
 где бы сохранить девицу».
 Мычала раненую корова
 в доме у девицы знатной;
 15 бляля ярочка весенняя
 в доме у девицы знатной.
 И на деревне просыпались,
 когда стучала дева бёрдом,
 челночок снова проворно.
 20 Осмотрелся, покружился.

Et issu šinčon šiivoutta,
etgä pertin kaunehutta,
issut immen ihanutta,
kanamarjan kaunehutta.

- 25 Etgä izän ihanutta,
etgä muamon kaunehutta,
issut immen ihanutta,
kanamarjan kaunehutta.

45. Kokko lendi

- Pois pihalla pitimmät miehet,
urohot uloš poigeš,
jo on valmiz valvačín,
valmiz valvateldavaini.
Vuotit viikon, vuota vielä,
5 jo on jalga kengitetty,
toine on kengimättömänä.
Vuotit viikon, vuota vielä,
jo on kázi kinnašsettu,
toini on kiinnašsettavana.
10 Vuotit viikon, vuota vielä,
on puoli piädä palmikoidu,
toini palmikoitavana.
Jo on valmiz valvačín,
valmiz valvatettavaini.
15 Pois pihalla pitimmät miehet,
urohot uloš, poigeš.

46. Kuule, n'eido [Neuvonda]

- Kuule, n'eido, n'euvotah,
moržien opašsetah.
Kydý on kylmä kynnykšillä,
nado nuagloina šeinäššä,
akka karhu karžinašša,
5 ukko uunilla ulajau.

Сидишь не ради чистоты сеней,
и не ради убранства избы,
а сидишь из-за прелестей девицы,
из-за красоты ягодки-птицы
[курочки].

- 25 И не из-за доброты отца,
и не из-за красоты матери,
сидишь из-за прелестей девицы,
ради красоты ягодки-птицы
[курочки].

45. Летел орёл

- Во двор, высокие мужчины,
молодцы, из избы наружу,
уже готова долгожданная,
готова ожидаемая.
5 Ждал ты долго, жди ещё,
уже одна нога обута,
а другую обувают.
Ждал ты долго, жди ещё,
уже одна рука в рукавице,
10 а на другую надевают.
Ждал ты долго, жди ещё,
одна коса заплетена,
а другую заплетают.
Уже готова ожидаемая,
15 готова долгожданная.
Во двор, высокие мужчины,
молодцы, из избы наружу.

46. Послушай, девица [Наставления]

- Послушай, девица, совета,
внемли, невеста, наставленьям:
деверь — остудник на пороге,
золушка, что гвоздь в стене,
5 свекровь медведицей в подполье,
свёкор на печи вызывает.

- Kuule, n'eido, n'euvotah,
 tuaž moržien opaššetah:
 oma kodi heittämöini,
 šulhazen kodi ottamoini.
- 10 Kuule, n'eido, n'euvotah,
 moržien opaššetah:
 oma muamo heittämöini,
 emänd'ä—akka ottamoini.
 Kuule, n'eido, n'euvotah,
 15 moržien opaššetah:
 oma tuatto heittämöini,
 izänd'ä—ukko ottamoini.
 Kuule, n'eido, n'euvotah,
 moržien opaššetah:
 20 oma veikko heittämöini,
 kydy omakši ottamoini.
 Kuule, n'eido, n'euvotah,
 moržien opaššetah:
 oma čikko heittämöini,
 25 nado vieraž ottamoini.
 Ei šovi vävy perttih
 oččašeinän ottamatta,
 šivušeinän šiirdämättä.

47. Vävyin virži

- Issuin illan kaiken aijan
 karjalaizen skammin piäššä,
 venyähläizen veičen piäššä,
 eigä šyötetty, eigä juotettu,
 eigä kaupoilla taluttu.
- 5 Oštazin uuvan oron,
 Piiterin pystykabien,
 Uuvan linnan lehtiharjan.
- Ajazingo anoppiheni,
 anopin aidojen alačči,
 10 anopin peldojen peräčči.
 Tuli vävyzen tujahiti
 ovišein'än ottamatta,

- Послушай, девица, совета,
 ещё невесту наставляют:
 дом родной покинуть надо,
 10 дом жениха принять за свой.
 Послушай, девица, совета,
 так невесту наставляют:
 мать родную ты покинешь,
 а свекровь взамен примешь.
- 15 Послушай, девица, совета,
 так невесту наставляют:
 родного отца покинешь,
 свёкра вместо него примешь.
 Послушай, девица, совета,
 20 так невесту поучают:
 своего братца покинешь,
 деверя за родного примешь.
 Послушай, девица, совета,
 так невесту наставляют:
 25 ты свою сестру покинешь,
 золовушку чужую примешь.
 Не вмещается зять в избу,
 не снявши стены передней,
 не сдвинув боковой стены.

47. Песня зятя

- Просидел я целый вечер
 на скамеечке карельской,
 на пожах (?) на русских,
 не накормили, не напоили,
 5 и сделку не заключили (?).
 Купил бы нового коня,
 тонконового из Питера,
 с льняной (?) гривой из Нового
 города.
- Поехал бы в дом тещи
 10 мимо изгороди тещи,
 позади полей тещи.
 Приехал зять, явился,
 не снимая заднюю стену,

- kamuakon koškomatta,
hal' l' akka maksankarvallini,
15 muata maksankarvani (?).
Issuttuago vävyistäni
šinizeh šein' äh šelin
da ruškiehko stolah kohin?
Lažettuago vävyn oro
20 raudazista rahkehista,
vezazista vembelistä?
Juottuago še vävyn oro
herazešta lätäköštä?
Piehtaroittuago vävyn oro
25 kuldazilla kuoppioilla,
jottei karva katkieis,
eigä jouhi liikahtais.
Apattuago še vävyn oro
leššyin leivin, peššyin kagroin,
30 šurvotuin šyizrugehin?

48. Miero vuotti

- Miero vuotti uutta kuuda,
kylä päivän noužennaista,
lumi tervaista regyt' t' ä,
mie vuotin veijoistani,
veijoistani, min' n' aistani
5 kuin kuuda nouzijua,
päiväistä noužovua.
Veijo tuli, vezi läikky,
min' n' a tuli, miero liikku.

- Ken tämän toven valehti —
10 veijon tyhjin tulovakši,
račun jouten joukševakši?
Ken tämän toven valehti,
šuu šammaloitelkah,
kielen talmoih taitelkah.
15 Missä viikon viivyksissä,
missä kauvan kavokšissa?
Šulo vil' l' o vel' l' yöni,

- не задевши косячков,
15 свитка тёмно-бурого цвета,
ткань [?] цвета печёнки [?].
Посадить ли мне зятёчка,
спиной к синей степе
да лицом к красному столу?
20 Распрячь ли коня зятя,
снять ли железные гужи [?],
снять ли гибкую дугу?
Напоить ли коня зятя
сывороткою из лужи?
25 Дать ли коню поваляться
на лужочках золотых,
чтобы шерсть не свалилась,
не выпадала бы щетина?
Накормить ли коня зятя
30 чистым хлебом, овсом ярым,
натолчённой яровой рожью?

48. Мир ждал

- Мир ждал новолуния,
деревня — восхода солнца,
снег — просмолённые санки,
я ждала своего братца,
5 своего братца и невестку,
словно месяца на небе,
словно солнца восходящего.
Брат приехал, вода всплеснулась,
невестка приехала, мир
встрепенулся.
10 Кто придумал ложь такую,
что без добычи брат приедет,
что впустую конь бежит?
Кто придумал ложь такую,
пусть уста мхом обрастут,
15 язык покроется плёнкой.
Где так долго задержался,
где надолго затерялся?
Славный братец мой любимый,

- piettihgö vävyö vävynä
appelašša olleššaš?
- 20 Šöitgö lohta luodazelda,
puhtahalda purdilolda,
luuvalda elihvöijyttä (?),
šuu šulašša vois' s'a,
kädeš kuorekakkaroissa?
- 25 Moržien, ga sizarizeni,
kabulehti, lagluoni,
nouže ilman noštajatta,
ylene ylendäjättä.
Vielä on nuori noštajaš,
- 30 vihanda ylendäjäš.
Pole jalga jalakšella,
toini poikkipuolizella,
aššu hanhen aškelin,
taputa tavin jalgazin.
- 35 Piha on aššelda pitembi,
kynnyš hirttä korgiemi.
Piha pilvoin (?) koitteliekše
pitän laššun poimijua,
kynnyš kylin kiändeliekše,
- 40 skiägäni käčerdeliekše
šuarienda šormuškättä,
hienohelman helmojaista.
Aittani alendeliekše
elokašta moržienda.
- 45 Kuule, n' eido, n' euvotah,
oma kylä opaššetah:
ei kun izän—emon talošša,
- toizin on toizešša talošša,
50 toizin mualla vierahalla.
Pie luzikkazet luvušša,
aštiezet arvelušša,
makša palkka pajuloin.
Ei ole tuo šuuri pajuloin palkka —
äyringi (?) puoellda šanalda,
- 55 tillingi on kogo šanalda.
Ei miun kulkkuni kuitta (?) juokše,
huulet humalavezittä,
rinnat ričistä (?).

- приняли ль тебя как зятя,
20 там, в доме у тестя?
Ел ты лосося с тарелки,
из чистой ли посуды,
из небитого ли блюда;
по устам текло ли масло,
25 вдоволь было ли блинов?
Ты невестушка, сестрица,
наша славная лебёдушка,
встань сама, без помощника,
поднимись без поддержки.
- 30 Ещё молод твой избранник,
ещё зелен твой жених.
Ступи пожою на полоз,
а другой — на поперечину,
иди гусиными шажками,
35 шагай, словно уточка, ногами.
Тут на шаг дворы длиннее,
на венец пороги выше.
Двор давненько ожидает
подбирающую цепки,
- 40 порог боком поворачивается,
ручка двери поскрипывает
в ожидании стройной в перстнях,
шелестящей тонким подолом.
Амбар ниже становился,
45 ожидая невесту с приданым.
Послушай, девица, что советуют,
своя деревня как наставляет:
там не так, как в доме отца—
матери,
по—другому в другом доме,
- 50 по—иному на земле чужой.
Ложки содержи по счёту,
в почести посуду.
Заплати певиче за работу.
Не велика плата певиче —
55 за полслова — лишь полушку [?],
по копейке — за целое слово.
Голос не звучит без напитка,
уста молчат без хмельной водицы,
грудь сдавило...

49. Miero vuotti

- Vuotti miero uutta kuuda,
 kylä päivän noužemista.
 Vuotti Anni pojaista,
 kuin päiväistä noužemašša.
- 5 Račču juoksi, randa läimy,
 korja vieri, tie mureni,
 polgi padvizet jalakšet,
 tumazi tuomini vemmeli,
 vabazi vaškini kol'čča.
- 10 L'ähtietti hyö ajamah
 ilman ruožan roikkumatta,
 ilman kabien kaštumatta.
 — Kenen čillit čilahettih,
 kenen romut romahettih,
- 15 kenen sarajašta šolahettih,
 kenen sarajah nouštih?
 Moržien, sizaruizen,
 nouže ilmain nouštamatta
 ylene ilmain ylendämättä.
- 20 Noštajaš hyvitan,
 ylendäjäš armahutan.
 Pole jalga jalakšella,
 toini tabua tanderella,
 taputa tavin jaloilla,
- 25 harpi hanhen aškelilla.
 Notkuttele nuorda varitta,
 kuin notkujan tuomen ladvua;
 kuarruttele kaunisti varitta,
 kuin kuardujua kadajua.
- 30 Toizin kuin toizešša kyläššä,
 toizin mualla vierahalla:
 pie luzikkazet luvušša,
 aštiezet arvelušša,
 kun ei šuuret koirat kannettais,
- 35 pienet pennut peitettäis.

49. Мир ждал

- Ожидал мир поволунья,
 вся деревня — восхода солнца.
 Ждала Анни сыночка,
 словно солнца восходящего.
- 5 Конь бежал, берег шумел,
 санки катились, дорога
 крошилась.
 Стучали полозья из берёзы,
 дуга черёмуховая качалась,
 дрожало медное колечко.
- 10 В путь отправились они,
 не размахивая плетью,
 не замочив коню копыта.
 Чьи бубенцы зазвенели,
 чьи же сани заскрипели,
- 15 с чьего сарая съехали,
 к кому на сарай въехали?
 Ты невестушка, сестрица,
 встань, не жди, когда поднимут,
 поднимись, не жди подмоги.
- 20 Кто поднимет, того отблагодарю,
 кто поможет, того обласкаю.
 Наступи ногой на полоз,
 поставь другую на землю,
 ступай ножками утиными,
- 25 пройдишь шажком гусиным.
 Молодой стан изогни,
 словно тонкую черёмуху,
 свой красивый стан склони,
 словно гибкий можжевельник.
- 30 По-иному в другой деревне,
 по-другому на чужбине:
 держи ложки строго по счёту,
 в почести посуду,
 чтоб собаки не растащили
- 35 и щенки не перепрытали.

LYYRISET LAULUT

50. Kenbä tuuvalla šuarešša

- Kenbä tuuvalla šuarešša
šavuo polttau?
— Iivana tuuvalla šuarešša
šavuo polttau.
- 5 — Midä hiän ruadelou?
— Aizan päid'ä aźettelou,
vembelyt't'ä kirjuttau,
korjan kokkie kohendau.
— Kenbä regeh i lepšahti?
- 10 — Anni regeh i lepšahti.
— Kenbä kannoilla kapšahti?
— Iivana kannoilla kapšahti.
Lähtietti hyö ajamah
ilmain ruožan roimamatta,
- 15 ilmain šagaran kričkumatta.
— Kenen sarajoista šolahettih,
kenen sarajah nouštih,
ken tuli vaštah?
— Izänd'ä-ukko tuli vaštah.
- 20 — Ken tuli vaštah?
— Emänd'ä-akka vaštah.
— Ken tuli vaštah?
— Velli tuli vaštah.
— Ken tuli vaštah?
- 25 — Čikko tuli vaštah.
— Kunne hyö muate?
— Aittah muate.
— Midä heilä alla?
— Annin perinät alla.
- 30 — Midä heilä pielukših?
— Annin poduška pielukših.
— Midä heilä kattiekši?
— Iivanan turkki kattiekši.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

50. Кто там на острове

- Кто там на острове
костёр разжѐг?
— Иван там на острове
костёр разжѐг.
- 5 — Что же он делает?
— Оглобли отделявает,
дугу расписывает,
карету отделявает.
— Кто в сани ступил?
- 10 — Анни в сани ступила.
— Кто на облучки вскочил?
— Иван на облучки вскочил.
Отправились они в путь,
не ударяя плетью,
- 15 не заскрипев петлями [дверными].
— С чьего сарая съехали,
на чей сарай въехали,
кто пришёл встречать?
— Свѣкор пришёл встречать.
- 20 — Кто пришёл встречать?
— Свекровь пришла встречать.
— Кто ещё встречает?
— Брат пришёл встречать.
— Кто ещё встречает?
- 25 — Сестра пришла встречать.
— Куда их спать?
— В амбар спать.
— Что будет постелью?
— Перина Анни постелью.
- 30 — Что им под голову?
— Подушки Анни под голову.
— Чем их накроют?
— Тулупом Ивана накроют.

51. Kirjone, virjone

- Kirjone, virjone,
ken kežät korjie kirjuttau?
Kengo talvella aizoja aźettau?
— livana aizoja aźettau.
- 5 — Kenbo korjah kokšahtau?
— Muarie korjah kokšahtau.
— Kenen varža val' l' ahis' s' a?
— Iivanan varža val' l' ahis' s' a.
Lähtiet' äägo ajamaa
- 10 ilman ruoškien ruoškimatta,
ilmain kabien kaštamatta,
vuahuzien valamatta.
Vemmel' puilla kukkumaa,
rahkehil' l' a laulamaa,
- 15 vemmel' puilla kukkumaa.

52. Ken tuuvalla tulda polttau

- Ken tuuvalla tulda polttau?
— Vanja tuuvalla tulda polttau.
— Mid' äbä hiän(e) ruadau?
— Korjankokkie kohendau,
- 5 aizanpäid' ä aźettau,
vembelyizie kruassiu.
— Kunneba hiän šuorieu?
— Naimah šuorieu.
— Keštä, keštä naimah?
- 10 — Annist' a naimah.
— Kenen sarajašta lähtiet' äh
— Annin sarajašta lähtiet' äh
— Kenenba sarajah noššah?
— Vanjan sarajah noššah.
- 15 — Kenbä šijan šilit' t' äy?
— Anni šijan šilit' t' äy.
— Kenbä rinnalla ripšahtau?
— livana rinnalla ripšahtau.
— Kenbä kaglah kapšahtau?
- 20 — Anni kaglah kapšahtau.

51. Пёстренький, рябенький

- Пёстренький, рябенький,
кто летом кареты украшает?
Кто зимой оглобли делает?
— Иван оглобли делает.
- 5 — Кто в карету сядет?
— Муарие в карету сядет.
— Чей конь в упряжке?
— Ивана конь в упряжке.
Поедут кататься
- 10 без ударов плетей,
не замочивши копыт коня,
не роняя пены.
На дугах будут куковать [?],
на гужах напевать,
- 15 на дугах куковать.

52. Кто там костёр разжёт

- Кто там костёр разжёт?
— Ваня там костёр разжёт.
— Что же он делает?
— Повозку подправляет,
- 5 оглобли обновляет,
дугу украшает.
— Куда же он собирается?
— Жениться собирается.
— А на ком жениться?
- 10 — На Аннушке жениться.
— С какого сарая выедут?
— С сарая Аннушки выедут.
— На чей сарай въедут?
— На Ванин сарай въедут.
- 15 — Кто постель застелет?
— Анни постель застелет.
— Кто рядом приляжет?
— Иван рядом приляжет.
— Кто за шею обхватит?
- 20 — Анни за шею обхватит.

53. Läksi kulda Piiterih

- Läksi kulda Piiterih,
läksin kuldua kaimuamah.
Heitti kulda n'ävyñ'n'än,
heitti leibä mänen'n'än.
- 5 Kulda kun rubei n'ägmäh,
rubei leibä mänömäh.
Käški vuottua viizi vuotta,
mie vuotin ni kuuvennen.
Kahta kuuda kun en vuottan,
10 dai kuldua n'ägmäh en šua.

54. Läksi kydy naimah

*Yksi mies ei voinun ičelleh löydyä
naista, niin häneštä laulettih:*

- Läksi miän kydy naimah,
sydäziñ šuigujärveh,
muajalašša Muazjärveh,
uikseldih Uškelah,
- 5 ojendih Ofonjanniemeh,
munnerdih Muštah vuarah,
pani jalan Voijjärveh.

Vojjärveššä votkot (?) šyödyä,
Iivanalla aivin ahkozet.

55. Elä kolka koilistuuli

- Elä kolka koilistuuli,
elägö lotka luuvehtuuli.
Šilloin kolka koilistuuli,
šilloin lotka luuvehtuuli,
- 5 kylynlöylyn kylvend'aigah,
vaššanlehen lekund'aigah.

53. Отправился милый в Питер

- Отправился милый в Питер,
пошла милого провожать.
Не стало видно милого,
перестала я есть.
- 5 Как только милый показался,
стала я опять есть.
Велел он ждать пять лет,
я ждала ещё и шестой.
Двух месяцев не дождалась
10 и милого больше не увижу.

**54. Поехал наш деверь
жениться**

*Один мужчина не мог найти себе
жены, так о нём пели:*

- Поехал наш деверь жениться,
направился он в Шуезеро,
пешком посуху в Машезеро,
проплыл на лодке в Ушкелу,
- 5 напрямик на Афонино,
добрался до Муставаары,
дошёл до самой Войярви
[Маслозеро].
В Войярви водку [?] выпили,
достался Ивану лишь осадок.

**55. Не стучи, ветер,
с северо-востока**

- Не стучи, ветер, с северо-востока,
и не скреби, ветер, с северо-запада:
тогда стучи, ветер, с северо-
востока,
тогда скреби, ветер, с северо-
запада,
- 5 когда все в бане парятся,
когда вениками хлещутся.

- Diäy livo it'kömäh,
 Vassi vaigeroittamah.
 Iivolla tuaton veitšyt kukkaziksi,
 10 Vassilla murumal'l'ani ed'ee¹⁴.

- Останется Ийво плакать,
 Василиса всхлипывать.
 Ийво — пож отца вместо игрушки,
 10 Василисе — миску с крошкой¹⁴.

KALENDARISET LAULUT

56. Virba bruaznikkana

Muamolla oli tapana meidät herättää ylös ottamalla virbon vitsoja kädeen, sekä hil'luukkuisen lyömällä kintuille, luki seuraavanlaisen värsyn:

- Virban löin vičutin,
 varban löin vačutin,
 tuorehekši, tervehekši.
 Vanha nahka ulos,
 5 uusi nahka tilaan.

57.

- Virvan l'öin vičutin,
 varvan l'öin vačutin,
 tuorehekši, t'ervehekši,
 vanha nahka pois,
 5 uuži nahka šijaa.

КАЛЕНДАРНЫЕ ПЕСНИ

56. В Вербное воскресенье

Мама по обыкновению будила нас, держа вербочку в руке и тихонечко ударяя ею по ногам, произносила следующий стих:

- Вербой хлестну—взмахну,
 веточкой хлестну—ударю,
 бодрым будь, здоровым будь.
 Старая [кожа] шкура вон,
 5 новая шкура на место.

57.

- Вербой хлестнул—взмахнул,
 веточкой хлестнул—ударил,
 бодрым будь, здоровым,
 старая [кожа] шкура вон,
 5 новая на её место.

¹⁴ Kerääjän huomautus: «Laulua laulaa nuori nainen rakastetulleen varoitukseksi, että mies on kotona. Tyttönä hän oli rakastunut nuoreen mieheen, mutta naimisiin meni toisen kanssa. Syntyi hänellä kaksi lasta. Hänen rakastettu palautuu ja hän päättää jättää miehensä ja lapsensa ja lähteä rakastetun kanssa. Hän koputtelee ikkunalle, mutta mies onkin kotona ja varoitukseksi rakastetulle hän laulaa yllä kirjoitetun laulun.» Примечание собирателя: «Песню поёт молодая женщина в предостережение своему возлюбленному, сообщая, что муж дома. Девушкой она любила молодого парня, но замуж вышла за другого. Родилось двое детей. Её возлюбленный вернулся, и она решает оставить мужа и детей, и уйти с возлюбленным. Он стучит в окно, но муж оказался дома. В предупреждение ему она поёт записанную песню».

**58. Kukuš, kukuš,
kägözeni**

Kukuš, kukuš, kägözeni,
kukuš, kuldarindazeni,
kukuš kullat kulmilla,
kukuš hobiet huulilla.

5 Viikongo mie viel'ä elän villapiänä,

kaikengo ijän olen karhapiänä?

**58. Ты кукуй, кукуй,
кукушка**

Ты кукуй, кукуй, кукушка,
ты кукуй, золотая грудка,
накукуй золото на виски,
накукуй серебро в уста.

5 Долго ль мне быть с косой на
голове,
весь ли век непричёсанной^{15?}

¹⁵ Видимо, имеется в виду женская причёска, быть непричёсанной — быть неза-
мужней.

Календарные песни
мужской линии

Кукушка и кукушка

Древняя Славянская

Славянская

2

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Колыбельные,
пестушки, потешки

Кумулятивные песни

Дразнилки. Считалки.
Скороговорки

КЕНТО- JA MUITA LAULUJA

59. Baji, baji lašta

Baji, baji lašta,
tulou kazi vaštah.
Tulou kazi vaštah,
da lekahuttau lašta.

- 5 Hyppäi kazi kiuguan korvalla,
lekahutti lašta.
Bai, bai, bai, bai,
bajuški, baju, baju.

- Bai, bai bassalai,
10 T'eron akka lapšen šai,
pandih nimi Nikolai.
T'ero ošti vodkua,
akkua peržieh potkai.

60. Šouvan, šouvan, šorkuttelen

Šouvan, šouvan, šorkuttelen,
luijan, luijan, luikuttelen,
toaton luokši tandereh,
moamon luokši mandereh.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ, ПЕСТУШКИ, ПОТЕШКИ

59. Баю, баю, дитятко

Баю, баю, дитятко,
повстречаешь котика.
Повстречаешь котика,
он покатает дитятко.

- 5 Прыгнул котик на печку,
покачнул моё дитя.
Бай, бай, бай, бай,
баюшки, бай, бай.

- Бай, бай, басалай,
10 жена Терентия родила,
назвали сына Николай.
Терентий водки купил,
жене пинка поддал.

60. Гребу на лодке, подгребаю

Гребу на лодке, подгребаю,
еду, еду, подплываю,
к отцу на сушу,
к матери на берег.

- 5 Čikon šilmikirjazil' l'a,
moamon maidomöykkyzil' l'ä,
veikon vemmeljouhuzil' l'a.

61. Čibi-libi, linduni

- Čibi-libi, linduni,
punapiä peiboni,
potki jalan jiäd' ä myöte,
jiä järveštä ulloš,
5 diäd' än veräjät umbeh.

62. Kuikka kugarli

- Kuikka kugarli,
akka akarli,
lambi hodila,
ribu lovila,
5 iče kuikka ildazetta,
muu pereh murginatta.

63. Kis, kis, kažizeni

- Kis, kis, kažizeni,
elä mäne Timoljah.
Timon akka koukulla,
iče Timo ruožalla,
5 muu pereh petkelel' l'ä,
baba lapšie kämmenel' l'ä.

- Tu-tu, jänözeni,
Vova, Vova, poigazeni,
elä mäne orahih,
10 elä mäne aijan piiloh.
Aijan piilošta ammutah,
nahka jänöld' ä n'ylgiet' äh,
šuapkakši ommellah.
Oravaine, vedrovaine,

- 5 К сестриным подаркам,
к материнским колобкам
на молоке,
к упряжке [?] брата.

61. Чиби-либи, пташечка

- Чиби-либи, пташечка,
красноголовый зяблик,
ступил ножкой на ледок —
лёд на озере сошёл,
5 ворота дяди на запор.

62. Гагара, гагара

- Гагара, гагара[?],
баба, бабуся [усл.],
в ламби ходила,
рыбу ловила.
5 Сама гагара без ужина,
вся семья без обеда.

63. Кис, кис, кисонька

- Кис, кис, кисонька,
не ходи ты в Тимоля.
Жена Тимо [стукнет] кочергой,
сам Тимо плёткой,
5 вся семья — толкушкой,
бабуся деток ладошкой.

- Ту-ту, зайнька,
Вова, Вовочка, сынок.
Не ходи в посевы,
10 не прячься под изгородью.
Под изгородью подстрелят,
у зайки шкурку снимут,
шапку сошьют.
Белочка шустрая,

- 15 puun purija puhtahaine,
ojenduače okšazella.
Koiria rubieu haukkumah,
tata rubieu ambumah.

64. Hyppiy, skoččiu

- Hyppiy-skoččiu t'äyvel' l'äh,
hot' on kengät leväl' l'äh,
kabluukaizet kahallah.
Kabluukaizet kaidazet,
5 kandanahkat (hoikkazet).
Šuudari paikkazet panou,
nuaburi Matti nuaglat lyöy.

65. Turu-turu, paimone

- Turu-turu, paimone.
— Midä paimone turuttau?
— Čuarin poiga naimašta matkuau,
veštod' alga veit' t'ävänä,
5 vuoldušormi šouvettavana.

Lapši šyndyy — laulu šyndyy.
Lapši šyndyy — ilo šyndyy.
Ilona kägöne mečäššä,
pikkupoiga pereheššä.

66. Yksi ytti

- Yksi ytti, toini totti,
kolmaš kodapualikkaini,
nel' l'äš neidi niemen piäššä,
viiješ viččavarbahaine,
5 kuuveš kutti kainaloini,
šeiččemeš šepän Šimana,
kahekšaš kaida parda,
yhekšaš ynnin-kynnin,
kymmeneš kylän paraš.

- 15 ты грызунья чистая,
растянись на веточке.
Собака залает,
тятенька выстрелит.

64. Скачет, прыгает

- Скачет, прыгает, резвится,
хоть сапожки развалились,
каблучки уже сносились.
Узенькие каблучки,
5 [тоненькие] задники.
Сапожник заплатки пришьёт,
Матти гвоздики прибьёт.

65. Туру-туру, пастушок

- Туру-туру, пастушок.
— Отчего пастух играет?
— Царёв сын со свадьбой едет,
с обструганной ногой невеста,
5 с обструганными пальцами та,
что в лодке...
Дитя родится — песня родится.
Дитя родится — радость родится.
Для радости в лесу кукушка
и маленький сынок в семье.

66. Один утти

- Один утти, второй тотти,
третий палочка-стукалочка,
четвёртый — дева на мысу,
пятый — вица-прутик,
5 шестой — кутти под мышкой,
седьмой — Семён-кузнец,
восьмой — узкая борода,
девятый — унни-кюнни,
десятый — лучший на деревне.

67. Yksi ytti

Yksi ytti, toine totti,
kolmas kodapualikkaine,
n'el' l' äš neidoi niemen piäššä,
viijež viččavarbahain'e,
5 kuuveš kutti karjalaini,

šeiččemeš Semon Simana,
kahekšaš kaida parda,
yhekšaš ynnin kirja,
kymmeneš kyläkäläččy.

KETJURUNOJA

68. Onni manni

Onni manni maidokissi, maidopörö,
maidopöröššä pömerö,
pömeröššä pöndärikki,
pöndärikissä rimikki,
5 rimikissä rissinšorkka,
rissinšorkašša šomero,
šormikindahan kiberö,
kiberössä kirjakanda,
kirjakannašša kirikkö.
10 Kiriköššä nuoret miehet
naimattomat,
vielä viinan juomattomat.
Punotah punaist'a
köyht'ä raunikoijah.

15 Mist'ä tuomarin šanuokše,
kangažlakši koukist'uakše.
Šiel'ä oli pikku perttine,
pöyvä kullašta kuvattu,
oččašein'ä ozmanluušta,

67. Один утти

Один утти, второй тотти,
третий — палочка-стукалочка,
четвёртый — девица на мысу,
пятый — вица-прутик,
5 шестой — кутти /шенок/

карельский,

седьмой — Семёнов Симана,
восьмой — узкая бородка,
девятый — книга [узор?] унни,
десятый бродит по деревне.

КУМУЛЯТИВНЫЕ
ПЕСНИ

68. Онни манни

Онни манни, молочник...¹⁶

10 В церкви молодые мужчины,
неженатые,
ещё вина не пившие,
выют они красный
канат свивают [?].
15 О чём судья скажет [?],
кангашлаки опутать.
Там была маленькая избушка,
стол [?] сделан из золота
передняя стена из костей оленя,

¹⁶ Строки 2–9 не поддаются перево-

- 20 sivušein'ä šiimin/šiivin luušta,
lagi lahnan suomukšist'a,
uuni uužist'a kivist'ä.
Šiel'ä Muarieni maguali,
tintariuhto riuhotteli.
- 25 Minne, hiirirukka, män'et,
lyhydd'alga, lynčyttelet?
Män'en t'öist'äni pagoh.

N'äid'ä lapšilla šanottih, lapšilla...

69. Suarnua, vuarnua

- Suarnua, vuarnua,
koverua koukkuo.
Min pyy pyyd'äy,
šen vaivani varaštai,
- 5 vaššan alla peit't'äy.
Kuningaš kuulou
kuuvelda virššalda,
šeiččemeldä šelgozelda,
kahekšalda kangahalda.
- 10 Mis's'ä lehmä rönggy,
šielä šavu t'önggy,
kivizis's'ä kindahis's'a,
šavizis's'a šuappais's'a.

70. Issakka, Jassakka

- Issakka, Jassakka,
kuvo miula kuššakka,
kuuvelda šil'mäl'd'ä,
šeiččemel'd'ä šelgozelda,
- 5 kahekšäl'd'a kangahalda,
yheksäl'd'ä ynnin-kynnin,
kymmen'en — kylän paraš.
Mis's'ä lehmä rönggy,
šiel'ä šavi t'önggy,
- 10 kivizis's'ä kindahis's'a,

- 20 боковая — из костей птицы [?],
потолок из чешуи леща,
печь из новых камней.
Там Мария спала,
оловянная грудь возлежала.
- 25 Куда, мышка, идёшь,
коротконогая, ковыляешь?
Иду, бегу от своих деяний.

Такое детям рассказывали, детям...

69. Сказка, присказка

- Сказка, присказка
про кривую кочергу.
Что рябчик споймает,
то убогий украдёт,
- 5 под веником припрячет.
Король услышит
за шесть вёрст,
за семь просторств,
за восемь лесных боров.
- 10 Где корова мычит,
там дым валит;
в каменных рукавицах,
глиняных сапогах.

70. Исаак, Ясак

- Исаак, Ясак,
сплети мне кушак,
из шести ячеек,
на семи просторах,
- 5 на восьми борах,
девятый — унни-кюнни,
десятый — лучший на деревне.
Где корова мычит,
там глину месят
- 10 в каменных рукавицах,

šavizis's'a šuappais's'a.

Poigie naitetah,

t'yt't'ärie annetah.

Kolo, kolo ikkunah!

- 15 «Tule (hot' šanomma), Anni,
ikkunah,

šiun on poiga naitettava,

miun on t'yt'är annettava.

Miun on t'yt'är pieni.»

«Korgiekanda korottau,

- 20 korgie i lien'öy.

Šinišukka šomendau,

šoma i lien'öy.

Merivuahi valottau,

valgie i lien'öy.»

- 25 Kengöš korjah kokšahtau?

Anni korjah kokšahtau.

Kengöš kannoilla kapšahtau?

Timo (hod Vas'ka) kannoilla

kapšahtau.

71. Läksin minä L'äkköl'äh

Läksin minä L'äkköl'äh

tulin minä Prokko'l'äh,

Prokko tiel'd'ä propadi.

Mie Prokon šel'gäh,

- 5 kannoin, kannoin, räkitin,

l'epikköizeh lykkäziin.

L'epikkö miul(a) ando šauvazen.

Mie anoin šauvazen

hein'änved'äjäl'l'ä,

hein'änved'äjä miul(a) ando

hein'äzie.

- 10 Mie hein'äzet anoin lambahalla,

lammaž miul(a) ando villazie.

Mie villazet anoin akalla,

akka miul(a) ando tahašta.

Mie tahtahat šigalla,

- 15 šiga miula šuvašta.

в глиняных сапогах.

Сыновей женят,

дочерей выдают.

Стук, стук в окошко:

- 15 «Подойди [скажем], Анни,
к окошку,

твоего сына надо женить,

у меня дочь на выданье.

Моя дочь мала».

«Каблук повыше возвысит,

- 20 высокой и станет.

Синий [?] чулок украсит,

красивая и будет.

Морская пена выбелит,

белой и станет».

- 25 Кто в сани вскочит?

Анни в сани вскочит.

Кто сзади встанет?

Тимо [хоть Васька] сзади встанет.

71. Пошла я в Ляккёля

Пошла я в Ляккеля,

а пришла я в Прокколя,

Прокко на дороге пропал:

Я Прокко себе на спину,

- 5 несла, несла, едва донесла,

в ольшаник сбросила.

Ольшаник мне палочку.

Я палочку возчикам сена,

возчики мне дали сена.

- 10 Я сено дала овечкам,

овечки мне шерсти.

Я шерсть отдала женщине,

женщина мне теста.

Я тесто свинье,

- 15 свинья мне щетинки.

- Mie sugahat kengänombelijalla,
kengänombelija kengäzette.
Mie kengäzet halonved'äjäl'l'ä,
halonved'äjä miul(a) ando halgozie.
- 20 Mie halgozet kiuguah,
kiuguah miula hiil'd'ä.
Mie hiilet pajah,
paja miula raudua.
Mie rauvad mereh,
- 25 meri miula šuolua.
Mie šuolat kai, mänin Karjalah...
šuolat šuatoin Karjalah.
Karjalašta annettih
kahekšan kananjäiččyä.
- 30 Tulin kodih,
panin padah jäičät.
Hiiri tuli — hiblai,
kazi tuli — kablai,
miulda kaikki puuvuttih...

72. Lähemmä L'äkköl'äh

- L'ähemmä t'ästä L'äkköl'äh,
proijimma t'ästä Prokko'l'äh.
Otan Prokon šel'gäh.
Kannoin, kannoin, räkitin,
- 5 lepikköizeh karahutin.
Lepikkö miula šauvazen,
mie šauvazen hein'änved'äjäl'l'ä,
hein'änved'äjä hein'äzen.
Mie hein'äzen akalla-ukolla,
- 10 akka-ukko d'engazie.
Mie d'engazet laukkazeh.
Laukkani miulai viinaista.
Jesli mie olizin umnoi t'yt't'ö,
Prokon pojalla miehel'l'ä
- 15 puuttun olizin.

Я щетинку сапожнику,
сапожник мне сапожки.
Я сапоги дровосекам,
дровосеки мне дровец.

- 20 Я дрова в печку,
печка мне углей.
Я угли в кузницу,
кузница мне железа.
Я железо в море,
- 25 море мне соли.
Я с солью пришла в Карелию.
Доставила соль в Карелию.
В Карелии мне дали
восемь куриных яиц.
- 30 Пришла домой,
положила яйца в горшок.
Пришла мышь — погрызла,
пришёл кот — проглотил,
всё у меня пропало...

72. Пойдём в Ляккёлю

- Пойдём-ка мы в Ляккёлю,
пройдём отсюда в Прокколю.
Я Прокко на спину.
Ташу, ташу, волоку,
- 5 в ольшаник закинула.
Ольшаник мне палочку,
я палочку возчику сена,
возчик мне сена.
Я сено старику-старушке,
- 10 старик-старушка мне денег.
Я деньги в лавку,
в лавке мне винца.
Если бы я была умная девушка,
то оказалась бы замужем
- 15 за сыном Прокко.

73. Hiiri, hiiri

Hiiri, hiiri, Hiugamoine,
kazi, kazi Kaugamoine.
Läksi puuda puomaa,
tammija d'ärit' t'ämää.

- 5 — A kuin tammi tappanou,
havon alla lykän' n'öy,
mist' ä kušta zel' l'azie?
— Vanhan akan vakkazešta,
nuoren lehmän n'ännizešt' ä.
- 10 — Missäbä še on nuori lehmä?
— Vihannašša mät' t'ähäššä.
— Missäbä še on vihanda mät' äš?
— Viikateh šen leikkai.
— A missäbä še on viikateh?
- 15 — Pualikka šen katkai.
— Missäbä še on pualikka?
— Tuli šen poltti.
— Missäbä še on tuli?
— Vezi šen šammutti.

74. Kolo, kolo ikkunaista

Kolo, kolo ikkunaista.

- Kenen t'ämä on ikkunaine?
— Pedrin ikkunaine.
— Ana miula t'yt' t'äreš.
- 5 — Miula on t'yt' är pieni.
— Šiula on t'yt' är šuuri:
korgie kanda korottamah,
rum' äniččä ružottamah,
bielenniččä valottamah,
- 10 tikkušukka šomendamah.
— Kunne livana—poiga mänömäh?
— Šuarekšella šavuo polttamah.
— Mid' ähän šielä ruadamah?
— Korjanpäid' ä kohendamah,
- 15 aizanpäid' ä ažettamah,
vembelijä kirjuttamah,
šuurella hevolla ajamah.

73. Мышь, мышь

Мышь, мышь, мышонок,
кот, кот, котище.
Пошла [мышь] деревья грызть
и дубы перегрызать.

- 5 — А если дуб придавит [убьёт],
под дерево попадёшь,
где добудешь зелье?
— В коробе у старой бабы,
из вымени молодой коровы.
- 10 — Где та молодая корова?
— На зелёных кочках [на лугу].
— Где же те зелёные кочки?
— Коса их выкосила.
— А где та коса?
- 15 — Палка её поломала.
— А где та палка?
— Огонь её сжёг.
— Где тот огонь?
— Вода его загасила.

74. Тук—тук в окошечко

Тук—тук в окошечко.

- Чьё это окошечко?
— Окошечко Петра.
— Отдай дочку за меня.
- 5 — Моя дочь ещё мала.
— Твоя дочь большая:
высокий каблук возвысит,
румянец разрумянит,
белила выбелят,
- 10 вязаные чулочки украсят.
— Куда Иван отправляется?
— На остров костёр жечь.
— Что там делать?
— Карету поправлять
- 15 оглобли прилаживать,
дугу разукрашивать,
на большом коне ездить.

75. Kolo, kolo kovaist'a

Kolo, kolo kovaist'a,
ana, akka, puista.

— Miksi šid'ä puista?

— Lapšella huttuo keittyä.

5 — Miksi šid'ä lašta?

— Laštuzie keryämäh,

kyläh viestie viemäh,

kylästä viestie tuomah.

76. Oi koira, koira

Oi koira, koira,
hauku šie Soirua.

Soira ei tullun kodih,

Soiran lapšet it'kiet'äh.

5 Oi, pualikka, pualikka,
lyö šie koirua,
Soira ei tullun kodih,
Soiran lapšet it'kiet'äh.

Oi, tuli, tuli,
10 polta šie pualikka,
Pualikka ei lyön'нын koirua,
koira ei haukkun Soirua
Soira ei tullun kodih,
Soiran lapšet it'kiet'äh.

15 Oi, kirveš, kirveš,
leikkua šie pualikka.
Pualikka ei lyön'yn koirua,
koira ei haukkun Soirua,
Soira ei tullun kodih,
20 Soiran lapšet it'kiet'äh...

75. Тук-тук в шалаше

Тук-тук в шалаше,
дай нам, баба, ушат!

— Зачем тебе ушат?

— Детям кашу варить.

5 — А зачем тебе дитя?

— Щепочки собирать,

на деревню вести носить,

с деревни вести приносить.

76. Ой, собака, собака

Ой, собака, собака,
облай ты Сойру!¹⁷

Сойра домой не явился,

дети Сойры плачут.

5 Ой, палка, палка,
побей ты собаку.
Сойра домой не явился,
дети Сойры плачут.

Ой, огонь, огонь,
10 сожги ты палку.
Палка не побила собаку,
собака не облаяла Сойру,
Сойра домой не явился,
дети Сойры плачут.

15 Ой, топор, топор,
изруби ты палку.
Палка не побила собаку,
собака не облаяла Сойру,
Сойра домой не явился,
20 дети Сойры плачут...

¹⁷Что обозначает Сойра, выяснить не удалось.

Oi, kivi, kivi,
 lyö šie kirveš.
 Kirvež ei leikan pualikkua,
 pualikka ei lyön'yn koirua,
 25 koiraa ei haukkun Soirua,
 Soira ei tullun kodih,
 Soiran lapšet it'kiet'äh.

Oi, adra, adra,
 muurra šie kivi.
 30 Kivi ei lyön'yn kirvešt'ä,
 kirvež ei leikan pualikkua,
 pualikka ei lyön'yn koirua,
 koiraa ei haukkun Soirua,
 Soira ei tullun kodih,
 35 Soiran lapšet it'kiet'äh.

Oi heboni, heboni,
 murota šie adra.
 Adra ei murdan kive,
 kivi ei lyön'yn kirvešt'ä,
 40 kirvež ei leikan pualikkua,
 pualikka ei lyön'yn koirua,
 koiraa ei haukkun Soirua,
 Soira ei tullun kodih,
 Soiran lapšet it'kiet'äh.

45 Oi, kondie, kondie,
 šyö šie heboni.
 Heboni ei murottan adrua,
 adra ei murdan kive,
 kivi ei lyön'yn kirvešt'ä,
 50 kirvež ei leikan pualikkua,
 pualikka ei lyön'yn koirua,
 koiraa ei haukkun Soirua,
 Soira ei tullun kodih,
 Soiran lapšet it'kiet'äh.

55 Kondie šöi hebožen,
 hebone murotti adran,
 adra murdi kiven,

Ой, камень, камень,
 затупи ты топор.
 Топор не рубит палку,
 палка не бьёт собаку,
 25 собака не облаяла Сойру,
 Сойра домой не явился,
 дети Сойры плачут.

Ой, плуг, плуг,
 выверни ты камень.
 30 Камень топор не затупил,
 топор не изрубил палку,
 палка не побила собаку,
 собака не облаяла Сойру,
 Сойра домой не явился,
 35 дети Сойры плачут.

Ой, лошадь, лошадь,
 изломай ты плуг.
 Плуг не вывернул камень,
 камень не затупил топор,
 40 топор не изрубил палку,
 палка не побила собаку,
 собака не облаяла Сойру,
 Сойра домой не явился,
 дети Сойры плачут.

45 Ой, медведь, медведь,
 съешь ты лошадь.
 Лошадь не изломала плуг,
 плуг не вывернул камень,
 камень не затупил топор,
 50 топор не изрубил палку,
 палка не побила собаку,
 собака не облаяла Сойру,
 Сойра домой не явился,
 дети Сойры плачут.

55 Медведь съел лошадь,
 лошадь изломала плуг,
 плуг вывернул камень,

kivi löi kirvehen,
 kirvež leikkai pualikan,
 60 pualikka löi koiran,
 koira haukku Soiran,
 Soira tuli kodih,
 Soiran lapšet ei'eyvyt' t'ih.

— *A mibä on Soira?*

— *Soira še. Män(e) tiijä, mi on Soira.*
Ongohan tuo koiran nimi vain?.. Naver-
no on koiran nimi... Koirat—Soirat.

77. Oi koira, koira

RA: N'ämä ollah miun bunukkaizet,
Leena da Nataša. Konža hyö oldih pik-
karaizet, mie heid'ä uinottuas's a mua-
ta pajatin pajuo. Kuunneltua, muissut-
takkua, kuin mie t'eid'ä pajatin:

Oi koira, koira,
 hauku še Soirua.
 Soira ei tullun kodih,
 Soiran lapšet n'äl'gäh kuoldih.

5 Oi pualikka, pualikka,
 lyö še koirua.
 Koira ei haukkun Soirua,
 Soira ei tullun kodih,
 Soiran lapšet n'äl'gäh kuoldih.

10 Oi tuli, tuli,
 polta še pualikka.
 Pualikka ei lyön'yn koirua,
 koira ei haukkun Soirua,
 Soira ei tullun kodih.

15 Soiran lapšet n'äl'gäh kuoldih.

Oi vezi, vezi,
 šammuta še pualikka (?).

камень затупил топор,
 топор изрубил палку,
 60 палка побила собаку,
 собака облаяла Сойру,
 Сойра дома появился,
 дети Сойры ожили.

— *А что такое Сойра?*

— *Это Сойра. Поди знай, что есть*
Сойра. Кличка ли это собаки или?.. На-
верное, кличка собаки... Собаки—Сойры.

77. Ой, собака, собака

РА: Это мои внученьки, Лена и
Наташа. Когда они были маленькие,
я, усыпляя их, пела песню. Послунай-
те, вспоминайте, как я вам пела:

Ой, собака, собака,
 облай ты Сойру.
 Сойра не пришёл домой,
 детки Сойры умерли от голода.

5 Ой, палка, палка,
 побей ты собаку.
 Собака не облаяла Сойру,
 Сойра не пришёл домой,
 детки Сойры умерли от голода.

10 Ой, огонь, огонь,
 сожги ты палку.
 Палка не побила собаку,
 собака не облаяла Сойру,
 Сойра не пришёл домой,
 15 детки Сойры умерли от голода.

Ой, вода, вода,
 потуши ты палку.

- Pualikka ei lyön' yn koirua,
koira ei haukkun Soirua,
20 Soira ei tullun kodih,
Soiran lapšet n'äl'gäh kuoldih.
[Oi kirveš... ei, en, en...]

- Oi tuli, tuli,
polta šie pualikka.
Pualikka ei lyön' yn koirua,
25 koira ei haukkun Soirua,
Soira ei tullun kodih,
Soiran lapšet n'äl'gäh kuoldih.

- Oi vezi, vezi,
šammuta šie tuli.
30 Tuli ei polttan pualikkua,
pualikka ei lyön' yn koirua,
koira ei haukkun Soirua,
Soira ei tullun kodih,
Soiran lapšet n'äl'gäh kuoldih.

- 35 Oi häkki, häkki,
juo šie vezi.
Vezi ei šammuttan tulda,
tuli ei polttan pualikkua,
pualikka ei lyön' yn koirua,
40 koira ei haukkun Soirua,
Soira ei tullun kodih,
Soiran lapšet n'äl'gäh kuoldih.

- Oi kirveš, kirveš,
tapa šie häkki.
45 Häkki ei juonun vet' t'ä,
vezi ei šammuttan tulda,
tuli ei polttan pualikkua,
pualikka ei lyön' yn koirua,
koira ei haukkun Soirua,
50 Soira ei tullun kodih,
Soiran lapšet n'äl'gäh kuoldih.

- Палка не побила собаку,
собака не облаяла Сойру,
20 Сойра не пришёл домой,
детки Сойры умерли от голода.
[Ой, топор... нет, нет...]

- Ой, огонь, огонь,
сожги ты палку [?].
Палка не побила собаку,
25 собака не облаяла Сойру,
Сойра не пришёл домой,
детки Сойры умерли от голода.

- Ой, вода, вода,
потуши ты огонь.
30 Огонь не сжёт палку,
палка не побила собаку,
собака не облаяла Сойру,
Сойра не пришёл домой,
детки Сойры умерли от голода.

- 35 Ой, бычок, бычок,
выпей ты воду.
Вода не потушила огонь,
огонь не сжёт палку,
палка не побила собаку,
40 собака не облаяла Сойру,
Сойра не пришёл домой,
детки Сойры умерли от голода.

- Ой, топор, топор,
убей ты бычка.
45 Бычок не выпил воду,
вода не потушила огонь,
огонь не сжёт палку,
палка не побила собаку,
собака не облаяла Сойру,
50 Сойра не пришёл домой,
детки Сойры умерли от голода.

- Oi meri, meri,
upota šie kirveš.
Kirvež ei tappan häkkie,
55 häkki ei juonun vet' t'ä,
vezi ei šammuttan tulda,
tuli ei polttan pualikkua,
pualikka ei lyön' yn koirua,
koira ei haukkun Soirua,
60 Soira ei tullun kodih,
Soiran lapšet n'äl' gäh kuoldih.

*Vot t'äh' pesnja loppuu, i lapšet
šil' l'ä aigua jo uinotah. Muis' s'atta?*

- Ой, море, море,
утопи ты топор.
Топор не убил бычка,
55 бычок не выпил воду,
вода не потушила огонь,
огонь не сжёг палку,
палка не побила собаку,
собака не облаяла Сойру,
60 Сойра не пришёл домой,
дети Сойры умерли от голода.

*Вот тут песня кончается, и дети
в это время уже засыпают. Помните?*

LEIKKILUKUJA

78. Anni-punni

Anni-punni, pit'kä n'änni,
papin ieššä pl'äšši,
pappi vičalla viuhkuttau,
pal' l'äšta peržet' t'ä vaššen.

79. Iivana ist'uu

- Iivana ist'uu,
kauftana kaštuu.
Vet' t'ä vuaralda vedäy,
kurikalla kulettau,
5 aštivolla aššuttau...
Nesterin neičyt' t'ä,
papin Palagua,
diekan šanomua.

ДРАЗНИЛКИ. СЧИТАЛКИ. СКОРОГОВОРКИ

78. Анни-пунни

Анни-пунни, титьки длинные,
перед попом пляшет,
поп вицей хлещет
по голой заднице.

79. Иван сидит

- Иван сидит,
кафтан промок.
Воду с горы возит,
дубинкой подводит,
5 бороной подносит...
Нестора дочку,
попову Пелагею
известие [?] дьяка.

80. Luguzet

1. Yksi, kakši, kolme,
nel' l'ä, viizi, kuuži,
šeiččemeš, män'e pois!
2. Kana, kana, muna, muna,
šie män'e pois.
3. Anka—dranka, druja—dru,
futer—fater, fuja—fu,
an—dran, litemstran,
udavi—ka udakan.
Čaški, oreški,
vyidi von, korelok!

80. Считалки

1. Один, два, три,
четыре, пять, шесть,
седьмой, выйди вон.
2. Курица, курица, яйцо, яйцо,
ты выйди вон.
3. Анка—дранка, друя—дру,
футер—фатер, фуя—фу,
ан—дран, литестран,
удави—ка удакан.
Чашки, орешки,
выйди вон, корелок.

81. Скороговорки

1. Ist'uu t'edri kežel' l'ä keškiokšua, kahet kaškipukšud jalašša, kolmannet kodi-kuadiešta.

Še pid'äy šanuo tuagiezeh, štobi hän kiel'd'ä šid'ä...

1. Сидит тетерев на среднем суку на середине, двое рабочих портков¹⁸ на ногах, третьи — домашние исподние.

Это надо сказать быстро, чтобы язык /не заплетался/...

2. A ven'yähekši on toini. Tuaš tuatto, muis's' an, juohatti. Še on:

2. А по-русски другая. Отец, помню, учил нас. Она такая:

Идут два попа,
два Прокопья попа,
два Прокопьевича.
Говорят про попов,
про Прокопья попов,
про Прокопьевичей.
Худо жить без попа,
без Прокопья попа,
без Прокопьевича,
Хорошо жить при попы,
при Прокопья попы,
при Прокопьевичи.

¹⁸ Kaškipukšut — портки, в которых работали на подсеке.

3

ПРИЧИТАНИЯ

82. Konža kuolou ukko, it'köy akka ukolla

Kuin olovil'da ilmoil'da puuvuit,
kuin šuuri art'eli miula d'ai šuvendamaizie.

Kuinba mie rubien, kurja varduone, oimun šuurda art'elie aigomaizieni aijan
ylennyt't'elemää?

Kuinba rubien varživuatteukšešta vallon ylennyt't'elemää?

Kuinba rubien oržipuoliksi oimun ylennyt't'elemää?

Kuinba rubielen kurja varduone kujin šuurda art'elie kuvuamaizieni kunnivoitte-
lomaa i vallon ylennyt't'elemää obreska palazien otberaiksendlomatta?

Kuinba rubielen, kurja varduone, oržipuoliksi oimun ylennyt't'elemää?

Kuin šie olovien šynd'yzien miilostiloih oimun ažeteliuvuit?

Konža ruvetaa šuamamaizeni šuarnan hyvil'dä šuališt'oil'dä šuarnan kualelomaa,
turbeil'da dai tulot'yöhyzil'dä, miun tuuvittamaizeni?

82. Когда умирает муж, причитывает жена мужу

Как сошёл ты с этого славного света,
и осталась у меня большая артель [моих] мною пестуемых.

Как же буду я, жалкий стан, большую артель своих
выращенных поднимать?

Как буду их одеждой обеспечивать?

Как буду их до полного возраста поднимать?

Как буду, жалкий стан, большую артель мною созданных
лежать и поднимать их на нищенских кусочках, на подаяния?

Как стану, жалкий стан, поднимать до полного возраста [букв. растить до
воронца]?

Ведь как ты отошёл к милостям сущих спасов.

Когда—то ещё мои [мною] созданные начнут возвращаться с больших заработков, и со славных заработков мои [мною] в люльке баюканные?

83. Čikon kuolduo

Šenin itkietti, konža čikkoloi, rodnie, heimokundie, kaikkie provožaiččou, no iän'el'l'ä it'køy... iguizih kodiloih, no, no:

Aiguale, armaš čikkozeni, iguhizih kodiloih. Omieš alliloijen kannettuizien kera oimun jälgimmäizie kerdazie provožaimah.

Eigo šiula ollun... kaikki šiulaš ollah vahingozet, t'ämän ilmazen piäl'l'ä. Jo šiula oldih šuuret i pien'et, omaš oštolaizet(?).

I šie jo olet ollun kaikkijen omien rodit'eliloijen omallaš kannettuizella. Šie jo veti olit ylen suurešša obiidašša, kuin šiulaš kaikkijen, mid'ä ollou t'ällä ilmalla pahua, t'ämän ilmazen piällä.

Prostikkua kaikki ristikanžat t'äd'ä miun t'ämän ilmazien piäl'd'ä läht'ömašt'ä. Da en mie duumainnun, n'äin pit'kie igäzie eläy, kuin kahekšankymmend'ä vuotta.

Omua, omua čikkuo provožaičin. Šiid'ä voit, šiid'ä voit hot' ken mid'ä rubieu provožaimah, hot' ukkuo, hoš ked'ä... Ei n'yt mahettuai, ni mid'ä, vain nuorizo... Vanhat muissetti, a vanhat kaikki šubi kuoldih. No.

83. На смерть сестры

Так причитывали, когда сестёр, родню, родственников, всех провожали, причитывали, в вековечный дом, но:

Приготовься [соберись], милая сестрица, в вековечный дом. Вместе с твоими морянками, тобой выношенными [с дочерьми] в последние разочки провожаем.

И не было у тебя... Всякие невзгодушки ты испытала на этом свете. И были у тебя и большие и малые твои [тобой] рождённые [?!].

И ты была родителем и родительницей для своих выношенных [?!]. И были у тебя большие обидашки, ведь все горести на этом свете ты испытала.

Простите, все крещёные, её, ведь отходит с этого света. И не думала я, что проживёт она такой долгий век, все восемьдесят лет.

Свою сестру провожала. Так можно хоть кого, кто будет провожать, хоть мужа, хоть кого... Теперь ничего не умеют, молодые... Старые помнили, но старые все умерли.

84. Mužikalla, kun kuoli

Iän'el'l'ä... it'kietti... Ei ollun ni ked'ä it'kijyä... A meil(ä) šiel'ä ei it'kiet't'y. Šiid'ä šanottih, što riähkä on it'kie, da ei ni ruvettu it'kömäh... Riähkä, šan(o)tah, on pokoinikalla it'kie...

Miulani kun starikka kuoli, ga mie viel'ä iče it'iin... iän'el'l'ä. No šanoin, kuin myö hän'en kera elimä da, kuin hän milma šuvaičči da. Hän vet oli miula jenvalit, yhen kiän kera oli. No, kuin hiän on:

Magied marjazet, marjakorobaizet kando da, šiliet šien'et kando, šivun hyvät šiliet šien'yzet kando da.

Hod oli šuurien tuuččazien alla da, ei tullun tupehukšis's'a, eigo tullun tuškevukšis's'a.

Kaikičči viežlivillä šanoil'l'a vižan ažetteli da vot...

Niin kuin eli da niin...

— *Kuin šie händä, mužikkua šanoit, nimitit? Kuin šanottih?*

— *Kajun kohtalaini... Kallis kajun kohtalaini. No šanoin:*

Kajun puuvukšendelit šie, kajun kohtalaini, kallis kajun kohtalaini.

Et sybiel'l'ä šanalla obiidin, edgo kyngäl'l'ä kryžnän'n'yn.

En ollun mielipahois's'a, kaikičči olin hyvis's'ä mielis's'ä.

Dai hot oliit vihmatuuččazien alla mečäššä, da et tullun tuškeukšis's'a, edgo tullun tupehukšis's'a.

Dai hot... Passibo šiula, magiet marjakorobaizet toit, šivun hyvät šienikorobaizet taskaičit.

Da ylen šuuret passibot šiula da...

Nu vot, šid'ä luvin da.

Kai kalamaimazet šie... *Olit öis's'ä, yötilois's'a (šiel'ä oli mečäššä, öizil'd'ä).*

Da kajun kallehetti kalamaimazet šie kajun viähät't'elit da. Pidi maguamatta olla miulani dai, tuškuaččie dai pečualieččie dai. Pidi jogo ikkunakorvazešta valkuttua dai vuotella.

N'yt kun kajon puuvukšendeličit, eigo l'uboist'a ikkunakorvazešta pie ihual'l'a, edgo kualele, edgo...

Oi, ei šua. It'kömäh rubien iče.

— *Šie šano, vain elä ite...*

Ei ni kumbani ikkunakorvani ilota, eigo ihaššuta, eigo pie vuottua, eigo valkuttua...

Niin rubiet da vain luvet, luvet, luvet...

— *Keldä olet kuullun näidä šanoja?*

— *Iče mie omašta elokšešta priduumaičin dai...*

84. Мужу умершему

Причитывали... в голос плакали... Не было ужасе плакальщиц... А у нас там после не причитывали. Как сказали, что причитывать — это грех, и не стали больше причитывать... Грешно, говорят, оплакивать покойника...

У меня когда старик умер, так я ещё сама причитывала... Но, говорила, как мы с ним жили да, как он меня любил да... Он ведь у меня был инвалид, с одной рукой. Ну, как он:

Сладкие ягоды в корзиночках приносил, и гладкие грибочки носил да, славы крепкие грибочки носил да.

Хоть иногда и непогодушка его заставляла, не приходил домой сердитым и не возвращался раздражённым.

Всегда с ласковыми словами обращался да...

Как жил, то и [говорила].

— Как ты его называла? Как вообще называли мужа [в причети]?

— Мой суженый [супротивный] ... Дорогой мой суженый. Ну, говорила:

Отошёл ты, мой суженый, дорогой мой суженый.

Ни грубым словом не обидел, и локтем никогда на задел.

Не причинял мне неприятностей, всегда была я в добром настроении.

И хоть в ненастье в лесу бывал, не возвращался сердитым, не приходил раздражённым.

И хоть... Спасибо тебе, сладкие ягоды в корзиночках приносил, славы крепкие грибочки носил.

И великое тебе спасибо...

Ну вот, так причитывала...

И рыбку добывал ты... С почёвкой в лесу оставался...

И славную рыбку ты приносил да.

А я не спала в ожидании, беспокоилась и печалилась да.

У каждого окошечка ждала и поджидала.

А теперь вот упокоился ты, и ни в каком окошечке уже не полюбуюсь, и не придёшь и не...

Ой, не могу. Расплачусь.

— Ты говори, но не плачь...

И никакое окошечко не порадует, не возвеселит, и не надо ни ждать, ни поджидать.

Вот так начинёшь, и причитываешь, причитываешь...

— От кого ты слышала такие слова?

— Я сама о своей жизни и придумала...

85. Omua eländ'yä

No mid'ädä mie šiula voin iän'el'l'ä it'kie? It'en, vuota:

Oimun ožatoin oneh varduoni, oimun ved igä... nuorikkaizist'a aigazist'a šuaten oimun ažetteliečin da oimun lähizih ottamih da tuhanžist'a polkist'a valičiin vallon kohtalahizen.

Da oimun ožatoin onheni varduoni, ved mie kun oimun šuuren da olovan art't'elin ottamaizieni oimun luajittelin. Da kaikki jo oimun šuurda da olovaist'a... myöt'en ollottih.

Še miulani oimun ožattomalla oneh varduolla oimun šuuret da vahingoizet tul dih.

Da viel'ä kaikkein šuuremmat vahingoizet tul dih, kuin miun tuhanžist'a polkista valittu vallon kohtalahini... Hod hiän ei keški—ijäšt'ä šuaten vallon puuvun, da kogo igäžen myö hän'en kera elimmä.

Da ved jo kuin yližien i alažien kodih miän oimun ažetteli da vallon ažetteli, iče piäšt'ä n'yt innon viehächčeliečen, inhu varduoni da vallon ožatoin vaimalo varduoni.

En jo n'yd voi ved jo mid'ä ruadua da engo voi mid'ä kävel'l'ä.

Ved jo n'gyönä verran hyvin da verež,... kumbazet ollah keški šelgyä šeizojat šiivon hyvät šiirkoit šiigakalazet, da en voi jo pyyvel'l'ä da engo jo voi mid'ä ruadua.

Engä voi mainon hyvie muamarjazie manun viähät'el'l'ä. Niihi tuškazih vet tunnon puuvuin da i vallon puuvun vanhalla varduozella.

Ved miun vallon kohtalahini vallon hyvin da... Hod myö kogo igäaigazen elimmä ga, ved hän miun kun ostavljaiksendeli niin...

Ylen ved miula on tuhmazet da tuškazet ved udra varduzellani.

Da vuottelen mie ved jo dai valkuttelen da, ikkuna ikkunaizie myöt'en kaččelen, konža miun, vallon ožattomalla vaimalo varduozella, miun valimaižet vallon kuaelalah.

Engö voi jo vuotella da engö voi jo valkutella.

En, raukat, en'ämbyä voi...

85. Причеть о своей жизни

Ну, о чём же мне тебе попричитывать? Поплачу, погоди:

Несчастный слабый стан, ведь уже возраст... с молодых лет устроилась к ближним чужим рождённым [т.е. вышла замуж] и из тысячной толпы [полков] избрала себе суженого.

И несчастный слабый стан, ведь как большую и заметную артель своих рождённых создала. И все они уже в большой и сущий [мир] отделились.

От этого у меня, несчастного и слабого стана, большие утраты [невзгоды] настали.

А самые большие утраты приключились, когда мой, из тысячной толпы [полков] избранный мой суженый... Хотя он и не в молодом возрасте отошёл, так ведь всю жизнь мы с ним прожили.

И ведь построил он и верхнюю и нижнюю часть дома, а теперь я, печальный стан, в одиночестве время коротаю, совсем несчастный кручинный стан.

И не могу уже теперь ничего делать и не могу никуда ходить.

Ведь как славно сейчас свежие, которые посреди просторов озера собираются в стаи рыбы—сиги, да не могу уже их ловить и не могу ничего делать.

И не могу славных лесных ягодок собирать. От этих кручин совсем поникла, и в преклонном возрасте опечалена.

Ведь мой суженый всегда по—хорошему... Хотя мы прожили всю жизнь вместе, да оставил ведь он меня одну...

Уж очень мне тяжело и большие печали [у меня] кручинного стана.

И жду ведь я теперь и выглядываю, из окна, в окошко выглядываю, когда ко мне, к несчастному поникшему стану, мои выпестованные приедут.

И не могу дожидаться и устаю высматривать.

Не могу больше...

86. T'y't'ärie vaššatessa da šuattuassa

a. Passibo, kun kualetit, da ed'ähäizil'd'ä da vierahil'd'a mail'd'a kajun viehät't'eliyyvit.

Kuin d'o ollah ylen šuuret meil'ä obiidaizet elyäs's'ä...

Passibo da passibo, kajun nuorembi kallis kannettuizeni...

Passibo da passibo, kajun nuorembi kannettuizeni, kuin kajun kualetit, omil'l'a kodirandzil'l'a kajun viehät't'eliyyvit...

b. Passibo... (*engo voi...*) Passibo kajun kallehet kannettuizet.

Passibo, kuin kajun kualetija ed'ähäizil'd'ä vierahil'd'a mail'd'a kajun viehät't'eliyd'ymäh.

Passibo da abuštelijaizeni. Da passibo tiijuštelijaizeni.

Kuin d'o olen ožatoin oneh varduoni, n'äil'l'ä d'yeil'l'ä pahoil'l'a aigazil'l'a viehät't'eliyvymmä...

Kuin ollah d'o šuuret vaččavahingoizet ožattomalla oneh varduol'l'a n'äil'l'ä pahoil'l'a aigazil'l'a el'yäs's'ä.

Passibo d'o abuštelijaizil'l'a, passibo kajun tiijuštelijaizil'l'a, kajun kallehilla kannettuizil'l'a d'o šuuret passiboizet.

86. При встрече и проводах дочерей

а. Спасибо, что приехала и с дальних чужих краёв наведалась.

Как ведь очень большие у нас обидушки в жизни...

Спасибо да спасибо, моя младшая выношенная, что приехала, к своим родным берегам [т.е. на родину] наведалась.

б. Спасибо... (не могу)... Спасибо, дорогие мои выношенные. Спасибо, что прибыли с далёких чужих краёв наведаться.

Спасибо, мои помощники. Да спасибо, мои [нас] проведывающие. Ведь как [я] несчастный слабый стан, в эти трудные тяжёлые времена [мы] перебиваемся...

Ведь большие кручинушки на сердце у несчастного слабого стапа в эти тяжёлые времена в жизни.

Спасибо моим помощникам, спасибо моим проведывающим, моим дорогим выношенным большое спасибо.

87. Iänel' l'ä itkuo evakuacijah lähtiessä

...Konža voina algoi, kaikkie miän kyl' äšt'ä, Kevät' t'ämärvešt'ä evakuiruidih...

No i kuin hän'el' l'ä pidi jo läht'ömäh ruveta, hiän mäni enzimäizeksi liäväh, ilmazen ijän hän pidi lehmyä, žiivattua... kaikkie... Nu i, kun zavodi hän liäväst'ä. Avai oven, liävän kyn' n' ykšel' l'ä ist' uudu, i kun zavodi hän iän'el' l'ä it' kie. Enžist' äh it' ki, it' ki, it' ki, kai, kai abiet it' ki kyn' n' ykšel' l'ä. Šiid'ä nouži sarajalla... Lehmä meil'ä jäi liäväh, hän šiin'ä lehmän da lambahien kera proščaiččiudu... Sarajan kyn' n' ykšel' l'ä it' ki iän' n' el' l'ä, min hän vain tahto. Šid'ä tuli perttih, ikkunaviereh ist' uudu laučalla. It' ki, it' ki, it' ki.

Šiid'ä šuorizi, läksi, jo kun oli še nojabr' a. Šiid'ä mäni randah kylyh. It' ki kylyššä, kylyn šiämeššä. Randah kerävyvt' i h šiihi rahvaš, ken oli l'ähembän'ä. I kuunneldih kaikin händ' äh i kaikin it' kiettih. Šiid'ä kun kylyn oven umbeh pani, mäni randah, avannolla. I šiin'ä it' ki tuaš virren.

I mie hyvin muis' s' an, kuin prostiudu: «Vezi, kuldani kuningaš, prossi. Prostikua tuulet, prostikkua ahavat, prostikkua muat, prostikkua veit...» I kaikki še v stihotvornoi forme. I niin abiešt' i še it' kiettih. I kumardaudu... I šiid'ä nouzi gorah i l'äksi.

Jälgimäizen virren it' ki — kahen kilometrin piäššä on meil'ä kladbišča, na mogile muža... Šiin'ä hän it' ki niin lujašti, što unohtaudu... Šiid'ä rahvaš ši h tuldih da nošettih da...

Ujehali v evakuaciju. Hän ne vernulas', hiän prostilas' okončat' el' no...

Hän' en nimi oli Dementjeva Pelageja Markovna, hän oli šynd' yn primerno 1872—74 vuozina. Kevät' t'ämärveššä oli hiän naverno unikal' noi it' kijä, no Kevät' t'ämärveššä äijä oli muasterie it' kijä. Oli Filatova Darja Kirillovna, n' yt hän' en t' yt' är, Tatjana Trofimovna, el' äy Belomorskašša, hiän unasledovala... vähäzen...

Miän kyl' äššä oli äijä iän' el' l' ä it' kija... i še peredavalos' iz pokolenija v pokolenije...

Miun muamo ei mahtan it' kie, i mie vot k sožaleniju tože, en maha it' kie. Vremena izmenilis', vzgljady izmenilis'. A miula, naprimer, on očen' žal', što takoi vid, en tiijä kuin i nazvat', fol'klora ili kuin, isčeznet, isčeznet sovsem.

87. Причитывание перед отъездом в эвакуацию

... Когда началась война, из нашей деревни, Кевяттямярви [Кевятозеро], всех эвакуировали...

Ну и когда уже надо было ей выезжать, она сначала пошла в хлев, всю жизнь она держала корову, скотину... всякую... Ну и, как начала с хлева. Открыла дверь, села на порог хлева и как завела причеть! Причитывала, причитывала, причитывала, сначала на пороге. А затем поднялась на сарай... Корова у нас в хлеву осталась, она ещё с коровой и овцами прощалась...

На пороге сарая причитывала, сколько только ей хотелось. Затем пришла в избу, села на лавку у окошка. Причитывала, причитывала, плакала.

Потом оделась, пошла, был уже ноябрь. Пошла на берег, к бане. Причитывала в бане, внутри. На берегу народ собрался, кто был поближе. И все слушали её и плакали. Затем закрыла дверь бани, пошла на берег, к проруби. И тут опять причеть исполнила.

И я помню хорошо, как прощалась, просила прощения:

«Вода, золотой царь [король] прости. Простите ветры, простите весенние, прости земля, прости вода...»

И всё это в стихотворной форме. И с такой печалью причитывала. И поклонилась... Затем поднялась в гору и пошла.

Последнюю причеть исполнила — в двух километрах от деревни было кладбище — на могиле мужа. Тут она так сильно причитывала, что сознание потеряла... Люди пришли и подняли её...

Уехали в эвакуацию. Она не вернулась, простилась навечно...

Её звали Дементьева Пелагея Марковна, родилась примерно в 1872—74 годах. В Кевятозере она была, наверное, самая уникальная причитальщица, хотя в Кевятозере было много хороших плакальщиц. Была Филатова Дарья Кирилловна, теперь её дочь, Татьяна Трофимовна, живёт в Беломорске. Она унаследовала... немножко.

В нашей деревне было много причитальщиц... и это передавалось из поколения в поколение...

Моя мать не умела причитывать, и я тоже, к сожалению, не умею. Времена изменились, взгляды изменились. А мне, например, очень жаль, что такой вид, как назвать, фольклора или как, исчезнет, исчезнет совсем.

88. Iänelläitkijöistä

— Ongo teilä konža iänellä itetty, kun nyt ei löyvy ni yhtä itkijyä?

— Meil'ä kyl' ässä oli yl'en hyvyä muasterie, iän'el'l'ä it'kijyä, ylen hyvyä muasterie. Pričom it'kiet't'ih po vs'akomu otdel'nomu slučaju. Jesli še oli mimmoizet proovodat, iän'el'l'ä it'kiettih po provodam. Jesli n'e oli pohoronat, iän'el'l'ä it'kiettih pohoronoja. I nastol'ko it'kiettih, što vs'a publika oli abeudettu. Še kaikki eloš šihi pandih.

Milma kaikičči udivl'alo, kuin šanuo — umenije vot izložit' v takoi... posledovatel'nosti i takimi vyraženijami, kotoryh mie ni mis's'ä en voinun ollun lugie. «Kuin valgiezet valuttih šil'mist'ä vuottuas's'a. Vuotan kun päiväist'ä nouzomašt'a...» Jesli ken rodstvennikkua vuottau, ...t'yt'ärdä. No, kuin it'kiet'äh, kai hibied'ä myöt'e vilu kavel'öy. Ylen.

Ili, muis's'an kaikičči, miula oli ukko (ded), Makarie, hän'el'l'ä oli čikko, t'ootuška Pelageja. No, vot... Pelageja Markovna... nastol'ko mahto it'kie iän'el'l'ä...No hiän it'ki kaikella poovodalla. I n'e prosto, konža oli hän'el'l'ä paha. Hiän vot istuudu šukkaa tikuttamah ikkunaviereh. I it'köy iän'el'l'ä — ukkuo kuolluist'a muissut't'elou. Ili konža hän'el'l'ä mid'ä trudno on... I vot hiän kun šen kaiken izložiu, v takoi stihotvornoi forme. Mist'ä n'e šanat negraamotnoi akka, absol'utno. Eigo maha ven'yähekše pais's'a. N'e kai karjalakši. Karjalan kielel'l'ä n'e kaikki šubi. I eigo hän t'ied'an lugie, eigo hän t'ied'an literaturua. I vot kai n'e hän mahto.

No meil'ä on n'yt kyl' ässä viel'ä yksi, jo nuorembi, vot miun pokolenjua, Tan'a... Hän'el'l'ä muamo ylen hyvin it'ki iän'el'l'ä. No, vot i mie udivilas', hiän tuli miun luokši... I šiid'ä paginašta paginah... šiid'ä kun hän toindu it'kömäh iän'el'l'ä. Dak hiän miun nastol'ko abeutti, što jele myö uspokoilis...

Še naverno po nasledstvu perehodi, niin kuin muutgi talantat. No. Meil'(ä) oli äijä it'kijie kyl' ässä...

...Voinan jälgie toože. Vot, meil'ä, ei pie ed'ähäkše — daaže n'äinä vuožina... l'uboil'l'a pokoiniekalla. No, meneje gramotno, meneje professional'no, kuin n'e muinozet akat it'kiettih... Osobenno kylis's'ä... Passibot annetah pokoiniekalla šil'l'ä:

«Što šie kažvatit lapšet da što šie meid'ä vstrečaičit da kaimazit da, što šie meid'ä kaikičči šubi čaijyl'l'ä juotid da...»

Eli kuin tulou, dopustim, kaimuamah tuli, jo kaikin kerävyvt't'ih, tuli vašta poiga. Šiid'ä pojalla it'kiet'äh, «muamo kačo kun šilmaž ei vstreeti, da muamo šilmäš kaikičči vaštazi da n'yt šilma jo ei vaštua da... Tule da pagaja muamon kera da, šiul(a) ei ni mid'ä šano da...»

— Konža pokoiniekoilla itettih?

— Pokoiniekka kun on kois's'a, toizena piän'ä, konža kaikki kodilaizet ruvetah murginoimah huom(e)neksella, šyömäh. En'n'en šiid'ä pannah pokoiniekalla, reunašša on ili tumbočka, ili stuula, katettu polotencalla. Pannah šyömist'ä tarelkaizella, sträpn'yä... svežii čai. I togda sadits'a r'adom, ken malttau iän'el'l'(ä) it'kie, aigauttamah... Aigauttau pokoiniekkua. Mie en ožua iče, no primerno hiän v takom duhe, što:

«Aigauvukkah kallis kannettuine miän kera jäl'gimmäizel' l'ä murginalla... Da šano, mid'ä ollou šiula šanottavua, obiidua mid'ä. Da mid'ä šie voizit šanuo. Myö šiula luadima murginan, mid'ä voimma. Elä obižaiččieče... moožet mid'ä emmä myö šiula luadinne da... Moožet myö šilma konža... gruubo šiun kera obraščaččiuduma. Moožet myö šiun kera... nedostatočno šiula vnimanjua udel'aičimma. Prosti šie meid'ä da.

Aigauvu, tule miän kera, nouže murginoimah...» No vot v takom duhe.

... Kaikin it'kiet'äh, omie obiidoja. Šiin'ä praktičeski ne ustojat'...

... Miun muamolla it'ki, kuolduo, hänen čikko, da viel'ä yksi oli it'kijä, aigautti. Še on ylen duševnoi, še virži /itkuvirsi/.

... Žalko, što eto vs'o uid'ot. Ljudi saryje uhod'at iz žizni. A myö nuoret emmä malta.

88. О причитальщицах

— В ваших краях когда-либо причитывали? Ведь теперь не найти ни одной плакальщицы.

— В нашей деревне были очень хорошие мастерицы причитывать, очень хорошие. Причём причитывали по всякому отдельному случаю. Если были какие-то проводы, причитывали на проводах. Если похороны, то на похоронах. И так причитывали, что вся публика бывала тронута. Тут излагали всю жизнь оплакиваемого.

Меня всегда удивляло, как сказать, умение, вот изложить в такой... последовательности и такими выражениями, которых я нигде не встречала [не читала]... «Ведь светлое [т.е. слёзы] из глаз стекало ожидаючи. Жду, как солнышка восходящего...» Если кто-то ждёт родственника, ... дочку. Когда причитывают, аж мороз по коже.

Или же, всегда помню, у меня дед был, Макарий, у него была сестра, тётушка Пелагея. Ну, вот... Пелагея Марковна... Она так умела причитывать! ... По любому поводу. И не только, когда ей было плохо. Вот садится она чулок вязать, у окошка. И начинает причитывать — вспомнит умершего мужа. Или же когда ей тяжело, трудно... И вот она всё это изложит, в такой стихотворной форме. И откуда эти слова у абсолютно неграмотной старушки? И по-русски говорить не умела. Всё исполняла по-карельски. Всё исключительно по-карельски. И не умела она ни читать, ни литературы она не знала. А вот всё это она умела.

У нас в деревне ещё одна есть, моего поколения, Таня... У неё мать очень хорошо причитывала. Ну вот, и я удивилась, она пришла ко мне... и слово за слово... как начала она причитывать. Так настолько это меня тронуло, что еле мы успокоились...

Это, наверное, по наследству переходит, как и все другие таланты. Да. У нас в деревне было много причитальщиц...

... После войны тоже. Вот у нас, далско ходить не надо — даже в эти годы... любому покойнику. Но менее грамотно, менее профессионально, чем прежние женщины причитывали... Особенно в деревнях... Спасибо говорят покойнику...

«Что ты вырастила детей да что нас встречала и провожала, что ты всегда нас чаем поила да...»

Или, допустим, приезжают провожать, уже все собрались, а сын только приехал. Тут сыну причитывают, что «твоя мать, смотри, тебя не встретила да мать всегда тебя встречала, а теперь уже не встретила да... Приди да поговори с матерью, а уж ничего тебе не скажет».

— Когда покойникам причитывали?

— Когда покойник дома, на второй день, когда все домашние садятся завтракать, есть. До этого покойнику поставят, рядом с ним или тумбочка, или стул, накрыты полотенцем. Поставят тарелку с едой, стряпнёй, ... свежий чай. И тогда садится рядом, кто умеет причитывать, будит... Будит покойника. Я сама не умею, но примерно в таком духе, что: «Пробудись-ка [поднимись-ка], дорогая выношенная, на последнюю трапезу с нами... Да скажи, что хочешь ещё нам сказать, свои обиды.

И что ты можешь сказать. Мы приготовили для тебя завтрак, что смогли. Не обижайся...

Может, что не так сделали да... Может быть когда грубо с тобой обращались. Может быть мы тебе недостаточно уделяли внимания. Прости ты нас да...

Пробудись, встань с нами на завтрак...»

Ну вот, в таком духе.

... Все плачут о своих обидах. Тут практически не устоять...

... Моей матери после её смерти, причитывала её сестра, да ещё была одна женщина, будила.

Это очень душевная причеть.

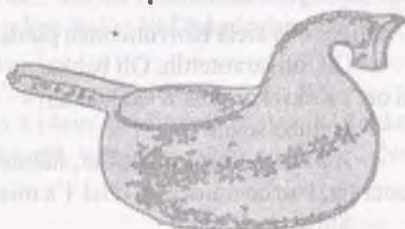
... Жалко, что это всё уйдёт. Люди старые уходят из жизни. А мы, молодые, не умеем.

4

МАЛЫЕ ЖАНРЫ

■ Загадки

Частушки

Пословицы

ARVOITUKSET

ЗАГАДКИ

89. Arvoutukšista

Oligo teilä šielä Koivuniemen puolella šemmoista, jotta arvouteltih?

— Oli, oli, arvotettih. Oli babka, no hiän arvotti šemmoizie, no arvakkua, lapšet, mi on: «Kakši karvaist'a vaššakkah?»

— A mibä še on?

— A še on šilmät /muatešša/, luomet vaššakkah, no. A šid'ä oli hänel'l'ä viel'ä, vuota šie, kun en muis's'a: «Nel'l'ä mieštä yhen šuapkan alla šeizotah».

— Stola, no še stola.

— Nel'l'ä miešt'ä... še tulou jo huliganskoi.

— Šano, šano.

— Nel'l'ä miešt'ä yhteh loukkoh kuššah.

— Lehmyä lypšetäh...

— A myö lapšet duumaičemma, duumaičemma, mi on, mi on? Emmä tiijä, mi on.

— A mihi aigah arvouteldih? Illalla, huomeneksella?

— Illalla, babka še meil'ä tulou. Myö čokkoh kizuamma. Čokkoh: še on šilmät šivomma i hakkualemma, še meil'ä oli čokko. Toine toist'a tavottelemma: kenen tavotat, še i čokko, tuaš šil'l'ä šilmät šivotah...

I še babka meil'ä tulou, tuaž myö hänel'd'ä: «Baabuška, šano meil'ä šuarnua». Hiän šuarnua šanomah. Hiän ylen äijän tiedi šuarnoja.

— A eigö ollun teilä semmoista, kun et monta arvoutušta arvota, šiitä työnnetäh-gon kunne?

— Še oli jo jälečči, šuurembana, no jo šuurembana. T'yönnät'äh mid'ä kaččo tuomaa.

— Huikkol'ah ei työnnetty?

— Ei... En ole šid'ä kuullun... A t'yönd'äy viel'äi veil'l'ä erähičči. No, ruavon andau min kaččo, kun ed arvua.

— A eigõ šeinyä vejeldy... piirretä očalla?

— Oi, oli še, oli, oli. Kun et arvua, ni min šiel'ä pannah... Muin' ein kun ne oldih ne välit, hirzišein'ät. Šanou šiel'ä: «N'el'l'ä hirt't'ä očallaš piird'yä pid'äy». Kai očča jäy ruškie: t'yr— t'yr—t'yr... oli, še oli...

— A mitä vielä oli nakazanjua?

— Muuda nakazanjua mie en... Viel'ä oli, oli... Šanou: «Kolme kerdua ymbäri pertist'ä libo viizi kerdua, yhel'l'ä jalalla hyppie». Hengi kädeh šuati. No, hypit, hypit, hypit, no kuni et omua šid'ä normua šuane, ni ei ni jalgua heit't'yä, yhel'l'ä jalalla hyppie.

— A eigõ käsetty kiuguan trubah mitänih kirguo?

— Ei, šid'ä ei ollun... Oli. Oli še, oli še — huhuttih trubah... Vain en mie muis's'a, mid'ä huhuttih. Oli še, oli. Mie vain en huhunnun ni kerdua. A šein'yä piirrin, dai yhel'l'ä jalalla hypiin.

— Arvouteldih illoilla, a šuarnua konžaba šanottih?

— Toože illoilla, toože illoilla. Kerryimmä illoilla, tiijät šie, Šuuri Pyhä še vielä on, t'ämä, talvella. No, kuin še on Šuuri Pyhä... vot ku noužemma kiugualla, kun kerd'yy ših t'yt't'ölašta, poigua, vielä babka ken kačo, šiid'ä kačo šuarnua šiid'ä kuundelemma, hyväl'l'ä mielin.

— A arvoutušta toože šiinä?

— Dai arvoutušta, šiin'ä arvoutukšie, šiin'ä i šein'an piirränd'yä, šiin'ä i čokko-zih, illat, pit'ät illat, lamppa palau, piigalkka vielä, vielä ei ni godnoi lamppa... No, päret't'ä miun aigana ei poltettu.

— A eigo teilä ollun piizie?

— Ei... Oldih meilä piizit, ga ei meilä poltettu. Ei.

— A huomenekšella eigo šanottu šuarnua?

— Ei, huom(e)nekšella še ei ollun aigua babkoilla.

89. О загадывании

— У вас там, в Койвуниеми, загадывали загадки?

— Было, было, загадывали. Была бабка, так она загадывала: «... Ну-ка, отгадайте, дети, что это? Два волосистых друг против друга?»

— А что это?

— Это ... глаза, ресницы друг на дружке, ну. А было у неё ещё... погоди-ка, вот не вспомню: «Четверо мужчин под одной шапкой стоят?»

— Стол, это стол.

— Четверо мужчин... Это будет уже хулиганская.

— Говори, говори.

— Четыре человека [мужика] в одно отверстие мочатся.

— Корову доят в подойник.

— Ну, это бабка говорит: «Отгадайте, дети, знаете ли вы, что это такое?»

А мы, дети, думаем, думаем, что это, что это? Не знаем, что это...

— А в какое время загадывали? Вечером, утром?

— Вечером. Бабка к нам придёт, а мы в жмурки играем. В жмурки — глаза завяжем и ловим, друг друга ловим. Это у нас были жмурки. Друг друга ловим. Кого поймаешь, тот и ищет и водит. Ему опять глаза завяжут.

Бабка к нам приходит, мы опять к ней: «Бабушка, расскажи нам сказку». Она давай сказки рассказывать. Она очень много знала сказок.

— Не было ли у вас такого — если не отгадаешь несколько загадок, то отправляют... Куда отправляют?

— Это было уже позже, когда мы были больше, это уже старших детей отправляют. Пошлиот что-нибудь принести...

— А не отправляли в «Хуйкколя»?

— Про это я не слыхала... Отправляли ещё иногда... Ну, работу давали какую-нибудь, если не отгадаешь.

— А по стене лбом не водили?

— Ой, было это, было, было. Как не отгадаешь, а ведь раньше были зазоры между брёвнами [обоев тогда не было], только брёвна. Говорит: «Четыре бревна надо лбом пробороздить, прочертить». Аж лоб весь покраснеет: тыр—тыр—тыр. Было, это было.

— А какие ещё были наказания?

— Других наказаний я не помню... Было ещё, было... Говорит: «Три раза вокруг избы, либо пять раз, на одной ноге проскакать». Аж душа в пятки... Прыгаешь, прыгаешь, прыгаешь, пока эту норму не сделаешь, вторую ногу опускать нельзя, на одной ноге всё прыгаешь.

— А в печную трубу ничего не выкрикивали или голову не просовывали?

— Нет, этого... Было, было, это было, в трубу кричали. Только не помню, что кричали. Но это было. Только я не кричала ни разу. А стену лбом «бороздила», и на одной ноге скакала.

— Загадывали вечером, а сказки когда рассказывали?

— Тоже вечером, тоже вечером. Соберёмся вечером, знаешь ли, в Великий пост, зимой. Ну, когда Великий пост. Заберёмся на печку, соберутся девочки, мальчики, бабка чья-нибудь, вот тут сказки и слушаем, с удовольствием.

— И загадки тут же?

— И загадки, тут и загадки, тут и стену «бороздим» лбом, тут же и в прятки... все вечера, долгие вечера; лампа горит, фитилёк, и лампы—то годной не было... Но лучину при мне уже не жгли.

— А не было у вас камелька?

— Не ... Были у нас камельки, но у нас в них огонь не разжигали. Нет.

— А по утрам сказки не рассказывали?

— Нет. Утром бабушкам было недосуг.

90. Arvoutukšist'a

Arvua še, mi on t'äd'ä:

«Pukšuloista vuidiu, ruškje piähyt, kaikella kylällä godiu.»

— Hillo mät't'ähäššä.

Arvua še, še mi on:

«Mužikkaine, ryčikkäine, šuan korvuo vet't'ä juou.»

— Se on kylyn kiugua.

— Nu midäbä, kun kolmie ei arvua, midä šiidä?

— Ku kolmie ei arvua, ženihän šanou, oman ženihän.

— Kuinba vielä nakazyvajah, kun ei arvua?

— Očalla hirt't'ä veit'äh.

— Kuinba hirttä veit'äh?

— A vejät, min annetah: annetah šiula kolme hirt't'ä, nel'l'ä, viizi, yheksän hirt't'ä.

Kai vejä očalla. N'äin vejät alahakši.

— Dai šolkkunua annettih?

— Annettih, oččah, kai očča oli ruškje.

— A oligo midä arvoutušta kiuguašta?

— ...Aijä olis, ka ei šua sraazu muistua. Arvua še, mi on:

«Luikkau, laikkau, raudazen aijan kežeššä.»

— Kieli.

— Kaikista, kaikista, buitto ei ollun, oli, elokšeššä, jauhonkivil'öjä da.

«Mibä on pitembi pit'kie puida, madalambi muaheinnie?»

— Še on doroga.

«Lemmen lehti lekahti, kaikki kanža kačahti?»

— Meilä on ovi.

«A kel'l'ä enzikši kät't'ä annat, kun pirttih tulet?»

— Skiägal'l'ä.

90. О загадках

— Отгадай, что это:

«Из штапов выглядывает, красная головка, всей деревне пригодится».

— Морошка на кочке.

— Отгадай, что это:

«Мужичок неказистый, сто ушатов воды выпивает».

— Это каменка [печь] в бане.

— А что, если три загадки не отгадаешь?

— Если трёх не отгадаешь, жениха назовёшь, своего жениха.

- Как ещё наказывали, если не отгадаешь?
- Лбом стену [брёвна стены] бороздят.
- Как это делают?
- А лбом проводить поперёк брёвен сколько скажут: скажут три бревна, четыре, пять, девять брёвен. Все лбом пробороздишь. Так тянешь, сверху вниз.
- А щелчки давали?
- Давали, по лбу, аж лоб красный.
- А не помнишь загадки про печь?
- Много было, да все не вспомнить. Отгадай, что это:
«Скользит, поворачивается внутри железной изгороди?»
- Язык.
- Обо всём, обо всём было, о жизни... о жерновах да.
- «Что выше высоких деревьев, ниже луговой травы?»
- Это дорога.
- «Листок любви шелохнулся, весь народ обернулся».
- У нас это дверь.
- «А кому первым руку подаёшь, когда в избуходишь?»
- Дверной скобе.

91.

1. Luiskau, laiskau, luizien lukkuloin
tagana.

(Kieli)

2. Kilajau, kalajau kadajaizien kuorien alla.

(Šilmä)

3. Tuli tuht'uri mečāštā.
Otti kullat, otti mullat,
pani helevyā hobieda.

(Kiuguanhavu)

4. Ukkoni, ryčykkäini, kai helmat
kaččou.

(Kyn'n'yš)

91.

1. Скользит, поворачивается за
стояными замками.

(Язык)

2. Вертится, крутится под можже-
веловой корой.

(Глаза)

3. Явился лохматый из леса.
Забрал золото, забрал пыль,
оставил чистое серебро.

(Помело для печи)

4. Мужичок, коротышка, все зад-
ницы высмотрит.

(Порог)

5. Tulduo kožetat, lähties's'ä kožetat.

(Skiägä)

6. A mid'äbä vuarnoilla ei pizy-t'et't'yä?

(Jäiččä)

92.

1. Šie, čikkon, šinne, mie t'anne — yhteh yöksi.

(Vyö)

2. Luikkau, laikkau, luizien lippahi-en tagana.

(Kieli)

3. Läht'öy — kät't'ä andau, tulou — kät't'ä andau.

(Skiägä)

4. Mužikkaine, ryčykkäine, kaikilda helmat kaččou.

(Kyn'n'yš)

5. Lihaine lihaista šyöy.

(Lapši n'ännie imöy)

6. Yksi hiiri, kakši händ'yä.

(Jalačit, viržut)

7. Viipšinuut vilahettih, aitan puut kolahettih.

(Kangašta kuvotah)

5. Войдя, дотронешься, выходя, дотронешься.

(Скоба дверная)

6. А что на вешалке не удержишь?

(Яйцо)

92.

1. Ты, сестрица — туда, я — сюда, на ночь обе вместе.

(Пояс)

2. Крутится, вертится за костяны-ми сундучками.

(Язык)

3. Уходят — руку подаёт и входят — руку подаёт.

(Дверная скоба)

4. Мужичок маленький, всем под подол заглянет.

(Порог)

5. Сам из плоти и плоть ест.

(Ребёнок грудь сосёт)

6. Мышь одна, а два хвоста.

(Обувь с двумя шнурками)

7. Мотовило стукнуло, в амбаре брякнуло.

(Ткань)

ČAŠTUSKAT

93.

1. Tinguon d'ärvi, šuuri d'ärvi,
siiččapaikalla voit kattua.
Olis kokkua lipata
da Tinguon poigie n'äpä'tä.

2. Elä, muamoni, milmani hauku,
tuattoni šuorieu lyömäh.
Kuni en löyd'äne kullaistani,
šini en rubie šyömäh.

3. Pezin pertin peskuzella,
valoin virdaved'yzel'l'ä.
Tule, poigani, miun luokši
podarinne paikkazen.

4. Mie is's'un ikkunalla,
ripakko oli poikki.
Kuldani matkai pihua myöten,
garmonjalla šoitti.

5. Niegla katkei, rihma puudu,
paidua ommellešša.
Kogonaini tuohuš palo,
miiloida vuotellešša.

6. Ošša, muamo, miula jupka,
pane kružova helmah.
Miulani on omašša kyl'äšša
valgiepiä moločča.

7. Ed olis, muamoni, milmani šuanun
sirotakši kažvamah.
Joga driäni šil'mäl'l'ä isköy,
viluh čuppuh ist'umah.

ЧАСТУШКИ

93.

1. Озеро Тунгуда — большое —
ситцевым платком накрыть.
Уголок бы отогнуть,
да тунгудских парней обнять.

2. Не ругай, маменька, меня,
татенька хотел побить.
Покуда милого не найду,
я и кушать не пойду!

3. Вымыла избу песочком,
водой проточной облила.
Приходи, парень, ко мне,
я платочек подарю.

4. Я сидела на окне
с наброшенным полотном.
Шёл по улице мой милый,
играя на гармошке.

5. Игла сломалась, нитка вышла,
когда рубашку шила.
Свеча прогорела вся,
пока милого ждала.

6. Купи, маменька, мне юбку,
на подоле кружева.
У меня в своей деревне
светловолосый молодец.

7. Зачем, маменька, родила,
сиротинушкой расти.
Каждый дурень подмигивает,
в тёмном углу посидеть.

8. Istuu Anni ikkunalla
šulkkupaikka piäššä.
Matkuau Pekka ikkunan alla
garmonjaini kiäššä.

9. Mie is's'uin bočkašša,
bočkan alla hiiri.
Miulani šano Pekkarukka —
t'ämä on Tunguon piiri.

10. Kummua kuulin, kummua kuulin,
ruadoh män'n'ä Sorokkah.
Šoudua Valgien meren tuuli,
uallot vei Povenčah.

94.

1. Elgyä naizet nagrakkua,
da miuda nuorda leškie,
kuni mie pajuo pajatan,
nuorda aigua viehät'än.
Kuni mie pajuo pajatan,
da hyviä aigua mänet'än.

2. Elän—olen omalla mualla,
nuorda aigua viehät'än.
šano miulani rodnoi muamoni —
igälangan kulutit.

3. En voi vuottua, en voi vuottua,
šid'ä aijaistani,
konža šuluau, konža kuivuau,
miunne ikkunaist'a.

4. Lindune lend'äy lipet't'äy
da šiibyt't'ä hiän plakuttau.
Vielägö miunne tuuvalla kallis
t'ängöi miel'd'ä vieret't'äy.
Vielägö hiän miunne kallis
t'ängöi miel'd'ä vieret't'äy.

8. Сидит Анни на окошке
в шёлковом платочке.
Идёт Пекка под окном,
а в руках гармошка.

9. Я сижу на бочке,
а под бочкой мышка.
Мне мой Петенька сказал,
что это Тунгудский район.

10. Слышала я чудеса —
в Сороку на работу.
Плыть по морю Белому—
снесло волною в Повенец.

94.

1. Вы не смейтесь, бабоньки,
надо мной, молодой вдовой,
что я песенки пою,
коротаю молодость свою.
Что я песенки пою,
время доброе провожу.

2. Живу—поживаю на родине,
молодость коротаю.
Говорила мне маменька:
что свою жизнь укорачиваю.

3. Не дождусь я, не дождусь,
времечка такого,
что оттаёт, что обсохнет,
моё окошечко.

4. Птица летает, порхает,
крыльями размахивает.
Ещё ли там мой милый
в мыслях думает обо мне.
Ещё ли мой милый
в мыслях думает обо мне.

5. Kukkuu kägi kuužikošša,
konža kukkuu, konža ei.
Miula on miiloi muštašiämini,
konža l'uubiu, konža ei.

5. Кукушка в ельнике кукует,
то кукует, а то нет.
Милый мой, жестокосердный,
когда любит, когда нет.

* * *

6. Ешь, коровушка, соломку¹⁹,
забывай—ко травушку.
Обнимай, парень, подушку,
забывай сударушку.

7. Ты сыграй, гармонь моя,
сегодня тихая заря.
Сегодня тихая заря,
услышишь, чернобровая.

8. Девушки, сидим, сидим,
да чужий потолок коптим.
Чужий белый потолок,
сидим последний вечерок.

9. На улице белый камень,
золотыя номера.
Кто проедет, прочитает,
за любовь страдаю я.

10. Красну кофточку носила,
когда маленька была.
Перед дролечкой форсила,
когда не было ума.
Перед Петечкой форсила,
когда не было ума.

11. На деревню нету дела,
хоть нарочно, да пройду.
Хоть милёнок нету дома,
да я на домик погляжу.

12. Хорошо у речки жить,
да ходят пароходики.
Незаметно ведь проходят
молодые годики.

¹⁹ Частушки № 6—12 исполнены на русском языке.

95.

1. Kirjuttaizin mie kirjazen,
da ei ole čiistoida bumaguaga.
T'yönnyt t'äizin miiloilla,
da ei ole vernoida viejyä.

* * *

95.

1. Написала бы письмецо,
да бумаги чистой нет.
Отправила бы милому,
да верного попутчика нет.

2. Сено сухо, сено сухо²⁰,
можно в лодочку собрать.
Долгозубую свекрову
надо маменькой назвать.

3. Неужели пересохнет
травенька шелковая?
Неужели выйдет замуж
дура бестолковая?

4. Я сегодня рыбу ела,
рыбье сердце видела.
За кого замуж хотела,
маменька не выдала.

5. Дороги мои родители,
я розочка у вас.
Нарядите, посмотрите
на меня последний раз.

6. Моё имечко написано
в лесу на бережку.
Моя молодость проходит
по баракам да в лесу.

7. Вы гуляйте, я не буду,
всех гуляночек забуду.
Свою молодость—красу
да в лес под ёлочку снесу.

8. Сестра у сестры
колючко поносила.
Сестра у сестры
милёночка отбила.

²⁰ Частушки № 2—8 исполнены на русском языке.

96.

1. Eihän še ole niin vaigie t'yö,
kuin rikkazen riihen puinda.
A vierahan kullon kainalošša,
kuin vašta virdaa uija.

2. Aijä oli lenttoja kaššan piäššä,
nuottanuorua ei tullun.
Aijä oli brihua pol' ankalla,
minulla puarua ei t'äyd' yn.

3. Is's' uin illan kaivon kannella,
vezikorvon vierel'l' ä.
Is's' uin illan pojan polvella,
tol' ko oli toini mieleşšä!

4. Vessel' oli veikon koissa,
vet't' ä ni juuvva ei ollun.
Veššel' oli bes's' odašša,
minulla puarua ei tullun.

96.

1. Нет трудней работушки,
чем в пыльной риге молотить.
В объятых чужого милого,
что против течения плыть.

2. Много ленточек в косе,
ни одной верёвочки.
Много парней на поляне,
мне милого не нашлось.

3. Сидела вечер у колодца,
рядышком ушат с водой.
Сидела у парня на коленях,
только в мыслях был другой.

4. Было весело в доме брата —
воды не было попить.
Было весело на беседе —
а мне пары не нашлось.

* * *

5. Всё б я пела, всё я пела²¹,
всё я веселилase.
Стала прежняя любовь,
обратно воротилase.

6. Что-то мне не веселится,
голосок не тянется.
После вас, моя хорошенька,
никто не идравится.

7. Что ты, лампа, не горишь,
новая горелка?
Что ты, милый, не любишь,
али я корелка?

8. Измени, измени
да измени вали, вали.
Только тайного совета
никому не говори.

²¹ Частушки № 5—8 исполнены на
русском языке.

97.

1. Miun on valgiešša paikkazešša
tulipuna kukkani.

Miun on nuorešša vaččazešša
l'äht'ömät'oin tuškani.

2. Pyyhin pirtin, pyyhin šinčon,
pyyhin viel'äi kril'čan.

Matkai Vanja kril'čua myöt'e,
podari miula kol'čan.

3. Liekuin, liekuin laudazella,
valgien pluat'an t'öl'äzin.

Tulin kodih, it'in, it'in,
muamoni šanou «ne beda».

4. Emmä jouva, emmä jouva,
korvolla vet't'ä kandamah.

Vain jouvamma, vain jouvamma
pojalla polvella istumah.

5. Kargie on kahvikuppi,
ilman šogeritta.

Igävä on nuorella aigua
ilman toveritta.

98.

1. Istuu neido ikkunalla,
it'köy kullaist'a,
muamolla valehtolou —
it'köy illaist'a.

2. Elä, muamoni, milmani hauku,
kunne panin paikkazen,
annoin vaivani Vanja-pojalla,
valgiekistizen paikkazen.

3. Šulkku paikka, siin'oi kaima
j'ai kauppuamatta.

97.

1. На моём белом платочке
огненно-красный цветок.

В моём молоденьком сердечке
непроходимая тоска.

2. Подмела пол, подмела сени,
подмела и крылечко.

Ваня шёл мимо крыльца,
подарил колечко.

3. Я качалась на качелях,
платье белое запачкала.

Пришла домой, зарыдала,
сказала мама: «Не беда!»

4. Недосуг нам, недосуг
ушатом воду носить.

А досуг нам, досуг
с парнями время проводить.

5. Горьковата чашка кофе
без сахарочка.

Скучновато в молодости
без мила дружочка.

98.

1. Сидит девица у окна,
о милом рыдает.
Матери же говорит —
оплакиваю вечер.

2. Не ругай, маменька, меня,
куда платочек дела.
Отдала Ванюше, бедняжка,
белый платочек с кистями.

3. Платочек шёлковый,
каймы синие,
остался мной не купленным.

T'ämän kylän talonpoiga
jäi nägömät t'ä.

4. Äijä brihua Nuottavuarašša,
kaikki on viinan juomarit.
Yksi viinašta viizahambi,
še on miušta mieluzembi.

99.

1. Ei ole niin šyvä,
kuin on kivi kova.
Eläš, miiloi, rakaštelihu,
en ole mie šiun oma.

2. Kažvo raida rannalla,
raida rajan piäl' l'ä.
En voinut uškuo nuorella aigua,
valda muijen alla.

3. Kažvo raida meren rannalla
ilman kit' kemät t'ä.
Kažvettih n'ämä nuoret pojat
ilman it' kemät t'ä.

100.

1. Kylmi miän lahteh jään,
vezi nouzi piäl' l'ä.
Hot' oli gor'a-gor'evoi,
da zato oli šogoli.

2. Vihmuu, vihmuu, peryä vihmuu,
šuu reh čuppuh vajattau.
Miula on miiloi garmonista —
iče hiän ni pajattau.

3. Kukkuu kägi kuužikošša,
riihen oven reunašša.
T'ämän kylän brihazet —
hiiren hăn' n'än hinnašša.

Крестьянский сын этой деревни
остался не увиденным.

4. Много парней в Нуоттавараке,
все они пьют водку.
Один не знается с вином,
тот для меня милее всех.

99.

1. Не так тут глубоко,
зато камень крепок.
Не ласкайся-ка, мой милый,
я ещё ведь не твоя.

2. Ива выросла на берегу,
ива рядом с ивой.
В молодости не верилось,
что будет воля не своя.

3. Выросла ивушка у моря,
не надо было и полоть.
Выросли парни молодые,
не надо их оплакивать.

100.

1. Затянуло льдом залив,
водица сверху поднялась.
Хоть и был он горе-горьким,
да зато щеголеват.

2. Дождит, дождит, дождь идёт,
в красном углу протекает.
Мой милёнок гармонист,
и песни сам запекает.

3. Кукушка в ельнике кукует,
рядом с ригой, у дверей.
Парням из деревни нашей
с мышинный хвост цена.

101.

1. Ei ole žuali marjazie,
on žuali marjan varbazie.
Ei ole žuali brihazie,
on žuali brihan šanazie.

2. Tuošša puušša pit'ät okšat,
tuuli heid'ä heiluttau.
Meilä ollah nuoret brihat —
viina heid'ä häilyt't'äy.

3. Jäniz jätti pien'et pojat
poikki joven uimah.
Miuda myöš tuattoni jätti
sirotakši kažvamah.

4. Vessel'ä oli veikon koissa,
vet't'ä juuva ei ollun.
Vezi oli ven'ehesšä,
ven'eh järven taguana.

5. Milmani muamoni maijolla juotti,
ando välih vet't'ä.
Käški poigie rakaštua,
ei vain käšken pet't'yä.

6. Ei vain veneh vezil'l'ä kule
ilman šoudamatta.
Ei vain pojilla likat tuldua
ilman noudamatta.

7. Ei ole šid'ä vaigeimbua,
kun rikka riihen puinda.
Tuhmalla kullalla viereššä viruo
kuin vaštavirdua uija.

101.

1. Мне не жалко ягодки,
жалко ягодных кустов.
Мне не жалко паренька,
жаль словечек ласковых.

2. Ветки длинные на дереве,
ветер их качает.
Наши парни молодые —
от вина шатает.

3. Зайчиха бросила зайчат
через речку плыть одних.
Меня татенька оставил
сиротою подрастать.

4. Весело было в доме брата —
не было воды попить.
Вода в лодочке была —
лодка за озеро уплыла.

5. Маменька молоком поила,
а водой лишь иногда.
Велела мальчиков любить,
но не велела изменять.

6. Лодка по озеру не плывёт,
если нету гребца.
Девчата к парню не пойдут,
если он сам их не найдёт.

7. Нет трудней работушки,
чем в пыльной риге молотить.
Рядом с милым недотёпой,
будто против течения плыть.

102.

1. Vilujaini, vilujaini,
käjijäni kyl'mäy.
Viel'ä lien'öy vilumbi,
kuin oma kulda hyl'gyäy.

2. Kažvau koivu kangahalla,
kažvau d'oven rannalla.
Miän on kylä ylen kaunis,
aivan d'ärven rannalla.

3. Anni-t'yt't'ö, hieno helma,
magai lukun tagana.
Vas'ke-poiga, lippatukka,
kolisti oven tagana.

4 Äijäl tuulou, äijäl tuulou,
iče hiän i t'yynist'yy.
Ei šua tied'yä oža-riebuo,
kenen viereh hyyrist'yy.

5. Man'kanniemi herket't äy da,
Ryhjänniemi on jääššä.
Tulis kodih poigazeni,
ga ei voi gor'a piäššä.

6. Meijän d'ärvi, šyvä d'ärvi,
konža tuulou, konža ei.
Miun on miiloi kovašiämini,
konža l'uubiu, konža ei.

7. Kāgi kukkuu kuužikošša,
konža kukkuu, konža ei.
Miun on miiloi kovašiāmini,
konža l'uuuiu, konža ei.

102.

1. Холодно, ой холодно,
рученьки мёрзнут.
Ещё холоднее будет,
если милый бросит.

2. Растёт берёза на бору,
растёт на берегу реки.
Наша деревня очень красива,
на берегу озера стоит.

3. Девушка Анни, подол тонкий,
спала дома под замком.
Парень Вася, с чубом волос,
стучался за дверью.

4. Сильно дует, сильно дует,
глядишь, само и стихнет.
Не дано знать своё счастье,
с кем рядышком притихнешь.

5. На Манькином мысу вода журчит,
а Рюхын мыс уже во льду.
Приехал бы домой сынок,
да горюшко не отпускают.

6. Наше озеро глубокое,
когда волнуется, когда нет.
Мой-то милый жестокосердный,
когда любит, когда нет.

7. Кукушка в ельнике кукует,
когда кукует, когда нет.
Мой-то милый жестокосердный.
когда любит, когда нет.

103.

1. Äijä on kalua šillan alla,
da kaikki on šiijan poigazie.
Äijä on brihua Kevät't'ämärveššä,
da kaikki on viinan d'uojazie.

2. El'ä luadi, linduni, pežyä,
kiviruoppahan välih.
Da elä anna, muamoni, michel'l'ä,
kuuven vel'l'ekšen välih.

3. Da tuatto da muamoni andoi vallon,
nyt hyö rubezi vagauttamah.
Heit't'ägyäbäš kivi d'ärveh,
d'ygie on ylöž noštua.

4. Da Tinguon t'y't'öt čiganat,
kuorepada šyödii.
Kažin piäl'l'ä hyö kekšittii,
da kažirukkua lyödii.

SANANPARRET

104.

1. Pehmien levit't'äy, vai kova muata
tulou.

2. Min tuakše panet, šen iešt'äš löyvät.

3. Ei hulluja kyn'n'et'ä, eigä kylvet'ä,
ne ičešt'äh kažvau.

4. Hyvä še on huttu huomenagi.

5. Elä nagra nagrist'a, kois's'aš on
perčču.

103.

1. Много рыбы под мостом,
всё маленькие сижки.
Много парней в Кевятозере,
да всё водку пьющие.

2. Не вей, пташечка, гнезда
на каменистой на гряде.
Не отдавай, маменька, замуж,
в семью, где шестеро братьев.

3. Отец да мать давали волю,
теперь стали унимать.
Попробуйте бросить камень
в воду,
тяжело будет достать.

4. Девки в Тунгуде, что цыганки,
горшок сметаны съели.
Сами кошку обвинили —
бедную кошку побили.

ПОСЛОВИЦЫ

104.

Мягко стелет, только жёстко спать.

Что позади оставишь, то впереди
найдёшь.

Дурных/глупых не сеют и не пашут,
они сами растут.

Хороша каша и завтра.

Не смейся над репой, дома у тебя
перец.

6. Elä makša pahua pahalla, pahašta on paha i palkka.

7. Pahalla ožalla aja hot' važalla, niin šengin panou pažalla.

8. Kunne meččo i len'n'ä, niin yhet havut ruokana.

9. Pohjatoim kuin papin kormano.

10. D'yriet paginat ei šuuda rebi.

11. D'engalla šuau, da hebozella piäžöy.

12. Šigua hot' kuin šilit'ä, niin še aina röhkiy.

13. Ei šijašta sobolie tule.

14. Durakka ruadau, viizaš el'äy vähemmäl'l'ä.

15. Haukkujašta koirasta ei ole purijaksi.

16. Lähellä on kyynäšpiä, vain et pure.

17. Hyvä andau vähäšt'ä, paha ei anna i äijäšt'ä.

18. Oža yksil'l'ä, kežä kaikilla, D'umala d'ogahizella.

19. Rahvahan šuuretgi ruavot on vähäzie D'umalan rinnalla.

20. Ein'eheštä emän'n'än n'ägöy, pirtin — tuvan haldijašta.

21. Ei niin šuurda pahua, d'otta ei vähäist'ä hyvyä; eigä niin hyvyä, d'ottei parembua löydyis.

22. Ei ožua oštamalla šua, eigä pahašta heit't'amällä piäže.

Не плати злом за зло, за зло плохая расплата.

На худое счастье поезжай хоть на телёнке, и того проберёт.

Куда глухарь ни залетай, всюду лишь хвоя в пищу.

Бездонный, как карман юпа.

Грубые речи рот не раздерут.

На деньги можно [всё] добыть, а на лошади всюду доехать.

Свинью как ни глады/ублажай, она всё хрюкает.

Из свиньи не вырастет соболь.

Дурак лишь работает, умный живёт меньшим [трудом].

Лающая собака не кусается.

Близко локоть, да не укусишь.

Хороший человек даст и из малого, плохой не даст и из многого [из большого количества].

Счастье для одних, лето для всех, Бог для каждого.

И большие дела людей малы перед Богом.

По припасу [пище] судят о хозяйке; по избе — о домовом.

Нет такого худа, чтобы в нём не было хоть немножко добра, нет такого добра, чтобы не нашлось ещё лучше.

Счастье нельзя купить, и от худа не избавиться, выбросив его.

23. Elävä tulou ed'ähäldä, kuollut ei läheld'äkänä piäze.

24. N'ägyy peldo orahašta.

25. El'ä mäne merdä iemmäkši kalah.

26. Kenen randa, šen ni kalat.

27. Toizen kesselissä n'äyt't'äy kalat aina šuuremmilda.

28. Rahašta i pappi pl'äššiy.

29. T'yynesšä lahešša i kalat kizuau.

30. Ka hil'l'aini hiän on, vain omallah luadiu.

31. Ruado luadijan d'uohattau.

32. Välih pahat šanat koškou kibeimmin, kuin ruoškan šivalluš.

33. Paha omatundo ei ni pežömällä puhistu.

34. Hyvä muistuu aina, paha i mielešt'ä ei lähe.

35. On ero, kuin päivil'l'ä da yöl'l'ä.

36. Ken kuužeh kurkottau, še kadajah kapšahtau.

37. Mid'ä kylvät, šid'ä i niit'ät.

38. Parembi pyy povešša, kuin kakši okšalla.

39. Meren kierrät, vain ihmist'ä et kierrä.

40. Toizen pahašta piäžet, vain omašta et piäže koskaan.

Живой издалека вернётся, мёртвый и вблизи, да не придёт.

Поле видно по всходам.

Дальше моря за рыбой не ходят.

Чей берег, того и рыба.

В чужом кошеле рыба всегда кажется крупнее.

За деньги и поп пляшет.

В тихом заливе и рыба играет.

Тихий—то он тихий, да по—своему поступает.

Работа научит того, кто за неё возьмётся.

Порой грубое слово ранит больней, чем удар плётки.

Нечистую совесть и мытьём не отмоешь.

Добро всегда помнится, плохое из ума не выходит.

Разница такая, как между днём и ночью.

Кто на ель заглядится, на можжевельник наскочит.

Что посеешь, то и накосишь.

Лучше рябчик в руках, чем два на ветке.

Море обойдёшь, но человека не обойдёшь [не минуешь].

От чужих недостатков избавишься, но от своих никогда [они всегда идут за тобой].

41. Vakka kannen valiččou.

42. Ei vanhašta pappie, eigä tuohešta lakkie.

43. Ei luutoinda lihua, eigä piät'öindä kalua.

44. Yhekšän kerdua kačo da yksi luadi — šilloin hyvä tulou.

45. Ei hoppu ole hyväkši.

46. Nuorena on vičča viānet't'ävā.

47. Kando lahou, okša kovenou.

48. Elä kurkota ylemmäkši, kuin mid'ä kädeš andau.

49. Toizen šilmäšt'ä rikan huomua, omaštah ni hirt't'ä ei huomua.

50. Omua piäd'ä puoluštua, vaikka šuuda viārist'äy.

51. Kenen oma, šenni šoma.

52. Missä šuuri kiāndeikši, šiin'ä pieni pisteikši.

53. Ken vähekšiy vähyä, hiän ei tävyv i äijäšt'ä.

54. Lizyā on rikka rokašša, hämähikkö taiginašša.

55. Tulomatta voi vält't'yä, l'äht'ö-mät't'ä ei šua olla.

105.

1. Kuin šyn'n'yt t'äh ilmah, niin män'et i kalmah.

Корзина [короб] крышку выберет [по себе].

Из старого не выйдет попа, из бересты шапки.

Нет мяса без костей, нет рыбы без головы.

Девять раз посмотри, один раз сделай — тогда будет хорошо.

Беспокойство [торопливость] — не к добру.

Розгу [вицу] надо сгибать молодой.

Пень стареет, сук твердеет.

Не заглядывай выше того, куда не дотянешься рукой.

У другого в глазу и соринку заметит, у себя и бревна не видит.

Свою голову [надо] защищать, даже если рот окривеет.

Для кого своё, для того и красиво.

Где большой разворачивается, там малый проскочит.

Кто недоволен малым, тот и большим не довольствуется.

Добавкой в похлёбке соринка, а паук в тесте [квашне].

Можно не приходить, но не уйти нельзя [надо уйти].

Как на свет родишься, так и в могилу сойдёшь.

2. El'ä kiit'ä el'änd'yä, kiit'ä kuolendua.

3. Mi vuatetta, še piäl'l'ä, mi l'eibyä, še marašša.

4. Äijäl'l'ä ieu piäd'ä, šyväl'l'ä pohjua.

5. Kuldazilla käzil'l'ä kukkiu [ihmizeštä, ken kaikki hyvin luadiu, ruadau].

6. Šadar'ubl'ahizet šanat šanoin, a tuhatrubl'ahizet jätin.

7. Mua dai mahti, lindu dai kieli.

8. Nagrajan šuuh on parembi kaččuo, kuin it'kijän.

9. Kesseli šel'äššä, iče n'al'äššä.

10. Aštujua istujah en vajehtuače.

11. Andajalla D'umala andau.

12. Ken kuin mahtau, še niin ni ahtau.

106.

1. T'yt't'ärist'ä on t'yhjät varat, vävy-löist'ä ni vähäist'ä ieu.

2. Mančikkaini on muanittuais's'a, vuapukkaini on vuaputtuais's'a, a jälešt'ä kun elät, lien'öy kargiemi kadajamarjua.

3. Ken'en vet't'ä šouvat, šen i virt't'ä pajatat.

Благодари не жизнь [то, как живёшь], а благодари смерть [то, как умрёшь].

Что одежды, то на себе, что хлеба, то в животе.

Большему [количеству] нет меры, у глубины нет дна.

Золотыми руками создаёт [процветает? — о человеке, который всё делает хорошо].

Сторублёвые слова сказала, а тысяче-рублёвые забыла.

Что ни земля — то [своя] стать, что ни птица — свой язык [у всех свои обычаи].

Лучше смотреть в уста смеющегося, чем плачущего.

Кошель за спиной, сам голодный.

Идущего не поменяю на сидящего.

Дающему Бог даёт.

Кто как умеет, тот так и делает [букв. наполняет ригу].

106.

От дочерей никчемная помощь, от зятьёв ни малейшей.

Земляничка [девушкой, невестой], пока заманивает, малинка, пока ухаживает, а после, как поживёшь, станешь горше ягод можжевеловых.

Для кого гребёшь [по чьему озеру], того и песню поёшь.

4. Yksi važa pažašša, kai karja šitašša.

5. Huomen huuhan jät'ät't'äy — še pid'äy omalla aigua luadie.

6. Äijän heboni varžua šuau, a val'l'ahih häviey.

7. Mid'ä meččäh huhuot, ga šid'ä i mečäšt'ä kuulet.

8. Palvojaizet paččahan piäššä. [Ei palvota šiänd'yjyä].

107.

1. Lepšahat, kui kakkara riehtil'al'd'ä.

2. Mid'ä šohajat, kui taigina.

3. Mid'ä šie h'an'eššä riput, kui ahven verkošša.

4. Peit't'äy, kui kazi kakkua.

5. Is's'ut, kui hiiri pežäššä.

6. Olet ligaine, kui meččäkondie.

7. Is's'ut, kui d'auhovärčči.

8. Losnit, kui hebozen tagapuoli.

9. Blestiy, kui samovuara.

10. Hyppiy, kui orava puida myöt'e.

11. Hajuo on šen verda — luzikkaizella pandu, kauhazella otettu.

12. Puutut, kui hiiri kazin hambahii.

13. El'ämä on kui päiväne lämmin.

Один телёнок [запачкан] в навозе, всё стадо в дерьме.

“Завтра” подсеку отсрочит — её надо делать вовремя. [Не оставляй на завтра то, что можно сделать сегодня.]

Много жеребят приносит лошадь, да в упряжке умирает.

О чём в лес кличешь, то и в ответ слышишь. [Как аукнется, так и откликнется.]

Уговоры [услуги] на столбе. [Не уговаривают осерчавшего.]

107.

Соскочишь, как блин со сковороды.

Что фырчишь, как квашня?

Что ты на нём виснешь, как окунь в сети?

Прячет, как кот каку.

Сидишь, как мышь в гнезде.

Ты грязный, как лесной медведь.

Сидишь, как мешок с мукой.

Блестишь, как задница у лошади.

Блестит, как самовар.

Скачет, как белка по деревьям.

Ума столько — ложечкой вложено, ковшом вычерпано.

Попадёшься, как мышь коту в зубы.

Жизнь, как солнышко тёплое.

14. Mid'ä šie šiel'ä is's'ut, kui orava puušša.	Что ты там сидишь, как белка на дереве.
15. Olet vilu, kui čičiliušku.	Ты холодный, как ящерица.
16. Tukat riputaa, kui ved'ehizel'l'ä.	Волосы висят, как у водяного.
17. Pokrovašta nagris kuoppah, naine kiugualla.	С Покрова репа в погреб, женщина на печку.
18. Vierahašta muašta on vilut viessit.	Из чужой земли [т.е. стороны, страны] и вести холодные.
19. Mi on män'n'yn, še on män'n'yn.	Что прошло, то прошло.
20. Mi mieleššä, še i kieleššä.	Что на уме, то и на языке.
21. Yksi mieli hyvä, kakši viel'ä parembi.	Один ум хорошо, а два ещё лучше.
22. Ken mid'ä mahtau, še šid'ä i ahtau.	Кто что умеет, тот то и делает.

Слова в квадратных

Квадратные слова

Длинные слова

Новые слова

и старые слова

5

СКАЗКИ

Сказки о животных

Вошебные сказки

Легендарные сказки

*Новеллистические
и бытовые сказки*

108. Rebo da hukka

Rebo da hukka oldii kuomakšed. Rebo tiedi, što on hukalla rengi voida. Še algau viizaššella:

— Ota, kuomazeni, milma fatieralla!

Hukka otti fatieralla. Revolla mieli loadiu voida šyyvvä, vain ei tiijä, kuin män'nä podvolokalla. Šanou:

— Kuule, kuomazeni, sussiedašša kui lapši šynd'y, mie lähen käymää, lapšella mi tuli nimekši.

L'äksi da mäni podvolokalla, voida šöi šielä niin äijän kuin hän'el'l'ä himotti. Šiidä tuli jälellää. Hukka algau kyžyö:

— Mi rodii lapšella nimekši?

— Nat't'šiniš.

Toaš eletää vähä aigoa. Rebo šanou:

— Kuomazeni, kuin toizešša sussiedašša šyndy lapši, mie lähen käymää, mi tuli lapšella nimi.

Rebo mäni toaš podvolokalla, šielä oikein algo voida šyyvvä, šöi jo puolee šoate da tuli jälellää. Hukka kyžyy:

— Mi tuli lapšella nimekši?

— S'er'odiš.

Toaš kodva aigoa eletää šiinä. Rebo šanou hukalla:

— Kuule, kuomazeni, kuin meilä kolmannešša sussiedašša lapši šynd'y, mie lähen, šanou, käümää, mi tuli lapšella nimekši.

Še rebo mäni podvolokalla da šöi voida dovoln'o, še voi rengist'ä loppu. Tuli jälellää rebo da hukka kyžyy:

— Mi tuli lapšella nimi?

Rebo šanou:

— Os'kriebuš.

Oli vähän aigoa rebo šiinä, ei muuda kuin meččää pujahti, mänepä da ota kiini, još tahod.

108. Лиса и волк

Лиса и волк были кумовьями. Лиса знала, что у волка припасена кадушка масла. Начинает она хитрить:

— Возьми меня, куманёк, на квартиру [фатеру!].

Взял её волк к себе. Охота лисе маслом полакомиться, да не знает, как на подволоку [чердак] попасть. Говорит:

— Послушай, куманёк, у соседей дитя родилось, пойду я узнаю, какое имя ему дали.

Пошла она, забралась на подволоку, наелась там масла, сколько хотела. Пришла обратно. Волк спрашивает:

— Как назвали дитя?

— Починок!

Опять живут, прошло немного времени. Лиса говорит:

— Куманёк, теперь у вторых соседей дитя родилось, пойду я узнаю, как дитя назвали.

Опять пошла лиса на подволоку, давай опять там масло есть. Съела до половины, вернулась в дом. Волк спрашивает:

— Какое имя ребёнку дали?

— Серёдыш!

Опять проходит немного времени, живут они. Лиса говорит волку:

— Послушай, куманёк, тут у третьих соседей дитя родилось, пойду, — говорит, — узнаю, как дитя назвали.

Опять пошла лиса на подволоку, наелась масла досыта; и масло всё кончилось. Вернулась домой, волк спрашивает:

— Как дитя назвали?

Лиса отвечает:

— Оскрёбыш!

Побыла лиса немного тут, да в лес и убежала. Иди поймай, если хочешь!

109. Rebo da kaži

Rebo da kaži oli kuomakšed. Käveldii hyö mečäššä da kondie oli koadan hebozen. Rebo šattu šiihi, a kondie oli šyömäššä hevoista. Rebo mečäštä ei ruohi tulla šyömää hevoista. Duumaičči, duumaičči, midä t'äššä loadie. Kaži oli mečäššä jällelä. Rebo kuin hyppäzi šieldä mečäštä. Kondieda kohti juoksi da kyličči läksi juokšomaa. Kondie kyžzy:

— Kunne šie juokšed?

— A voi, šanou rebo, ken tulou piššali olgapeällä.

Da kondie mäni pagoo meččää. Rebo keänd'y hebozen luokši dai kažin toi. Šiidä havuista loajittii koda, tähä kodaa pani kažin, jätti loukon šiihi, što še peäzis' šyömää. Kaži kuin tuli kylläzekši dai rebo, niin kaži mäni kodaa moata. Šillä aigoa kondie tuli hevoista šyömää dai hukka. Rebo šanou:

— Kuulgoa, veikkozed ei ole t'äššä olla hyvä t'eilä. Kuin še noužou magoamašta miun kuoma, še on, šanou, ylen vihani!

— Mi on hänen nimi?

Rebo šanou:

— Heän nimi on Murnikka Mikko.

— Kuin myö voizima n'ähä händ'ä?

Rebo šanou, jotta:

— En mie voi arvata, kuin t'yö voizija n'ähä? Kuin še noužou magoamašta, niin še on vihani. Kuin d'eänettä yksi händ'ä kaččomaa?

Kondie šanou:

— Mie d'eän.

Rebo šanou:

— Rubie tuoho moata, niin šiinä šoad n'ähä!

Rebo otti hän'ed havuil'l'a katto da varotti kondieda:

— Elä liiku!

Šiid'ä kučču kažin. Kaži tuli, algo revit't'öä lihoa šyylväkšee, urazi äijäldi. Kondie kuin põläšty, hyppäi da meččää i proidi. Šiid'ä hukalla mieli loadiu šyylvä roavis'kuo.

Rebo šanou hukalla:

— Ei, ei voi tulla niin tiedämättä, še magoau n'yd, vain mie šanon, konža voit tulla.

Dai kondie tuli šiihi toaš, n'e ollaa šiinä artelilla, kondie, hukka, rebo. Vain kaži še magari. Rebo šanou:

— Še kuin noužou magoamašta, niin mie ožutan.

Kondie šanou:

— Mistä mie n'ägin?

Rebo šanou:

— Nouže pitkää puuhu, šield'ä šoad n'ähä!

Kondie läksi noužomaa puuhu, nouži aiva ladvaa.

Hukalla rebo šanou:

— Tule n'yd lähemmäksi kaččomaa!

Jätti pienen loukon da hukan toi šiihi kaččomaa. Šillä aigoa otti pit'än vičan, tungi havukodaa aivan loukon, rajašta. Šiid'ä rubezi viččoa liikuttamaa. Kaži kuin kuuli krabin'ehen, smietti, jotta šielä hiiri libo mygrä on. Vain šill' aigoa hukka tungi turboa kodaa, n'ägi šield'ä kažin tulomašša da händ'ä pyssyššä. Šilmäd losnitti kuin tuli paisto da parda oli hyvin levienä. Kaži kuin tuli lähellä hukan turvan, jo hukka vähäzen värähti. Kaži karahti turbaa kiini da algo revit't'öä turboa. Hukalda turvašta veri d'uokšou. Še d'uokši meččää! Kondie jälgee huhuzi:

— Mi šiula rodizi?

— Män'e velli pois pagoo, šielä on šemmoini mieš — puraš olgapeällä. Šilmät kuin tulet pais't'au, tulišäghet šuušta l'äht'öy šylen levehyöldi. Kuin še kerran l'yöy yhellä šormella n'en'öä vašše, l'äht'öy n'en'ä peäštä! Pagene, veikkozen, pois!

Kondiella tuli kiireh, ei muuda kuin kohallaa hyppäzi puun ladvašta moaha. Še šobi kieve vašše, jo silloin oli puaru pois! Hebozen roavis'ko d'ai revon šyödäväkši da kažin šiihi vielä kondiegi d'ai šyödäväkši revolla da kažilla.

Šiidä hyö loajittii kodi havuloist'a ičellää. Šiinä el'ettii šyyš da talvi. Kevät kuin tuli, šyömized heild'ä loppuu, lumi šuli. Šilloin hyö peäštii matkoamaa hot kunne.

Yksi kerda tuldii kylän läššä. Kaži rubei duumaimaa, kuin ei händ'ä tovarissa šöis. Kuin še piäzi aidaa kiini da aijan harjalla hyppäi, niin šano:

— Proššai, lisa.

Šilloin piäzi taloo da šiinä igäh eli.

Da šiihi skoaska loppu, iellää šanuo ei voi.

109. Лиса и кот

Лиса и кот были кумовьями. Ходили они по лесу, а там медведь лошадь свалил. Лиса тут как тут, а медведь грызёт, ест эту лошадь. Лиса-то не смеет подойти и тоже начать есть. Думала, думала, что бы такое сделать? А кот где-то следом шёл по лесу. Лиса вдруг как пустится бежать, прямо на медведя и мимо него бежит. Медведь спрашивает:

— Куда ты бежишь?

— Авой-вой, — говорит лиса, — кто-то сзади идёт с ружьём на плече!

И медведь побежал из лесу. Лиса вернулась к убитой лошади и кота привела. Построили они из веток шалаш, лиса поместила туда кота, оставила небольшое отверстие, чтобы кот мог выйти поест. Наелись они досыта, и кот ушёл спать в шалаш. Тем временем медведь вернулся на трапезу и с ним волк. Лиса говорит:

— Послушайте, братцы, здесь небезопасно. Скоро Он проснётся, мой кум, а Он очень сердитый и злой!

— Как его зовут?

Лиса отвечает:

— Его зовут Микко—Мурник!

— Как бы нам его увидеть?

Лиса говорит:

— Я ещё не знаю, как бы вам его увидеть! Но когда Он просыпается, то бывает очень злой. Оставайтесь кто—нибудь один посмотреть на него.

Медведь говорит:

— Я останусь.

Лиса говорит:

— Ложись вот тут, отсюда увидишь его!

Лиса накрыла медведя ветками и предупредила:

— Не шевелись!

Потом позвала кота. Кот прибежал, стал рвать мясо, урчит от напряжения. Медведь испугался, вскочил и убежал в лес. А волку опять захотелось есть. Говорит лиса волку:

— Нет, так без ведома нельзя приходить. Он теперь спит, а я скажу тебе, когда можно придти.

И медведь подошёл, все они тут вместе, артелью: медведь, волк, лиса. Только кот спит. Лиса говорит:

— Как только Он проснётся, я его вам покажу.

Медведь говорит:

— Как бы мне увидеть?

Лиса отвечает:

— Заберись вон на то высокое дерево, оттуда увидишь!

Стал медведь на дерево забираться, залез до самой верхушки. Волку лиса говорит:

— Иди ты поближе, здесь и увидишь!

Сделала в шалаше маленькое отверстие, привела волка поближе. А сама взяла длинный прут, просунула его в шалаш.

Стала прутом туда—сюда водить. Услыхал кот — кто—то скребётся, думает, там мышь либо крыса. А волк тем временем сунул морду в отверстие, увидел там шипящего кота, хвост его поднятый кверху, горящие огнём глаза, оскаленную пасть.

Кот идёт прямо на волка, тот аж вздрогнул.

А кот впился ему в морду и давай царапать да рвать.

Волк весь в крови, бегом в лес! А медведь вслед кричит:

— Что с тобой случилось?

— Беги и ты! Там такой мужик страшный, с пешней на плече! Глаза огнём горят, огненные искры из пасти вылетают. Только пальцем по носу ударит и нос оторвёт. Беги, братец, скорее!

Медведю стало страшно, прыгнул он с дерева на землю. Угодил прямо на камень и дух испустил! Так и досталась туша лошади лисе да коту на съедение, да ещё и медведь вдобавок.

Сделали они себе дом из веток. Прожили в нём осень и зиму. Наступила весна, снег стоял, еда у них уже кончилась. Отправились они снова на поиски.

Пришли однажды к деревне. Стал кот думать, как бы товарищ его не съел. Подошли к изгороди, вскочил кот на неё и говорит:

— Прощай, лиса!

Так он попал в дом и прожил там свой век.

Тут и сказка кончилась, дальше рассказывать не могу.

110. Koza da bokko

Ukolla da akalla žiivattoa ei ollut nii ked'ä muuda, kuin koza oli da bokko. Ukko da akka kuin mändii äijäldi vanhakši, annettii kozalla da bokolla yksi kerda päiväššä hein'öä da juomist'a.

Bokko šanou kozalla:

— Emmä rubie täššä elämää, n'älgä tulou, l'äheimmä pois pagoo.

Koza šanou, jotta:

— Emmä l'äheittä, šil'l'ä mil'l'ä — ukko da akka oldaa äijäldi vanhad. Hyö meil'ä hein'öä annetaa šen verda, kuin meil'ä pid'äy dai juomist'a annetaa. Vain myö iče emmä maha šyyvä, šillä mänemmä kezellä heinätukkuo, šyömmä da kužekšendelemma šen kaiken.

Bokko toizen kerran da vielä kolmannen kerran tahtou lähtie. Koza ei voinun keštöä, dai šanou:

— N'yd l'äheimmä.

Ei muuda kuin l'ähtiettii matkaa. Kaikki päivä matattii, šyömist'ä ei šoadu nii mist'ä. Jo oli ilda pimie, n'ähtii — mečäššä tuli palau. Mändii šinne tulella, šielä kahekšan hukkoa istuu.

Koza šanou bokolla:

— Midä rubiemma keittämaa ildazekši?

— Keittämmä vanhemman hukan peän.

Hukad hypättii da ei muuda kuin meččää pagoo. Migo aigoa lie juoštu, duumai-dii, jotta migä t'ämä azie on? Nuoreimmat pais'tii, jotta matatah iellää. Vanhemi šanou:

— Läheimmä jälellää.

Koza šanou:

— Hukad mändii pagoo, vain n'yd hyö arvoau šen, tullaa jälellää.

Koza šanou bokolla:

— Nouže puuhu!

Bokko nouži, nouži šinne, lopulla kuin jalad liveššyttii, bokko langei, šobi šarviloist'a okšaa, še d'ai šiihi rippumaa. Koza nouži ylemmäksi puuhu.

Šillä aigoa hukat tuldii šen puun alla. Vain bokolla himotti kaččuo alahakši. Koza šanou:

— Elä liiku!

Yhen kerran kuin bokko veändi peäd'ä, šilloin okša katkezi da bokko langei moaha. Koza šanou:

— Pie šid'ä, šanou, mie toized otan kiini!

Hukad kuuldii šen eäni da šanad, ei kuin pagoo mändii meččää.

Koza šolahti puušta, da lähtietii d'uokšomaa ukon da akan luokši. N'e peäzi endizee l'eävää, ukon akan luokši. Koza šanou bokolla:

— Šemmoist'a še on kävelend'ä, vähäist'ä emmä mänettän päid'ä.

110. Коза и баран

У старика и старухи не было скотины никакой, кроме козы и барана. Старик и старуха состарились и стали давать козе да барану сена и поила только один раз в день.

Баран и говорит козе:

— Не будем здесь жить, будет голодно, убежим.

Коза отвечает:

— Давай не пойдём, почему—потому—старик и старуха уже очень старые. Они дают нам сена столько, сколько нам и надо, да ещё и поило дают. Только мы сами не умеем есть, забираемся в середину охапки сена, едим да мочим вдобавок.

Баран и второй раз, да ещё и третий раз предлагает уйти. Не выдержала коза, говорит:

— Теперь пойдём.

Что делать, отправились в путь. Шли целый день, а поесть нигде не смогли. Уже вечер, стемнело, видят — в лесу огонь горит. Подошли к огню, а там восемь волков. Коза говорит барану:

— Что будем на ужин варить?

— А отварим голову старшего волка!

Волки тут же вскочили и бегом в лес. Бежали долго ли, задумались — что же это такое? Молодые говорят, что надо идти дальше, а старшие говорят:

— Пойдём—ка обратно!

Коза говорит:

— Волки убежали от нас, но теперь они одумаются и вернутся обратно.

Просит она барана:

— Поднимись на дерево!

Баран поднялся, залез туда, да под конец копыта соскользнули, и он упал, но зацепился рогами за сук, да так и остался висеть. Коза поднялась на дерево повыше.

Тем временем и волки вернулись на то же место. Барану уж очень охота вниз поглядеть. Коза шепчет:

— Не двигайся!

Баран как повернёт голову — ветка сломалась, и упал он на землю.

Коза кричит:

— Держи того волка! А я остальных поймаю!

Волки слышали её слова да голос и убежали в лес.

Коза спустилась с дерева, и побежали они обратно к старику да старухе. Вернулись они в свой хлев, к своим хозяевам. Коза говорит барану:

— Вот таково-то бродяжничать, чуть голов своих не лишились!

IMMESADUT

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

111. [Piili, piili, Pilkkazeni]

Elettii čikko da veikko. Veikko käy čuarin linnaa, a čikko oli moine: konža d'alalla polgi — kuldua nouzi, a konza it'ki — biisurie kirboi, kuudamoinen kukulla, oudomaine očalla, päiväne piälakalla.

Veikko mäni linnaa myömää. Čuarinpoiga nägi piäli'l'ä ombeluizie. Kyžy, ken näidä luadiu. Veikko šanou:

— Miun čikko.

— Nu, kuin čikko on niin mahtava, šilloin tulgua hänen kešše t'ännä.

Veikko užallutti čikon čuarinpojalla. Veikko tuli kodii pahalla mielin. A čikko i kyžyy:

— Midä šie olet pahalla mielin?

— Mie užallutin šiun čuarinpojalla kolmen päivän piäštä.

Čikko šanou:

— En lähe miehel'l'ä, kuni kivenpuu ei katenne.

Muata venyttii. Veikko mäni da pili kivenpuun. Huomenekšella čikko mäni d'auhoma. Kivenpuu katkei. Veikko kyžyy:

— Lähetgo čuarinpojalla miehel'l'ä?

— En lähe, kuni tuaton luadima luačča ei katenne, — vaštuau čikko.

Veikko yöllä pili laučan šorkat. Čikko huomenekšella istuudu dai laučča poikki katkei, rapšahti. Veikko tuaš kyžyy:

— Midä et lähe?

— Kuni tuaton luadima kuožali ei katenne, en lähe miehellä.

Veikko kuožalin pili. Šilloin čikko šano:

— Kuni kynnyš poikki ei katenne, mie en lähe čuarinpojalla miehel'lä.

Veikko pili kynnyksen, kynnyš katkei.

— Midäbä nygyönä?

Čikko šanou:

— Nygyönä lähen.

Šiidä veikko pani muata čikon venehee, a iče šoudamaa rubei. Šouvvetaa merenrandua myöt'en. Niemen nenäššä tuli Šyöt't'ärihä. Šanou:

— Ota milma venozee!

Veikko ei ottan. Kolme kerdua pyrgi, veikko d'algi kerran otti. Šyöt't'ärihä čikol-la pani uninieglat korvihi. Čikko kuule ei ni mid'ä enämbyä. D'o čuarin koit nävyt'ää. Veikko šanou:

— Nouže, čikkone, d'o čuarin koit nävyt'ää.

— Mid'ä, raukka veikko, šanot?

Syöt't'ärihä šanou:

— Šylle huodraa, hyppyä meree!

Kolmannen kerran kuin Šyöt't'ärihä šano, čikko läksi šoržazena uimaa. Veikko i Šyöt't'ärihä iel'lä šouvvetaa.

Veikon čuarinpoiga arestuičči, kuin pahan čikon toi, kolmen lukun tuakši lukkui.

Čikko ui, ui dai leškiakan oven tuakši mäni, rubei kuččumaa:

«Piiliš piiliš koirast'a,
avuaš kylyn ovut
ilmain oven liehumatta,
šagaraizien kriičkumatta,
Mis's'ä miun veikkone?»

«Vilun meren rannalla,
Šyöt't'ärihän šyömizillä,
D'uottarihan d'uomizilla,
kolmen lukun tagana.»

Leškiakka laški, čikko šulat heitti, it'köy, ylen äijäl' di it'köy, a kyyneleist'ä biisu-rie kirbuou. Čikko káziluadimie luadiu, piälil'lä ombelou, käšköy leškiakalla linnaa myyvvä. Leškiakka elokkahakši rodii.

Čuarinpoiga tuaš oštai piälil'lä ombelukšie, kyžyy:

— Mist'ä šiula šuahaa n'ämä, ken šiula ombelou?

Leškiakkane šanou:

— Kuin himottanou tiijuštua, niin tule illalla iče.

I d'uohatti:

— Mie panen kiuguan lämmit'ä, šoržane d'akšuakši, šulat i muut panou yht'ee koha. Šie ole kiuguan tagana, elä ožuttuače enžist'ää, i lykkyä ne tulee. T'yt't'ö muut-

tuakši pahalaizekši. Šie lyö händä iekši—tuakši, omakši akakši. Elä ennen laže käzist'ä, kuni ei muuttune hyväkši inehmizekši.

Čuarinpoiga illalla šihi tuli, peittoö mäni. Leškiakkane kiuguan lämmit'ä panou. Čuarinpoiga kuulou: oven taguana šoržane it'köy. Aivan on meren rannalla kel'l'ane. Tuli kel'l'azee. Čuarinpoiga nägöu: šoržane heittäy šulgazet, panou tukkuzee. Kuin d'alalla polgou — kuldua noužou; kuudamoinne kukulla, oudamoinne očalla, päiväne piälakalla. Čuarinpoiga kaččo, kaččo, otti kai šulgazet, lykkäi tulee. T'yt't'ö muuttu pahalaizekši. Čuarinpoiga löi, löi, löi, iekši—tuakši, omakši naizekši. Pahalaine muut-tuliudu t'yt'ökši.

Čuarinpoiga šiidä otti t'yt'ön dai leškiakkazen hiän varoiksi. Šiidä hyö mändii čuarinpojan linnaa, kodii. Kodii kuin mändii, čuarinpoiga ei tiijä, kuin piäššä Šyöt't'ärihästä. Käšköy kylän lämmit't'yä. Čuarinpoiga šanou:

— Kuin ollou, naine läzijäkši tuli, ei voi aštuo...

Terväzee kylyy männeššä hauda kaivettii šuuri, Šyöt't'ärihän i kuletettii ruškiella šaralla, kuletettii: kylyy veit'ää. Ykši piä laškiettihi, toine piä (šaran) viäl'l'ettii. Šyöt't'ärihä haudaa butkahti. Šielä i kyly rodii.

Veikko otettii poissettii lukkuloin tagada. Ihaššušta oli äijä. Luajittii čuarinmoi-zen koin, hyvän hiät kiz'attii. Čuarinpoiga ihaštu, d'otta šai hyvät moržiemen.

Šyöt't'ärihän muamo tulou gostii. Matkuau šen kylän kaut'a. Hauvvašta kakši ylen kaunista heinyä nouzi. Rubei nyhtyämää, t'yt'är hauvvašta karjuu: «N'abane, n'abane, elä kože».

Šyöt't'ärihän muamo ei ruohtin heinyä šidä nyhät'ä. Tuli čuarinpojan oviloin lähemmäkši, mielit't'elöy, t'yt'är on šielä. Čuarinpoiga ikkunašta nägi, käški piigoil-la Šyöt't'ärihän muamon veräjillä noštua.

Elettii erčukši, palettii parčukši, kovettii kolačukši. Mie šielä olin, annettii herne-hine ruoška, ruškie luzikka.

103. [Пийли, Пийли, моя Пятнашка]

Жили брат и сестра. Брат ходил в царский дворец. А сестра была такая особенная: как ногой ступит — золото остаётся, а как заплачет — бисер сыплется, месяц на плечах, звёзды Медведицы на лбу, солнышко на макушке.

Пошёл брат в город торговать. Увидел царевич вышивки на пальцах. Спрашивает, кто это делает. Брат отвечает:

— Моя сестра.

— Ну, раз твоя сестра такая мастерица, придите с ней вместе сюда.

Брат обещал отдать сестру царёву сыну. Пришёл он домой не в настроении. Сестра и спрашивает:

— Отчего же ты, братец, невесел?

— Обещал я отдать тебя царёву сыну через три дня.

Сестра говорит:

— Я не пойду замуж, пока ручка жернова не переломится от работы.

Легли спать. Брат пошёл и перепилил ручку жернова. Утром сестра пошла молоть. Ручка обломилась. Брат спрашивает:

— Пойдёшь ли за царевича замуж?

— Не пойду, пока не рухнет сделанная отцом лавка.

Ночью брат подпил у лавки ножки. Села утром сестра на лавку, а та и свалилась, ножки переломились. Брат опять спрашивает:

— Ещё и теперь не пойдёшь?

— Пока не сломается прялка, сделанная отцом, замуж не пойду.

Подпил брат прялку. Тут сестра и говорит:

— Пока порог пополам не переломится, не пойду замуж за царевича.

Подпил брат порог — порог пополам.

— Что теперь скажешь?

— Теперь пойду.

Брат уложил сестру в лодку спать, а сам сел на вёсла. Едут вдоль берега моря. На мысу показалась Сюоттяриха. Говорит:

— Возьми меня в лодку.

Брат не взял. Трижды просится. Напоследок брат взял её. Сюоттяриха вложила сестре в уши сонные иглы. Сестра ничего не слышит. Уже царские дома видны. Брат говорит:

— Вставай, сестрица, уже царские дома виднеются!

— Что, братец, говоришь?

Сюоттяриха отвечает:

— Плыви в ножны, прыгни в море!

Уж и третий раз то же повторяет ей Сюоттяриха, сестра поплыла по морю уточкой. Брат с Сюоттярихой едут дальше.

Царёв сын брата арестовал, почему такую некрасивую сестру привёз, за тремя замками запер.

Сестра плыла, плыла и вышла к домику вдовы, за дверью стала звать:

«Пийли, Пийли, собачка,

открой-ка двери бани,

чтобы дверь не стукнула,

чтобы петли не скрипнули.

Где же мой братец?»

«На берегу холодного моря,

на харчах Сюоттярихи,

на питье Сюоттарихи,

за тремя замками!»

Впустила вдова её в дом, сестра перья сбросила, плачет, сильно плачет — вместо слёз бисер сыплется. Сестра рукоделием занялась, шьёт на пальцах, ве-

лит вдове в городе продавать. Вдова стала жить справно.

А царёв сын покупает эти рукоделия, спрашивает:

— Где это ты достаёшь, кто тебе шьёт?

Вдовушка отвечает:

— Коли хочешь узнать, приходи вечером сам.

Сама советует:

— Я затоплю печь. Уточка разденется, перья и остальное сложит в одно место. Ты оставайся за печкой, сразу не показывайся. И всё это брось в печь. Девушка обернётся змеей. Ты бей её, кидай туда-сюда, пока не обернётся женой. Не выпускай её до тех пор из рук, пока она не станет нормальным человеком.

Царёв сын пришёл туда вечером, спрятался. Вдова печь затопила. Царевич слышит: за дверью уточка плачет. А домик-келья у самого берега моря. Зашла она в избушку. Видит царевич: уточка скинула перья, сложила в кучку. Как ступит ногой — золото остаётся, месяц на плечах, звёзды Медведицы на лбу, солнышко на затылке. Смотрел царёв сын, смотрел, взял все перья и бросил в огонь. Девушка превратилась в змею. Царевич бил, колотил, кидал туда-сюда, чтобы обратить в жену. Превратилась наконец в девушку.

Царёв сын взял девушку и вдовицу на всякий случай. Пришли они в дом царский, в город. Пришли домой. Царевич не знает, как избавиться от Сюоттярихи. Велит истопить баню, говорит:

— Что-то жена моя заболела, ходить не может.

Выкопали быстренько яму, большую, на тропинке, и по красному сукну повели Сюоттяриху, в баню ведут. Как дёрнули сукно, за один конец, Сюоттяриха в яму и упала. Там тебе и баня.

Брата выпустили из-под замков. Радости было! Построили они дом, как у царя, свадьбу сыграли. Обрадовался царёв сын, что такая хорошая жена досталась.

Приходит в гости мать Сюоттярихи. Идёт мимо бани. В яме две красивые травинки выросли, стала она выдёргивать, а дочь из ямы кричит: «Это моя пуповина, не тронь». Не посмела мать Сюоттярихи сорвать травинки. Подошла близко к царским воротам, радуется — дочь там. Увидел Царевич из окна, велел слугам поднять её на ворота.

Жили-поживали, что смоляной квач²², твёрдый как колач.

Я там была, дали мне гороховую плеть, красную ложку.

²² Квач — помазок в дегтярнице для смазки лодок дёгтем.

112. Markki Bohatteri

Oli ennen kupča da kupčiha. Heil'ä oli t'yt'är. Šiid'ä heil'ä kerran tuli Spuassu yöksi. Hyö lažettih. Šyöt'ettih, juotettih, pandih muate. Yöllä eräs kolistau ikkunah:

— Spuassu Šyöt't'äjä, naini lapšen šai, min annat hänellä ožakši?

— Eläkkäh omalla ožallah, — vaštua Spuassu.

Toini tuli, kolistau:

— Spuassu Šyöt't'äjä, naini šai lapšen, ei ole mil'l'ä šyöt't'yä, ei juottua, min šie annat hänellä ožakši?

— Eläkkäh tämän talon izännän ožalla.

A izänd'ä kuuli dai toizena piänä läht'öy tiijuštamah, missä še lapši on. Dai šai tied'yä, mäni da ošti lapšen šuašta rubl'ašta. Läht'öy dai lykkyäy lapšen dorogan kyl'geh, hangeh.

Eräž mužikka ajau hebozella, dai löyzi šen lapšen. Ukko ihaštu, kiäri turkkihis da ajo regeh kauppiehen, šen šamazen kupčan, tanhuoh. Yön aigana hiän aina käyt lašta kaččomašša. Hänellä ičellä ei ollun lašta. Toizet kyžytäh:

— Mid'ä šie šinne käyt?

— Ga lapšen löyzin, reješšä on!

— Myö miula, — šanou kupča, še izändä. Hiän arvazi, mi lapši še oli.

— En myö ni mist'ä!

A kuitengi kauppieš šuurella rahalla šai oštua.

Kupča kažvatti pojan brihaččuizekši, šiid'ä pani buččih, nuagličči, da työndi merellä. Kubli hiän šielä min aigua, dai tuuli vei manasterin randah. Šielä hiän rubezi bučissa laulamah. Toizet, rahvaš, kuuldih iäni dai avattih bučči. Manasterissa hiän manahkoilla pajattau, iäni oli hänellä kaunis.

Kupčai šai tied'yä, jotta poiga on šielä. Tuaž ni tulou oštelomah dai šai oštua kymmeneštä tuhannešta: «Miun ožalla et tule elämäh», ajattelou. Kirjutti hiän zapiskan kodih, jotta «poiga uhhodittais, kun vain kodih tulou». Ando zapiskan pojalla, kaški männä kodihis, a iče jäi manasterih.

Poiga läksi kirjazen kera kupčan kodih. Tulou hänellä Spuassu vaštah. Kyžyy:

— Mist'ä šie tulet?

Poiga šanelou kaikki dielot. Spuassu kaččou zapiskua, muutti šen, ando pojalla da kaški männä iellä. Emändä lugou zapiskan: «T'yt'är pid'äy pojalla andua miehellä», niin kašköy kupča. Hiät luajittih, t'yt'ärdä alettih andua. Häih juštih tulii iče kauppieš. Kaččou da šanou:

— Miksi t'yt't'ären annoit?

— Ga iče kirjutit.

Näyttäy kirjazen. No t'yt'är on jo annettu, naitettu. A kauppieš še ei ni kuin šuvače poigua, vävyöh. Työndäy hiän vävyn šemmozeh paikkah, missä ihmizie, rahvašta šyyväh.

Läksi matkah še vävy, poiga. Tulou šillalla. Šilda it'köy:

— Miksi miun kaikičči pid'äy t'äššä poikki jovešta šeizuo? Jo olen ni vanha, a aina miun piälličči kävel'l'äh! Tiijušša šie, viikongo miula pid'äy viel'ä sluužie?

A kupča oli käšken tiijuštua, missä hänen bogastvuot ollah.

Erähän joven rannašša ehät't'äjä šanou:

— Tiijušša šie, pit'äld'ägö miun t'äššä pid'äy ehät'el'l'ä?

Matkuau tuaž ielläh. Šeizou matan varrella duuba (tammi):

— Kunne läksit? — kyžzy.

— Ga appi käški elojah tiijuštamah.

— Tiijušša šie, pit'äl'digö miun pid'äy t'äššä šeizuo, kun olen jo lahon?

— No, hyvä on, kyžyn.

Matkai, matkai, kaččou — on huonehet. «Piäžen nyt kyläh», — duumaiččou. Kaččou, ga ni kulla puolen ei ole talošša ovie. Istuudu šeinävierch šyömäh. Nainii pistäy piäh ikkunašta, šanou:

— Tullet tänne, šiämeh, ga tule, noššan nuoralla.

Dai nošti naini hänen nuoralla šiämeh. Poiga hänellä šaneli kaiken, mid'ä hiän t'anne tuli. Naini šyötti, juotti da peitti lippahan alla.

Vähäzen aijan piäšt'ä tulou truvan kautta pirttih naizen mieš, še on biessa, vain mi hiän ollou:

— Huh, huh, kun Venyähän verellä haizuu!

— Ka ei vet ni kedä ole!

Rubei naini häneldä piäd'ä eččimäh, da algau kyžellä:

— Tiijädgö šie šemmozen da šemmozen kupčan?

— Tiijän, buitto en tiijä!

— A tiijädgö, konža šemmozen da šemmozen šillan loppu tulou?

— Tiijän. Kun t'äl'l'ä raudašauvalla lyön, nin šilda muuttuu korabliloiksi.

— A tiedänedgö šemmozen duuban?

— Tiijän. Kun t'äl'l'ä šamalla šauvalla lyön, ni še muuttuu kullakši.

— A tiijätgö, millä piäzis cräš ehät't'äjä ehät't'ämäšt'ä?

— Vähän on hädäydyn! Hypäkkäh mualla veneheštä, t'yöndäkkäh ehät'et't'ävän jovella, dai piäžöy iče, a toini rubieu ehät't'ämäh.

— A tiijätgö šie šen kupčan vävyngi?

— Tiijän. Dai hyvin tiijän. Kai gor'at on gor'uinun še mieš.

— A kun tulis še vävy t'anne, šoizitgö šie hänen?

— En šöis! Mid'ä mie šemmozešta miehešt'ä! Vielä gostittaizin da auttazin, mid'ä pid'äis!

— Ga hiän on tiäl'ä! — Dai nošti lippahan kannen.

Še izänd'ä poigua šyöt't'ämäh, juottamah. Andau hänel'l'ä omah raudazen šauvah:

— Kun mänet, lyö duubah, šiid'ä šuat kolmeh korablih varoin kuldua. Kun mänet šillan poikki, lyö šildua — šilda muuttuu korabliloiksi. Kun piäžet jovešta poikki, n'euvo ehät't'äjä, mitein hiän piäžöy ehät't'ämäšt'ä.

Niin ni ruadau poiga. Šillašta šai kolme korablie, t'äytti ne kullalla, mid'ä šai duubašta. Ajau kodih.

A appi, še kupča, koissa duumaiččou, jotta nyt piäzi vävyštä.

T'yt'är erähyänä päivänäi šanou:

— Merellä nägyy kolme korablie, eigö še ole hot' miän izänd'ä?

— Miän izän'n'än luut jo muašša muatah, — šanou kupča.

Tuldih korablit randah. T'yt'är ihaštuu — oma šulhani tuli!

Šiid'ä alettih elyä-olla.

A appi vielä duumaiččou uhhodie vävyö. Kerran yöllä šanou:

— Mänizit hebozilla heinyä andamah! A iče káški kazakkojen leikata vävyl'dä piän. Vävy läksi. Kaččou kuhn'ašta kelluo — vielä on aigani, da rubei kuhn'ah muate. Vähäzen aijan piäštä kupča duumuau: «Jo tapettih». Dai mänöy kaččomah. Kazakat häneldä piäi leikattih, duumaitih vävykši. Vävy kun havaččeudu, mäni tanhuoh. Kaččou — ga kupča tapettu. Hiän jäi izännäkši.

112. Марко Богатый

Были раньше купец да купчиха. Была у них дочь. Однажды к ним на ночь пришёл Спас — пустили они его. Накормили, напоили, спать уложили. Ночью кто-то стучится в окно:

— Женщина ребёнка родила, Спас-кормилец, так какую долю ему дашь?

— Пусть живёт своей долей, — отвечает Спас.

Второй пришёл, стучится:

— Спас-кормилец, женщина ребёнка родила, ни кормить нечем, ни поить, какую долю ему дашь?

— Пусть живёт долей хозяина этого дома.

А хозяин услышал это и на следующий день пошёл узнавать, где этот ребёнок. И узнал, где он; пришёл и купил ребёнка за сто рублей. Пошёл обратно и бросил ребёнка в сугроб.

А какой-то мужик и нашёл этого ребёнка. Обрадовался, завернул в шубу, заехал во двор к этому купцу и заночевал. Ночью всё ходит к саням — за ребёнком присмотреть. У него самого не было детей. Другие спрашивают:

— Чего ты всё ходишь туда?

— Да вот нашёл ребёнка, он там в санях.

— Продай мне, — говорит купец. Он догадался, что это за ребёнок.

— Ни за что не продам!

Но купец всё-таки выторговал, за большие деньги.

Вырастил купец мальчика, он уже стал юношей. Купец закрыл его в бочке, заколотил гвоздями и пустил в море. Там он плыл, плыл, прибило бочку к монастырскому берегу. Стал он в бочке петь. Услышали люди голос и открыли

бочку. Стал он в монастыре монахам петь, голос у него красивый.

Услышал купец, что парень там. Опять приходит выкупать его и купил за десять тысяч. «Не будешь ты жить моей долей!» — думает купец. Написал он записку, чтобы убили парня, как только он придёт домой. Отдал её парню, велел ему идти домой, а сам остался в монастыре.

Пошёл парень домой, с письмом. Ему навстречу Спас. Спрашивает:

— Ты откуда?

Парень всё рассказал. Посмотрел Спас записку, заменил её, отдал парню и велел идти домой. Прочитала хозяйка записку: «Дочь надо отдать за парня замуж», — так велит купец. Завели свадьбу, выдают дочь. Как раз на свадьбу и сам купец пришёл. Видит это и говорит:

— Зачем ты дочь выдала?

— Сам же написал, — показала ему письмо.

Выдали дочь замуж. А купец не любит своего зятя и отправляет его в такое место, где людей едят.

Пришёл парень к мосту. Мост плачет:

— Почему мне вечно надо стоять над этой речкой? Я уже старый, а по мне постоянно ходят. Узнай ты, сколько мне ещё служить? Купец же велел узнать, где находятся его богатства!

На берегу другой реки перевозчик говорит:

— Узнай ты, долго ли ещё мне здесь перевозом заниматься?

Идёт дальше, встречается на пути дуб:

— Куда идёшь? — спрашивает.

— Да вот тесть отправил про своё богатство узнать.

— Узнай ты, долго ли ещё мне стоять здесь, ведь я уже совсем трухлявый.

— Ну, хорошо.

Шёл, шёл, видит — строение.

Думает: «Теперь в деревню приду».

Смотрит, а в доме нигде нет дверей. Сел перекусить около стены. Женщина высунулась из окна, говорит:

— Если зайдёшь внутрь, так заходи, подниму тебя по верёвке.

Подняла женщина его внутрь. Парень рассказал ей всё. Накормила, напоила и спрятала в сундук. Спустя некоторое время возвращается её муж через трубу, бес ли, кто ли он:

— Хух-хух, русским духом несёт!

— Да никого ведь нет.

Стала жена у него в голове искать, и спрашивает чёрта:

— Знаешь ли ты такого-то купца?

— Знаю, как не знать!

— А знаешь ли, когда такому-то мосту конец придёт?

— Знаю. Только ударю этим железным посохом, так и превратится в корабли.

— А знаешь ли ты зятя того купца?

— Знаю, как только ударю посохом, он превратится в золото.

— А как может освободиться некий перевозчик от своей работы?

— Пустячная забота. Пусть выпрыгнет из лодки на берег, оттолкнёт лодку с тем, кого перевозил, обратно, так и освободится. А оставшийся в лодке станет перевозчиком.

— А знаешь ли ты зятя того купца?

— Знаю. И хорошо знаю. Много горя повидал тот человек!

— А если бы вдруг он пришёл сюда, ты бы его съел?

— Нет, не съел бы! Зачем бы стал есть такого человека? Ещё бы и угостил и помог бы, чем только смог!

— Так он уже здесь, — подняла крышку сундука.

Этот чёрт стал парня кормить и поить. Дал он ему железный посох:

— Ударь по дубу, получишь на три корабля золота. А как по мосту ударишь — получишь те три корабля, куда золото погрузить.

Пошёл парень, ударил по мосту, мост превратился в корабли. По пути он дал совет перевозчику, как избавиться от своей обязанности. Потом ударил по дубу — наполнил корабли и домой поехал.

Тесть дома думает, что избавился от зятя. Дочь говорит однажды:

— Три корабля показались, не наш ли это хозяин?

— Уже и кости нашего хозяина в земле лежат, — говорит купец.

Корабли подошли к берегу, дочь обрадовалась, что муж вернулся.

Стали они жить-поживать. А тесть всё ещё думает, как зятя со света сжить. Однажды ночью и говорит:

— Пошёл бы ты да дал лошадям сена.

А сам велел работникам отрубить зятю голову.

Зять и пошёл ночью, посмотрел в кухне на часы — ещё рано — и прилёт там. Через некоторое время купец думает: «Уже убили», и пошёл посмотреть. Работники ему голову и отрубили — думали, что это зять. Зять просыпается, идёт в копышню и видит — там купец убитый.

И стал он хозяином.

113. Šuarna Žar-pticašta da čuarin pojašta

Oli ennein vanhah aigah ukko da akka. Heil'ä oli poiga. Elettih kolmen. Ukko pojan kera pidi anžua. Kerran mändih kaččomah anžoja, kacotah, ga erähäššä anžašša kovašta valottau. Kodani palau, duumajjah. Män'n'äh lähemmäksi, kacotah — šemoini lindu, niin kuin tuli palau:

— T'ämä on Žar-ptica, — šanou ukko.

Hyö pannah še elävänä kesselih da män'n'äh kodih. Tuldih kodih. Ukko šanou:

— Akka, luaji eväšt'ä, mie lähen čuarin luo.

Ottau eväšt'ä da män'öy čuarin luo. Enžin časovoit ei lažettais, no čuari kun šai tiedyä, ni kučču. Linnušta čuari ando rahua, min vain ukko jakšo kandua. Läksi kodih.

Čuari panou Žar-ptican eri komnattah, andau akalla avuamet da šanou, jotta ni kunne ei pie laškie, vain käšköy šyöttyä:

— Ken laškou linnun, ni šild'ä piä poikki.

Šiid'ä erähän'ä piän'ä čuarin poiga kävelöy kukaistelomašša ikkunan alla.

A lindu ikkunašta šanou:

— Laže milma, Ivan Careivič, mie toičči autan, mid'ä tullou hädyä.

Dai n'euvou, mitein piäštyä: «Muamollaš ollah avuamet, yöllä ota ne hänel'd'ä. Kun mänet avuamie viemäh, šanot, jotta eččiis šiulda piäd'ä. Hiän kun rubieu piäd'ä eččimäh, šie šil'l'ä aigua pane avuamet jäläl'l'äh».

No dai poiga laški linnun. Muamoh kun mäni šyömist'ä andamah, ga linduo ei ni ole. Yksi šulga vain on jian'yn. Muamoh goreudu:

— Ken laški linnun?

Poiga šanou:

— Mie lazin.

Muamo šanou:

— Tuattoš tappau, kun tulou!

A tuatto oli lähten muijen maijen čuarija kuččumah linduo kaččomah. Šiid'ä joi tulou tuatto, karablilla. A čuarin akka otti pečualin piäh da kävel'öy muššis's'a vuatteissa. Čuari kun tulou vierahien kera pristanih, kačču — ga akka tulou muššis's'a vuatteissa vaštah. Dai šanou naini čuarilla:

— Poiga linnun piäšti!

— No kun piäšti, ga piäldäh pois!

Vierahat ruvettih šyömäh—juomah. Stolissa čuari šanou:

— Druzja, meilä oli lindu, da poiga sen laški pois. A miula oli šemmoini dogovor, jotta ken šen laškenou, ni šild'ä piä poikki. N'yt pid'äy omalda pojalda piä leikata!

Vierahat rossudittih dielo:

— Šie et voi omua verd'ä leikata. Parembi on t'yönd'yä poiga — kunne tied'änöy, šinnei mängäh!

Da niin poiga t'yönnettih matkah. Annettih hänel'l'ä heboni da saldatta matkah. Saldatta oli vanha, sluuzi jo viimezie vuozie. Lähettil matkah. Saldatta duumuau: «N'yt šid'ä petl'ah puutuvin, mäne tiijä, kunne mänemmä! Jo olin sluuzbašta piäžömäššä!»

Matattih, matattih muantied'ä. Čuarin poigua rubezi janottamah. Saldatta šanou:

— Vähän matan piäššä on kaivo.

Tuldih kaivon luo. Ivan Careivič šidouduu nuorah, ottau butilkkoja da saldatta hän'en laškou alahakši. Laškeudu kaivoh, joi šielä vet't'ä.

— A mie šilma noštamah en rubie, — šanou saldatta, — šiun kera ilmazekši ijäkši kävelömäh, pyzyt viel'äi šiel'ä!

— Ota mid'ä kaččo, vain nošša!

— Andanet omaš vuattieš miula da miun hebozen šel'gäh laškenet, nin noššan!

— No annan, vain nošša!

Šiid'ä hiän nošti. Muutettih vuattiet. Saldatta ajau hebozella Careivičan vuatteissa, ja Ivan Careivič aštuu jäleššä saldatan vuatteišša. Mändih hyö toizeh gosudarstavah, Careiviččua priglaššaijah gostih čuarin luo. Čuarilla oli nuori t'yt'är naitettavana. Saldatta kun oli čuarin pojan vuatteissa, ga händä čuarii vei iččeh luo. A Ivan Careivič pandih alahakši, sluugien luo. Čuarilla oli šada jänistä. Čuari tolkuiččou saldatan kera.

— Mist'ä olis šuaha jäniksien paimen?

— Eigöhän miun saldatta lähe? — šanou saldatta.

Lažettih ne jänikset meččäh. Ivan Careivič oli ildah šuate, a kaikki jänikset puatit. Hiän jo häd'äydy: «Oi kun mie linnun lazín. Lubazi hiän ni auttuaga!» Kaččou: lendäy joučen. Še tuli hänen luo, pačkahti muata vašše dai muuttu t'yt'ökši. Kyžzy:

— Mid'ä gor'uičet, Ivan Careivič?

— Ga gor'uičen, kaikki čuarin jänikset puat't'ih.

— Vähät olet häd'äydyn, — šanou t'yt't'ö. — Langie muada vašše, lähet miun matkah.

Ivan Careivič dai t'yt't'ö langettih. Molemmat muututtih jouččeniiksi. Mändih t'yt'ön kojín luo dai muututtih ihmiziksi. Šiel'ä on hyvä dvorčča. Niin hyö šiin'ä hyvin veššeläšti eletäh. Mäni kakši n'ed'älie, a Ivan Careivičasta tundu še kahelda päiväl'd'ä.

— Olizgo paimenella lähtie pois? — šanou Ivan Careivič sluzankojen aigah.

— Oi, myt'yš paimen šie olet? — šanotah. Da niin hiän poigeš keräyd'ymäh. Lähtieessä t'yt't'ö andau pletin, taljankan da skuatterin. Läht'öy kaimuamah. Jouččenina lennet'äh endizeh paikkah. T'yt't'ö läksi pois. Ivan Careivič kun viuhkazi pletil'l'ä — kaikki jänikset tuldih. Viey čuarin taloh. Čuarin t'yt'är šanou:

— Piekšäy pletil'l'ä kai jänikset!

— Ei piekšä, — šanou čuari. — Ei moni mieš tuo jäniksie jälelläh kodih.

A jänikset oli lihottu da parettu. Ivan Careivič mäni huoneheššeh. Tuuvah hänellä šyömist'ä, ne hiän lykkyäy ikkunašta pihalla. Levitti skuatterin da algo omieh šyömieh šyvvä. Šoi, zakussi, šai taljankan käd'eh. Kun šoittau, ni kogo dvorčča kajahtelou, hož ni konža ei ollut Ivan Careivič šoitthan. Čuari duumaiččou, jotta hänen šoitajat šoitetah. A t'yt'är duumaiččou — iäni on oudo. Illalla läht'öy čuarin t'yt'är pihalla. Kuundelou, ga paimenen huonehešta kuuluu peluanda. Män'öy šinne. Ovi on čäpissä.

— Ken šielä on?

— Čuarin t'yt'är prisluugan kera!

— Ga kahta ei tarviče. Tullet, ni tule yksin!

Dai laškou šinne, gostittau čuarin t'yt'ärd'ä da šoittau. Čuarin t'yt'är i l'ubils'a häneh. T'yt't'ö kyželöy:

— Ken šie olet?

Ivan Careivič kerdou kai, mitein oli azie. Čuarin t'yt'är n'yt šinne joga ilda yökši tulou.

Jäniksen paimendamista šai hiän šada rubl'ua. Tuaš čuarii predlagaiččou, eigö lähtis paimeneh.

— A voit lähtie.

Tuaš lažetah šada jänist'ä. «Kun miula on ruoška, nin t'ällä mie t'erväh jänikset šuan kerätä», — duumuau Ivan Careivič. Ilda kun tuli, rubi'eu ruožalla viuhuttamah — ei ni tulla jänikset. Tuaš hiän gor'eudu, tol'ko vain ei ite. Muissutti linnun: «Eibäi tule n'yt auttamah!» Ei kergie kunne, kaččou — lindu lendäy. Tuli, muuttih t'yt'öksi:

— Mid'ä gor'uičet, Ivan Careivič?

— Šid'ä da šid'ä, — šanou.

— No vähä on gor'uittavua. Lähemmä miun luoh.

Langetah muada vašše, muututah linnuiksi. Lennetäh, tuaš muututah ihmiziksi. Aiga män'öy niin huvazašti, jotta ei tiijäi mid'ä.

— Pid'äis paimenen joi pois lähtie, — šanou hiän kerran.

— Ga mi paimen šie olet, kun jo kolmatta ned'alie tiäl'ä olet, — šanotah služankat.

T'yt't'ö toi hänet šamalla paikkua. Andau svistul'kan:

— T'äh kun vihel'l'ät, ni kaikki jänikset tullah.

T'yt't'ö läksi pois. Hiän vihel'di — jänikset kai kogoh, dai ajau ne peldoja myöte, komendelou rivih. Čuari niin ihaštu paimeneh.

Tuaš mänöy huoneheššeh. T'yt't'ö jo händ'ä igävyšt'y. Levitti Ivan Careivič skuaterin, tuli t'yt't'ö, ruvettih šyömäh. Poiga šoittoi taljankalla.

Män'öy ned'ali — kakši. Tuaš hänel'l'ä predlagajah paimeneh. Ga tuaš ajo jänikset, ga ei ni kogouvuta mečäšt'ä, kun vihel'd'äy. Šiid'ä tuli tuaš lindu, mändih šen kodih. Oli šiel'ä tuaš pit'än aigua. Tuaš pid'äis lähtie:

— Myt'yš paimen šie olet, nel'l'al't'ä ned'alie tiäl'ä kulekšit!

Läht'öy t'yt't'ö händ'ä kaimuamah. Andau šiid'ä rožkan (torven):

— T'äh vain šoita, ni tullah jänikset.

Šiid'ä t'yt't'ö šanou viel'ä:

— Elä enämbi muišta abuo vuota! Muišta ei tule auttajua.

T'yt't'ö läksi pois. Tuaš ajau poiga jänikset čuarin luo. 300 rubl'ua šuau n'yt paimennukšešta d'engua.

Gorodašša oli ruven joga päivä käymäh kolmipäini mado, pristanih, da joga päivä pidi andua yksi hengi šyödäväksi. Da šinne rahvahan pidi männä arvan mugah. Dai čuarin t'yt't'ärellä langei arba. Pidi hänen lähtie šyödäväksi. Ivan Careivič gor'uiččou čiistoissa pellošša, mitein pelaštua t'yt't'ö. Ajattelou, jotta n'yt ei tulei lindu abuh. Ka šilloin karahtaugi hänen ed'eh heboni t'äyzissä oruužis's'a. Ivan Careivič šuoriudu šodavuatteih, nouzi hebozen šelgäh da läksi ajamah. Heboni

lend'ämäl'l'ä mänöy. Mändih pristanilla. Čuarin t'yt't'ö jo on vuottamašša. Ivan Careivič šanou čuarin t'yt't'ärellä:

— Eči miulda piäd'ä. Kun šattunen uinuomah, ni noššata, kun mado tulou.

Dai uinozi uneh. Mado jo algau tulla. T'yt't'ö kuot't'elou noštua, no ei šua hereillä. Jo it'köy. Kyynel tipahti rožalla, šiid'ä vašta hiän haviččih. A mado jo pristanih noužou. Mado šanou:

— Huh, huh! Mie vuotan šyödäväksi yht'ä, a n'yt on kakši!

Ivan Careivič hyppäi šodah (torah) mavon kera. Enzi lyönnillä leikkai kakši piäd'ä, toizella kerdua kolmannen. Otti päist'ä kolme kield'ä, piät pani šuuren kiven alla, a tuuloviššat mereh. Šiid'ä hyö lähettih. T'yt't'ö mäni dvorččah. A Ivan Careivič ajau hebozella. A saldatta, mi oli Ivan Careivičan ieštä, tulou vaštah, mugamaš piäšt'ämäh. Huudau:

— Mid'ä viestie tuot?

Saldatta ei ni tunden Ivan Careiviččua, kun hiän oli toizissa vuateissa.

— Ga mavot on jo tapettu.

— Ongu mid'äi primiettua? — kyžyy valeh Ivan Careivič.

— On. Kolme kield'ä.

— Myö ne kiolet, ota mi kaččo! D'engua vain ei ole.

— Myön, kun andanet oigiešta jalašta ukkovarbahani!

Dai ando, leikkazi. Ivan Careivič pisti varbahani kormanoh.

Vähä aigua mäni, ga šanotah, tulou kuužipäini mado. Tuaš pid'äy män'n'ä čuarin t'yt't'ären. Hiän šanou t'ämän Ivan Careivičalla. Ivan Careivič käy hebozen da ajau pristanilla. T'yt't'ö jo šiel'ä istuu. Rubei t'yt't'ö häneld'ä piäd'ä eččimäh, a Ivan Careivič uinozi. Tuaeš mado jo noužomašša on, kun vašta šuau noššattua Ivan Careivičan. Tulou mado, šanou:

— Miun vel'l'en tapoit, dai miungo tapat, niingö?

Ruvettih vojuimah, ga tuaš piät leikkazi. Otti kuuži kield'ä kormanoh, piät kiven alla pani, tuuloviššat mereh.

Läht'öy jo poigeš. Valeh Ivan Careivič tulou vaštah:

— Mid'ä kuuluu?

— Ga kuužipäizen mavon tapoin.

— Ongu mid'äi primiettua?

— On kuuži kield'ä!

— No myö ne miula, d'engua ei ole, muuda ota mid'ä kaččo.

— Oigiešta kiäst'ä kun peigalon andanet leikata, ni annan!

— Leikkua.

Leikkazi peigalon da läksi ajamah. Mäni peldoh, laški hebozen, iče čuarin dvorččah, paimenhuoneheh. Šielä hyö yheššä čuarin t'yt't'ären kera yö ollah.

Mänöy tuaš moniehie päivie. Tuaeš ni šanotah — yheksäpäini mado on liikkehel'l'ä. Tuaeš pid'äy t'yt'ön lähtie vuorollah. Tuaeš poiga ečči y hebozen, ajau aiven lennošša pristanilla. Mado ei ollun viel'ä tullun. Rubezi piäd'ä ečit't'ämäh. Dai uinozi Ivan

Careivič. Uinozi kovašti, bogatirskoih uneh. Mado jo algau n'ägyö. T'yt't'ö noššat-tau, vain ei suai mitein! Mado jo pristanilla rubezi noužomah. T'yt't'ö it'kömäh. Kyynel' tipahti Ivan Careivičan rožalla, šilloin hiän havaččeudu. Mado jo on rinnal-la. Karjuu:

— Huh, huh! Kakšigo tiälä on? Milmago tahtozit tappua? Kakši vellie jo tapoit.

Ruvettih vojuimah. Hiän jo leikkai šild'ä yhen, dai toizen piän, joi kolmannengi. Da mitein lienöy — iče joudu mavon tuuloviššan alla. «N'yt tuli kuoloma, duumaiččou, lubazi šei Žar-ptica auttua!» Vain kun mainičči t'ämän, šilloin tuli kebiembi dai hiän piäzi pois, leikkai kolme piäd'ä kerrašša. A Ivan Careivičalla važen käzi on ruaniu-dun. Kummingi vielä piän leikkazi. Da šai vielä taguada päin rapšata loppupiät. Otti kielet päist'ä kormanoh, piät kiven alla, tuuloviššat mereh. Pezi pristanin. T'yt't'ö šulkkupaikallah šido pojan kiän, mist'ä tuli verd'ä, da ando iimennoin šormukšen Ivan Careivičalla.

Tuas kun lähettih, ga tulou vaštah valeh Ivan Careivič.

— Hoi, tule t'änne, anna viestie. (A iče ei tunne Ivan Careiviččua.)

Ivan Careivič šolahti hebozen šeläšt'ä.

— No mid'ä šield'ä kuuluu?

— Ga kuuluu! Mie tapoin yhekšäpäizen mavon.

— Ongo mid'ä primiettua?

— On, kielet ollah, yhekšän kield'ä.

— Myö ne kielet miula! Ota mid'ä tahot, d'engua ei ole.

— Ga kun andanet šeläšt'äš remeniksi nahkua da tagapuolen kohašta bl'aškakši, ni šuat kielet.

— No šuat ottua!

Dai poiga otti hänen šeläštä remenin. Yksi läksi ajamah yht'eh puoleh, toini toi-zeh.

Šiid'ä kun mäni kodih, ruvettih valeh Ivan Careivičalla t'yt't'yö andamah. Luajit-tih hiät. Svuađ'bah on kučuttu kaikki, ken vain voinou tulla. Ivan Careivič oli šanou t'yt't'ärellä, mimmoizet merkit ollah šillä valeh Ivan Careivičalla.

Jo kizatah häid'ä, jo morzien rubieu čarkkoja jagamah. Män'öy, šanou tuatollah:

— Šie kučuit kaiken rahvahan, a ei olla kaikki.

— A ked'ä ei ole? Šano šie.

— Ga paimenda ei ole. Šid'ä t'yö et't'ä kuččun, hot' niin hyvin paimendi!

— Unohtima.

Dai kučutah Ivan Careivič häih. A hiänbä ei ni tule: kuin miutta alottija, miutta i lopettakkua. T'yönnet'äh toini kerda. Ei tule. Kolmannella kerralla tulou iče t'yt'är kuččumah. Šanou šuorah:

— Tule, Ivan Careivič, häih!

— No tulen. Mängyä, mie tulen jälest'ä.

A šielä hiäpirtis's'ä on t'äyži pirtti vägie. Ivan Careivič ottau kai predmietat ke-ralla. Mändih stolien tua. Jo pid'äis i venččäh lähtie.

— En mie lähe hänen kera venččäh, ennein kuin šyynät'äh, jotta ongo hiän t'erveh vain ei, — šanou čuarin t'yt'är. — Mind'äh hiän perčatkoissa šyöy, kun toizet šyuväh pal'l'ahin käzin?

— Heitä pois ne käzist'äš, — šanotah toizet.

Hiän ei heittäis! Toizet n'yhät'äh, kahen puolen, kačotah — ga peigaluo ei ole.

— Missäbä peigalo on?

Ivan Careivič ottau peigalon da t'yönd'äy šen rahvahašta piälličči, da huuvahtau:

— Kolmešta kielešt'ä on myöd'y, — da peit't'äyd'yy rahvahan tuakše.

— Ga n'yt pid'äy näyt't'yä jalat.

Kačotah jalat, ga ukkovarbahie ei ole. Tuaš Ivan Careivič heit't'äy šen rahvahašta piälličči, šanou:

— Kuuvešta kielešt'ä on myöd'y!

— Ken šiel'ä on, tule t'anne!

A Ivan Careivič peit't'äyd'yy rahvahan tua.

— Ga n'yt pid'äy heit't'yä paijat piäld'ä!

Heit'et'äh paida, ga šeläšt'ä on otettu remenin verda nahkua da tagapuolešta bl'äškakši.

— Mist'äbä n'ämä on myöd'y? — kyžyy moržien.

— N'ämä on myöd'y yhekšäšt'ä kielešt'ä, — da vilahuttau nahkat da tuaš peit't'äyd'yy rahvahan tua.

A čuarin t'yt'är otti čarkan da läksi eččimäh heit't'elijiä. Dai tulou ovenšuuu.

— No Ivan Careivič! Juo da šyö. Lähemmä stoliен tuakše.

— Ga kun miutta alottija, miutta lopettakkua.

No Ivan Careivič tuodih stoliн, saldatta ajettih pois.

No šiid'ä Ivan Careivič mäni t'yt't'ären kera venččäh dai konččäh.

Dai ših i loppu.

113. Сказка о Жар-птице и царском сыне

Были раньше в прежние времена муж да жена. У них был сын. Жили втроем. Старик с сыном ставили силки. Пошли они однажды осматривать силки, видят, в одном из силков что-то сильно светится. Думают, что-то горит. Подошли поближе и видят — в силке такая птица, как огонь горит.

— Это Жар-птица, — говорит старик.

Они положили её живую в кошель, пошли быстренько домой. Пришли домой. Старик говорит:

— Жена, приготовь в дорогу еды, пойду я к царю.

Взял он еды, пошёл к царю. Сначала часовые не хотят его впускать, но когда царь узнал, то велел позвать. За птицу царь дал столько денег, сколько старик смог унести. И ушёл он домой.

А царь поместил Жар-птицу в отдельную комнату, отдал жене ключи и наказал, чтобы никуда её не выпускали и чтобы кормили. Кто выпустит птицу, у того голова с плеч.

Вот как-то днём царёв сын оказался под этими окнами, играл там.

А птица из окна ему и говорит:

— Выпусти меня Иван Царевич, и я тебе потом помогу, если ты в беду попадёшь. — И советует, как её выпустить. — Ключи у твоей матери, возьми их ночью. А как пойдёшь относить ключи, скажешь, чтобы она в голове поискала. Она начнёт искать, а ты тем временем и положишь ключи обратно.

Он и выпустил птицу. Мать пошла её кормить, а птицы нет. Лишь одно перышко осталось. Мать закручинилась:

— Кто птицу выпустил?

Сын говорит:

— Я выпустил!

— Отец убьёт тебя, когда вернётся! — говорит мать.

А отец уехал в другие страны пригласить чужеземных царей посмотреть на птицу. Возвращается отец на корабле. А царица в горе, оделась во всё чёрное. Царь с гостями приплыл к пристани. Видит — жена идёт встречать вся в чёрном. Говорит она царю:

— Сын выпустил птицу!

— Ну, раз выпустил, так голова с плеч!

Гости стали есть—пить. За столом царь и говорит:

— Друзья, была у нас птица, но сын её выпустил. А у меня был такой уговор — кто птицу выпустит, у того голова с плеч. Теперь придётся своему сыну голову отрубить.

Гости рассудили дело так:

— Ты не можешь родную кровь пролить! Лучше отпусти его, пусть идёт, куда знает.

И отправили сына в путь.

Дали ему с собой коня и солдата. Солдат был уже пожилым, дослуживал последние годы. Отправились они в путь. Солдат думает: «Вот попал теперь в переплёт, поди знай, куда идём. А ведь у меня уже и служба заканчивается».

Едут, едут по дороге. Царевич захотел пить. Солдат говорит:

— Здесь недалеко будет колодец.

Пришли к колодцу. Иван Царевич обвязался верёвкой, взял бутылки, и солдат опустил его вниз. Спустился в колодец, напился там воды.

— А я тебя поднимать не буду. С тобой придётся век скитаться, оставайся там!

— Возьми что хочешь, только подними.

— Если отдашь мне свою одежду и коня уступишь, подниму.

— Отдам, только подними.

Поднял он Царевича из колодца. Поменялись одеждой. Солдат едет на лошади, а Иван Царевич позади идёт пешком. Приехали в другое государство, Царевича приглашают к царю в гости. У царя была молоденькая дочь на выданы. Так как солдат был в одежде Царевича, его и отвели к царю, а Ивана Царевича поместили внизу с прислугой. У царя было сто зайцев. Царь рассуждает с солдатом:

— Где бы мне найти пастуха для зайцев?

— Не пойдёт ли мой солдат? — говорит солдат.

Выпустили зайцев в лес. Иван Царевич пробыл там до вечера, а зайцы все сбежали. Он уже и растерялся: «Вот как выпустил я птицу! Обещала она помочь, но...» Смотрит: летит лебедь. Подлетела к нему, бросилась оземь и превратилась в девушку. Спрашивает:

— О чём печалишься, Иван Царевич?

— Да печалюсь, разбежались все царские зайцы.

— Не велика твоя беда, — говорит девушка. — Пади об землю, пойдёшь со мной.

Иван Царевич и девушка пали оземь. Оба превратились в лебедей. Подлетели к дому девушки и превратились в людей. Там красивый дворец. Они там живут, веселятся. Прошло уже две недели, а Ивану Царевичу они показались двумя днями.

— Не пора ли пастуху идти обратно? — говорит Иван Царевич при служанках.

— Ой, какой ты пастух! — говорят служанки.

Собрался он в обратный путь. Девушка даёт ему плетё, тальянку и скатерть. Пошла провожать. Прилетели они лебедями на то же место. Девушка вернулась обратно. Иван Царевич как взмахнёт плетью — все зайцы как тут и были. Привёл он их к царёву дому. Зайцы отъелись, жирные. Иван Царевич пошёл в свою комнату. Принесли ему еды, он её в окно выкинул. Расстелил скатерть и стал свои кушанья есть. Поел, закусил, взял в руки тальянку — играет так, что во всём дворце слышно, хоть прежде он никогда не играл. Царь подумал, что музыканты приехали. А дочь смекает — какие-то необычные. Вышла царская дочь вечером во двор. Слышит — из комнаты пастуха музыка доносится. Зашла туда. Дверь на крючке.

— Кто там?

— Дочь царя с прислугой!

— Двоих не надо. Если войдёшь, то входи одна.

Пустил он её к себе, угощает царёву дочь и играет. Царская дочь влюбилась в него. Девушка спрашивает:

— Кто ты?

Иван Царевич ей и рассказал, как всё есть на самом деле. И стала она приходить к Царевичу каждый день.

За то, что зайцев пас, получил он сто рублей. Опять царь и предлагает, не пойдёт ли он снова в пастухи.

— Можно пойти!

Опять выпускают сто зайцев. «У меня теперь плеть есть, я теперь быстро зайцев соберу», — думает Иван Царевич. Вечер наступил, стал он плетью взмахивать — не идут зайцы. Он опять пригорюнился, только что не плачет. Вспомнил о птице: «Не приходит на помощь». Не успел подумать, смотрит — птица летит. Прилетела, превратилась в девушку:

— О чём печалишься, Иван Царевич?

— Вот так и так.

— Это небольшое горе! Полетим ко мне.

Ударились оземь, превратились в людей. Опять время проходит в весельи, незаметно.

— Надо бы пастуху и домой пойти, — говорит он как-то.

— Какой ты пастух? Ты уже третью неделю здесь живёшь! — говорят служанки.

Опять девушка проводила его на то же место. Дала свисток.

— В него как засвистишь, так зайцы и соберутся.

Вернулась девушка обратно. Он свистнул, и все зайцы прибежали. Погнал он их по полю, командует, выстроил в ряд. Царь доволен пастухом. Опять пошёл в свою комнату. Девушка уже соскучилась. Расстелил скатерть, пришла девушка, стали есть. Парень играет на тальянке.

Проходит неделя, две. Опять предлагают ему идти в пастухи. Пригнал он зайцев в лес, а вечером по свистку зайцы и не возвращаются. Потом прилетела опять птица, пошли они к ней домой. Пробыл он там опять довольно долго. Надо бы уже и возвращаться.

— Какой ты пастух, четвёртую неделю здесь гуляешь!

Пошла девушка опять его провожать. Даёт ему рожок:

— На нём как только заиграешь, зайцы сразу соберутся. — И говорит она ему ещё, — помощи от меня больше не жди. Больше я тебе не помощница.

И ушла она. Опять пригнал он зайцев к царскому дому. Уже 300 рублей ему дают за работу.

А в городе каждый день стал появляться трёхголовый Змей на пристани и каждый раз съедал одного человека. Отправляли их туда по жребию. Тут жребий выпал царской дочери. Надо ей идти на съедение. Иван Царевич сильно опечалился, пошёл в чистое поле, не знает, как спасти царскую дочь. Вспомнил, что теперь и птица уже не придёт на помощь. Тут перед ним откуда ни возьмись конь с полным вооружением и снаряжением. Оделся Иван Царевич в воинские доспехи, вскочил на коня и поехал. Конь не бежит, а летит. Прискакал к пристани. Царская дочь уже ждёт Змея. Иван Царевич ей говорит:

— Поскреби у меня в голове. Если я усну, так подними меня, как придёт Змей.

И уснул. Уже Змей поднимается. Девушка будит его, будит, но не может добудиться. Уже плачет. Упала слезинка ему на лицо, только тут он проснулся. А Змей уже на пристань поднимается. Говорит Змей:

— Хух, хух. Ждал на съедение одного, а тут оказалось двое!

Вскочил Иван Царевич на бой со Змеем. С первого удара отрубил две головы, со второго удара — третью. Вырезал из пастей три языка, головы положил под большой камень, а туловище в море бросил. Ушли они с берега. Девушка пошла во дворец. Иван Царевич едет на коне. А солдат, который выдаёт себя за Ивана Царевича, едет навстречу, будто бы спасать. Кричит:

— Какие вести принёс?

Солдат и не узнал Ивана Царевича, тот был в другой одежде.

— Змей уже убит.

— А имеются у тебя какие-нибудь приметы [доказательства]?

— Есть. Три языка.

— Продай эти языки мне, возьми что хочешь. Денег у меня нет.

— Продам, если отдашь с правой ноги большой палец!

Он и отдал, отрезали палец. Иван Царевич положил палец в карман.

Прошло немного времени, снова говорят, что явится шестиголовый Змей. Опять надо царевне идти на берег. Она сказала об этом Ивану Царевичу. Иван Царевич привёл коня, поскакал на пристань. Девушка уже там сидит. Стала она опять в голове у Ивана Царевича искать, а он уснул. Змей уже на берег поднимается, наконец она разбудила Царевича. Подошёл Змей, говорит:

— Брата моего убил и меня хочешь убить! Так что ли?

Начали биться, отрубил опять все головы. Вырезал шесть языков, положил в карман, головы под камень, а туловище в море.

Поехал домой. Ложный Иван Царевич едет навстречу:

— Как дела?

— Шестиголового Змея убил.

— А приметы какие-нибудь есть?

— Есть, шесть языков!

— Продай их мне, но денег у меня нет, возьми что хочешь.

— Если дашь отрезать большой палец с правой руки, так отдам!

— Можешь взять.

Отрезал он большой палец и уехал. Приехал в поле, отпустил коня, сам к царскому дворцу, в свою комнату пастуха. Там провели ночь с дочерью царя.

Прошло опять несколько дней. Снова говорят, что девятиголовый Змей объявился. Опять очередь царской дочери идти. Сходил царевич за конём, прискакал к берегу. Змея ещё не было. Стала девушка опять у него в голове искать. И уснул Иван Царевич. Да крепко заснул, богатырским сном. Уже Змей появился. Девушка будит его, будит, никак не может разбудить. Заплакала. Слезинка упала на лицо Ивана Царевича, только тут он проснулся. Змей уже рядом. Кричит:

— Хух, хух! Тут вас двое? Меня убить хотите? Двух братьев уже убил!

Начали биться. Уже отрубил Змею одну и вторую голову, вскоре и третью. Да тут неожиданно оказался под Змеем: “Всё, думает, теперь смерть пришла. Обещала ведь и Жар-птица помочь!” Как только вспомнил, сразу стало легче, из-под Змея выбрался. Ещё три головы отрубил. А у Ивана Царевича левая рука ранена. И ещё одну голову отрубил. Увернулся, и сзади ухитрился отрубить оставшиеся две головы. Отрезал языки, положил в карман; головы сложил под камнем, туловище бросил в море. Вымыл пристань. Девушка перевязала ему руку своим шёлковым платком и дала Ивану Царевичу своё именное кольцо.

Поехал домой, опять навстречу ложный Иван Царевич.

— Эй, подойди-ка сюда, Расскажи новости.

Сам не узнаёт Ивана Царевича. Слез Иван Царевич с коня.

— Что там у тебя нового?

— Есть новости! Убил я девятиголового Змея.

— Какие-нибудь приметы есть?

— Есть. Языки, все девять языков.

— Продай эти языки мне! Возьми, что хочешь, только денег у меня нет.

— Если дашь со своей спины лоскут кожи на ремень, а с ягодицы на пряжку, тогда получишь языки.

— Можешь взять!

Срезал парсень со спины кожи на ремень. И разъехались они, каждый в свою сторону.

Пришли домой, и стали царскую дочь выдавать за ложного Ивана Царевича. Устроили свадьбу. Пригласили на свадьбу всех, кто только придти может. Иван Царевич уже до этого рассказал царевне о «приметах», какие он оставил у жениха.

Уже свадьбу играют, невеста стала чарки разносить. Подходит к отцу, говорит:

— Ты пригласил весь народ, по тут не все.

— А кого нет? Скажи.

— Пастуха нету. Вы его не пригласили, хотя он так хорошо пас!

— Забыли.

Пригласили Ивана Царевича на свадьбу. Он не идёт: «Начали без меня, без меня и кончайте». Отправляют за ним второй раз. Не идёт. На третий раз сама царевна пошла за ним. Говорит ему:

— Пойдём, Иван Царевич, на свадьбу!

— Ну ладно, пойду! Идите, я приду следом.

А там, на свадьбе, полный дом народу. Иван Царевич взял все предметы с собой. Сели за столы. Уже надо бы и к венцу идти.

— Не пойду я с ним к венцу, пока не проверят, здоров он или нет, — говорит дочь царя. — Почему он ест в перчатках, а все остальные едят без перчаток?

— Сними свои перчатки с рук! — говорят ему.

Ему не хочется снимать! Но тут с него сняли перчатки наготово, смотрят — а большого пальца нет.

— Где же твой большой палец?

Иван Царевич взял этот палец, бросил поверх голов гостей, крикнул:

— За три языка продан, — а сам спрятался в толпе.

— Теперь надо ноги проверить.

Смотрят на ноги, и там нет большого пальца. Опять Иван Царевич бросил его через головы гостей, сказал:

— За шесть языков продан!

— Кто это там? Выходи сюда!

А Иван Царевич прячется за спинами.

— А теперь надо снять рубашку!

Сняли рубашку — со спины снят лоскут кожи на ремень и с ягодицы на пряжку.

— А это за что отдано? — спрашивает невеста.

— Это продано за девять языков, — выбрасывает кожу и снова прячется.

Дочь взяла чарку и пошла искать того, кто всё это бросал. Подошла к дверям.

— Ну, Иван Царевич! Пей и ешь. Пойдём за столы.

— А как начали без меня, без меня и кончайте.

Но Ивана Царевича привели за столы, солдата прогнали.

Иван Царевич с царской дочерью пошёл под венец.

На том и кончилась.

114. Harmua lammas

Oli ennenin ukko da akka. Heil'ä oli t'yt'är da yksi harmua lammas. Harmua lammas heil'd'ä kerran kado meččäh. Akka läksi lammašta eččimäh. Tuli hänellä vaštah Šyöt'arakka. Šanou:

— Šyle vain muah da mäne miun jalakezičči, nin löydyy lammas.

Akka šanou:

— En šyle, engä mäne!

Läht'öy iellä. A Šyöt'arakka kierdi kruugan da tuli uuveštah vaštah.

— Kunne šie matkuat, — kyžzy.

— Lammasšta eččimäh.

— Šyle muah da mäne miun jalakezičči, ni löydyy lammas.

— En šyle, engä mäne!

Lähetih iellä. Tuaš Šyöt'arakka kierdi kruugan da tuli vaštah. No nyt akka šylgi muah da mäni hänen jalakezičči — dai muuttu lambahakši. Šyöt'arakka otti lamba-

han, vei tanhuoh da mäni akan tilašta, ukolla. Ukko ei ni huomua, a lapši, še t'yt'är, tiedäy — ei ole oma muamo. Kerran Šyöt'arakka šanou:

— Mäne, ukko, tapa lammaš.

Ukko huomenekšella läht'öy tappamah.

— Elä tapa lammašta! — šanou t'yt'ö.

— Elä hänen začiekkoja kačo, tapa vain, — šanou Šyöt'arakka.

Ukko tappo lambahan.

A lammaš jo iel'l'ä oli šanon t'yt'ärellä:

— Miuda kun tapetah, ni šie miun luut keryä värėčih da pane ikkunan alla, ni ših kažvau sadu.

No, šiid'ä lihat keit'ettih da šyödi, a tyttö ei šyön'yn (muamo ei käšken). Keräzi luut värėčih da pani muah ikkunan alla.

Kerran ukko da akka lähtietti čuarin luo pidoloih. Šyöt'arakka lähties's'äh pani yhteh robeheh peskuo da jauhuo, da käški ne šelittyä, jotta yht'eh robeheh tuldaish jauhoh, toizeh peskut.

— Kun et voine šelit't'yä, ni tapamima šiun, — iče lähtietti.

T'yt'ö mäni itun kera muamoh luijen hauvalla.

— Mid'ä šie it'et?

— Ka niin da niin, Šyöt'arakka käški ruadua.

— Ota t'äst'ä varbani, lyö ristih, nin yht'eh robeheh tullah jauhoh, toizeh peskut.

T'yt'är niin ni ruado dai vei viččazen jalelläh.

— Himottaugo šiula čuarin pidoloih?

— Himottais, ga kun olen riibuškoissa, nin en voi lähtie!

— Ota t'äst'ä viččani, lyö šil'l'ä, ni šiid'ä nouzou heboni — yheššä korvašša pežeyvy, toizešša šuoriuvu.

T'yt'ö niin ni ruado da mäni pidoloih. Šido hebozen kol'ččah, pani herneht'ä hebozen edeh. Mäni pertti. Kaikki händ'ä kačotah — ylen on kaunis. Čuarin poiga niin ihaštu, jotta t'ervazi skiägän. T'yt'ö kun läksi pois, dai hänelä šormuš ni puuttu skiägäh. T'yt'ö mäni kodihis, jakšaudu da mäni kiuguan peräh. Šyöt'arakka tulou da šanou:

— Jo oli šiel'ä kaunis t'yt'ö, olizit kun n'ähn'yn!

— Engo še hodi mie ollun?

— Mist'ä šie olizit ollun šiel'ä, Tuhkamuromičča! Šiula pid'äy viikkojen vierrä, kuni šemmozeksi šuat!

Tuaš toizena piänä lähtietti pidoloih. Nyt pandih maiduo da vet'tä kežekkäh da käžettih erottua — yht'eh padah maido, toizeh vezi. T'yt'ö ei tiijä, mid'ä ruadua. Itun kera män'öy muamon hauvalla.

— Mid'ä it'et, t'yt'äreni? — kyžyy muamo.

T'yt'är šanou — šenin da šenin!

— Ota viččani, l'yö ristih dai kaikki hyvin ni tulou!

T'yt'ö niin ni ruado. Mäni varbaista jalelläh viemäh:

— Himottaugo šiula čuarin pidoloih?

— Himottais.

— No lyö ristih t'ällä varbazella — tulou heboni. Yheššä korvašša pežeyvyt, toizešša šuoriuvut.

T'yt't'ö niin ni ruado da läksi pidoloih. Šido hebozen kol'ččah, mäni perttih — kai pertti valguol'ou, niin hiän on kaunis. Čuarin poiga t'ervazi oven kamuan da häneldä kossinkai puuttu.

T'yt't'ö mäni kodihis, jakšaudu da mäni kiuguan perällä.

Tulou Šyöt't'ärihhä pidoloista, šanou:

— Olizitgo šie, Tuhkimuš, n'ähnyň šid'ä t'yt't'yö šielä!

— Engo hodi mie ollun?

— Šie! Mid'ä šie pagajat!

Tuaš kolmandena piänä lähetäh pidoloih. Šyöt'ärakka murotti lähtiessäh kiuguan dai šanou:

— Kun et t'äd'ä endizelläh šuattane, ni tapan, kun tulen.

Tuaš t'yt't'ö itun kera män'öy hauvalla da šanou muamollah. Muamo andau varbazen. T'yt't'ö kun viuhkazi šil'l'ä kivilöist'ä piälličči, kiugua tuli ennist'ä parembi. Mäni viččua viemäh.

— Himottaugo šiula vielä čuarin pidoloih?

— Himottais, ga riibuškoissa kun olen!

Muamo andau vičan. T'yt't'ö kun lyöy šillä ristih, šilloin noužou heboni. T'yt't'ö yheššä korvašša pežeydyy, toizešša šuoriuduu. Ajau tuaš čuarin pihah, panou hebozen kiini, mänöy perttih. Čuarin poiga t'ervazi nyt kyn'n'ykšen. T'yt't'ö kun läksi pois dai botinkai puuttu. Mäni kodihis, nouzi kiugualla. Tuaš Šyöt't'ärihhä tulou:

— Vot oli šielä t'yt't'ö...

Iče ei tiijä, kuin tappua t'ämä t'yt'är.

A čuarin poiga rubei panettelemah t'yt'öldä šuaduja kengyä, kossinkua da kol'čaista. Kellä paššatah, šen ottau čuarin poiga naizekšeh. Paneteldih jo kaikilla, ei ni kel'l'ä šovita.

Šyöt't'ärihhä vuolou omalda t'yt't'äreläh jalgua, no kun ei paššata.

— Vuota šie mie kučun miän Tuhkimukšen, eigö hänellä paššata!

Dai kučču. No hänellä kaikki ihan parahiksi paššattih.

Dai hänen čuarin poiga miehel'l'ä otti, dai vielä n'ytgi eletäh.

114. Серая овца

Были раньше муж и жена. Была у них дочь да одна серая овечка. Вот однажды эта серая овечка в лесу потерялась. Пошла жена овечку искать. Ей навстречу баба Сюотар. Говорит:

— Плюнь на землю, пройди между моими ногами, овечка и найдётся.

Женщина говорит:

— Не плюну и проходить не буду!

Идёт дальше. А баба Сюотар пробежала круг и опять ей навстречу:

— Куда идёшь? — спрашивает.

— Овцу ищу.

— Плюнь на землю, пройди между моими ногами, овечка и найдётся.

— Не плюну и проходить не буду!

Пошли дальше. Опять баба Сюотар пробежала круг, идёт навстречу. На этот раз женщина плюнула на землю, прошла между ногами и сама превратилась в овечку. Взяла баба Сюотар овечку, отвела в хлев и пришла к мужику, на место жены. Муж и не замечает подмены, а дочь уже видит, что это не своя мать. Однажды баба Сюотар говорит:

— Пойди, муженёк, зарежь овцу.

Пошёл он утром, чтобы зарезать.

— Не режь овцу, — просит дочь.

— Не слушай её капризов, режь овцу! — говорит баба Сюотар.

Зарезал хозяин овцу.

А овечка уже заранее говорила дочери:

— Когда меня зарежут, ты мои косточки собери в мешок и зарой под окном, на этом месте вырастет сад.

Стали мясо варить, есть, а дочь мясо не ест [мать не велела].

Собрала она косточки в мешок и закопала под окном.

Как-то раз муж с женой пошли к царю на пир. Баба Сюотар перед уходом сменила в берестяном коробе муку с речным песком и велела их перебрать — в один короб муку, в другой короб песок.

— А если не переберёшь, то убьём тебя, — и уехали.

Пошла дочь с рыданиями на то место, где захоронены косточки.

— О чём ты плачешь?

— Да вот то-то и то-то баба Сюотар наказала сделать.

— Вот возьми прутик, ударь крест-накрест, и тут же мука окажется в одном коробе, песок в другом.

Сделала дочь, как мать научила, и отнесла прутик обратно.

— А тебе хочется на царский пир?

— Хотелось бы, да я вся в ribuши одета, так не могу пойти!

— Вот возьми вицу, ударь ею и появится лошадь — ты в одном ухе умойся, в другом оденься.

Девушка так и сделала, поехала на пир. Привязала коня к коновязи, дала ему гороха. Сама зашла в дом. Все на неё смотрят — уж очень она красивая. А царский сын так обрадовался, что смазал скобу на двери дёгтем. Когда девушка стала уходить, кольцо с пальца осталось на скобе. Приехала она домой, разделась и забралась на печь. Баба Сюотар приходит и говорит:

— Какая красавица там была, если бы ты видела!

— Не я ли это была?

— Как ты могла там быть, Тухкамууромица, Зольница! Тебе надо переродиться, чтобы стать такой!

Опять на второй день поехали на пир. Теперь она смешала молоко с водой и велела отделить — в один горшок молоко, в другой горшок воду. Девушка не знает, что и делать. С плачем пошла на могилу матери.

— Чего плачешь, доченька? — спрашивает мать.

Дочь отвечает — так-то и так!

— Возьми прутик, ударь крест-накрест, всё и исполнится!

Ушла девушка да так и сделала. Пошла обратно прутик относить.

— А не хочется ли тебе на царский пир?

— Хотелось бы.

— Ну, так ударь крест-накрест этим прутиком — появится лошадь. В одном ухе умойся, в другом оденься.

Девушка так и сделала и поехала на пир. Привязала коня к кольцу, зашла в дом — аж светлее стало, так она была красива. Царский сын вымазал дёгтем косяк двери, у неё косынка прилипла и осталась.

Приехала девушка домой, разделась и на печку забралась.

Приходит баба Сюотар домой, говорит:

— Видала бы ты, Тухкимус-Зольница, такую девушку на пиру!

— Не я ли хоть это была?

— Ты! Что ты говоришь!

Опять на третий день уезжают на пир. Перед отъездом баба Сюотар свалила печь и говорит:

— Если печь по-прежнему не поставишь, убью, как вернусь!

Опять девушка с плачем идёт на могилу и рассказывает матери. Мать даёт прутик. Девушка взмахнула им поверх камней сваленной печи, стала печь лучше прежней.

Пошла прутик относить.

— Хочется ли тебе на царский пир?

— Хотелось бы, да я вся в рибуши одета!

Мать даёт ей прутик. Девушка ударила им крест-накрест, и появилась лошадь. В одном ухе она умылась, в другом оделась. Приезжает опять на царский двор, привязывает коня и идёт в дом. Царский сын на этот раз засмолил порог. Когда девушка пошла домой, у неё туфля и прилипла. Приехала домой, поднялась на печь. Опять баба Сюотар приходит:

— Вот там была девушка...

А сама не знает, как убить девушку.

А царский сын стал примерять оставленные девушкой туфлю, косынку и кольцо. Кому подойдут, ту и в жёны возьмёт. Уже всем примерили, никому не подходят.

Баба Сюотар стругает ногу у своей дочери, но никак не подходит.

— Погодите-ка, позову я нашу Тухкимус, не подойдут ли ей?

Позвала. Ей всё пришло в пору. Её и взял царский сын в жёны.

И теперь ещё живут.

115. Kivi — šeiččementoista loukkuo

Oli ennen ukko da akka. Oli heilä poiga. Poiga läksi meččää, kaččou, kazi puušša.

— Mie, — šanou, — šiun ammun.

Kazi šanou:

— Elä ammu, ota milma kodii.

Poiga tulou kodii kazin kera. Toizena piänä poiga šanou muamolla:

— Laže milma meččää.

Muamo šanou:

— Mäne.

Poiga läksi meččää kazin kera, kaččou: koiru puušša.

— Mie šiun ammun, — koiralla šanou.

Koiru šanou:

— Elä ammu, ota milma poigeš.

Tulou tuaš poiga kodii kazin dai koiran kera.

Kolmannen kerran poiga lähtöy meččää, kaččou: t'yt't'ö puušša. Briha t'yt'öl'l'ä šanou:

— Mie šiun ammun.

T'yt't'ö šanou:

— Elä ammu, mid'ä pid'änöy, šid'ä annan.

Briha otti puušta t'yt'ön. T'yt't'ö i pyrit't'äy brihua t'yt'ön kodii.

— Kodii kuin mänemmä, — šanou t'yt't'ö brihalla, — elä šyö, elä d'uo, vain kyžy šeiččementoist'aloukkohine kivi.

Mändii t'yt'ön kodii. Poiga eigo šyönyn, eigo d'uonun, kyžy šeiččementoist'aloukkohizen kiven. Šiidä tulou kodii, puhaldau kivee — šeiččementoist'a miešt'ä hyppyäy. Kyžyt'ää izännäl'd'ä:

— Midä pidäy ruadua?

Poiga šanou:

— Luadikkua miula aitta, d'yvyä valakkua täyži.

Poiga venyt't'äydu muata. Šil'l'ä aigua hänellä luaittih aitta d'yvyä täyži. Poiga noužou maguamašta — aitta d'yväl'l'ä on valettu.

Mänöy leškiakan luokši. Leškiakkua käšköy koizilla käyvvä čuarin t'yt't'äree. Leškiakka мәни čuarin kodii, čuarin t'yt't'ö vaštuau:

— Šilloin tulen miehel'l'ä, konža luadiu kuldazen šillan, hobiezet paččahat šulhazen koist'a čuarin kodii šuat'en.

Leškiakka tulou pojan luo, šanou:

— Čuarin t'yt't'ö vaštai: šilloin tulen miehel'l'ä, konža luadiu kuldazen šillan, hoviezet paččahat koistah čuarin kodii šuat'en.

Poiga yödä vaššen puhaldi kivee — šeiččimentoist'a mužikkua hyppyäy kiveštä. Käšköy heil'ä — kuldane šilda hoviezet paččahat omašta koista čuarin kodii šuat'en luadie. Venyt't'äydy muata. Huomenekšella nouži, d'o on luajittu.

Poiga mänöy leškiakan luokši, toizen kerran t'yöndäy. Andilaš käšköy luadie koin tuaton koin moizen, ommella turkki tuaton turkin moine, ruuhkat, eloš kaikki, midä on tuaton pertin šiämeššä. Poiga yödä vašše tuaš puhaldau šeiččimentoist'aloukkohizee kivee. Šiel'd'ä hyppäi šeiččimentoist'a mužikkua:

— Mid'ä pidäy, izänd'ä, ruadua? — kyžytää.

Poiga šanou:

— Luadikkua čuarin moine kodi, ommelgua čuarin moine turkki.

Poiga nouži maguamašta, d'o on luaittu.

Šilloin yödä vašše hiän puhaldi šeiččimentoist'aloukkohizee kivee:

— Tuogua andilaš miun luokši.

Poiga huomenekšella havaččiudu: iče on d'o uuvvešša talošša, andilaš rinnalla.

Toist'a yödä kuin ruvetaa muata, moržien kyžy:

— Millä šie eleyvyit?

— Mie šain kazista, koirašta da t'yt'öst'ä šeiččimentoist'aloukkohizen kiven.

— Missäbä šie piet?

Poiga vaštuau moržiemella:

— Šuušša.

Poiga uinoi. Moržien kiven šai dai läksi pagoo. Kihlaidu toizen čuarin pojalla. Poiga havaččiudu. Ei ole kedä, vanhoissa d'o koissa on. Moržien kai otti, mi oli midägi. Poiga läksi muamon luo pyrgimää meččää. Läksi kazin dai koiran kera. Mändii d'ärven rannalla, koira i kazi šanotaa:

— Lähemmä uimaa.

Uidii, uidii. Mändii šuareh. Šielä kazi šuau maimazie, šyöy iče dai šyöt't'äy koirua. Šiidä lähtiettii tuaš uimaa iel'l'ää. Mändii randaa. Kazi läksi čuarin kodii, a koira d'ai randaa šyömist'ä eččimää. Mäni kazi čuarin koin luo, ikkunan alla ravajau. Emändä kuulušti i šanou:

— Kačo, kazi d'al'gee tuli. Laškekkua kazi huonehii.

Kazi perttii laškiettii. Čuarin t'yt'är šanou:

— D'ät'ämmä kazin perttii, iče lähemmä ad'voimaa.

Kazi d'ai perttii, šai hiirdä ylen äijän. Tuli šuuri mygrä, kazi šanou:

— Mie šiun šyön.

— Elä šyö, midä pidänöy, šidä anan.

Hiän šanou:

— Muuda ei pie, vain šeiččimentoist'aloukkohine kivi yhekšän lukun tagada šua. Mygrä kiven toi. Ad'voista tuldii. Kazi ravaudu. Čuarin t'yt'är šanou:

— Laškekkua kazi sinčoo.

Laškiettii. Kazi enämmäl' di ravajau. Čuarin t'yt'är šanou:

— Ei taho ullostua huonehii, pidäy pihalla laškie.

Kuin kazi laškiettih pihalla, d'uokseudu hyppimää händä t'ölläl' l'ää. Koira i põlästy, pačkahti uimaa. Da kazi d'al'gee uimaa. Koira virkkau:

— Šaitgo?

Kazi kuin virkki:

— Šain — kivi kirboi šuušta meren pohjaa.

Mändii, uidii šuaree. Koira händä korvah l'öi. Šiidä tuldih maimazet rannalla. Kazi andau, lykkiäy maimazie koiralla dai icelläh. Tulou šuuri haugi. Kazi hauvilla šanou:

— Mie šiun šyön.

— Elä šyö, mid'ä pid'änöy, šid'ä mie šiulaš luain.

Kazi šanou:

— Miula muuda ei pie, yksi kivi pid'äy.

Haugi vaštuau:

— Mie n'äin, kuhu kirboi, tuon.

Dai toi. Kazi šanou koiralla:

— Šie milma elä pagauta, kun lähemmä uimaa.

Kazi otti šeiččimentoist'aloukkohizen kiven šuuhu. Mändii kodii, šeiččimentoist'aloukkohizen kiven pinon keškee peit'ettii. Šyödii, d'uodii, šiid'ä izän'n'allä tuodii kivi.

Ilda tuli, izänd'ä kuin puhu — šeiččimentoist'a muzikkua hyppäi:

— Midä pidäy, uuži izänd'ä, ruadua?

Izänd'ä šanou:

— Midä oli, kaikki tähä tuogua.

Huomenekšella havaččiudu, venyy uuvveššah huonehešša dai moržien rinnalla.

Elettii erčukši, palettii parčukši, ennist'ä paremmakši puudu.

115. Камень — семнадцать отверстий

Были раньше муж да жена. Был у них сын. Сын пошёл в лес, смотрит, кот на дереве.

— Я, — говорит, — застрелю тебя.

Кот говорит:

— Не стреляй, возьми меня к себе домой.

Приходит сын домой с котом. На другой день сын говорит матери:

— Отпусти меня в лес.

— Иди.

Сын пошёл в лес с котом, видит: собака на дереве.

— Я тебя застрелю, — говорит он собаке.

Собака говорит:

— Не стреляй, возьми меня к себе.

Приходит сын домой с котом и собакой.

На третий день идёт парень в лес, смотрит: девушка на дереве. Говорит он девушке:

— Я тебя застрелю!

Девушка говорит:

— Не стреляй, дам тебе всё, что тебе надо.

Снял парень девушку с дерева. Она приглашает его к себе домой.

— Как придём ко мне домой, — говорит девушка парню, — не ешь и не пей, а попроси камень — семнадцать отверстий.

Пришли к ней домой. Парень не ест, не пьёт, только просит дать ему камень — семнадцать отверстий.

Возвращается он домой. Как дунет в камень — выпрыгнули семнадцать мододцов. Спрашивают у хозяина:

— Что делать надо?

Парень говорит:

— Постройте амбар, и пусть будет он полон зерна.

Лёг парень спать. Тем временем построили они амбар, полный зерна. Встаёт он утром — амбар зерном наполнен.

Пошёл он к вдове. Просит её сосватать для него царскую дочь. Приходит вдова в царский дом, царёва дочь отвечает:

— Лишь тогда пойду замуж, если он построит от своего дома до царского дворца золотой мост с серебряными столбиками.

Возвращается вдова к парню, говорит:

— Так ответила царская дочь: лишь тогда выйдет замуж, когда ты построишь золотой мост с серебряными столбиками от своего дома до царского дворца.

Дунул парень вечером в свой камень — семнадцать мужчин прыгнуло. Велит он им построить золотой мост серебряные столбики, от своего дома до царского. Лёг спать. Утром встаёт — мост уже готов.

Идёт парень опять к вдове, снова отправляет её сватать. Невеста теперь велит построить дом, такой же как у её отца, сшить шубу, какие у отца носила, одежду и всю утварь, всё то, что и в доме отца. Вечером парень опять дунул в камень — семнадцать отверстий. Вскочили оттуда семнадцать мужчин:

— Что, хозяин, прикажешь делать? — спрашивают.

Парень говорит:

— Поставьте такой же дом, как у царя, сшейте шубу, как в царском доме.

Встал он утром, уже всё сделано.

Вечером снова подул в камень — семнадцать отверстий:

— Принесите невесту ко мне.

Утром парень просыпается: он уже в царском доме, и молодая рядом с ним. На второй день ложатся спать, невеста и спрашивает:

— Как ты стал так хорошо жить?

— Я получил от кота, собаки и девушки камень — семнадцать отверстий.

— Где же ты его хранишь?

Он отвечает:

— Во рту.

Уснул парень. Молодая камень взяла и убежала. Обручилась с царским сыном. Проснулся парень. Ничего и никого нет, а он в своём прежнем домишке. Молодуха всё унесла. Парень к матери, просит отпустить его в лес. Пошёл он в лес с котом и собакой. Пришли на берег озера, собака и кот говорят:

— Пойдём купаться.

Купались там, плавали. Приплыли на остров. Кот ловит рыбку, сам ест и собаку кормит. Опять поплыли, дальше. Приплыли к берегу. Кот пошёл в царский дом, а собака осталась на берегу, еду искать. Подошёл кот к царскому дому, под окном мяукает. Услыхала хозяйка и говорит:

— Смотри-ка, кот следом пришёл, впустите кота в комнаты.

Пустили кота в дом. Царская дочь говорит:

— Оставим кота в доме, сами пойдём в гости.

Остался кот в доме, наловил кучу мышей. Видит большого крота, кот говорит:

— Я тебя съем.

— Не ешь, дам тебе, что хочешь.

Он говорит:

— Ничего не надо, только камень — семнадцать отверстий из-за девяти замков достань!

Крот принёс камень. Вернулись с гостей. Кот замаякал. Царевна говорит:

— Выпустите кота в сени.

Выпустили. Кот ещё больше мяучит. Царевна говорит:

— Не хочет пачкать в доме, надо выпустить во двор.

Как выпустили кота во двор, побежал он во всю прыть, хвост кверху. Собака напугалась, пустилась вплавь. Кот следом плывёт. Собака спрашивает:

— Достал?

Кот как ответил:

— Достал, — камень выпал изо рта и на дно моря.

Приплыли на остров. Собака ударила кота по уху. Тут рыбы плавают у берега, кот ловит их, бросает собаке и сам ест. Подплыла большая щука. Кот говорит ей:

— Я тебя съем!

— Не ешь. Сделаю всё, что тебе только надо.

Кот говорит:

— Мне ничего не надо, только один камешек.

Щука говорит:

— Я видела, куда он упал, принесу.

И принесла. Кот говорит собаке:

— Ты со мной не заговаривай, когда будем плыть.

Положил кот камень — семнадцать отверстий в рот. Пришли домой, камень — семнадцать отверстий спрятали в поленницу, между дров. Поели, попили, принесли хозяину камешек.

Вечер наступил, подул хозяин в камешек — семнадцать мужчин выскочило:

— Что надо сделать, новый хозяин?

Хозяин говорит:

— Что тут было, всё назад верните!

Утром просыпается, снова в своём новом доме, и невеста рядом.

Дожили до старости, как квач смоляной, стали лучше прежнего.

116. Čuarin tytär

Eli ennein čuari akan kera. Rodiudu heil'ä t'yt'är. Čuari läksi voinalla. On siel'ä pit'äldi. No, tuli čuari. Kun vain čuari tuli, šilloin naini paikalla kuoli. Čuari ottau toizen naizen. El'äy šen kera vähäzen aigua, dai iče kuolou. Muuda ei muamo jät't'än, kuin yhen zirkkaloizen. A čuari käški kai bohastvuon panna puolekkah. A akka ei oliz ruben puolekkah panomah. Kyžyy zirkkalolda:

— Kumbani meist'ä on kaunehembi, t'yt't'ögo vain mie?

— T'yt't'ö.

T'ämä šian'n'ytti akkua:

— A mie hänen tapan, — šanou zirkkaloizella.

— Elä tapa, vie hot' meččäh, — šanou zirkkalo.

Erähänä piän'ä käyt't'yt't'yö kaččomah še mies, mil'l'ä čuari oli luvan t'yt't'äreh miehelt'ä.

A toizena piänä akka veigi t'yt'ön meččäh:

— Mie tapan šion!

— Elä tapa, heit'ä t'änne!

Dai heitti. T'yt't'ö matkauu meččätropinkua hyvin pit'äl'di. Viimein piädyy šuureh taloh. Taluo vahtiu koira. Koira ei händ'ä purrun, laški šiameh. Mäni t'yt't'ö šiameh. Kaččou — ei ole ni kedä. A huonehet ollah šuuret da tavarua on äijä. Hiän otti da pezi kaikki, šiivozi kogo huonehet da nouzi kiugualla muate. Kuulou: tulou kedä tullou! A koira šinčoissa jo hyvil'l'äh hyppi.

— A mid'ä hiän on noin hyvil'l'äh? — šanotah miehet.

Tulou pertiuh šeiččemen miešt'ä:

— Ked'ähän tiälä on, kun on kai pyyhit' t'y da šiivottu?

Kuullah hengityš. Šanotah:

— Kun ollet vanha ukko, nin otamma tuatokši, kun ollet vanha akka, nin otamma muamokši, a kun ollet nuori t'yt't'ö, ni čikokši! Šolaha poigeš!

Hiän šolahti, luadi t'erveyhön. Miehet oldih šodamiehien komandieroja.

— Šie šilloin rubiegi t'äh emän'n'äkši, — šanotah miehet.

Dai rubieu t'yt't'ö. Monda vuotta emän'n'öiččöy.

A emändimä ei tiijä t'äšt'ä ni mid'ä. Erähän kerran zirkkalo šanou:

— Piäššit t'yt'ön meččäh, hiän šiel'ä hyvin el'äy!

— Mie lähen händ'ä tappamah.

A še t'yt'ön ženihhä eččiy niizi joga paikašta t'yt't'yö, jo monda vuotta.

Emändimä ottau da luadiu šemmoist'a šyömist'ä, jotta šen kun syöy dai kuolou. Dai löyzi šen talon, missä t'yt't'ö eläy. A koira ei ni laže. T'yt't'ö kezrai ikkunan luona, n'ägi hänen emindimä:

— Laže milma luokšež gostih!

T'yt't'ö laški, a koira ei ni mitein laškis. Kun akka piäzi perttih, ando ylen kaunehen pallozen t'yt'öllä:

— Šyö t'ämä, še on ylen magie!

T'yt't'ö akan gostiitti, šyötti da juotti. Läksi akka poigeš. T'yt't'ö ist'uudu kezryämäh da ažetti pallozen ikkunalla. Hänel'l'ä himottais še šyvvä, a koira kogo aijan vardeiččou, ei anna. Otti t'yt't'ö dai pani palazen šuuhuš. Kun vain otti dai kuoli. Koira jo mužikoilla vaštah haukunnan kera juokšou. Miehet smietitäh, mi on tullun? Männäh perttih, kačotah — ga kaikin it'kömäh. Nähäh še palloni: «Naverno on tuoda hänel'l'ä šyötetty!» Annettih koiralla — koira hedi paikalla kuoli. Hyö otettih da luajittih grustaliini grobu da lähtiettih muah viemäh. Ažetettih nel'l'äl'l'ä paččahalla, ylähäkši, kallivogorah.

A ženihhä, kumbazella čuari oli t'yt't'ären luvannun, šai tied'yä, što on mečäššä elämäššä šemmoini da šemmoini t'yt't'ö. Hiän hebozella šelgäh da ajamah. Mänöy enžin čuarin kodih. Akkua ei ole kois's'a, a zirkaloini šanou:

— Eli t'yt'är mečäššä da kuoli. Kyžy tuulelda, še tied'äy, missä hiän n'yt on!

Tuuli šanou:

— En mie tiijä, kyžy päiväld'ä!

Mužikka, še poiga, ajau, ajau dai kyžyy päiväld'ä.

— En mie tiijä, — šanou päiväni. — Kyzy kuudamalda, še tied'äy!

Hiän iel'l'äh ajamah. Ajo, ajo. Kuudamo rubei paistamah.

— Edgö, kuudamoizen, ole nähryn šemmoist'a da šemmoist'a t'yt't'yö?

— Tiijän hänet, ga kuollun jo on! Mäne da aja, aja — tullah vaštah kallivogorat. Oigieh käd'eh läht'öy tropinkaine, mäne šid'ä myöt'e.

Ajo poiga. Tuldih vaštah kallivogorat, dai tropinkaine on. Hiän ajau šid'ä myöt'en. Kaččou — grobu šeizou nel'l'än paččahan piäššä. Mäni da lekahutti grobuo. T'yt't'ö šield'äi hypähti:

— Ohoh–hoo, kun viikon magain! Jogo šie milma ečiit?

Otti hiän t'yt'ön da lähettih ajamah. Tuldih čuarin kodih. Emändimä pöllästy. Tuldih taloh. T'yt't'ö šebäi emändimä, ei ollun vihašša. Šilloin ruvettih kaikkie eloja puolikkah jagamah.

Da t'yt't'ö piäzi elämäh.

116. Царская дочь

Жил раньше царь с женой. У них родилась дочь. Царь ушёл на войну. Про-был там долго. Ну, вернулся царь. Как только царь приехал, тут же умерла его жена. Царь взял другую. Прожил с ней недолгое время и сам умер. Ничего мать дочери не оставила, только одно зеркальце. А царь велел всё богатство поде-лить пополам. Жена не хотела делить пополам. Спрашивает она у зеркальца:

— Которая из нас красивее, девушка или я?

— Девушка.

Рассердилась она.

— А я её убью, — говорит она зеркальцу.

— Не убивай, уведи хоть в лес, — говорит зеркало.

Однажды приходит навестить девушку мужчина, которому царь обещал свою дочь в жёны.

А на второй день мачеха увела девушку в лес:

— Я тебя убью!

— Не убивай, оставь здесь!

И оставила. Идёт девушка по лесной тропинке довольно долго. Под конец подошла к большому дому. Дом сторожит собака. Собака её не укусила, впус-тила в дом. Смотрит — никого нет. А комнаты большие и вещей много. Она всё помыла, прибралась, все комнаты вымыла и на печь поднялась. Слышит: идёт кто-то! А собака в сенях от радости прыгает.

— А чего это она такая радостная? — говорят мужчины.

Заходят в избу семеро мужчин.

— Кто-то у нас есть — всё так прибрано, помыто.

Слышат: кто-то дышит. Говорят:

— Если ты старый старик, возьмём тебя в отцы; если ты старая женщина, то возьмём тебя в матери, а если ты молодая девушка, то в сёстры! Спустись отту-да!

Она сошла с печи, поздоровалась.

Мужчины были командирами над солдатами.

— Теперь ты оставайся у нас хозяйкой, — говорят они.

И стала девушка хозяйкой. Много лет тут живёт в хозяйках.

А мачеха ничего об этом не знает. Как-то раз зеркало ей говорит:

— Отпустила девушку в лес, теперь она хорошо там живёт!

— Я пойду и убью её!

А жених уже много лет везде ищет девушку.

Мачеха приготовила такого кушанья, что если его съешь, то сразу помрёшь. И нашла она тот дом, где живёт девушка. Собака её никак не пускает. А девушка пряла у окна, увидела её мачеха:

— Пусти меня к себе в гости!

Девушка впустила, а собака никак не хочет впускать. Как только женщина зашла в избу, дала девушке очень красивый колобок:

— Съешь его, он очень вкусный!

Девушка женщину накормила, напоила. Ушла она. Девушка снова села прясть, а колобок положила на подоконник. Хочется ей съесть его, а собака всё время следит, не даёт. Взяла девушка и положила кусочек в рот. Как только взяла и съела, тут же умерла. Собака с лаем бежит навстречу мужчинам. Мужчины думают, что же случилось? Заходят в избу, смотрят — и давай все плакать. Увидали этот колобок: «Наверное, этим её накормили?» Дали собаке — собака тут же померла. Они сделали хрустальный гроб и пошли хоронить. Установили гроб высоко, на четырёх столбах, в скалистой горе.

А жених, которому царь обещал свою дочь, узнал, что живёт в лесу такая и такая девушка. Он сел на коня и поехал. Приезжает сначала в дом царя. Мачехи нет дома, а зеркало говорит:

— Жила девушка в лесу да уже умерла. Спроси у ветра, тот знает, где она теперь!

Ветер говорит:

— Я не знаю, спроси у солнца!

Мужчина, тот парень, едет, едет, едет и спрашивает у солнца.

— Не знаю я, — отвечает солнце, — спроси у месяца, он знает!

Он дальше поехал. Едет, едет. Месяц начал светить:

— Милый месяц, не видал ли ты такой и такой девушки?

— Знаю я её, но она уже умерла! Поезжай вперёд, доедешь до скалистой горы, там увидишь тропинку, с правой стороны. Пойди по ней.

Поехал парень. Доехал до скалистых гор, увидел тропинку. Едет по ней. Видит — гроб стоит на четырёх столбах. Подошёл, тронул гроб. Девушка вскочила из него.

— О-хох-хоо, долго же я спала! Ты меня уже искал?

Взял он девушку, поехали они. Приехали в царский дом. Мачеха испугалась. Зашли в дом. Девушка обняла мачеху, не было у неё зла. Стали они всё богатство делить пополам.

И стала девушка жить-поживать.

LEGENDAARISET SADUT

ЛЕГЕНДАРНЫЕ СКАЗКИ

117. Suarna Pyhästä Il'l'ašta, vil'l'a D'umalašta

Läksi mužikka pelduo kylvämää, da hiän tuli pellolla, da otti šuapkan piästä da risti šilmät, da sanoi:

— Hospodi blahoslovi, Pyhä Miikkula miiloslovi, anna miula gor'alla hyvä vil'l'a, da kažvata šoma laiho.

Ka mužikka-riebe erehykšissä kuččui viäryä D'umalua abukši. Ka niin mužikka kylvi da aštivoičči pellon da šai šen valmehekši da läksi kodih. Tulou Pyhä Il'l'a vaštaa da šanou:

— Ka hotti kučuit Pyhän Miikkulan abuun, vaan semmoinen nii vil'l'a tulou: min heboni d'älgie d'ätti peldoo, niin monda t'ähkyäni kažvau.

Ka mužikka-riebe tuli ylen äijän abiella mielin da pahalla mielin. Šiinä sruazo tulou Pyhä Miikkula mužikan luo da kyžyy:

— Ka midä mužikkaizeni olet niin goreudun, da olet abiella mielin?

Ka mužikka kertoi, mitengä hiän hairhtui kuččumaa viärän D'umalan abukši.

— Ka elä ole, mužikkaizeni, goreudun da abiella mielin, mie d'uohatan, kuin šiun pidäy ruadua; mäne da aja šuuri stuada hebozie peldoo da ajele niidä čuassu-kakši, jotta ne polgou tanderekši peldosi, ka kyllä vil'l'a kažvau.

Niin mužikka läksi da ruado, niin kuin oli Pyhä Miikkula d'uohattan. Ka šiida kažvoi niin kaunis, šoma, da šagie vil'l'a, kaikki sruasti. Vain ei ollun pitkyä hyvyä mieldä mužikalla. Sruazo tuli Pyhä Il'l'a mužikan luo da šanoi:

— Elä ole ylen äijällä vesselä, kačotaan, miten šiun taiginašša tahaš noužou.

Ka mužikalla tuli tuaš gor'a da beda edee. Hiän tuli tuaš abiella mielin. Vain šiinä abu, missä gor'a, sruazo tuli Pyhä Miikkula mužikan luo da šanoi:

— Luadi niin kuin mie d'uohatan: nyt kuin vil'l'a kypšyy, olet leikannun da pui-nun da d'auhottan melličäššä, niin luaji kanona²³. Da kuin kanona on valmis da viet šen čuassoun'aan da rubiet d'agamaa, niin mie tulen enzimäizekši šidä staučan kera ottamaan. Niin šie šilloin kopahuta milmani oččaan da šano: «Ei kanona ole Pyhyä Miikkulua vaššen, še on Pyhyä Il'l'ua vaššen!»

Ka niin mužikkai luadi. Kuin kanona oli valmis da mužikka oli vienyt šen čuas-soun'aan, da tuli še d'agoaiga, niin mužikka moli D'umalua da risti šilmät da šanoi: «Hospodi, pomiilui, Spuassuzeni Šyöttäjä, blahoslovi, tulgua ristikanža da kaikki rahvaš ottamaa kanonua.»

²³ Kanona – on uudis viljašta tehtyä juomaa, jota siis elon korjuun jälkeen valmistettiin. Kaikki koko kyläkunta osallistui siihen ja se čuassounassa jaettiin, siis kirkossa.

Šilloin Pyhä Miikkula tuli enžimmäizekši staučan kera. Šilloin mužikka otti koušikan da d'umahutti Pyhyä Miikkulua oččaan da šanoi:

— Ei kanona oli šilma vaššen, še on Pyhyä Il'ŭa vaššen luadittu.

Šilloin Pyhä Il'ŭa purškahti nagramaan ja šiihenni viha proidi, da hiän prosti mužikan. Mužikalla nouzi tahaš taiginašša da tuli hyvyä da godnoida leibyä.

Šemmoni oli šuarna Pyhästä Il'ŭasta da Pyhästä Miikkulašta.

117. Сказка о Святом Илье, Боге урожая

Пошёл мужик поле засевать. Пришёл на поле, шапку снял, перекрестился и говорит:

— Господи, благослови, Святой Микола милостивый, дай мне, горемычному, добрый урожай, вырасти богатое жнивье!

По ошибке мужичонка обратился за помощью не к тому Святому [Boгу]. Посеял он поле, пробороновал, всё сделал и пошёл домой. Навстречу ему Святой Илья и говорит:

— Вот позвал ты на помощь Святого Миколу, такое у тебя и жнивье будет: сколько следов конь в поле оставил, столько и колосьев вырастет.

Мужик бедняге уж так обидно стало, расстроился. Тут же навстречу ему Святой Микола идёт и спрашивает:

— Что же ты, мужичок, так пригорюнился да расстроился?

Мужик рассказал ему, как он ошибся, не к тому святому за помощью обратился.

— Не горюй, мужичок, не расстраивайся, я научу тебя, что делать: поди пригони на поле большой табун лошадей да погоняй их часик-другой, пусть они затопчут твоё поле — авось и вырастет добрый урожай.

Пошёл мужик да так и сделал, как Святой Микола научил. Выросли у него хлеба густые, прямо страсть. Да недолго радовался мужик. Пришёл к нему тут же Святой Илья и говорит:

— Ты не очень-то радуйся, посмотрим, как у тебя тесто в квашне будет подниматься!

Мужик опять закручинился. Опять он расстроился. Но там и помощь, где беда: пришёл Святой Микола и говорит:

— Сделай, как я научу: как хлеба созреют, да сожжёшь, обмолотишь и промелешь на мельнице, приготовь канон²⁴. Как изготoviшь канон, принесёшь его в часовню. Когда начнёшь раздавать его, я приду первым, подойду к тебе.

²⁴ Канон — это напиток, приготовленный из зерна нового урожая, готовился сразу после уборки хлебов. В этом участвовала вся деревня и раздавали его в часовне, то есть в церкви.

Тогда ты постучи по моему лбу и скажи: «Канон не для Святого Николы, он для Святого Ильи приготовлен!»

Так мужик и сделал. Когда канон был готов, мужик понёс его в часовню. Подошло время раздачи, мужик молится Богу, крестится: «Господи, помилуй, Спас кормилец, благослови, придите, крещёные, угоститесь каноном!»

Тут Святой Никола со своей чашкой подходит первым, а мужик его по лбу и говорит:

— Не для тебя канон, а для Святого Ильи канон приготовлен!

Тут Святой Илья рассмеялся, и вся его обида на мужика прошла, простил он его. Тесто в квашне хорошо поднималось, и хлеб получался пышный и добрый.

Такая вот сказка о Святом Илье и о Святом Николе.

118.

Jumala enžin luadi taivahan. Biessalla ei ollun še mieleh. Hyö luajittih omuah — pakšut pilvet taivahan edeh. Jumala kaččou — t'ämä ieule hyvä, hiän otti da langetti biessat muah. Kumbazet kirvottih vedeh — ne roittih vedehiziksi, a kumbazet mualla — ne tuldih biessoiksi. Muabiessat šanotah:

— Tästä on vähä.

Avattih (kaivettih) hyö muah loukko, mist'ä algo tulla hyvin äijäldi čakkua, da toizie šyöpäläizie. Jumala tuli da pani šiih loukkoh kegälehen.

Šiid'ä šuaten čakat varatah šavuo.

118.

Сначала Бог создал небо. Бесу это не понравилось. Они создали своё — плотные облака перед небом.

Бог видит — это нехорошо. Он взял да и сбросил бесов на землю. Те, что упали в воду — стали водяными, а те, что на землю — стали лешими, земными бесами. Они и говорят:

— Этого мало.

Вырыли они в земле дыру, откуда вышло много комаров и других насекомых. Бог пришёл и вставил в дыру головешку.

С тех пор комары дыма боятся.

119. Yöniekka

...Mužikka, parda šuuri. Mänöy yht'eh bohattah taloh:

— Laškekkua t'yö milman, šanou, yökši.

— Lažemma yökši! Ičel'l'änä ieu mid'ä šyvvä, — emänd'ä otvečaiččou.

Ižänd'ä šanou:

— Mid'ä meil'ä šilmaž ruveta, prohod'aššoida šyöt't'ämäh. Ni mid'ä meil'ä ei ole ičel'l'ä.

A tied'äy mužikka, što on šiel'ä šyömist'ä da kai. Tulou susiedah. Susieda lapšien kera illaist'au. Ukko on ruavošša, mis's'ä ollou zarabotkoilla. No. Hiän šanou:

— Laže šie milmani, šanou, yökši.

— Tule, tule, šanou, tule raukka, vichkahaizen, šanou, ga miula šyöt't'yä vain ei ole... Jäi t'äh vain kakši kartofeida, šanou, da kromani pikkaraini leibyä.

Hiän šanou:

— Ladno, mie olen äijäl'di n'äläššä, ni, šanou, mie šyön n'ämä. A šie mäne käy aittah, šanou, da ševota taiginah.

— Oi, mie, šanou, jo purnut kai puissin, ieule ni mid'ä purnuloissa!

— Ota šiibi, šanou, da kai hyväzist'ä keryä, šanou, tazazeh da tule šieglo da pane taiginah.

Hiän i otti, pani šen taiginah. Mi hän'el'l'ä šiidä taiginašta? Notkiezen šen pani. Pani kozn'olla, šin'n'e.

Hiän ven'yttih muate ši, palatilla...

Huomneksella nouzi, kartofeida keitti. Šiend'ä ved muin'en oli vielä. Šai siend'ä. No hiän /mužikka/ šanou:

— Paissa šie leibä.

— Mid'ä mie paissan, šanou, kun t'äššä miula eule jauhuo.

...A še bohatta tulou. Emänd'ä otti šen... havulla kiuguan pyyhki. Labiella šen kun l'äbähytti da kiuguah čökkäi. A kun še bohatta naini:

— Ha—ha—haa. Tuošta šiula leibä vuidiu!

Oli, vuotti emänd'ä kodvazen. Pid'äy leibä kiaguašta ottua. Kun kačahiti ga, on-gohan bulkka hyvä! Še susieda vielä ist'uu, vuottau, mid'ä šest'a lien'öy.

Ongo hänen leibä krasivoi, šuuri, vain ei! Emänd'ä še i šanou mužikalla:

— Nouže, nouže šyömäh, šanou, kačo, jo leibä paist'u, šanou.

— Mie vet šiula šanoin, što lien'öy leibä.

Šiend'ä pani, kartofeida. Še mužikka pardua pyyhäl'delöy, šöi maran t'äyven. No a še bohatta i kaččou:

— En tiijä, kuin mie n'yt t'ämänmoizen leivän pais's'an? Šanou, kuin šie taiginah ševotit?

— A notkiezen panin, šanou, n'ait, l'äbähytin labiella.

Hiän mäni, l'äbähytti labiella. Kai mäni tuhkih, niin ni mäni šin'n'e.

No läksi poigeš, mužikka še:

— T'ervehekši jä, passibo yötilalda. Passibo šiula, passibo... Toičči vielä, šanou, rahvašta šyöt'ä da i yökši laže.

— Oi, šanou, lažen, lažen.

— A mänei, šanou, aittah käy.

Mänöy, ga hän'ellä purnut t'äyvet leihyä, ruista da ozrua!

Vot šemmoizen miula šuarnan šano buabo. Muuda en tiijä.

119. Ночлежник

... Мужик, борода большая. Заходит в один богатый дом:

— Пустите вы меня, — говорит, — на ночлег.

— Пустим на ночлег! Самим есть нечего, — хозяйка отвечает.

Хозяин говорит:

— Для чего нам тебя, проходимца кормить. У самих ничего нет.

А мужик знает, что есть там еда и всё. Идёт к соседям. Там соседка с детьми ужинает. Муж на работе, на заработках. Ну, он и говорит:

— Пусти ты меня на ночлег.

— Проходи, проходи, — говорит, — родимый, да мне кормить—то вот, — говорит. — Остались тут две картофелины да корочка маленькая хлеба.

Он говорит:

— Ладно, — говорит, — я сильно проголодался, так я съем и это. А ты сходи в амбар, говорит, да замеси квашню.

— Ой, — говорит, — я уже все сусеки выскребла, нет в них ничего.

— Возьми крылышко, — говорит, — да хорошенько всё собери в тазик, просей и замеси тесто.

Она так и сделала, замесила тесто. Да что толку от такого теста? Жиденькое поставила. И поставила его на голбец.

Легла она спать на полати. Она с детьми там. Утром встала, картошки наварила. Тогда ещё волнушки были. Волнушек принесла, картошку сварила.

Ну, а мужик и говорит:

— Ипеки ты этот хлеб!

— А что печь, — говорит, — больше у меня нет муки.

А эта богатая приходит. Хозяйка взяла, помелом печь подмела. На лопату вывалила тесто и в печь сунула. А эта богатая:

— Ха-ха-хаа. Ну и хлеб у тебя получится!

Прошло немного времени. Надо хлеб из печи вынуть. Как посмотрит, да что за булка, да хорошая! А эта ещё сидит, ждёт, что из этого получится. А хлеб—то до того красивый.

Хозяйка говорит:

— Вставай, вставай кушать, — говорит, — смотри, хлеб уже испёкся.

— Я ведь тебе говорил, что хлеб получится.

Волнушки поставила, картошку поставила. Мужик бороду потирает, наелся досыта, всё. А эта богатая смотрит:

— Не знаю, как же мне такой хлеб испечь? — говорит. — Как ты тесто замешивала?

— А жиденькое замесила, — говорит, — ты видела, да на лопату вывалила. Она пошла, вывалила на лопату. Всё ушло в золу, всё и пропало.

Ну, стал мужик уходить:

— Оставайся здорова, спасибо за ночлег. Спасибо тебе, спасибо... И впредь, — говорит, — корми людей и пускай на ночлег.

— Ой, — говорит, — пускаю я, пускаю.

— А поди-ка, — говорит, — сходи в амбар.

Пошла в амбар, а там у неё полные сусеки хлеба, ржи да ячменя!

Вот такую мне сказку сказывала бабушка. Других не знаю.

NOVELLISADUT JA KASKUT

НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ И БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

120. Upr'uamoi t'yt'är

Ukolla da akalla kolme t'yt'ärd'ä oli. Kakši oli hyvyä, a kolmaš oli, Maikiksi kučuttih, še oli upr'uamoi. Ei ni kunna kuunnellun, hot' kunna... Tuldih ženihhat. Kakši mänì miehel'l'ä, t'yt'ärdä... Toizet mändih miehel'l'ä, Maikki še ei män'n'yn. Tuatto i šanou:

— Ei t'äd'ä t'yt'ärd'ä i kunna pie rahvahah. Kun ei kuundelei ked'ä.

Tuli mužikka:

— No tulin koizil'l'a.

— Tulitta, ga miun, — šanou, — t'yt't'ärest'ä ieu otettavua.

— A mind'äh hän, kun n'äin on krasiivoi t'yt'är?

— Upr'uamoi on.

— Ka anna šie miehel'l'ä, buitto mie händ'ä en opašša.

— A en tiijä, lähtenöygo.

T'yt't'ö läksi miehel'l'ä. Tuatto ando, eigo hiäd'ä eigo mid'ä, upr'uamoi, ei ni luadin hiäd'ä.

No. Mänd'ih kodih. Mänd'ih kodih. Yö šiel'ä muattih. Ukko läht'öy mečäl'l'ä. A Maikki še kodih jiäy. Šanou Maikil'l'a:

— Pane eväšt'ä, — moržiemella.

Morzien eväst'ä pani, morzien kun onga. Eväst'ä pani, läksi, dai koiran otti. A kazi jäi kodih. Da heil'ä heboni on. Tuli izändä kodih ga, akalla, Maikil'l'a i šanou:

— Pane šyvvä.

Maikki t'erväzeh šyvvä panou ukolla. Tuli kazi:

— N'au, n'au.

— Pris, — hiän šanou, še ukko, šulhani.

Kazi ei ni lekaha. Hiän otti veičen, mäni, dai kazin tappo. A Maikki i kaččou, kazi kun ei kuunnellun niäd ni, kazin tappo, no.

Yön muattih, tois's'a piän'ä läht'öy mečäl'l'ä. Šanou:

— Maikki, pane eväst'ä.

Maikki t'erväzeh eväst'ä panomah, hänel'l'ä, šulhazella. Šulhani läksi mečäl'l'ä, koiran otti. Tuli kodih.

— Pane šyvvä.

— Dai šyvvä pani ukolla, t'erväzeh. Koira tuli: «Hau, hau». Koiralla šanou:

— Ole iän'et't'äš.

Koira ei. Otti veičen, tuaš koiran... Dai koira tillisty šiihe. Maikki kaččou: «Vot kun on stroogoi ukko ni. T'äd'ä pid'äy kuunnella». No. Maikil'l'a šanou:

— Rabiešša koira.

Maikki t'erväh otti, koiran rabiešti, kunna ollou šinne. No.

Yön muattih. Huomenekšella noštih. Maikil'l'a i šanou:

— Lähemmä gosti tuattož luokši.

— No läkkä.

Tel'oga onne. Heboni val'l'aštua. Heboni... heboist'a ku ei šyöt'et't'y, heboni niin on paha. Veittih heboni, pandih val'l'ahih... Pandih val'l'ahih, rubettih ist'umah tel'ogah. Vain kun hyö is's'uttih, heboni langei. Heboni langei, heil'ä kirveš oli tel'ogašša. No. Šiid'ä otti, hyppäi, hebozelda piän leikkai da lykkäi dorogan kyl'geh, hebozen dai piän. Maikil'l'a šanou:

— Tule šeizauvu.

Maikki mäni, šeizaudu aizoih. Hiän länget pani piähä, ukko, Maikil'l'a, i läksi, tel'ogašša ajau. A tuatto da muamo vuotetah. Toizet vävyt tuldih, händ'ä ieule, piiruloih. Pani kellon kaglah Maikilla. Kello kaglašša heläjäy. Tuatto da muamo pihalla ollah. Muamo i šanou:

— Joi hän vois tulla, — šanou, — kun kello kuuluu Maikin hebozen.

Ku kačotah goran piäl'd'ä šiel'd'ä, tullah, goran alla pid'äy šolahtua. A muamo i šanou tuatolla:

— Ai-jai-jai. Tule vain kačo, ukkozeni, kun on miän Maikki val'l'ahis's'a.

— Buitto, — ukko šanou, — onne.

Ku kačhtau tuatto, ga val'l'ahissa i on. Tuli, tuli, tuli pihalla. Maikki juokšou, a šulhani tel'ogašša. No. Tuli.

— Tpruu.

Maikki šeizaudu. Šulhani otti länget piäšt'ä, pani tel'ogah, Maikil'l'a ando, mi on

korobaini šiin'a tel'ogašša, korobaizen, mäne. Maikki korobaizen otti, tuaton, mua-mon šebäi, mäni... Kakkaroilla kun mändih. Ukko jäl'geh, šulhani, ei pie heboist'a val'l'aštua. Maikki val'l'ahissa oli ga. Tul dih, gost'bišša luajittih. Tuatto da muamo ei ni mid'ä šanota toizilla vävylöil'l'ä. Dai Maikki ei ni mid'ä virka, dai kaikki. Is's'utah šiin'ä gost'biššua piet'äh ga. Heilä ylen äijäldi viluo vet't'ä himottau. A tuatto i šanou:

— Kakši on kaivuo, — šanou, — t'äššä miulani, yheššä on paha vezi, a toizeššä on hyvä vezi. Mängyä, t'yt't'äret, — šanou, — ku t'yt'är...

A t'yt't'äret ruvettih muata. A muin'ein ei juodu viinua eigo midä, akat. T'yt't'äret muatah.

— T'yt'är, kummani t'yt'är noššou, — šanou, — viluo vet't'ä tuonou meilä t'än gost'biššah, šil'l'ä, — šanou, — anan parahan ubehen.

No. Maikin ukko kuin:

— Maikki, nouže vain!

Maikki hyppäi:

— Na kattilaini.

Mäni, viluo vet't'ä toi, heilä gost'biššah. Ukko käški: «Mäne ven'yt't'yäte». Maikki venyt't'ih. Joi ubehen šai tuatolda. No šidä. Tuaš kun juuvvah, juuvvah dai šanou:

— No, mid'ä n'ygönä. Vielä kun olis toizešt'a kaivošta vet't'ä, ni ken noužou?

Ei ni ked noštua. Maikin ukko šanou:

— Noužekkai, Maikki, tuo vet't'ä.

A tuatto i šanou:

— Ken tuonou vet't'ä, ni t'äyven tel'ogan, mid'ä vain pid'äy, šid'ai annan pri-duaneida.

No. Šiid'ä, Maikki t'eräväizeh hyppäi. Kattilan käd'eh, mäni, kaivošta toi vet't'ä. Ukko šanou:

— Mäne ven'yt't'yät'e.

Maikki ven'yttih šijalla. Gošt'bišša proidi. Huomenekšella noštih, ubehen val'l'ahih, tuatto ando ubehen, Maikil'l'a. T'äyven tel'ogan eluo, šuurella ubehella kodih lähtiet't'ih. A muamo i šanou:

— No, ukko, jo on Maikki opašsettu miän, parahakši piäzi miän t'yt't'ärist'ä.

Kaikkien paraš t'yt'är rodii, Maikki še. Dai šiihi loputah. El'ämäh rubettih kaik-kein parahiten kogo kylästä, hyö.

120. Упрямая дочь

У мужа и жены было три дочери. Две из них были хорошие, а третья — её звали Майкки, была упрямая. Никого не слушалась, никак...

Приехали женихи. Две дочери вышли замуж... Они вышли замуж, а Майкки не вышла. Отец и говорит:

— Эту дочь нельзя в люди отдавать. Никого не слушается.

Пришёл мужчина:

— Ну вот, я пришёл свататься.

— Свататься можно, да с моей дочерью толку не выйдет.

— А почему так? Ведь она такая красивая девушка.

— Упрямая она.

— Отдай ты её за меня, может я её научу жить.

— Да не знаю, пойдёт ли?

Пошла девушка замуж. Отец отдал: ни свадьбы, ничего, упрямая такая, отдали без свадьбы.

Ну вот. Приехали домой. Ночь поспали. Муж отправляется в лес, на охоту. А Майкки дома остаётся. Говорит он Майкки:

— Приготовь дорожки, еду, — молодой говорит.

Приготовила она ему еды в дорогу, молодуха. Пошёл муж, собаку взял. Дома кошка осталась. И лошадь у них была. Вернулся хозяин домой, говорит своей жене, Майкки:

— Давай есть.

Майкки тут же подаёт ему кушанье. Подошла кошка:

— Мяу, мяу!

— Брысь, — говорит он, муж, этот молодой.

Кошка ни с места. Взял он нож и убил кошку. А Майкки смотрит — кошка, вишь, не послушалась, убил кошку.

Ночь прошла. На следующий день опять идёт на охоту. Говорит:

— Майкки, приготовь еду с собой.

Майкки быстренько собирать ему провизию, мужу. Ушёл он на охоту, собаку взял с собой. Вернулся домой:

— Давай есть.

Собрала мужу поесть, мигом. Подошла собака: «хау, хау!»

Говорит он собаке:

— Замолчи!

Собака не унимается. Взял нож, опять собаку... Тут собака и скончалась. Майкки видит: «Вот какой строгий муж. Надо его слушаться». Он говорит Майкки:

— Убери собаку!

Майкки быстренько собаку убрала, отнесла куда-то туда. Ну. Ночь поспали. Утром встают. Говорит он Майкки:

— Поедем к твоему отцу в гости.

— Поедем!

Есть у него телега, лошадь запрячь. А лошадь... её плохо кормили, она такая тощая. Подвели коня, запрягли... Стали садиться в телегу. Как только сели, лошадь и упала. Упала лошадь, а в телеге был топор. Ну. Вскочил он, взял и

отрубил у лошади голову, отбросил на обочину и тушу, и голову. Говорит он Майкки:

— Иди сюда, встань!

Майкки подошла, встала. Он, этот муж, хомут Майкки на голову, сел в телегу и поехал. А отец с матерью ждут. Другие зятья уже приехали на пир, а его нет. А он ещё колокольчик на шею Майкки повесил. Колокольчик звенит, отец с матерью во дворе. Мать и говорит:

— Пора бы им подъехать, уже и колокольчик слышится.

Смотрят — оттуда сверху, с горы, едут, под горку надо спускаться. А мать и говорит отцу:

— Ай-ай-ай. Иди-ка, муженёк, посмотри, ведь это наша Майкки в упряжке!

— Неужто, — говорит старик, — это она?

Уже и отец углядел — она в упряжке.

Приехали во двор, прибыли. Майкки бежит, а молодой муж в телеге сидит. Приехали:

— Тпруу.

Майкки встала. Снял муж хомут с шен, положил в телегу. Подал жене короб из телеги — иди. Майкки взяла короб, обняла отца, мать, пошла в дом. Они на блины приехали. Муж, молодой, следом, коня распрягать не надо. Майкки в упряжке... Устроили гостьбище. Отец с матерью ничего не говорят другим зятьям. И Майкки молчит. Сидят, угощаются. Захотелось им холодной воды попить. Отец говорит:

— Есть два колодца, — говорит, — тут у меня: в одном вода плохая, а в другом вода хорошая. Идите, дочери, — говорит, — которая из вас...

А дочери уже спать легли. А раньше водку не пили женщины. Дочери спят.

— Дочери, которая дочь встанет, — говорит, — принесёт холодной воды за этот стол, той, — говорит, — отдам лучшего коня.

Ну. Муж Майкки только вымолвил:

— Майкки, вставай-ка!

Майкки вскочила.

— Возьми ведёрко.

Пошла, принесла холодной воды им к столу. Муж отправил её спать. Она легла. Уже коня добыли у отца. Ну, потом. Опять тут пьют, пьют и говорят:

— Ну, что теперь? Надо бы ещё и из другого колодца воды попить, так кто встанет?

Никто не встаёт. Муж Майкки говорит:

— Вставай-ка, Майкки, принеси воды.

А отец и говорит:

— Кто принесёт воды, той полную телегу дам приданого, чего только захочет.

Майкки мигом вскочила. Ведёрко взяла, принесла воды из колодца. Муж говорит:

— Иди ложись.

Легла Майкки. Гостьбище закончилось. Утром встали, запрягли коня, отец дал Майкки коня. Полную телегу добра нагрузили, на коне поехали домой. А мать и говорит:

— Ну, старик, наша Майкки уже научена, стала лучшей из наших дочерей.

Лучшей стала Майкки.

Тут и кончается. Стали жить лучше всех в деревне.

121. Bohatta da keyhä

Bohatta da keyhä roattii huuhta yheššä. Ruis tuli ylen hyvä. Bohatta mužikka tahtois yksinää šoaha t'ämän huuhan. Šanou keyhällä mužikkalla:

— Ei makša meil'ä d'agoa t'ädä huuhtoa, ei lyyht'ehin'ä eigä jyv'in'ä, vain mämmä suudoo, kumbani kolme viizahamboa šanoa šanonou, še huuhan šoau.

Keyhä mužikka tuli hyvin pahalla mielin kodihiize. T'yt'är kyžyy toatolda, mid'ä hiän on pahalla mielin?

Toatto šanou:

— Bohatta tahtou huuhan anaštoa.

— Kuin niin?

— Ka niin, — šanou, — suudoo kučču, kumbani viizahammad šanad šanonou, še šoau huuhan.

— Mie lähen suudoo.

Männää huomena suudoo. Sudjad kyžytää:

— Mi teilä on azie?

Bohatta šanou:

— Meilä oli huuhta kylvetty yheššä. Myö emmä taho šid'ä jagoa l'yhtehinä, emmägi jyv'inä, vain tahomma jagoa, kumbani šanou kolme šanoa viizahambo, še šoau huuhan.

— No, šano šie enzimmäksi!

Bohatta šanou:

— Kuin kirikön kelloja zvonitaa, ymbäri moailman kuuluu.

T'yt't'ö šanou:

— Ei še ymbäri moailmoa kuuluu, vain šigäli kugali hän kuuluu.

Sud'jad reššittii, jotta t'ytön šana on viizahambi. Toizen šanan toaš mužikka šanou:

— Kuin čoari andau mimmoizen zakonan, niin t'äyd'yy kaiken kogo moailman kuunnella.

T'yt't'ö šanou:

— Ei še kogo moailma kuundele yhen čoarin zakonoa, vain še gosudarstva, mis's'ä še on annettu!

Sud'jad toaš reššittii t'yt'ön šanad viizahammakši.

— No, šano n'yd kolmaš šana! — šanotaa bohatalla.

Bohatta šanou:

— Hot kuin olis boikkoi mužikka, niin päiväššä ei šoa kis'kuo kozalda nahkoa peäld'ä.

Kyžytää t'yt'öld'ä:

— Vaštoa n'yd!

T'yt't'ö šanou:

— Azie toži on, päiväššä hot kahešša ili kolmešša nahka otetaa kozalda. Vain še on, šanou, kummemb i azie, kuin miun moamo toatolda on nylgen viijet't'äkymmend'ä vuotta nahkoa: puoleh šoat'e še nylgöy, še d'eäy aina keškozekši, da ei tule ijäššä nahka otetukši.

T'yt'ön šanad viizahammakši tuldii da t'yt't'ö voitti huuhan.

121. Богатый и бедный

Богатый и бедный сделали вместе подсеку. Выросла рожь славная. Богатый хотел заполучить всё себе. Говорит бедному мужику:

— Не стоит нам с тобой делить урожай — ни снопами, ни зерном. А пойдём мы в суд, кто скажет три слова умнее, тому и урожай достанется.

Бедный мужик пришёл домой закручинившись. Дочь спрашивает у отца, отчего он так расстроен? Отец отвечает:

— Богатый хочет весь урожай забрать.

— Как это?

— А так, — говорит, — в суд вызовет, кто скажет самые умные слова, тому и урожай достанется.

— Я пойду в суд.

Идут назавтра в суд. Судья спрашивает:

— Что за дело у вас?

Богатый говорит:

— Мы вместе сделали подсеку и засеяли. Мы не хотим делить ни снопами, ни зерном, а хотим поделить так — кто скажет три слова умнее другого, тому и урожай достанется.

— Ну, скажи первым ты!

Богатый говорит:

— Когда в церковные колокола звонят, по всему миру слышно!

Девушка говорит:

— По всему миру звон не слышен, а лишь настолько, насколько он раздаётся.

Судьи решили, что слово девушки умнее. Опять второе слово произносит богатый:

— Какой закон царь издаст, весь мир должен его исполнять.

Девушка говорит:

— Весь мир не исполняет законы одного царя, а лишь то государство, где закон издан.

Судьи опять решили, что слова девушки разумнее.

— Ну, скажи теперь третье слово! — говорят богатому.

Богатый говорит:

— Как бы ловок ни был мужик, за день с козы шкуру снять не сможет.

Говорят девушке:

— Отвечай теперь ты!

Девушка говорит:

— Это так, за день или за два, а может и за три с козы шкуру снимут. Только то удивительно, — говорит, — что моя мать у моего отца уже пятый десяток лет шкуру сдирает: до половины сдерёт, и всё до конца не может, так за всю жизнь и не смогла до конца содрать.

Слова девушки сочли более умными, она и выиграла; урожай достался бедному.

122. Gluuppa akka

Oli ennen ukko da akka. Akka oli vähäzen glupovaatoi, niin kuin ni mie t'äššä. Ukko kävelleššäh šanou akallah:

— Lähemmä meččäh!

A ukko varajau, jotta akka šanou rahvahalla, kun hiän löyzi uardehen. Matkah ukko otti zirkkalon da pani koškeh, vedeh. Akka matkuau meččäh ukon peräššä, dai šanou:

— Oi, ukkozeni, kačo vain, mi kožešša paistanou?

Ukko šanou:

— Ka vet päivä kožešta paistau! A n'yt, — šanou, — lien'öy šuuri šoda, istuuvu bučin alla!

Akkai män'öy istumah bučin alla. Ukko pani, bučin piäl'l'ä kylvi jyvyä da laški kanat šiih. Kanat kun piäštih, davai jyvie n'okkimah. Akkai smiettiy — n'yt še šoda algo. Piäšt'äy ukko hänet šieldä pois, kyžyy:

— Kuulidgo mid'ä, oligo mid'ä?

— A kuin ei ollun! Šemmoni jymineh oli, kai bučči tärizi.

— Ka šanoinhan mie.

Dai akka šielä kyläššä kävelöy, ei keššä, šanou:

— Miun ukko uardehen löyzi!

Ukkuo jo tahotah suudoh panna. Otettih, viedih suudoh. Kyžytäh akalda:

— Konža ukkoš löysi uardehen?

— A konža kožešta päiväni paisto.

— A konža še kožešta päiväni paisto?

— A konža oli kammarišoda.

Ukko šanou:

— Kuunelgua t'yö händä! Ved on gluuppa, mid'ä t'yö händä kuundeletta!

Da niin ukko piäzi rauhašša pois suuvošta.

122. Глупая жена

Были раньше муж да жена. Жена была немного глуповатой, вот как я тут.

Муж говорит жене:

— Пойдём в лес!

Муж боится, что жена скажет людям, что он нашёл клад. Муж взял с собой зеркало и положил его в воду, в порог, на дно реки. Жена за мужем следом идёт и говорит:

— Ой, муженёк, взгляни-ка, взгляни-ка, что там в водопаде светит?

Муж говорит:

— Так ведь это солнце из реки светит! А сейчас начнётся большая война, сядь-ка под бочку!

Жена и села под бочкой. Муж насыпал сверху зерна, впустил кур. Куры давай зерно клевать, давай клевать, жена думает, что вот уже и началась война. Выпустил её муж оттуда, спрашивает:

— Ты что-нибудь слышала, что тут было?

— Да как не быть? Такая потасовка была, аж бочку трясло.

— Говорил же я тебе.

Жена входит в деревню, не терпится ей, чтоб не сказать. И говорит:

— Мой муженёк клад нашёл!

Мужа уже хотят судить. Привели в суд. Спрашивают у жены:

— Когда твой муж нашёл клад?

— А когда из реки солнце светило!

— А когда это из реки солнце светило?

— Да когда была большая война [камерная!].

Муж говорит:

— Вы только слушайте её! Она же глупая, а вы её слушаете!

Так мужа и освободили от суда.

123. Kui gluupat elet't'ii

Elet't'ii ukko da akka. Oli heilä t'yt'är da poiga. Ukko kuoli. Akka jäi pojan da t'yt't'ären kera el'ämää. A t'yt't'ö oli hupakko. Dai muamolla oli vähä miel'd'ä. No. Elet't'ii, oldii. Ilda rodih. Pid'äy halot kiuguah kerät'ä akalla. Rubei akka halgoja kiuguah keryämäh dai halgo langei. Hiän ottai itkie.

— Mid'ä šie it'et? — t'yt'är šanou.

— Kun miula olis ollun bunukka da kun olis, — šanou, — halgo hän'en piäl'l'ä langen dai bunukka olis kuollun!

Dai t'yt'är rubei it'kemäh. Žuali on, kun olis poiga pieni hän'el'l'ä da halgo olis langen!

Poiga kyžzy:

— Mid'ä työ ruatta?

— Šenin da šenin.

— Heit't'äkyä pois, — kiel'd'äy.

Tuli tuaž ilda, läht'öy emänd'ä lehmyä lypšämäh. Jo viikon on liäväššä, ei tule kodih. Poiga igävyšty, läksi eččimäh, missä on muamo da sizar. Mänöy:

— Mid'ä työ ruatta?

A hyö lehmällä jaloissa buuritah:

— Prossi, lehmäzeni, prossi, lehmäzeni (hyö pierdih lypšyäs's'ä), prossi, lehmäzeni!

A lehmä ei virkai mid'ä. Šanotah pojalla:

— Lehmä kun ei virkai mid'ä, a myö, — šanou, — šenin da šenin ruadoma!

Hiän šanou:

— Heit't'äkyä pois, tulgua kodih.

No dai tuldih kodih. A poigai šanou:

— Vuotai šie, mie lähen muailmua myöt'en kävelömäh, moužot on vielä missä gluuppua rahvašta, kun meilä kakši.

Huomenekšella nouzi, čäijyn joi. No dai läksi. Matkai, matkai. Mänöy kyläh. Kaččou — mužikka t'el'mäy, kodie kiänd'äy. Ikkunan alla on heboni šittun tukun, hanel'l'ä haizuu ikkunašta. Hän ottau da perevern'ot dom, pyörähyt't'äy.

— Mid'ä šie, izänd'ä, ruat?

— Perttie kiän'n'än, heboni šittu pihalla.

— Ongo šiula zastuppa?

— On jo vellen.

— Ana miula zastuppa.

Hiän zastupan ando, mužikka, še poiga, otti, tukun lykkäi...

— No passibo, — šanou, — kun t'ämän hyvän dielon šie miula d'uohatit.

Läksi ielläh. Matkai, matkai. Män'öy kyläh. Kaččou, ga mužikka t'el'muiččou — häkkie noštou kylyn piäl'l'ä.

— Ka mid'ä šie ruat?

— A hein'yä, — šanou, — kun kažvo katokšella, nin anna häkki hein'ät šyöy, — šanou.

— Ongo šiula viikateh?

— Ka on.

— No ana viikateh t'än.

Viikattehen ando, mužikka hein'äd niit't'i, lykkäi häkil'l'ä ed'eh. Häkki rubei šyömäh.

— Ka passibo, kun t'ämän dielon d'uohatit!

Läksi iel'l'äh. Matkai, matkai. Tuaž män'öy kyläh. Kaččou t'äd'ä — mužikka pihalla šeizou, šeizou, värčči kiäššä — hup, juokšou perttih. A ikkunoi ieu. Pertti on strojittu, a ikkunua ieu — hiän päivyä kandau perttih värčil'l'ä. Tulou, kun ei ole päivyä, tuaš on pimie. Juokšendelou, niin on jo hieššä, niin äijäl'di ruadau, a päivyä ei voi kandua.

Mužikka tuli.

— Mid'ä šie ruat?

— A näit, kojnin strojin, ni ieu valgieda pertissä.

— Ka ongo šiula kirveš da pila?

— On.

Luadi poiga ikkunat, st'oklat pani, dai valgie rodih.

— Passibo, — šanou, — kun šie t'ämän dielon miula d'uohatit.

Läksi ielläh. Matkai, matkai. Män'öy tuaš kyläh, tuaš talo šeizou. Mäni taloh. Akka šeizou pukšut kiäššä, kozn'on luona, a mužikka on kozn'olla. Ku hyppyäy pukšuloih — ei ni ožauvu, kyličči... Ottau akkua lyyvā!

— Miksi šie akkua lyöt?

— Pahat pukšut ombeli.

Akka it'köy. Mužikka, še poiga, kyžyy:

— Mi t'eilä rodih?

— Akka pahat pukšut ombeli, ei šua jalgah panna.

— Ota ist'uuvu.

Hiän otti izännän is's'utti, d'uohatti hänel'l'ä pukšut jalgah panna.

— Passibo, — šanou, — kun t'ämän dielon juohatit, pukšut jalgah panna.

Läksi poiga jälel'l'äh kodih. Tuli kodih, šanou:

— Muamo da čikko, eläkyä, ylen on äijä gluuppua mualla, että t'yö yhet.

123. Как глупцы жили

Жили муж да жена. Были у них дочь да сын. Старик умер. Осталась старуха с сыном да с дочкой. А дочь была глуповата. И у матери ума немного было. Ну. Живут, поживают. Настал вечер. Надо дрова в печь сложить. Стала старуха дрова в печь складывать, да одно полено и упало. Она давай плакать.

— О чём ты плачешь?

— Если бы у меня был внук, да если бы, — говорит, — полено на него упало, так внук бы тут и умер!

И дочь давай плакать. Жаль ей, а вдруг бы у неё был мальчик, и на него бы полено упало!

Сын спрашивает:

— Что вы делаете?

— Вот так-то и так.

— Перестаньте, — унимает их.

Настал опять вечер. Пошла хозяйка корову доить. Что-то долго она в хлеву, всё не возвращается. Сын уже заждался, пошёл искать, где задержались мать с сестрой. Пришёл в хлев:

— Что вы тут делаете?

А они корове в ноги кланяются:

— Прости нас, коровушка, прости, коровушка [они пукнули, когда корову доили], прости нас, коровушка!

А корова молчит, ничего не отвечает. Говорят они парню:

— Корова ничего не отвечает, а мы, — говорят, — вот что наделали!

— Перестаньте, идите домой, — говорит сын.

Пришли они домой. А сын и говорит:

— Пойду-ка я похожу по свету, может быть, ещё где-то есть глупые люди. Если найду, то вернусь обратно домой.

И пошёл. Шёл, шёл. Пришёл в деревню. Смотрит — мужик старается, пыжится, дом поворачивает. Под окном лошадь оправилась, от навоза под окном в доме воляет.

— Что, хозяин, делаешь?

— Дом поворачиваю, пахнет под окном.

— А у тебя имеется ли заступ?

— Как же, братец, имеется.

— Дай-ка его мне.

Он дал заступ, парень взял, выкинул навозную кучку из-под окна подальше.

— Ой, спасибо, что такое доброе дело сделал, надоумил!

Идёт парень дальше. Шёл, шёл. Опять пришёл в деревню. Смотрит — мужик старается изо всех сил, быка на крышу бани поднимает.

— Что же ты делаешь?

— Да вот трава, — говорит, — на крыше выросла, так пусть бык поест травы.

— А коса у тебя имеется?

— Имеется.

— Так дай мне косу.

Дал косу, парень траву выкосил, бросил быку. Стал бык есть.

— Спасибо, спасибо, что такому делу научил!

Идёт дальше. Шёл, шёл. Опять пришёл в деревню. Смотрит — стоит посреди двора мужик, стоит, в руках мешок держит — хоп! И побежал в избу. А окон в доме нет. Дом построен, а окон нет — он мешком свет в избу носит. Приходит, а там опять темно. Бегаёт взад-вперёд, весь в поту, так заработался, а света в избе всё равно нет.

— Что ты делаешь?

— А видишь, дом построил, а света в избе нет.

— А есть у тебя топор и пила?

— Есть.

Прорубил парень окна, вставил стёкла, и стало светло.

— Спасибо, — говорит, — что ты меня этому делу научил.

Пошёл дальше. Шёл, шёл. Опять в деревню пришёл, там дом стоит. Заходит в дом. Жена стоит, штаны в руках держит, около голбца, а муж на голбце. Как прыгнет в брюки — и не попал, мимо... Давай жену бить!

— Зачем ты жену бьёшь?

— А плохие штаны сшила, никак надеть не могу.

Жена плачет. Парень спрашивает у неё:

— Что же у вас случилось?

— Да вот, плохие штаны жена сшила, никак их не надеть.

— Давай-ка, садись!

Посадил он хозяина, показал, как надо штаны надевать.

— Спасибо тебе, — говорит хозяин, — что этому делу научил, хоть штаны надел на себя.

Пошёл парень обратно домой. Пришёл домой, говорит:

— Мать да сестра, живите, много глупцов на свете, не вы одни.

124. Pluutta mužikka

Oli ennen šemmon'e pluutta mužikka. Mäni kolme velleštä halguo leikkuamah. Hiän heilä šanou:

— Miksi työ stolovoissa joga kerran d'engat makšatta, kun šyöttä?

— A kuinba? — šanotah toizet.

— A miula tämä šliäppä makšau: šil'l'ä kun huiskuan — dai makšettu.

Ga toizet ihmetelläh:

— Kuin že voit kaikešta ruuvašta makšua?

— Tulgua vain huomena restoranah, nin niät't'ä.

Dai tuldih toizet kučuttuh aigah. Hiän jo ield'äpäin oli kaikki d'engat makšan da kai zakažinut. Čekit vain ottua. Hiän tuli, šöi, joi. A toizet kačotah.

— Tuošta hiän nyt monda šadua makšau, tuommozen veron šyöy.

A hiän nouzi stolašta, šliäpäl'l'ä heilahutti.

— Izändä, šel'vätgö ollah?

— Kai on maksettu, — šanou izändä.

A toizet hänellä jälgeh.

— Myö šie meilä še šliäppä.

— Ga voin mie, — šanou, — myyvä. Annatta viizikymmendä rubl'ua mieheštä.

Še tulou šadaviizikymmendä rubl'ua kolmešta.

D'engazet kovottih, oššettih šliäppä. Yksi šliäpän piäh pani.

— Davai lähemmä restoranah, nyt makšua ei pie.

Mändih restoranah, tilattih viinat da muut herkut. Juuvah, šyyväh, midä vain on kallehembua. Šyödih noin kolmeš šadah rubl'ah. Šliäppäpiä zakazivaiččou. Ruvet-tih lähtömäh. Tiluaja heilahutti lakillah:

— Izändä, šel'vät olemma?

— Ga mitein šel'vät, enzin rahat makšakkua!

Heilahutti toizen kerran:

— Olemmago šel'vät?

— Ei, ei, makša rahat!

Da rahat pidi makšua. Mändih pihalla. Yksi šanou:

— Šie pahoin lippazit. Hiän vet' lippazi toizin puolin.

Toine šanou:

— Huomena mie šliäpän otan. Pidäy tilata niidä šyömie, mid'ä hiän tilazi.

Dai mändih toissapiänä restoranah. Zakazivaijah šidä, mid'ä mieš oli zakazivai-nun. Šyödih, juodih. Lähettih da lipahutettih šliäpällä:

— Izändä, olemma šel'vät?

— Ga kun rahat makšatta, nin šiidä!

Tuaš hiän pidi makšua. Paissah:

— Valehteli. Lähemmä tapamma hänen.

A mieš smekaičči — d'engoja voijah tulla periämäh. Huomenekšella pertin läm-miteššä da lihakeiton kiehuos's'a huomauu, jotta tullah miehet. Hiän čugunnikan kiuguašta tavotti da vei šen pordahilla. Ne kun tul dih, hiän šanou:

— Ladno, kypšet jo ollah lihat, vierahilla juštih.

Kuču miehet šyömäh. Šyyväh šiinä. Miehet kyzytäh:

— Kuin šiula čugunnikka ilman tuletta kiehuu?

— Ga kiehuu še, hangella hoš pane, kun vain keit't'ämistä šiämeššä on.

— Ga myö meilä. Aijängo otat?

— En äijyä, kakšikymmendä viizi rubl'ua kaikkieh.

Oššettih čugunnikan, lähettih meččäh. Mändih, leikatah halguo. Tuli murgina-aiga. Yksi mäni, pani lihat, vejen da jauhoh kattilah da läksi leikkuamah. Toizet vähä-zen aijan piäštä käzetäh kaččomah: kun ollou kiehun da kuču. Kaččou, tulou da ša-nou:

— Ei kieh, riideh on jo piällä.

Leikattih vielä halguo, läksi toini kaččomah. Ga i jiiššä on kogonah. Tuaš valeh-

teli — duumaijah. Čugunnikka on jiaššä, jotta kirvehellä ei šua veštyä. Valehteli durakka! Da muretettih čugunnikka.

— Lähemmä kehnon tapamma!

Tullah, ga hiän sarajalla regie luadiu. A toizet ei ole ni nähty ennen kogo regie.

— Miksi šie tädä luajit?

— Ga luajin ičelläni hebozekši. Kunne lähen, nin ei tarviče kävellä.

— Kuinhan ilmain hebozetta kävelöy?

— Ga kaččokkua, paikalla lähen.

Hiän istuu regeh — da sarajapordahie myöt'en alahakši. Termän alla karjuu: tpruu, tpruu, a čuna ičeštäh piet't'yy.

— Etgö šie myö meilä tädä korjua, kun meilä on loitoš meččäh kävelendä?

— Tämän mie hoš teilä möizin, ni tädä työ että maha upravl'aija.

— Ga etgö šie meidä juohata?

— Ga juohattaizin, vain rahvahan aigana ei šua juohattua: ei lähe matkah. Tiän pidäy vediä meččäh šuate. Mänettä korgiellä goralla, lähettä šiidä. Moužet rubieu kuundelomah.

Hyö makšettih viizikymmendä rubl'ua da lähettih vedämäh. Vejetäh ylen korgien goran piällä, missä hiän halgopinot alahana oli.

— Ga täštä myödämägeh kuottelemma.

Alahana on mutka, missä hyö halguo leikattih. Regi läksi juokšomah. Da ravieh juokšou. Yksi šanou:

— Pidäy piet't'yä.

— Ka midä piet'ämmä? Kergiey lähembänä halgopinuo.

A hyö kun goran alla piäštih, da mutkašta halgopinoja kohti. Yksi šanou:

— Piet'ä!

— Anna mänöy halgopinoih kiini, iče piet't'yy, — šanou toin'e.

Čuna kun halgopinoh mäčähti: šebä poikki, iče pit'äkšeh. Nouštih. Yksi šanou:

— Valehteli, keho!

— Ei, — šanou toin'e. — Myö emmä kyžyn, mitein rukovodie kattilua da šuap-kua. Emmägä tädä mahtan rukovodie.

Da mies jäi puhtahakši. A hyö mändih meččäh halguo kuadamah.

124. Плутоватый мужик

Был раньше такой плутоватый мужик. Пошли три брата дрова рубить. Он им говорит:

— Почему вы в столовой каждый раз деньги платите, когда едите?

— А как же? — говорят те.

— А у меня эта шляпа платит: ею как махну — всё уплачено.

А те удивляются:

— А как же она может за всё заплатить?

— А приходите завтра в ресторан, так увидите.

И пришли те в назначенное время. Он уже заранее за всё заплатил деньги и заказал всё. Только чеки взять. Он пришёл, поел, попил. А те смотрят.

— За это ему придётся несколько сотен заплатить, за такой обед.

А он встал из-за стола, шляпой махнул.

— В расчёте, хозяин?

— Всё уплачено, — говорит хозяин.

А те за ним следом.

— Продай ты нам эту шляпу.

— Что ж, могу, — говорит, — продать. Дадите по пятьдесят рублей с брата. Это выходит сто пятьдесят рублей с троих.

Денежки собрали, купили шляпу. Один надел шляпу на голову.

— Давай пойдём в ресторан, теперь платить не надо.

Пришли в ресторан, заказали вина и разных лакомств. Пьют, едят, что только подороже. Съели так рублей на триста. Тот, который в шляпе, заказывает. Собрались уходить. Тот, кто заказывал, махнул шляпой.

— Хозяин, в расчёте?

— Как же в расчёте, сперва деньги заплатите.

Махнул второй раз:

— В расчёте ли?

— Нет, нет, плати деньги!

И пришлось заплатить деньги. Вышли на улицу. Один говорит:

— Ты плохо махал. Он ведь другим краем махал.

Второй говорит:

— Завтра я шляпу возьму. Надо заказывать те же блюда, что он заказывал.

Да и пошли на второй день в ресторан. Заказывают то, что тот мужчина заказывал. Поели, попили. Собрались уходить и махнули шляпой.

— Хозяин, мы в расчёте?

— А когда деньги заплатите, тогда и в расчёте.

Опять пришлось за всё заплатить. Говорят между собой:

— Обманул. Пойдём убьём его.

А мужик смеялся, что могут прийти за своими деньгами. Утром, когда печь топилась и мясной суп варился, замечает он, что идут мужики. Он чугуном из печки вытащил и вынес на крыльцо. Когда те пришли, он говорит:

— Ладно, готово уже мясо, как раз для гостей.

Позвал мужиков есть. Едят тут. Мужики спрашивают:

— Как у тебя чугуном без огня кипит?

— Как же, кипит! Хотя на снег ставь, было бы что варить.

— Продай ты нам. Сколько возьмёшь?

— Немного, всего двадцать пять рублей.

Купили чугуном, пошли в лес. Пришли, рубят дрова. Настало время обедать.

Один пошёл, положил в чугуны мясо и муку, налил воды и пошёл рубить. Другие через некоторое время велют посмотреть, не закипел ли суп. Посмотрел, приходит и говорит:

— Не кипит, уже ледком покрылся.

Порубили ещё дров, пошёл другой смотреть. А уже совсем обледел чугуны. Опять обманул — думают. В чугуне лёд, так что топором не отколоть. Наврал дурак! И раскололи они чугуны.

— Пойдём убьём чёрта!

Приходят, а он на сарае сани делает. А те раньше никогда даже не видели таких саней.

— Для чего ты это делаешь?

— Вот делаю себе вместо лошади. Как пойду куда-нибудь, не надо идти пешком.

— А как же это без лошади идёт?

— Так посмотрите, сейчас поеду.

Он садится в сани — и вниз, по взвозу сарая. Внизу кричит: «Тпру-тпру», — а сани сами и останавливаются.

— Не продашь ли нам эти сани, потому что нам далеко ходить в лес?

— Я хоть вам и продал бы, но вы не умеете ими управлять.

— А ты нас не научишь?

— Научил бы, но при людях нельзя показывать: сани не пойдут. Вам придётся тащить до лесу. Подниметесь на высокую гору, потом поедете. Может быть, сани тогда будут слушаться.

Они заплатили пятьдесят рублей и потащили. Втащили на очень высокую гору, под которой были поленицы дров.

— Вот отсюда с горы попытаемся.

Внизу поворот, где они дрова рубили. Сани покатались, быстро едут. Один говорит:

— Надо остановить.

— А зачем останавливать? Успеем поближе, у самых полениц.

Покатались они под гору, из-за поворота прямо на поленицы. Один говорит:

— Останови!

— Пусть подойдут вплотную к поленицам, сами остановятся, — говорит другой.

Сани как жмякнутся в поленицу: передок пополам, сами братья навзничь. Поднялись. Один говорит:

— Обманул чёрт!

— Нет, — говорит другой. — Мы не спросили, как управлять котлом и шляпой. И этими тоже не смогли управлять.

И мужик остался чистым, не виноватым. А они, братья, пошли в лес деревья валить.

125. Šuarna toizen muan korolih i Venyähän čuarih nähen

En' n'en tuli koroli toizist' a maist' a Ven' yähän čuarin luokši, kyžyy Ven' yähän čuarilda:

— Ongo t' eil' ä šemmoine mieš, kumbane voiz miun kera pais' s' a, midä mie duu-maičen, hiän vaštuaiz miula?

Čuari työndi eččimäh, eigo löyvy šemmoist' a mieštä. Šiid' ä kävel' dih, kävel' dih eččimäššä, löyvettih humalamieš, še ven' yy kabakan pihalla humalaššä. Šiid' ä händ' ä nošettih:

— Nouže pois!

Še nouzi. Šiid' ä händ' ä kyžyttih:

— Edgo maha pais' s' a čuarin kera... korolin kera?

Hiän šanou:

— Mie mahan, mie maltan!

Šiid' ä händ' ä tuodih korolin luokši. Koroli šanou:

— Meilä pid' äy šemmoine eri huoneh, komnatta, missä myö voizima olla kahren.

Šiid' ä hyö istuuvuttih vaššakkah, yksi puoleh stolua, toine toizeh. Šiid' ä koroli händ' l' ä ojendi yhen šormen. Hiän ojendi korolilla vaštah kakši šormie. Šiid' ä koroli šormella d' uohatti ylähäkši. Hiän d' uohatti šormella alahakši, korolilla vaštah. Šiid' ä koroli d' uohatti poikkieh i pitin, šormella, ristih. A hiän d' uohatti... kiällä pyöritti alahana ymbärih.

Šiähi heilä pagina loppu. Šiid' ä koroli šano händ' l' ä passibon i tuli čuarin luokši. Ven' yähän čuarilla šano:

— Passibo, kuin löydy t' eilä šemmoine mieš — mie en uskon, što t' eilä on Ven' yäheššä šemmoizie miehie. Mie kuin, — šanou, — d' uohatin händ' l' ä, što D' umala luadi Adaman, hiän miula vaštazi, što niin žei Dievan. Šiid' ä mie d' uohatin ylähäkši, što D' umala luadi taivahan. Hiän d' uohatti alahakši: niin žei muan. Šiid' ä mie d' uohatin poikkieh i pitin, ristih, što D' umala luadi d' ärvet i d' ovet. Hiän miula vaštai: niin žei kožet.

Šiid' ä koroli ando čuarilla passibon i läksi poigeš. Šiid' ä čuari kučču šen mužikan, kyžyy:

— Mid' ä työ pagizija korolin kera?

Hiän šanou:

— Koroli miula ando kukon, mie annoin händellä vaštah kakši. Hiän d' uohatti ylähäkši šormella: šilma pid' äis puistua tukist' a šiid' ä t' öin. Mie händellä d' uohatin vaštah, što: šilma pid' äis painua alahakši tukist' a. Hiän d' uohatti što: šilma pid' äis veil' l' ä puoleh — toizeh, a mie händ' l' ä d' uohatin: šilma pid' äis pyörät t' yä ymbärih tukist' a.

Šiid' ä čuari otti, šuan rubl' ua d' engua händellä ando. Šanou:

— Mäne, durakka, d' uo, kuin d' oit iel' l' ä, mänä d' uo iel' l' äh!

Šen kera läksi mužikka d' uomah.

125. Сказка о чужеземном короле и о царе российском

В старые времена пришёл чужеземный король к царю российскому, спрашивает царя:

— Найдётся ли у вас такой человек, который мог бы со мной поговорить, о чём я думаю, и сумел бы мне ответить?

Отправил царь посыльных, не найдётся ли такой человек. Ходили там, ходили, искали, нашли пьяного — лежит у кабака, пьяный. Поднимают его:

— Вставай!

Встал он. У него и спрашивают:

— Не сумеешь ли поговорить с царём, с королём чужеземным?

Отвечает мужик:

— Я могу, я сумею!

Привели его к королю. Король и говорит:

— Нам нужно особое помещение, комната, где бы мы были одни.

Сели они потом друг против друга, один с одной стороны стола, второй — с другой. Потом король протянул ему один палец. Он в ответ королю два пальца. Затем король показывает пальцем вверх. Он показывает пальцем вниз, в ответ королю. Король показывает пальцем вдоль и поперёк, крест-накрест. А он, мужик, показал... он повертел рукой вниз, сделал круг.

На этом у них беседа закончилась. Сказал король «спасибо» и пришёл к царю. Говорит он царю российскому:

— Спасибо, что нашёлся такой человек, а я не верил, что у вас на Руси есть такие мужики. Когда я, — говорит, — показал ему, что Бог создал Адама, он мне ответил, что Еву тоже. Потом я показал вверх, что Бог создал небо. Он показал вниз: и землю тоже. Затем я показал вдоль и поперёк, крест-накрест, что Бог создал озёра и реки. Он мне ответил: и водопады [пороги] тоже.

Поблагодарил король царя и пошёл обратно. Позвал царь мужика, спрашивает:

— О чём вы говорили с королём?

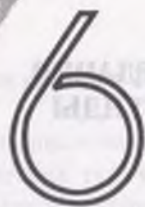
Он отвечает:

— Король показал мне кукиш, а я ему в ответ два. Он показал пальцем вверх: тебя надо бы за это оттащить за волосы. Я в ответ ему, что тебя следует пригнуть за волосы вниз. Он показывает: тебя надо оттащить вот так — туда-сюда; а я показал ему: тебя надо покрутить за волосы, вокруг себя.

Дал царь мужику сто рублей. Говорит:

— Иди, дурак, пей, как и раньше пил!

С этим и пошёл мужик — опять пить.

НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА

Предания. Легенды

*Приметы. Запреты.
Поверья*

*Магические обряды.
Ворования*

Былички. Бывальщины

TARINAT. LEGENDAT

ПРЕДАНИЯ. ЛЕГЕНДЫ

О ЗАСЕЛЕНИИ КРАЯ

126. Tunguon kylä

En'n'en kun, niät šie, šanottih, što kuin t'ähä rubei kyl'ä tulomah. Oli Spuassu — obraza, no. A tuuvalla on Tunguzjärvi. Järvi on ylen šuuri. A viel'ä on monda šiel'ä. Šiel'ä on Kaunizniemi. Kauneheh niemeh tahottih luadie kyl'yä. No kačo še kuin. Šin'n'e viijäh še obraza. Šuuri obraza. Viijäh, što t'an'n'e n'gy Tungut strojie.

T'äššä on, niät šie, lomeikko da kuužikko da...

No vot. Šiid'ä kuin huomenekšella noššah rahvaš, obraza buit't'o kun on t'äššä jo, tulou. Kolme kerdia viedih obraza, Pyhä Bohročča, tulou t'äh, t'äh /kohtah/.

Šiid'ä ruvettih t'äh kyla strojimah. Še Tunguzjärvi jäi. Tunguzjärvekši kučutah, kačo. Viizi kilometrie on mänd'ävyä, i Tunguzjärvi on šiin'ä.

126. Деревня Тунгуда

Раньше, видишь ли, рассказывали, как здесь деревня образовалась. Была икона — образ Спаса, но. А там озеро Тунгуз. Озеро очень большое. И другие там озёра. На том озере Каунизниemi — Красивый мыс. На этом Красивом мысу хотели обосновать деревню. Видишь как. Туда отнесут икону. Большая икона. Отнесут, чтобы там Тунгуду [деревню] начать строить.

Здесь, видишь ли ты, заросли, ельник...

Ну вот. Утром встают, икона уже тут, сюда приходит. Трижды относили икону, а Святая Богородица [?!] опять здесь, на этом месте.

Тут и стали деревню строить. Озеро Тунгуз осталось там. Называется оно Тунгузъярви. Пять километров отсюда [от деревни Тунгуда] до озера.

127. Tunguon kylä

...Konža, t'äd'ä ruvettih Tungutta luadimah... Tuuvalla Tunguonjärvel'ä, tulougo t'äšt'ä viizi kilometrua, šin'n'e Hongavuarah. Šin'n'e rannalla t'ämä Jumala, t'ämä ikona, viijäh, še oli puini... Viijäh t'änne Tunguzjärven rannalla, šiih. I vot Pyhä Bohročča /ikona/ tulou t'ähä, mis's'ä on tuo čiäsöyn'ä, rannalla. Kačotah, vezi kublehtiu — Pyhä Bohročča... še ikona, tulou t'ähä rannalla. Kolme kerdua viijäh, šin'n'e rannalla pannah, štobi šin'n'ne... luadie kylä še. No. Tuaš t'äh i tulou...

127. Об основании деревни Тунгуда

...Когда эту деревню основали. Тунгуду... Там на озере Тунгуо, будет ли отсюда пять километров, туда в Хонгаваару. Туда на берег отнесут это Божество, икону, она была деревянная... Отнесут на берег Тунгузъярви. И вот Святая Богородица [икона] приходит сюда, где теперь эта часовня, на берег, смотрят, в воде пузырьки — Святая Богородица... эта икона, приплывает на берег. Трижды относят, оставляют там на берегу, чтобы там... обосновать деревню. Но. Опять сюда и возвращается...

128. Tunguon kylä

T'äd'ä Tunguon kylyä tahottih strojie... Onhan šiel'ä Tunguzjärvi, viizi kilometrua t'äšt'ä. A tahottih šiid'ä t'äd'ä kylyä šin'n'e luadie... Konža viel'ä enžimmäized el'äjät tuldih. Heil'ä oli jo obraza šuuri, Spuassu. Spuassu še viijäh šin'n'e /järvirandah/, no ni kak buit't'o pagenou t'än'n'e. No ni šen tagie šin'n'e kylyä ei strojittu, t'äh strojittih.

No ni šiin'ä oli, vot tuošša časoun'ašša še obraza. Mie muis's'an viel'ä, kun mänet, šanotah: «Javlennoi obraza, Spas gospot'...» Šuuri oli.

128. Деревня Тунгуда

Эту деревню, Тунгуда, хотели обосновать... Есть там Тунгузъярви, пять километров отсюда. И эту деревню хотели строить там... Когда появились самые первые жители. У них была большая икона, Спас. Спаса отнесут туда, на берег, так она [икона] как будто убегает сюда. Поэтому деревню обосновали здесь, а не там.

Так вот тут и была, в этой часовне, эта икона. Я ещё помню, как придёшь, говорят: «Явленный образ, Спас Господь...» Большая была.

129. Markkizenvuara²⁵

Markkisen suku haarautunut Törhösestä, Repolasta.

Solovetskoin matkalla, kun sinne mentiin veneellä, eräs Törhösistä, Markoff, meni katsomaan matkalla kaunista vaaraa, mieltä siihen ja asettui siihen asumaan. Tästä on 300—400 v. aikaa. Oli Markkisenvaaran ensimmäinen asukas ja tästä M[arkkisenvaa]ra sai nimensä.

129. Маркова Гора

Род Марковых [Марккинен] происходит от Терхененов, из Реболы.

По пути в Соловки, туда ехали на лодке, один из Терхененов, Марков, остановился посмотреть на красивое возвышение, ваару, она ему понравилась, и он обосновался тут. Это было 300—400 лет тому назад. Он был первым жителем деревни Маркова Гора [Марккисенваара], от него деревня и название получила.

130. Muažärven časovn'a

Muažärveššä, t'ämä oli Pyhä Jyrgi... Kymmen'en kilometrie tulou Muažärvešt'ä šiih — Kežärveh Kežärveh tahottih luadie šid'ä, Pyhä Jyrgie, strojie /časovn'a/...

Pyhä Jyrgi /ikona/ tulou šiel'd'ä Kežärvešt'ä Muažärveh, mis's'ä on n'yt še, Pyhä Jyrgi /časovn'a/, kladbiš's'a...

Tuaš kačotah, kladbiš's'alla ven'yy še, Pyhän Jyrin ikona.

Kolme kerdua viijäh šin'n'e, ikona, Letn'oi-ozerah, što kuhu paikkah še luadie, časovn'a — Pyhä Jyrgi. Kun ruvetah... tuaž on tullun t'äh... (Toože kakoi—to hiitroi, mužikka oli vet'... toi t'äh).

Šiid'ä luajittih Muažärveh... ras ne hoočet Kežärveh lähtie.

130. Машезерская часовня

В Машезере, там был Святой Георгий [часовня]... Десять километров от Машезера до Летнего озера. На Летнем озере хотели построить часовню в честь Святого Георгия...

Святой Георгий [икона] из Летнего озера приходит в Машезеро, где теперь [часовня] Святого Георгия, у кладбища... Опять смотрят, на кладбище лежит, икона Святого Георгия.

²⁵ Текст записан на финском языке. Публикуется без правки (см. Примечание № 129)

Трижды относят икону туда, на Летнее озеро, чтобы выяснить, в каком месте ставить часовню Святого Георгия. Как смотрят... Опять сюда вернулась...

Так и построили в Машезере... раз не хочет оставаться на Летнем озере.

131. Varvara Velikomučenica

Belomorskah män'n'eššä šuari on jovella. Pikkaraini šuari, ei suurekkaini ollun... Šiid'ä šielä krest pojavils'a... Ei ni ken pannun, a vot ičekšeh tuli. No ni šiid'ä še risti otettih, a šiel'ä Belomorskašša oli kirikkö... No ni šiid'ä otettih še risti, viedih Belomorskah kirikköh. Kiriköššä šilloin sluuzittih, pappi oli da kai. I n'äid'ä oli ikonoja ylen äijä...

No ni šiid'ä. Ei viikkuo aigua männyn, šiid'ä toini risti sbuudiudu, šihi že paikah. Nu šiid'ä obsuždaidih. Šiid'ä šanottih, što pid'äy t'ähä luadie čäsöyn'ä, šihi rissin tilalla, šuarella. No ni šiid'ä čäsöyn'ä še ilmazen ijan oli. En tiijä, n'yd vielä ollougo vain ei olle.

Še oli Varvara Velikomučenican čäsöyn'ä. Oli hän'en bruaznikka.

131. Варвара Великомученица

По пути в Беломорск на реке есть остров. Маленький остров был, небольшой... Потом там крест появился... Никто не ставил, сам собой появился. Ну, потом этот крест взяли, а там в Беломорске была церковь... Потом взяли этот крест, увезли в Беломорск в церковь. В церкви тогда служили, поп был и всё. И икон было много...

Ну, и потом. Немного времени прошло, второй крест появился, на том же самом месте... Ну, потом обсуждали, обсуждали. Потом сказали, что надо тут часовню поставить, на этом месте, где крест, на острове. Ну, и потом эта часовня вечно тут и была. Не знаю, теперь ещё стоит или нет?

Это была часовня Варвары Великомученицы. Был её праздник.

О «ПАНАХ»

132. Sägäjärveltä²⁶

Säkärven [Šägärven] keskellä on pieni saari, ainoa koko järvessä, jossa sanoivat Panien eläneen, Saaressa on kiinteistä muinaisjäännöksiä, s.o. neljä rauniota, vaan luulen niitä myöhemmän aikuisiksi.

²⁶ Текст взят из публикации на финском языке (см. Примечание № 132, 133).

Panit pyysivät runsaasti kaloja ja lintuja. Vaan sitten sattui yksi Panien lapsista juuttumaan sären ruotiin. Silloin Pani kirosi säret mainitusta järvestä, «jota siitä lähtien on sanottu Säkärveksi».

Sittemmin asettui mainitulle saarella neitsyjä neljä elämään ja elivät siinä kaiken ikänsä. Arvatenkin olivat ne noita n.s. «moliijoita» (rukoilijoita) ja heidän asumustensa jätteiksi arvelen raunioita sikäläisellä saarella.

Suigarven kirkonkylässä sanottiin Panien asuneen, vaan paikasta en saanut sen tarkempia tietoja.

Suigarvessa kerrottiin Petra-aitoja löytyvän seuraavissa paikoissa:

a) Korteojalla, Korte- ja Krugloisoiden välissä on aaltomainen, mutkitteleva petroaita, jossa Panit pyysivät petroja ansoilla.

b) Selimansuon ja Kanervasuon välillä toinen samanlainen. Molempien sanottiin olevan 3—4 virstaa pitkät ja ne tuntuvat vain siten, että «metsässä — hongikon keskellä — näkyy linja».

132. Шагозеро. «Паны»

Посреди Шагозера есть маленький остров, единственный на всём озере, где, по рассказам, жили «Паны». На острове имеются следы древних обиталищ — это четыре груды камней(?), но я считаю их поздними.

«Паны» вылавливали много рыбы и дичи. Но как-то один ребёнок подавился косточкой от плотвы. «Паны» проклинали плотву в этом озере, и его с тех пор стали называть Шагозеро [šägä]²⁷.

Позднее на этом острове поселились четыре девы, они прожили здесь всю свою жизнь. Предположительно, они были «богомольцы», и эти руины считаются остатками их жилищ.

В погосте Шуезеро, по рассказам, тоже жили «Паны», но о месте их обитания более точных сведений не узнал.

На Шуезере, по рассказам, изгороди для оленей встречаются в следующих местах:

a) На Кортеручье, между болотами Кorte и Круглым видна волнообразная, извилистая оленья изгородь, где «Паны» охотились на оленей при помощи силков.

b) Между болотами Селима и Канерва — точно такая же вторая [изгородь]. Обе, говорят, были длиной 3—4 версты и были заметны только в виде линии среди соснового леса.

²⁷ Šägä — крупная рыбная косточка.

133. Panit. Palanuizet

Riihivaaralla Suigarven pohjoispäässä asui ylpeää Panin rahvasta. Sitä ruvettiin keäntämään «tähänaikuiseen vieroon», vaan se ei taipunut. Ja kun se ei hyvällä taipunut, niin ruvettiin sitä oikein väkisin keäntämään. Ne pyysivät ja saivat kaksi kuukautta miettimisaikaa. Mutta sinä aikana he kätkivät kaikki omaisuutensa lähellä oleviin soihin ja kun heitä uudelleen tultiin keäntämään, niin he polttivat itsensä ennen kuin suostuivat uskostansa luopumaan. Paikalla kuului olevan neljä pienoista raunioa, jotka «pitäisi olla niiden Panien aikuisia».

133. Папы. Сожженцы

В северном конце Шуезера, в деревне Рийхиваара, жил гордый народ Папы. Их хотели обратить в «эту веру» [православие?], но они не подчинились. Не согласились по-хорошему, так их стали заставлять насильно. Они попросили, и им дали два месяца на раздумье. За это время они припрятали всё своё имущество в близлежащие болота. И когда их снова пришли принуждать, то они сожгли себя, но не отреклись от своей веры. На том месте, говорят, видны руины — четыре небольшие груды камней, которые, «должно быть, относятся ко времени пребывания тех Панов».

О БОРЬБЕ С ВНЕШНИМИ ВРАГАМИ

134. Ruočči matkazi

... Tuldih Uškelah. A kirikkö še oli jo ammuin šiin'ä, ammuin. Hyö kun tuldih šiin'ä Uškelan järven piäh. Šanotah:

— Viikongo šie, kirkko, šiin'ä kiirrotat! Vain myö tulemma šiin'ä kyl'äh, et šiin'ä...

Šiid'ä hyö tuldih ostrovah... Järvenpiäššä siel'ä oli šuari, Hipan šuari... ei kirikköšuareh viel'ä piäšty. No ni šiid'ä heil'ä tumando šemmoni langei, no ni hyö šihi šuareh tumandoh kuoldih. Ei piäšt'y i kunne... Moožet vielä kyl'yä i eullun. Kun oli tri tys'aci let (?) kirikkö strojittu, ga on jo äijä naveno aigua.

No ni še yht'ä mainittih akat, kun ruočči še matkazi...

A šiid'ä luajittu... kun oli pohoronittu, no ni daaže n'e viel'ä tunnuttih paikat...

Meil'ä še oli yksi Ruočin Šuari, kuhu hyö kuoldih... A šiid'ä kun n'amä otettih, pelлот šinne luajittih, yheštä talošta, no ni šiid'ä kučuttih šen talon nimie myöt'e, što Hipan šuari. A en'n'en Ruočin šuari... Kun ruočit ših män'dih kaikki, ni hyö Ruočin šuareski kučuttih.

134. Швед проходил

...Пришли в Ушкелу. Церковь там была уже давняя–давняя. Подошли к озеру Ушкела, в другой конец озера. Говорят:

— Долго ли ты, церковь, будешь тут торчать [глазеть!]. Только мы придём в деревню, не будет тебя тут...

Потом они попали на остров... В том конце озера был остров, Хипаностров... На остров, где была церковь, они ещё не дошли. Тут такой туман напал, и они на этом острове из-за тумана все погибли. Никуда не смогли попасть... Может быть, ещё и деревни не было. Церковь—то была построена три тысячи (!) лет назад, так уж наверное много времени прошло.

Так вот об этом все говорили, что руоччи проходил... А потом сделали... как были похоронены, так ещё были видны те места [захоронения]...

У нас этот и был остров Руоччи, Руочинсаари — где они умерли... А потом там поля сделали, от одной семьи, так стали называть по имени хозяина дома — Хипансуари. А до этого был Руочинсаари... Все руоччи там погибли, поэтому и остров так называли.

135. Ruočči. Risti

Kevät't ämävressä oli, mie muis's'an aivan hyvin, risti... Voinan aigah, kun meid'ä evakuirovali,... še risti jäi. Še oli niemeššä... aivan oli še rajione kylyä. Še oli ei loitona, moožet šada metrie, rannašta... Mie en tiijä točno, kuin še oli istoorija šen rissin. No, babba miun rasskaazyvaičči, što risti še oli pandu po slučaju, kun napali kyl'äh... Kyl'än, d'ärven tuakši tuldih ruoččilaizette... Ruočin šoda... Tahottih še šuaha... kyl'ä. No, rahvaš ruoččilaizie yl'en äijäl'di varattih. Oldih muin'en muist'a kylist'ä viessit, što hyö pahoin vejettih iččieh. Što rahvašta... obižaidih, i rahvaž heid'ä äijäl'di varattih.

Šiid'ä hyö kerävyvt'tih kirikköh, mänd'ih. Meil(ä) oli časovn'a,... Pyhä Miikkula... Kerävyvt't'ih časovn'ah... štobi Jumala hiät spassis, niist'ä ruoččilaizist'a... Molittih, molittih, šid'ä. Mužikat luajittih šuuri risti. Še oli šuuri risti, viizi—šeiččemen metrie korgevuini. Da šiid'ä kakši viel'ä poperečnoida... Puuristi. I šiid'ä suattetih šinne niemeh, risti pandih. Šiid'ä kuadittih, kadilalla. No, pappie meil'ä ei ollun kyl'äššä, a oli vierujuššoida. Kirjua myöt'e lugiettih šiid'ä molitvoja niid'ä, kaikkie. No i, ruoččilaizet oldih, viikkogo, hyö lien'öy?... Moni päivyä oldih šiel'ä, d'ärven tagana, toizella rannalla. No i yht'ä treebuidih, štobi kyläšt'ä tuldaish, hiät ven'ehil'l'ä ehät'et't'äis. No.

No, i risti še kun pandih, ruoččilaizet l'äht'iet't'ih pois. Da... A viel'ä šanottih vanhat, što kuin... ruoččilaizilla oli še... kun puuhu noššah kaččomah... mid'ä šiel'ä kyl'äššä deiččiyd'yy. Kun puuhu noššah, ruoččilaizet — ei n'äget't'yä ni mid'ä, ku

šovetah, tullah šogiekši. Jäl'el'l'äh kun laškevutah — kyl'ä n'ägiel'äh. I niin vot hyö oldih, oldih d'ärven tagana. Šiid'ä ne ruoččilaizet l'äht'iet't'ih kyl'äšt'ä, šield'ä, d'ärven tagada. Nu i še risti ščitaidih kaikin, što risti šen kyl'än spassi... Ruočin šovašta. Ruočit d'ärveštä poikki kyl'äh ei piäšt'y...

135. Руоччи. Крест

В Кевязозере, я помню, были кресты. Во время войны, когда нас эвакуировали... Этот крест оставался. Он стоял на мысу... в метрах ста, может быть, от берега...

Я не знаю точно, какова история креста. Но моя бабушка рассказывала, что этот крест был сооружён по случаю, когда на деревню напали... За озеро, напротив деревни, пришли руоччи... Война со шведами [руоччи]. Хотели захватить деревню. Ну, народ очень их боялся. Из других деревень шли вести, что они плохо вели себя. Что обижали... народ, и люди их сильно боялись.

Потом они [жители деревни] собрались в церкви. У нас была часовня... Святого Николая... Собрались в часовне, чтобы Бог их спас от этих руоччи... Молились, молились. Мужики сделали крест. Он был большой, пять—семь метров в высоту и два поперечника [на нём]... Деревянный крест. Отнесли его на мыс, установили крест. Кадили его, освятили. По книгам молитвы читали. Ну, а шведы, руоччи, были там сколько—то времени... Несколько дней были там, за озером, на противоположном берегу. Ну и всё требовали, чтобы их перевезли на лодках.

Ну, и когда крест установили, руоччи ушли. Да... А ещё старые люди говорили, что когда руоччи были там... на дерево поднимутся смотреть, что в деревне делается. Как поднимутся на дерево — ничего не видят, будто слепнут, совсем слепые. Спустятся вниз — видят деревню. И так они побыли там, за озером. А потом эти руоччи ушли отсюда. Ну, из-за озера, и все считали, что этот крест спас деревню... от нападения руоччи. Они в деревню через озеро так и не попали...

136. Ruotsinsuo, Ruotsinsilta

Ainoa paikka, jossa siellä voinosta tiettiin, oli Suigujärven kirkonkylä, jonka lähellä on Ruotsinsuo ja Ruotsinsilta. Siihen asti tuli Ruotsi, vaan kun se siitä älysi kirkon ja alkoi sitä herjata, niin siihen se sokeni ja täytyi paeta pois «jällelläh».

136. Болото Руоччи, мост Руоччи

Единственное место, где знали о войне, был погост Шуезеро, вблизи которого имеется Руоччинсуо [болото] и Руоччинсилта [мост]. До этого места дошли руоччи, но тут они заметили церковь и начали её оскорблять, и сразу же ослепли и были вынуждены бежать обратно.

137. Troitsan saari

Seuraavaa juttua on kerrottu Karjalassa.

Ushkelan ja Kevättämäjärven välillä on Troitsan saari. Suomalaiset sissijoukot yrittivät päästä tänne, mutta tulivat aina sokeiksi. Saaressa oli näet erään pyhimyksen ruumis, pyhäinjäännökset, mikä oli ollut saaren suojana. Mutta munkit siirsivät ruumiin pois siinä pelossa, että suomalaiset sen hävittäisivät. Ja nyt vihdoinkin sissijoukot pääsivät saarelle ja hävittivät luostarin.

137. Троицын остров

Следующие сведения мне рассказали в Карелии.

Между деревнями Ушкела и Кевязозеро есть Троицкий остров. Финские отряды пытались его занять, но всегда слепли. На острове были мощи одного из святых, которые и оберегали остров. Но монахи перенесли прах, боясь, что финны его уничтожат. И только после этого отряды попали на остров и уничтожили монастырь.

138. Časoun'a Kompakašša

a) Kiuguan tila oli /časoun'ašša/, no a kiuguah d'engua lykittih. Viedih pel'onua, villua... T'ämä voinan aigua šattu... Oli suomelaini poiga, šilloin evakuiruidih, t'ial'a oldih. No ni hiän, nuori poiga da nuoret, kakši t'yt't'yö, käydih šin'n'e da mid'ä ollou ruattih, molittu vain mid'ä ollou...

b) Nagrettih! Ahjokšešta (?) ymbäri, kiuguašta ymbäri šiid'ä. Baluidih, nagrettih. A šiid'ä yöl'l'ä kun hän'en, pojan šen hvatti, nu, ei voinun kušša. Kaiken puhaldi. Šiid'ä myö tois's'apiän'ä ven'ehel'l'ä, odva kandoma, t'änne randah, šen pojan. Šiid'ä toimma t'änne Tunguol'l'a... Šiid'ä händ'ä prostitettii... L'öyvettih tied'äjä. I proidi.

D'umalua, šanotah, ei pie obiidae, hiän omah ottau. Ollougo prauda, ei olle. A myö uššomma Jumalua.

138. Часовня в деревне Компакка

а. Остатки [место] печи были в [часовне], и туда деньги бросали. Приносили кусочки ткани, шерсть... Это было в войну, случилось... Был мальчик, финн, тогда эвакуировали, здесь были... Так вот он, молодой парень, да молодые, две девочки, ходили туда и что-то делали, молились или что-то ещё.

б. Смеялись! Вокруг очага, вокруг печи там. Баловались, смеялись. А потом ночью как схватило его, он не мог мочиться. Весь опух. Потом мы на второй день его на лодке, еле донесли до берега, этого парня. Потом привезли в Тунгуду... Там просили прощения [за него]... Нашли знахаря. И прошло.

Говорят, Бога обижать нельзя, он своё возьмёт. Правда ли, нет ли. А мы в Бога веруем.

НА КАМЕННОЙ ПЛИТЕ НА ОСТРОВ

139. Troičan šuari

Uškelašša oli vielä Troičan päivä, bruaznikka. I šielä oli Troičča /šuari/. Troiččah /šuareh/ käydih.

I šielä matkazi, akka matkazi, kivipuaderolla, d'ärveštä poikki. I mäni šihi paikkah, kivipuaderon pani. I šihi paikkah luajittih čiäsöynä.

Mie en ole käynyn...

Obyknovennoi puadero, kivi... D'ärveštä poikki matkai kivel' t'ä akka. N'ägieth. Akka matkai, istu kivipuaderolla. I mäni. Iče mäne tiijä kunne hiän läksi, a kivipuaderon šihi jätti. Šillä tilalla luajittih čiäsöynä.

Vielä i n'ygyön'ä čiäsöyna šiinä on. Kuin monda kerdua jo gruabittih... Rahvaš pandih pel'onua, dengua.

Yksi mužikka mäni, dengat otti, beloruusa oli, dengat otti, kai vuattiet otti, kaikki.

Enžist'äh händäh rubei n'äin tukkuh vedämäh, tukkuh vedämäh. Šiidä jälešt'ä jalad otti. T'äšt'ä šuaten /näyttäy/ jalad leikattih. Läzeydy... Miksi hiän mäni ottamah, kai dengat vei. Ei viikkuo ei elän.

Nu muuda mie en tiijä. Mie vain šanon šen, min mie olen kuullun.

139. Троицын остров

В Ушкала праздновали Троицын день, праздник. И там была Троица [остров]. На Троицу [остров] ходили.

И туда плыла, женщина приплыла, на каменной плите, через озеро. И приплыла к тому месту, каменную плиту поставила. И на этом месте построили часовню.

Я не бывала там...

Обыкновенная плита, камень... Через озеро переплыла на камне женщина. Видели. Женщина приплыла, сидела на каменной плите. И приплыла. Сама, поди знай, куда она ушла, а плиту каменную тут оставила. На этом месте поставили часовню.

Ещё и теперь часовня тут. Сколько раз уже грабили... Люди кладут куски ткани, деньги.

Один мужик пошёл, деньги взял, белорус был, деньги взял, всю одежду взял, всё. Сначала его стало скрючивать, скрючивать. А после ноги отняло. По сих пор [показывает] ноги ампутировали. Заболел... Зачем он пошёл брать, все деньги унёс. Недолго и жил.

Ну, больше я и не знаю. Я говорю только то, о чём слышала.

140. Kivipliitalla šuareh

Vot mamma šano, niillä kiviplitkoilla tuldih manaahat muin'en d'ärvie myöt'en. Niillä plitkoilla tuldih Troičan šuareh, eleyvyttih Troičan šuareh. Elettih Troičan šuarellä, muin'en. Niillä kiviplitkoilla šanotah, tuldih manaahat Troiččah.

I kuin še kiviplitka ei upon d'ärveh?.. Šiihi nošsettih, ših jäi pamjat', vekovečnoi pamjat', šuurien kuužiloin luona šiin'ä... Kolme šuurda kuušta. I ne n'ävyttih kylästä, ne makuškat n'ävytäh. Kušša on kirikkö, ni vain ne makuškazet n'ävytäh.

140. На каменной плите на острове

Вот мама моя рассказывала, на этих каменных плитах в старину приплыли монахи, по озеру. На этих плитах прибыли на остров Троицы, стали жить на острове Троицы. Раньше люди жили на Троицком острове. На этих каменных плитах, говорят, приплыли монахи на Троицу [остров].

И как эта каменная плита не затонула?.. Туда подняли, тут осталась память, вековая память, около тех больших елей... Три большие ёлки. Они видны из деревни, эти макушки видны. Где церковь, так там эти макушки видны...

О СИЛАЧАХ – «ВОЕНАЧАЛЬНИКАХ»

141. Rogatsu

Karjalaisten kuuluisimmat «päälliköt» olivat Rogatsu, Vuorna ja Ahma.

Ahma oli kotoisin Nogeuksen kylästä.

P[eka]n äiti on kertonut Rogatsusta seuraavaa:

Rogatsun joukot olivat Ryhjänniemessä²⁸ ja suomalaiset salmen toisella puolen. Suomalaiset uhkasivat tulla ja murhata kaikki sekä polttaa kylän, elleivät nämä suosiolla lähettäisi veneitä. Rogatsu sanoi, ettei heistä yksikään pääsisi yli.

Hän kehoitti panemaan kepin pystyyn toiselle puolen salmea — hän ampui sen poikki (salmi oli 800 metrin levyinen).

Suomalaiset tekivät niin, ja Rogatsu ampui kepin poikki. Suomalaiset katsoivat parhaaksi lähteä pois.

Rogatsu kaatui Rukajärven Tiiksillä. Hänen hautansa on Tiiksinniellä. Se kasvaa joka vuosi (totta!). Tarun mukaan ne, jotka ovat sitä yrittäneet tutkia, ovat tulleet soikeiksi.

141. Рогаччу

Самые знатные «военачальники» у карел были: Рогаччу, Вуорна и Ахма.

Ахма был родом из деревни Ногеус.

Мать Пекки [рассказчика] рассказывала о Рогаччу:

Войска Рогаччу были на мысу Рюхья, а финские на другой стороне. Финны грозились прийти и убить всех, сжечь деревню, если им для перевоза не пришлют лодок. Рогаччу отвечал, что ни один из них не переедет на эту сторону.

Он предложил им поднять палку на той стороне залива — он выстрелит в неё [залив был шириной 800 метров].

Финны так и сделали, и Рогаччу выстрелом переломил палку. Финны сочли за лучшее уйти.

Рогаччу погиб в Тикше, Ругозерской волости. Его могила на мысу в Тикше. Она каждый год возрастает (правда!). По преданию, все, кто пытался изучить [это явление], становились слепыми.

О РАСКОЛЬНИКАХ И САМОСОЖЖЕНЦАХ

142. Uskonnon vainoa

Tunkuan Koivuniemen kylässä käytiin «palanoisien päällä» «zavietalla» (lupa-uksella— lupausta täyttämässä). Mm. P:n äiti /Pekka Aallon/ on sielä käynyt. Täällä oli ennen ollut huone, jonne jotkut uskolaiset olivat sulkeutuneet välttääkseen virkavallan pakkokeinoja, sytyttäneet talon palamaan palaen itse mukana.

Nimitys «palanoisien päällä» on tästä tullut. Tälle paikalle rakennettiin çassouna, jossa Jumaloissa käytiin.

²⁸ Paikannimi, Kevättämäjärvi.

142. Преследование за веру

В деревню Койвуниеми, приход Тунгуды, по «завету» ходили «к сожженцам». И мать Пекки там бывала. Там раньше было строение, где некто верующие укрывались, чтобы избежать насилия властей, и сожгли дом, сгорев в нём сами.

От этого пошло выражение «ходить к сожженцам». На этом месте построили часовню, туда ходили молиться Богу.

143. Palanuizet

— «Palanuizet» — Koivuniemen šuarella oldih?

— Ne časovn'at oldih i n'äm'ä... Ruočči se, käydih, poltettih. Časovn'at i rahvaš kai šiämeh, kaikki ne bogomolkat ne, monaahat — šiämeh palettih... Tunnutah ne jäled...

... Käyt, konža hambahie kivist'äy libo mid'ä. Män'et šiel'ä, ni risti oli pandu... No vot konža hambahie kivist'äy, män'emmä, šid'ä ristie puremma, štobi ei hambahie en'ämbi kivist'äis. I mie käyn šin'n'e, ristie puriin.

— Ongo še Koivuniemen Lukin Ostrov?

— On, on. Šid'ä Lukin Ostrovakši kučutah, še on. Šuari...

Do voini oli mosta dai posle voini oli mosta, šilda, no... Jäl'ešt'ä, kun vezi rubei noužomah, no ni šen otti. Jälet tunnutah...

Ristie ieule, ieu... Jälet tunnutah... Kun tullah ket vanhat akat, kai käyväh šinne molimah, šanotah: «Palanuizet, palanuizet...» Kai käydih šinne molimah.

143. Сожженцы

— «Сожженцы» были на острове в Койвуниеми?

— Там часовни были и эти... Руочки приходили и сожгли. Часовни, и все люди внутри, все богомольцы, монахи внутри сгорели... Следы ещё видны... Ходили, если зубы болят либо что. Приходишь туда, там крест стоял... Когда болят зубы, придём, этот крест кусаем, чтобы зубы больше не болели. И я ходила туда, крест кусала.

— Это Лукин остров около Койвуниеми?

— Да, да. Название его Лукин Остров, так... Остров... До войны был мост и после войны был мост, но... Потом, как вода поднялась, мост снесло. Следы ещё заметны...

Креста уже нет, нету... Лишь след... Старухи все ходили туда молиться, говорят: «сожженцы», «сожженцы»... Все ходили туда молиться.

144. Palanuizet

— Šie olet Koivuniemen kylästä, oledgo kuullun palanuizista?

— Buitto en ole kuullun, kun olen molin šielä, mukittan yn'n'äh muaha šuate... Še oli šuarella, meilä oli šuari, kilometran piäššä. Šiel'ä oldih eläjät... Šiel'ä ne eletih, ket palettih.

— A kuin hyö palettih?

— Kuin? Spetsial'no mändih riähkie omieh polttamah, štobi ei olis riähkyä... Verujuššoit, manahat daže hyö oldih, verujuššoit... Eigo miehel'l'ä mändy, eigo naidu. Eigo ollun veikko nainun, eigo čikot miehel'l'ä mändy. I palettih šinne šiämeh. I šiid'ä strojittih šen tilalla kodi [časovn'a] i šin'n'e pandih D'umalat, šiel'ä käydih. Kel'l'ä hammašta kivist'äy, ni hammaš D'umalatte. Hammašta kun kivist'äy, no ni männäh molitah, buitto heit't'äy... Iče käyn pienenä, lapšena. Šouvamma, mänemmä, spetsial'no lähemmä palanuizih, molimah. Mänemmä šinne, no hiän ei ollun lukuttu... Časoun'a, šiel'ä oli obrazua. No, obrazua oli äijä... Muuda ei šiel'ä i midä ollun. Pel'onua pandih, paikkua šinne da, sarafanua, ken midä, ken platjoi, ken midä voi... šiiččua palazen...

Šiel'ä myö molima, daže muah šuate. Emmä myö tiijä, šanomago midä, vain emmä šanon... Lapšet kun olima ga.

/Jälgi/ ei tundun, ei tundun...

144. Сожженцы

— Ты из деревни Койвуниemi, слышала ли ты о «сожженцах»?

— Будто не слыхала, как сама молилась там, кланялась аж до земли... Это было на острове, у нас был остров, в километре [от деревни]. Там были жильцы... Там жили те, кто сгорел.

— А как они сгорели?

— Как? Специально пришли грехи свои сжечь, чтобы не было у них грехов... Верующие, они были даже монахи, верующие... Ни замуж не выходили и не женились. Брат был неженатый, и сёстры были не замужем. И сгорели там внутри. А потом на этом месте построили дом [часовню] и поставили там иконы, туда ходили. У кого зубы болят, так там [были] иконы от зубной боли. Как зубы заболят, так идут туда, молятся, будто бы перестаёт [болеть]... Сама ходила маленькой, ребёнком. Плывём на лодке, специально отправляемся к «сожженцам», молиться. Заходим туда, там не закрыто было... Часовня, там образа. Образов было много... Большие там ничего не было. Кусочки ткани кладем. Ткань клали, кусочки, платки туда же, сарафаны, кто чего. Кто платье, кто что мог... хоть ситца кусочек...

Там мы молились, аж до земли [кланялись]. Не помним мы, говорили что или не говорили... Дети были так.

[Следа] не видно было, не видно...

145. Palanuizet

— Oletgo kuullun palanuizista?

— Palanuizet? Palanuizet oldih Riihivuarašša... Šiel'ä oli toože kel'l'a. Šielä oli D'umalan molijat toože. No vot.

Mie viel'ä t'äjin kera šilloin kun käyn palanuizilla ga, iče...

— Miksigä šinne käydih?

— A niin palanuizien piäl'l'ä molimah. Toože oldih starovierat, D'umalan molijat. Heil'ä oli šiel'ä kel'l'a toože, šuuri oli kel'l'a. Dai oldih, kello oli heil'äh šiel'ä.

A myö kun käymmä ni, «palanuizilla», vain kun hauda šemmoni šuuri tundu šiel'ä a... Kel'l'a poltettih, palo! Dai rahvaš palettih ših.

— Kenbä šen poltti? Miksi kučutah — «palanuizet»?

— Šend'äh kučutah palanuizet, no kun poltettih, palettih ga... Män'(e) tiijä, ken hiät poltti. Ket kaččo poltettih... Šanottih, äijä oli ga /rahvašta/, D'umalan molijat oldih. Män'(e) tiijä, ket poltettih, moužot pristupnikat... Niid'ä ku ei ruvettu šuvačcomah, vierolaizie... Starovierat oldih, starovierat, D'umalan molijat. Še kun aiga tuli šemmoni, ei ruvettu šuvaičcomah starovieroja, no ni. Šiid'ä še poltettih... Äijä aigua män'n'yn... Hauda šemmoni tundu, jäl'gi... Hän oli viel'ä luajittu haudah, kaivettu /kel'l'a/...

A kello oli pandu d'ärveh. D'ärvi oli šuuri, Riihivuaran d'ärvi... A vezi on yl'en valgie, yl'en valgie on, joga ruhkani pohjašta n'ägyy... D'ärvi on šyvä, a kun kivet ollah šielä, kun kojit rouno, d'ärveššä, veis's'ä. Piälličči matkuat ven'ehel'l'ä... Še oli kello veis's'ä... Jälešt'ä šiid'ä šanottih... buitto šuadih še kello...

Riihivuarašta /kylästä/... ed'ähänä oli še, d'ärven tagana.

145. Сожженцы

— Слыхала ли ты о [само]сожженцах?

— «Сожженцы»? «Сожженцы» были в Рийхивуара... Там была и келья. Там были и богомольцы. Ну, вот. Я сама ещё с тёткой ходила на это место, к «сожженным».

— Зачем туда ходили?

— А так, молиться на месте самосожжения. Они тоже были староверы, богомольцы. У них там была келья, большая келья была. И колокол там был.

А когда мы ходили, так только яма была, на том месте, большая... Келью сожгли, сгоряча! И люди сгорели в ней.

— Кто их сжёг? Почему называют — «сожженцы»?

— Потому и называют «сожженцы», что сожгли, сгорели там... Поди знай, кто их сжёг. Кто-то сжёг... Говорят, много народу было, богомольцы были...

Время такое настало, не стали любить староверцев, вот и сожгли... Времени много с тех пор прошло... Яма была заметна, след... Она ещё, келья, была так построена, в углублении, в яме.

А колокол утопили в озере. Озеро Рийхивуара было большое...

Вода светлая—светлая, каждая сорника на дне видна... Озеро было глубокое, а камни на дне, словно домб в воде, в озере. На лодке едешь над ними... И колокол был в озере... После говорили, будто вытащили этот колокол...

От деревни это место было подальше, за озером.

146. Palanuizet. Ruočči

Olen kuullun... Palanuizet oldih meil'ä, kuin män'et šinne Šarohikolla, Riihivua-rah. Riihivuarašta on kolme kilometrua Pit'kä lambi. Šiel'ä oldih palanuizet... Šiel'ä eletti Jumalanmolijat. Ylen äijäl'di hyö Jumalua molittih, vierittih Jumalua i molittih.

A šilloin kävel'dih n'ämä, ruočči, Meil'ä tuli ruočči touže, Leholla; Lehtovuara-la. A meil'ä kirikkö oli ylen hyvä... Hyö šanotah: «Paljongo, mitengä šinä rubiet, viikongo šinä rubiet, kirkko, kirkottamah? Lähet šie, kirkko... Ed rubie enämbi kirkottamah, lähtietäh šiulda jalat pois, šanou, kirkolda!» Še oli ruočči. Šeižo, pokuuri-vaičči. Šemmoizen Jumala laški tumanon, pimien, ku t'erva! Ei voinun ruočči enämbiä piäššä. Jälelläh kiänd'y. Miän kirikkö šiih i jäi.

Nu a še palanuizet ollah, šielä Pit'kä lambi. Rahvaš tuldih šinne, Jumalua molittih. Oldih kiriköt; no oldih — lapšie šuadih, perehet oldih... Pellot, leibyä kažvatettih... Monda pereht'ä šielä oli. I šielä rahvaš käydih kogo igä molimah palanuizien piäl'l'ä. Tuli vnezapno, tuli ruočči. Šanou, što tulgua miän kera, kai-kin ruoččih i kirjuttakkua, što enämbi et't'ä Jumalua moli: «Ieule Jumalua meilä, Jumalua ieu, myö olemma ruoččilaizet». Hyö šanotah: «Emmä lähe...» I hyö vet kaikki kerävyvttiht yht'eh taloh, ruvettih Jumalua molimat. I hyö pandih olgie ymbäri'l'äh... (Ruočči, naverno, pani?) I šiih hiät kai poltettih. Lapšet palettih šiämeh, vanhat, nuoret. Kedä, midä rahvašta oli, kai palettih.

No, a ruočči kun enžist'äh tuli, no ni hyö šanotah, što emmä lähe... Kirikön kelonkannat laškiettiht iče vedeh, jauhondakivet...

No ni yksi moržien lapšen kera, niin oli hän'ellä strah, no ni yksi moržien, ukko jäi palamah, a moržien lapšen keralla läksi, Ruoččih läksi, matkai.

A šiid'ä kun šanottih, što ken ollou ollun šielä... Kai, kun kodi še rökšähti, palo, nin vuidittih šiield'ä linnut, valgiel, d'ouččenet. Mist'ä ne tuldih d'ouččenet, mie konešno, šiid'ä en tiedän... A vanha rahvaš niin šanottih...

146. Сожженцы. Руоччи

Слыхала... «Сожженцы» были у нас, как пойдёшь туда в сторону Шароикко, в Рийхивуара. От Рийхивуара в трёх километрах Питкяламби. Там были «сожженцы»... Там жили богомольцы. Усердно молились Богу, верили в Бога и молились.

А тогда приходили эти, руоччи. К нам тоже приходили руоччи, в Лехту, на Лехтовуару. А у нас церковь была очень хорошая... Они говорят: «Много ли ты, как будешь ты, долго ли будешь ты, церковь, красоваться? Перестанешь ты, церковь... Не будешь больше красоваться, не будешь больше стоять, говорят, церковь!» Это были руоччи. Стоят, покуривают. Бог такой туман напустил, как смола, тёмный! Не смогли руоччи дальше пройти. Обратно повернули. Наша церковь так и осталась.

Ну а «сожженцы», там в Питкяламби. Люди пришли туда, Богу молились. Были церкви. Ну, жили — детей рожали, семьи были... Поля, хлеб выращивали... Несколько семей там было...

И туда потом люди ходили молиться, на место сожжения.

Внезапно пришли руоччи. Говорят: «Пойдёмте с нами, все в Руоччи [Швецию]. И напишите, что больше не будете Богу молиться, мол: “Нет у нас Бога, Бога нет, мы все руоччи”». Они говорят: «Не пойдём...» И они ведь все собрались в одном доме, стали молиться Богу. Их кругом обложили соломой... Наверно, руоччи обложили? И тут их всех сожгли. Дети сгорели внутри, старые, молодые. Сколько людей было, все сгорели.

Ну, а руоччи, когда пришли, и они отказались идти... Все колокола опустили в воду, ручные жернова...

Так одна молодуха с ребёнком, такой на неё страх напал, так одна молодуха, муж остался внутри, а жена с ребёнком пошла, в Руоччи пошла, отправилась.

А потом говорили, кто-то там был... Когда дом этот сгорел, рухнул, так оттуда вышли птицы, белые лебеди. Откуда появились эти лебеди, я, конечно, этого не знала... А старые люди так говорили...

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ

147. Kesselivoina

— Mi še oli še Kesselivoina?

— A še dvatcet' pervyi, dvatcet' vtorom godu. Tiäl'ä še Kesselivoina... Kai mužikat, daaže hyö ei ruvettu vojuimah, no, puat'tih... meččäh. Mečäššä luajitah n'ämä, n'ämä, kojit. I šiel'ä el'et'äh. Šiih aigah še vette graamotnoida väh(ä) oli. No i, idut značit... krasnyje i belyje... A ken sovetskii... Mi še stranoja on?.. Kenen puoleh vojuimah?... Šilloin še ei ollun graamotnoida... Šiin'äi on, što rahvaš ei maltettu, ken kunne l'äht'öy. Vot še Kesselivoina i on.

— A miksi še on Kesselivoina?

— Hyö kun l'äht'iet'äh meččäh, ni kesselilöin kera matattih, eväšt'ä pandih.

147. Кесселивойна — кошель-война

— Что это было, кошель-война, или война кошелей?

— А это в двадцать первом, двадцать втором году. Здесь эта... война... Все мужики, воевать они не хотели, ушли... в лес. В лесу построили избушки. И там жили. В те времена ведь грамотных было мало. Ну, и приходят то красные, то белые... Какая там страна? На чьей стороне воевать? Тогда ведь грамотных не было... То-то и оно, что народ не понимал, куда, с кем идти. Вот это и была кессели/кошель-война.

— А при чём тут кессели — кошель?

— А они когда уходили в лес с кошельми, так еду с собой в кошельх несли, продукты.

148. Kesselivoina

Šehän ni oli Kesselivoina. Muis's'an, še Kesselivoina, Karjalan voina. Saldatat matattih Kurjukšešta... Mind'äh oli še Kesselivoina? Kesselivoina oli šemmoni, što kuin suomelaizet tullah da n'äm'ä, saldatat... Dvatset' pervom godu ved' rodii t'ämä... Dvatset' pervom godu še kak ras Kesselivoina i oli. Rahvaš kerättih kesselih eväštä i pagoh. Što tullah rozboinikat i tapetah... Hyö meččäperttilöillä i mändih yökši.

Mändih meččäperttilöillä, hebozet otetah, kesselilöih eväštä. Ken kunnegi mändih, meččäperttilöillä.

148. Кошель-война

Это и была кошель-война. Помню, кошель-войну, карельскую войну. Солдаты шли из Курьюжа [ныне: Пушное]... Почему называлась кошель-война? Кошель-война была такая, что как пришли финны и эти солдаты... В двадцать первом году ведь уже стала эта... В двадцать первом году как раз эта кошель-война и была. Люди собирали продукты в кошель и бежали. Боялись, что придут разбойники и убьют. Они в лесные избушки уходили ночевать. Уходили в лесные избушки. Возьмут лошадей, продуктов в кошель. Кто куда уходит, в лесные избушки.

РАССКАЗЫ О РАСКОЛЬНИКАХ/СТАРОВЕРАХ

149. Kuin rissittih starovieraksi

Tuldih toizet starikat... Kuin rissittih? Mie muis's'an! Šemmoni oli bočka heil'ä šuuri. Vet't'ä vedimä, vedimä bočkah, a meil'ä oli alani pertti. Kakšikerdane oli pertti meil'ä. No. Alazeh perttih šin'n'e panima bočkan. Vet't'ä vedimä bočkah. Hyö šiel'ä rissittih. A mie en tiijä, mid'ä hyö šiel'ä ruattih.

Mäni hän šinne bočkah... Skammi oli pandu ših bočkan ed'eh... Korgie oli bočka. Starikka oli meil'ä tooze vägeine kažvoldah...

Šiid'ä hän erikseh šoi da moli da. Krovatin piäššä, paraššopeššä oli hän'el'l'ä stola. Paraššopeššä oli meil'ä kakši ikkunua... Omat oldih skuat't'erit, omat staučat. Eris pidi peššä, eris pidi šyöt't'yä. Hän ilmazeššä ijäššä pyhis's'ä maiduo ei šyön'yn, eigo šyön'yn ser'odapäivin'ä maiduo... Moli... Hän'el'l'ä oli omat ikonat... Hän'el'l'ä oli... šilloin nazyvaiččiettih tvor'čat — vaški-ikonazet. Kolmi ikonua oli, kai yht'eh... šagaraizil'l'a oldih... Niil'l'ä hän moli. Šiin'ä oli stolan luona i ikona hän'el'l'ä omah pandu, šiin'ä moli...

Oli kyl'äššä viel'ä starovieroja, akkazie. Časovn'ah ei käyd'y molimah.

149. Крещение в староверы

Пришли старики... Как крестили? Я помню. Бочка была такая, большая. Воды навозили в бочку, а у нас была изба внизу в нижнем этаже. Дом у нас был двухэтажный. Ну. В нижней избе поставили бочку. Они там и крестили. А что они там делали [во время крещения], я не знаю.

Он вошёл в эту бочку... Скамейка была поставлена рядом... Бочка была высокая. И старик наш тоже был высокий.

После этого он отдельно ел, молился. Около кровати, в красном углу был у него стол. В этом углу было два окна... Своя была у него скатерть, своя посуда. Отдельно надо было её мыть, отдельно он ел. Он за всю свою жизнь во время постов молока не ел и по средам не ел... Молился... У него были свои иконы... У него были... тогда назывался... складень — медные иконки. Три иконы было, все вместе... петельками соединены... Им он молился.

Тут около стола была у него своя икона, тут и молился...

Были в деревне ещё староверы, старухи. В часовню не ходили молиться.

150. Starovieroista

Tunguoššä oli äijä kel'l'ua. Kel'l'at kun kylyd rouno. Kiuguat oldih. Oli lauvoist'a kozn'o. Kun pertti, vain oli pikkaraini. Vot tuoššä ollah nuo n'ygöne, kačo, niinkun

«letn'oi kuhn'a». Ikkuna oli, libo kakši. Hirrešt'ä luajittu... Kyläššä oldih, talojen rinnalla. Tuatto, muamo, vanhat, käzetäh pojalla luadie kel'l'an — lapšien kera on jygie olla. Hiän kun kuollou, tuažni laškietah šiih toini elämäh: t'ädi libo ken.

Halguo ristikanža viedih. Ken ved'äy omua halguo, l'ykkyäy staruuhalla. Omat autettih... N'yt ei. Muin'ein autettih. ...Tulet kalašta — pid'äy puolet jagua. Maiduo tuot, kun lehmä kandau. «Päivä dai ein'eh» — ristikanžai tuuvah, joga päivyä. Zapuastua ei piet't'y.

Ne oldih starovierat. Hiän stauččua ei pid'an kožettua, ei vihkozie. Kel'l'oissa starovierad ni oldih, kaikki. Vanhat en'n'en toini toista myöd'en ni oldih, starovierakši ruvettih... Valettih da rissittih rannašša, šiid'ä vašta starovierakši rojittih.

Myö emmä ole n'ygyn'ä starovierat...

Starovieroilla oli mol'el'noi pertti, oli — kun akalla ei ni ked'ä ole /muida eläjä/ . Tuošša oli... starovierojen časovn'a — Spuassun časovn'a. Dai mierolaizet käydih.

...Starovierat... Kun ruvetah šyömäh, nin ei ni paist'u. Niin oli še riähkä. Ei paist'u. Dai päivät t'äššä ollah pruažniekkoina, ei paist'u. Erikseh ist'uottih. Nagra ei annettu lapšilla, kun šyödih, elä nagra. Hyö eris i šyödih... Samvuarašta čäijyö ei juodu. Hyö ei kassaiččiettu miän mierolaizien kera... A hyö kun ollah piäšt'äh /kel'l'ois's'a/, heilä šielä pokoi–dorogoi...

Yht'eh kerävyyttih molimah, lauletah. Kenen on šuurembi kel'l'a, še kuččuu. Hän'el'l'ä jesli mid'ä on tuodu sriäpn'yä, šyvväh yheššä da molitah.

150. О староверах

В Тунгуде было много келий. Кельи словно бани. Печи были. Голбел/лежак был, из досок. Были как избы, но маленькие. Вот как тут, теперешние «летние кухни». Окно было либо два. Строили из брёвен... Были они в деревне рядом с домами. Отец, мать, старики попросят сына построить келью — с детьми [малыми] им трудно жить. И как умрёт [кто в келье жил], пускают другого жить, тётушку ли, кого.

Дрова люди привозили. Кто возит для себя дрова, подбросит и старухе. Свои помогали... Теперь нет. Раньше помогали... С рыбалки возвращаешься — половину [улова] раздашь. Молока принесёшь, как корова отелится. «Будет день, будет и пища» — крещёные и принесут, каждый день. Запаса они не держали.

Это были староверы. Посуду их не тронь! Ни тряпочек. В кельях староверы и жили, все. Старые раньше друг по дружке и становились староверами... Обливались и крестились на берегу, так и становились староверами.

Мы нынче не староверы...

У них была и моленная изба, была — у которой старушки нет никого, одна. Тут вот была... часовня староверов — часовня Спаса. И миряне ходили [в неё]... Староверы... как сядут есть, ничего не говорят, молчат. Это был грех. Не разго-

варивали. И в праздники день просидят, не разговаривают. Отдельно и садились. Смеяться детям не разрешали, когда едят, не смейтесь. Они отдельно и ели... Чай из самовара не пили. Они с нами, мирскими, не соприкасались... Они жили в своих кельях, там им покой дорогой...

Собирались вместе молиться, пели. У кого келья побольше, та и пригласит. Если ей страшно какой панесли, вместе едят да молятся.

О КРЕСТАХ — В ДЕРЕВНЯХ, НА ДВЕРЯХ

151. Kondie toi rissin

Šiid'ä šanottih, što kondie matkai risti šeläššä...

No, še oli Muažärveššä... Niät šie, Muažärvi pandu on ristih(?). Muin' ein voopše ristilöja piettih kylissä, äijis' s'ä ved'... Kun kyläšt'ä lähet, ni obezaatel'no risti pid'äy olla /kylän laijašša/. Šuuri risti, metrie kolme—n'el'l'ä korgevuttah... Buitto šen rissin toi kondie... En muis's'a, mist'ä paikoin. I lykkäi Muažärven peräzil'l'ä, šen rissin. Šiid'ä jalešt'ä jo uuveštah luajittih, še happani... N'yd ei seižo, voinan aigua langei.

Še risti oli vain yhel'l'ä puolen kyl'yä, kun tulet kyl'äh... N'yd vain kived ollah... Šuuri oli, valgiella kraskalla kruassittih. Pel'onkua šiih pandih, no ripakkoja šemmozie...

151. Медведь принёс крест

Рассказывали, что медведь на спине принёс крест...

Но это было в Машезере... Вишь ли, Машезеро [деревня] была построена в виде креста[?]. Раньше вообще в деревнях были кресты, во многих... При выходе из деревни обязательно должен быть крест. Большой крест, метра 3—4 высотой... Будто этот крест принёс медведь... Не помню только откуда. И бросил его на задах деревни Машезеро. А позже уже новый сделали, тот истлел... Теперь его нет, во время войны упал.

Крест был только с одной стороны деревни, какходишь в деревню... Теперь только камни остались... Большой был, белой краской покрашен. Пелёнки привязывали, ну, тряпки такие...

152. Risti Kevät't'ämärvessä

Risti še oli viel'ä, vot konža zavodiudu voina v sorok pervom godu... A konža jo v sorok p'atom godu kyl'äh rahvaš kerävyvt't'ih, jo ristie šid'ä ei ollun. Kivie oli rissin juurella...

— Käydihgö šinne rahvaš, rissin luo?

— Käydih, viidimo, potomu što šil' l'ä rissil' l'ä piäl' l'ä oli, kuin šanuo, muin' en kučuttih pel' onat... Ken šielä polotencan, ken šielä palazen materjalua mid' ä, ristih ših riputti.

— A etgö ole kuullun, miksi niidä pandih, niid' ä pel' onoja.

— A vot... mie šid' ä en tiijä, miksi niid' ä pandih. No, naverno, cel' presledovalas' šemmoni, što auttais' mi kaččo... Pel' onat ei oldu šuuret, gde-to polmetra...

Risti oli, šiin' ä niemeššä oli risti. I šiid' ä oli yhel' l'ä vanhalla ukolla... šil' l'ä ikkunan alla oli risti. Šihi ristih oli kaikemmoizilla bukvilla cerkovno-slav' anskoi še pis' mennosti, ših oli kirjutettu. Veičel' l'ä n' e, bukvat luajittu. I šemmozella žoltoilla kruaskalla še risti oli ku kruassittu... šen oli pannun še vanha ukko. Ofoon' a. Šen ukon mie muis' s' an hyvin... Še Ofoon' a ukko šen pani, toože po kakomu—to osobomu slučaju hän šen pani rissin...

Šiin' ä oli vaški-ikonaini... Šid' ä ristie uvažaidih rahvaš. V sorok p' atom godu jo ei ollun... Še risti ei prosto niin šeizon, a oli aida ymbäri... Šin' n' e žiivatat ei kävel' dy, koirat ei kävel' dy...

152. Крест в Кевязозеро

Крест этот стоял, ещё когда война в сорок первом году началась... А когда в сорок пятом году народ вернулся в деревню, уже креста не было... У подножия его были камни...

— Народ ходил к этому кресту?

— Видимо, ходил, потому что на этом кресте были, как сказать, раньше называли пеленами... Кто полотенце, кто кусочек материн — на крест вывешивали.

— А не слышали вы, зачем их вывешивали, эти пелены?

— А вот... этого я не знаю, зачем их вывешивали. Наверное, цель преследовалась такая, чтобы помогло в связи с чем-либо. Пелены эти были небольшие, где-то полметра...

Крест был на мысу. И ещё был у старика одного... под окном был крест. На этом кресте было написано церковно-славянскими буквами, той письменностью. Буквы вырезаны ножом. И жёлтой краской был покрашен крест... его поставил тот старик... Офоня. Этого старика я хорошо помню... Он, Офоня, поставил этот крест, тоже по какому-то особому случаю установил...

На нём была медная иконка... Этот крест люди уважали. А в сорок пятом году его уже не было... Он не просто так стоял, а вокруг него была изгородь... Скотина туда не попадала, собаки не забегали...

153. Mis's'ä rissit šeizottih /Tunguon kylässä/

Rissit šeizottih... Onhan tuo... Petrovičan kodi, tuuvalla on niemen n'okka. Risti-niemekše i kučutah... Kyl'än aivan kohašša t'äššä... Niemini on šemmoni, n'okka. Šiin'ä oli risti. Posle voinua hän ieullun? Vain oligo? Eigö hän lien'e viel'ä ollun? Šiin'ä oli t'ämä, tuubehaine, raidago migö hän oli, huabago hän oli?

Šiin'ä oli risti. Šuuri risti luajittu. Hyvä risti oli...

Toini risti oli kladbiššan puolella. Rissid oldih šuuret, šuuremmat kuin hauvalla.

153. Где были кресты [в деревне Тунгуда]

Кресты стояли... Вот тут... дом Петровича, вон там, на мысу. Его и называли Ристиниими. Тут же, напротив деревни. Мыс вот такой, самый конец его. Тут был крест. После войны его уже не было. Или был? Кажется, он вроде ещё был. Там ещё был куст, ива ли, осипка ли?

Там был крест. Большой крест сделан; хороший был крест...

Второй крест стоял в той стороне, где кладбище. Кресты были большие, больше чем на могилах.

154. Risti kyläššä

— Missä oli risti tiän kyläššä [Uškelašša]?

— Keškikyl'al't'ä oli risti... Šiid'ä oli šiel'ä, kun lähet peldoloih, šiel'ä, peldoloih männeššä risti.

— A mimmozet oldih ne rissit?

— Puuhizet, pit'ät, korgiet... Kivie oli juurešša.

— A kenbä niidä pani?

— A en tiijä... Ken proidi dai šilmäd risti... Šivottih, pandih pel'onoja, pel'onkua...

154. Крест в деревне

— Где стоял крест в вашей деревне [Ушкала]?

— Посреди деревни был крест... Второй был там, как выходишь в поля, по дороге на поля был крест.

— Какие это были кресты?

— Деревянные, большие, высокие... Камни были у подножия.

— Кто приносил камни?

— А не знаю... Кто проходил мимо, крестился... Привязывали пелены, пелёнки...

155. Ristijä ovissa

Ristoljā luajittih, jotta bolezni ei tuliz. Oldih tied'äjät. Rissit luajitah, kaikkiih veräjih pannah, t'ervašta, štobi ei tulis... ei lapšet zaboleidais. Kaikkiih ovih, šiämešt'ä päin luajitah... Dai liävän ovih... lče emän'n'ät-ižän'n'ät, ei ših pid'an ni mid'ä tied'yä.

Joga vuoži voit luadie, viel'ä poverh luajitah. Kun vuoži loppuu, šygyžyl'l'ä, toini jo talvella.

Kun ven'ehie t'ervatah, jiäy ših pualikkah t'erva, ših t'ervaparččah, virit'et'äh, šen kera höyryt'äh pirtissä, boleznie ajetah.

Muin'en oli joga talošša, voijettu...

155. Кресты на дверях

Кресты делали, чертили, рисовали, чтобы болезни не приставали. Были знахари. Кресты делали на всех воротах, смолой, чтобы не пристало... дети не заболели. На все двери, изнутри делали... в хлеву на дверях... Сами хозяйки и хозяева, не надо было ничего особого знать.

Каждый год можно было делать, поверх старых. Год кончается, осенью, второй [раз] опять зимой.

Когда лодки смолят, остаётся смола, на помазке²⁹, на этом кваче, её поджигают, и с этим горящим квачом в избу — болезни изгоняют.

Раньше в каждом доме были нарисованы кресты смолой...

РАСПЯТИЕ

156. Čigana ei luadin kahta nuaglua

Rospjatie on... Tiijät't'ä mi on Rospjatie? T'äššä kahta nuaglua ieu. Ajettih t'ähä nuaglua, käzih da i kaikkiih. No nin šiid'ä n'äis's'ä vain, t'äššä ei ole heil'ä nuaglua.

Čigana oli, konža nuagloja luadi... Mie konešno šiel'ä en ollun, šanottih... A cigan'onok kuundeli, što «Kel'l'ä varoin t'yö n'äid'ä luajitta?» Šanou: «Luajimma šil'l'ä... Rospjatieh». Poiga mäni čiganalla šano: «El'ä luaji, šanou, kahta nuaglua. Ana on, šanou, niil'l'ä nuagloilla...» Šend'äh n'äissä ei ole kahta nuaglua. Čigana ei luadin.

²⁹ Помазок для смолы имел ещё название квач.

No ni Jumala hän'elläh šano, čiganoilla: «Ras miula kahta nuaglua et luadin, ni olgua omalla vierolla. Mid'ä tahotta, šid'ä ruatta, vain elgyä varaštakkua». Šend'äh čiganat niin ni oldih kaikičči.

156. Цыган не выковал двух гвоздей

Распятие есть... Знаете, что такое Распятие? Тут двух гвоздей недостаёт. Забивали гвозди в руки и всюду. Ну вот, так здесь, вот здесь нет гвоздей [показывает]. Двух гвоздей.

Был цыган, гвозди делал... Я, конечно, там не была, так говорили... А цыганёнок услышал: «Для кого вы эти гвозди делаете?» Говорят: «Делаем для Распятия». Он пошёл, сказал цыгану: «Не делай, говорит, двух гвоздей. Пусть будет только на тех гвоздях...» Поэтому тут и нет двух гвоздей. Цыган не сделал.

Так вот Бог ему и сказал, цыганам: «За то, что не сделал для меня двух гвоздей, живите по своей вере. Что хотите, то и делайте, только не воруйте». Поэтому цыгане так и живут...

**ROŠTUO.
VIERISSÄN KESKI**

**РОЖДЕСТВО.
СВЯТКИ. ГАДАНИЯ**

157. Hristosua sluavittih

Roštuona — «Hristos roždajetse»... Käydih nuoret «sluavimah» talolois's'a. Šuahah d'engua da sriäpn'yä.

Muata pandih aigazeh, huomenekšella noštih nel'l'än da viijen aigah.

Kävel'dih nuorizo, podroskat. Olii kyžyjšyä da niiššoida. Kävel'dih köyhemmät. Koroba on.

Hoš ken tullou taloh, še on položeno — kyžyjšyä ilman el'ä t'yön'ä, ilman miilostinua. Muamo šano: «Hoš, šanou, ken tullou, ollou ni, hot' kartohkua anna, libo paisikašta, nagrist'a».

Taloh tuldih, kyžyt't'ih: «Voitgo t'eil'ä «Hristos sluavie?»

Lampattaizen virit'ät, hiän rubieu Hristos sluavimah... Pajattau: «Hristos roždajetse, slavite...» Še on Roštuon paju...

Dai lapset kävel'd'ih. Toizešta kyl'äšt'ä tullah, pienist'ä kylist'ä. Huutora ku on pieni. Jo pruažniekakši tulou t'äh fatieralla. I läht'öy kylyä myöt'en. Hän jo t'ied'äy: t'änpiän koroba on t'äyži. Ollou hän'el'l'ä kattilaini, hän'el'l'ä maiduo pannah, rahkua miskah pannah.

Silloin vet oldih kyžyjät. Muin'ei ei ollun penzied'ä.

...A kumbani on mesnoi, šil'l'ä pruazniekkana viijäh iče emän'n'ät, akat jo tiijet'äh...

157. Христа славили

В Рождество — «Христос рождается...» Молодёжь ходила по домам «славить». Давали деньги, стряпню.

Ложились накануне рано, утром вставали в четыре, в пять часов. Ходила молодёжь, подростки. И нищие были. Ходили, кто победнее. С коробом.

Хоть кто придёт в дом, было положено — просителя/нищего без милостыни не отправлять. Мать говорила: «Хоть, говорит, кто придёт, если нет ничего другого, подай картошки, либо пареной репы».

Заходили в дом, спрашивали: «Можно ли у вас Христа славить?...»

Лампадку зажжёшь, и начинают Христа славить. Пели: «Христос рождается, славьте...» Это рождественский стих...

И дети ходили. С других деревень приходили, с небольших деревень. Маленький ли хутор там. Уже на время праздника приходит на квартиру. И отправляется по деревне. И уже знает: сегодня короб будет полный. Если с собой кастрюлька, то и молока ему нальют, творогу дадут в миску.

Тогда ведь были нищие. Пенсий не было раньше.

... А кто местный [бедняк], тем уже в праздники сами хозяйки и несут, знают...

158. Vierissänkeški

Roštuon, Uuden vuoden da Loppiaisen aigua šanottih vierissänkežekši. Še oli sitä hullutusaigua, taiga-aigua.

Silloin kulettiin huhl'akkana, pukeuvuttiin mikä miksikin ja naamioitiin itsensä, mikä biessakši, mikä ruumihiksi. Kyllä myö varazimma lujasti. Välin kulkivat «hää-kulkueina» — sulhanen, da moržian da pat'važka. Aina kuin taloon tulivat, niin kyžyttiin lupa, suapiko hyö bläššie ja ainahan ne lupasi. Kadrilli kizattiin ja jatkettiin sitten seuraavaan taloon. Kyllä akoilla oli arvaamista — kuka ken oli. Kun olivat kaikki naamioineet itsensä...

...Väliin kulkivat hauda-saattueina. Oli luaittu grobu, sitä vejettiin čunalla. Ja grobu kannettiin perttiin, ja sitte ne pajattivat kuolinpajuja. Vain kyllä meitä poikasia varautti...

Kun miekin jo aloin olla yli 10 vuvven vanha, niin silloin olin jo rohkiembi. Väliin kuin nägimä tuhmannäköisiä huhl'akkoja, niin silloin druazittima seuraavaan

tapaan: «Huhl' ai, bahl' ai, staaroi starikka, gorbaatoi mužikka». Kyllä monet kerrat saimme pingota pagoon. Väliin kuin kiini saivat, tavoittivat huhl' akat, kyllä lunda sai — työnsivät paidan ja pukšut täyteen.

Väliin kulkivat isoina laumoina, oli noin kymmeniä henkiä huhl' akkoja, ja kulettivat eläviä skotinoida mukana. Oliba joskus suuri häkki, ja toisin aijoin oli bokkoja, ja milloin mitäkin.

Se oli kaikenlaista hullutusta, se aika.

158. Святки

Период между Рождеством, Новым годом и Крещением называли Святками. Это было время безрассудства, время гаданий.

Тогда ходили ряжеными — хухляками, наряжались кто кем, делали маски, кто бесом, кто скелетом. Ну и боялись же мы, дети. Иногда устраивали «свадебную процессию» — были жених, невеста, патьвашка. Всегда, заходя в дом, просили разрешения, можно ли поплясать, и всегда разрешали. Играли кадрили и шли дальше, в следующий дом. Для женщин было заботы — отгадывать, кто есть кто. Все были замаскированы...

... Иногда устраивали «похоронную процессию». Был сделан гроб, который везли на санках. Гроб заносили в дом и пели погребальные песни [?!]. Мы, мальчишки, очень боялись...

Когда и мне уже исполнилось лет десять, я был уже посмелее. Иногда увидим некрасивых ряженных, дразним их: «Хухляй, бахляй, [старый старик], горбатый мужик». Много раз приходилось удирать. Если же когда поймают, «хухляки», напихают снегу полную рубашку и штаны.

Иногда ходили большой толпой, до десяти человек ряженных, даже скотину водили с собой. Иногда быка ведут, иногда баранов, когда кого.

Это было время всяческого безрассудства, шалостей.

159. Gadainnat

1. Kun Roštuo tulou, no ni, Vieris't' äh šuaten el' ä ruhkie tanhuol' l' a l' ykkyä ni kunne, pane šiaštöh. Pertin kun pyyhit,.. Šiid' ä kun tulou Vierist' ä, no ni ruhkad n' e pane pellolla. Iče kattuade umbipiäh... Šiid' ä is' s' u šiel' ä umbipiäššä, šano:

«Tulin omuani ožua opittelomah.

Haukuž, haukuž, koirazeni,

hyväššä talošša,

pakšun paččahan juurešša.

Hauku, hauku, koirazeni,

šano miulani prauda,
kunne mie päin miehel' l'ä män'en.»

Interesno še... Kuulu, ni kun muašta l'äbi rouno. Yksin'äh olin, engo varannun. Illalla pimies's'ä. Min'n'e päin mänin miehel' l'ä, šield'ä päin i hauku.
Še on iččeh Vierist'än illalla.

2. ...Šan(o)tah, što aitan lukušta pid'äy kunnella. Mimmozeh taloh män'ed miehel' l'ä — bohattah vain gor'ah. Gor'ah kun män'n'et, no ni šid'ä, šiel'ä pyyhkiy, kolist'elou da pyyhkiy. A kun bohattah män'n'et, no ni še kuadau, hužahuttuu šiel'ä, mist'ä kaččo kun kuadau rouno.

Iče huiunun piäh panin, oven šagarah panin korvan. I kuulen: Fu—hu—hu—huu — kun kuadau, hurauttaa.

Män'e tiijä, ken raukka šiel'ä smuttii... Še toože illalla, pimieššä, no.

Šiško vain šiel'ä smuttinou? Naverno šiško smuttii... Šiško on haldie...

3. Vieris's'änkeški interesnoi oli. Mi unda niät da. Vot še. Kuunneldih... Ku ikkunan alla mänid, mid'ä paissah. Ku gor'ua paistaneh, šilloin gor'alla miehel' l'ä mänemmä. A kun hyvyä paistaneh, ga hyvyä...

4. Šan(o)tah, pid'äy avannolla «lunda šiegluo»... Mie šieglain, šieglain, šiuh tukkuh. Iče luvon: «Šano miulani prauda, mil' l'ä jalgoi polgietah. Tulon omua ožu opittelomah, šano miulani prauda, mil' l'ä jalgoi polgietah»... Lumeh šiuh. Šieglain kakši vaingo kolme kerdua... Yht'eh paikkazeh šiegluo.

Šiid'ä šieglan otat, lähet kodih, et kačaha jäl'geh päin, edgä mid'ä. Dai kodih pid'äy tulla dai, ei virkkua i mid'ä... Ei ni ken'en kera ni mid'ä virkkua...

Mie tulon, muate ven'yt't'yäčün, dai en muis's'a, n'äingö mid'ä unis's'a... Duu-maičün, lähen aivozeh kaččomah, ongohan prauda? No še on ihan kuin točnoi prauda — šuappuan jäl'gi oli... Lumella šuappuan jäl'gi, kuvahaini... Hän'el' l'ä lakerovan-noit ni oldih šuappuat, ženihhällä. Dai šuappais's'a i naimah kävi...

Vot šen užon, hot on, riähkä ollou, moužot, no še on prauda!

Šieglomah pidi män'n'ä illalla, pimieššä. Myöhä!

160.

5. Käymmä päret't'ä kaštamah. Otamma pärien hambahih, vot n'äin... Pid'äy šuušša /pid'yä/ i kaštua. Šiid'ä tulemma. Panemma n'e kaikki tuoho, pis's'ämmä, oven piäl' l'ä. A šiid'ä virit'ämmä. Kenen iellä še palau, iellä i miehel' l'ä l'äht'öy. Vuotamma. Šiid'ä eräš še ei pala, šammuu. Nerničuicemma... Meid'ä kuuži—šeiččemen t'yt't'yö... Kaikičči yheššä kävelimä.

6. Jalgua kaštoma avandoh. Män'emma šiel'ä. Olemma kuatančašša, libo oldih muin'en šargazet n'ämä šukat. Män'emma šinne, jalan šen avandoh kaššamma, šiid'ä

kodih juokšemma. Muata ven'yyt'ämmäkšeh. Štobi meil'ä unen ožuttais's'e... Šiin'ä oldih šanat. Vot kun n'yd en šanoja muis's'a... Ken tulou šid'ä šukua (unissa) jalašta ved'ämäh /še i zenihä/.

7. Šuolameštuo šyöd'ih. Naperskah pannah šuolua, šiid'ä pannah šuuh, šiid'ä kogo yön pid'äy — ken tulou juuva andamah... /unissa/ vet't'ä andamah... Ženihhä tulou. Mimmoine ženihhä tulou vet't'ä andamah.

161.

8. Nieglua kublatetah, što niegla kun kublanou — kakši nieglua pannah. Što nieglat män'n'äh šiid'ä vaššakkah... Kubletah, kubletah, šiid'ä vaššakkah stukniuvutah n'äin... Značit, šie miehel'l'ä män'et šin'ä vuodena.

Pannah ved'eh hil'l'ukkuizeh, pannah t'äl'l'ä puikkozella nieglat... Kubletah, kubletah, šiid'ä män'n'äh yht'eh. A jesli ei, ni šin'ä vuodena ed män'e /miehellä/...

9. Nieglua jauhottih. Perät'öin niegla pannah kiven keškeh, kiven šil'mäh ših. A iče hil'l'akkaizeh šiid'ä kive pyörit'ät. Mid'ä kivi šanou, min nimellini še rodiekše... Mie kun panin nieglan šin'n'e... vot t'ämänmoizen nieglan, perät't'ömän, tako(v)sloi niegla... Iče hil'l'akkaizeh pyörit'ät šid'ä kive. Hän vain šanou: "Ii-va-na, Ii-va-na, Ii-va-na". Vet kaikičči muis's'an, kačo... Iivana i oli, enžimäini ukko Iivana oli.

159. Гадания

1. Рождество настанет, так до самого Крещения мусор из дома никуда не выбрасывай. Сохрани. Когда подметаешь избу... Как настанет Крещение, так этот мусор отнеси на поле. Сама накройся с головой... Садись там, скажи:

«Пришла свою долю испытать.

Ты полай, полай, собачка,

в хорошем доме,

около крепкого столба.

Полай, полай, собачка,

скажи мне правду,

куда, в какую сторону я замуж выйду».

... Интересно ведь... Было слышно, как из-под земли. Одна была и не боялась. Вечером [надо идти], в темноте. В какую сторону вышла замуж, с той стороны и лаяла.

Это вечером, в Крещение.

2. ...Говорят, что надо слушать у амбара, в замочную скважину. В какой дом замуж выйдешь — в богатый или бедный. Если в бедный, то там как будто

подметают, стучат и скребут. А если в богатый выйдешь, то как будто насыпают, сыплют там что-то с шумом.

На голову большой платок накинула и ухом прижалась к двери. И слышу: фу-ху-ху-хуу — как будто насыпают.

Поди знай, кто там это делает... Это тоже вечером, в темноте. Но.

Или там шишко шалит? Наверное, он, шалит... Шишко — это дух-«хозяин».

3. В Святки интересно было. Что во сне увидишь. Вот. И подслушивали... Пойдешь под окно, о чём говорят [в доме]. Если о печальном, о горе говорят, то за бедного выйдешь замуж. А если о хорошем, то за хорошего, в хороший дом.

4. ...Говорят, надо у проруби «снег сеять»... Сеяла, сеяла, в кучку. Сама шепчу: «Скажи мне правду, какой ногой наступят. Пришла свою долю испытать, скажи мне правду, какой ногой наступят...» На этот снег. Два или три раза просеяла... В одно место всё это надо посеять.

Возьмешь решето, идешь домой, назад не смотришь, не оборачиваешься. Домой придешь, ни с кем ни о чём не разговариваешь, молча...

Пришла, легла спать, не помню, видела ли что во сне... Думаю, пойду пораньше, посмотрю, правда ли? Это истинная правда — появился след сапога... У него, у жениха сапоги и были на ногах, лакированные. В сапогах свататься и пришёл.

Вот этому верю, хоть может быть и грешно, но это правда!

«Сеять» надо было вечером, в темноте. Попозже!

160.

5. Ходили лучину мочить [на прорубь]. Берешь лучину в зубы, вот так [показывает]... В зубах держишь и так и замачиваешь в проруби. Возвращаемся. Все лучинки, каждый свою втыкаем в щель над дверью. Потом зажигаем. Чья лучина сгорит первой, та и замуж выйдет первой. Ждём. Некоторые не горят, гаснут... Нервничаем... Нас было шесть—семь девушек... Всегда вместе ходили.

6. Нogu замачивали в проруби. Идём туда. Хоть в валенках, или же раньше были такие суконные чулки. Идём туда, ногу в проруби замочим, бежим домой. Ложимся спать. Чтобы во сне увидеть... Были и слова. Вот не помню теперь слов... Кто во сне придёт чулок снимать [тот и жених].

7. Солёное месиво ели. С напёрсток насыплют соли в тесто, потом возьмут в рот и всю ночь держат — кто придёт воды подать... Жених придёт. Какой жених придёт воду подавать.

161.

8. Иголку держат на плаву, удержится ли на плаву иголка — две иголки опускают в посуду с водой. Сойдутся ли иголки вместе... Плывут, плывут, потом вместе и сойдутся... Значит, в том году выйдешь замуж.

На воду опускают остороженько, щепочкой, эти иголки... Плывут они, плывут и сойдутся. А если нет, то в этот год не выйдешь [замуж].

9. Иголку «мололи». Иглу без ушка положат в ручной жернов, внутрь... А сама тихонечко крутишь жернов... Что жернов скажет, какое у него [у жениха] имя... Я как положила иголку... Вот такую, без ушка, таковскую иголку [т.е. ненужную]... Сама тихонечко крутишь жернов. И говорит: «Ий-ва-на, Ий-ва-на, Ий-ва-на»... Видишь, навсегда запомнила... Ийвана и был, первый муж был Ийвана.

162. Viändienkežet

Durakkua val' aiččima, rugehešša kävimä kataiččiuvuimma — unissa n' ägy ženihhā. Illalla mänimä, kahtehtoist' a šuate. «Kaššetta kualamma» rugehešša — li vanan päivyä vašše.

Lehtie pielukših pannah — koivun, huavan. Kun on ägie, pyyhit' äh /higi/ paikkazeh. Lehet kiärit' äh ših paikkazeh i pielukših. Mid' ä unda ožuttau. A kun panet, ei pie ni mid' ä virkkua.

Šiid' ä n' e lehet pid' äy panna pojilla kormanoh, peitočči, vain lehet. Jogahini omalla pojalla.

162. Летние святки [7—12 июня]

Дурачились, ходили, во ржи купались [в поле] — мол, жених во сне покажется. Вечером идём, до двенадцати часов «по росе бродили», во ржи — накапуне Иванова дня.

В изголовье клали листья — берёзовые, осиновые. В жару вытирают [платочком] пот. Листья заворачивают в этот платочек и в изголовье. Что увидишь во сне. И как только положишь, уже нельзя разговаривать.

А потом эти листья надо положить в карман парням, тайком, только листья [без платочка]. Каждая своему парню.

ENNUSTUKSET. KIELLOT. USKOMUKSET

ПРИМЕТЫ. ЗАПРЕТЫ. ПОВЕРЬЯ

163.

1. Aijänäpiänä — jesli päivännoužu n'ägy, on jasnoi šiä — lien'öy keväd hyvä, lämmin, kala rubieu igrimah. A jesli ei n'ävy — lien'öy kevät paha.

Kakoi enžimmäini Aijäpäivä — šemmoni lien'öy kevät. Kakoi toini Aijäpäivä — šemmoni lien'öy kežä.

2. Mužikat šanottih, što jesli Joudokeina (14.03) kapl'ani vet't'ä pirahtau räyšt'ähist'ä, šilloin häkki poriešta vet't'ä juou Jyrinpäivän aigana (6.05). A jesli ei kapl'aist'a vet't'ä piraha, šilloin paha, vilu keväd lien'öy.

3. Jesli Blahveššenjana (7.04) jalakšešta piäličči lumen vey, šilloin krutoi keväd lien'öy, šilloin joven tuakši hein'äregie ei pie jät't'yä, pid'äy srazu tuuva. A jesli ei, šilloin lien'öy pit'kä kevät, voit käyvä merešt'ä mereh šuorah.

4. A šiid'ä on vot peret Paskoi četverga — Šuuri Nel'l'äšpäivä... Jesli Šuurda Nel'l'ät't'ä päivyä vaššen on kylmäni, šilloin viel'ä lien'öy nel'l'äkymmend'ä kyl'mäist'ä.

163.

1. Если на Пасху видно, как восходит солнце, т.е. если ясно — будет хорошая тёплая весна, рыба будет играть. А если пасмурно — весна будет худая.

Каков первый день Пасхи, такая будет и весна. Каков второй день Пасхи, таким будет и лето.

2. Мужики говорили, что если на Евдокию [14.03] хотя бы капля воды с крыши упадёт, то на Егория [6.05] бык напьётся с берега [т.е. лёд уже будет сходить с озёр и рек]. А если с крыши не капнет, то плохо, весна холодная будет.

3. Если на Благовещение [7.04] снег на дорогах с полозьев сдует, то весна будет крутая, за рекой сено не оставляй — не вывезти будет, сразу домой вези. А если нет, то весна будет затяжная...

4. Перед Пасхой Четверг — Великий Четверг... Если на Великий Четверг приморозит, то будет ещё сорок утренников [морозных].

164.

5. Haugi ku šuahah enžimmäini, vper'ot Jyrinpäivyä... šiid'ä puhatah. Šiid'ä kačotah šid'ä maksua. Jesli on... še hyvä maksa, puoli i toini, rovnoi: ukod ne vanhad hyväl'l'ä mielin, što rubieu kala puuttumah. I ozra rubieu hyvin kažvamah t'änä vuodena.

A jesli šiel'ä... on yksi puoli hoikembaini, ili kežel'd'ä on hoikembi: keškikežan aigana lien'öy vilu, rikkou vil'l'at. A šygyžyl'l'ä jo lien'öy lämmembi.

6. Keväduško kelilöiksi, šyyžuško lämbimiksi.

7. Vain kuin koivun varba on ruškä, še lien'öy lämmin...

165.

1. Karjan kynd'eh kun vihmui, ni tulou hyvä šia /päivällä/.

2. Huomenešzor'a kuin on kahallaa, niin päivä lien'öy paha.

3. Zaapadnoi tuuli päivän kuin tuulou, niin yöksi laivenou.

4. Kežällä hoikat pil'vet taivahalla — šia huomneksi paha (luogo pid'äy rabieštua).

5. Kun kazi kiugualla ved'äyd'yy, niin vuota vilou.

6. Kuna vuodena d'ia on pakšu, niin väliämbäh šulau. A kuna vuodena kun on hoikka d'ia, še kodvan ci šula.

7. Kuin ukkoni d'äihä d'yräjäy, niin vuoži lien'öy d'ygie.

8. Mi on Blahveššenjana katokšella /lunda/, še lien'öy D'yrinpäivänä mualla.

9. Iivanašta Pedrun päiväh nagraš kyl'vet'ää da vaštua šuahaa.

10. Kun hyvin kala puuttuis — pid'äy šuorita kalaštuaš's'a riibuškavuatteih.

11. Hyvin mujeh puuttuis — enžimäizellä kerralla pid'äy kaikkie kuotteluttua mujehella.

12. Kuin lehti langieu — paraš mujehen kuduiga.

13. Kun hyvin lehmä lypšäis — pid'äy kuotteluttua uuvella maijolla rahvašta, kel'l'ä ei ole lehmeä.

14. Hyvin lehmä lypšäis, maiduo šuau andua huomneksella i illalla, kuite päiväne ei ole laškeudun.

15. Kun on vanha Uuži vuoži lämmin i lunda panou — kežä lienöy lämmin i vihman kera, lienöy äijä gribua.

16. Kreššenjalla kui on kylmä dai t'ähtie taivahalla — lienöy kuiva kežä, a kui lunda panou da taivaš on pilveššä — lienöy marjoa da šierend'ä.

17. Kevyäl'l'ä šia ajau šeiččemel'l'ä hebozella päivän oloo.

18. Min verda pihlajašša marjoa, šen verda šygyžyl'l'ä vihmua.

19. Šiäkšet lennel'l'ää tukušša — lienöy hyvä šia.

20. Čiarozet kaššellaa händ'yä ved'ee — vihmoiksi.

21. Koira piehtaroiččiuduu, šia muuttuu.

22. Kazi noužou kiugualla — viluloiksi, pakkaziksi.
 23. Min verda pertis' s'ä ruhkuu, šen verda riähkyä.
 24. Štobi olis hyvä elämä uuvešša kois' s'a (talošša), pid'äy laškie enžimäiziksi kazi.
 25. Kazi pežeydyy — vierahiksi, tulijiksi.
 26. Uni laškeuduu — tulijiksi, vierahiksi.

164.

5. Когда на Егория [перед Юрьевым днём 6.05] — поймают шуку, её потрошат и рассматривают печень. Если... печень хорошая, ровная, старики радуются — значит, будет рыба ловиться. И ячмень вырастет хороший.

А если... один край печени тоньше или посередине тоньше, то середина лета будет холодной, посева попортит. А осенью уже будет теплей.

6. Весенний закат — к заморозкам, осенний закат — к теплу.
 7. Если ветки у берёзы красные, будет тепло...

165.

1. Если дождь пройдёт перед выгоном скота на пастбище, т.е. утром рано, днём будет ясно, ведро.

2. Если утренняя заря открытая [ясная?], то день будет пасмурный [плохой].

3. Если в течение дня дует западный ветер, то к ночи стихнет.

4. Лёгкие [прозрачные] облака на небе летом — погода назавтра испортит [сено надо убрать].

5. Кошка на печку — жди холодов.

6. В который год лёд толстый, он быстрее растает. А в какой год лёд тонкий, он тает медленно.

7. Если гром гремит, пока не растаял лёд, год будет трудный.

8. Что в Благовещение на крыше [снега], то в Егорьев день на земле.

9. Между Ивановым и Петровым днями сеют репу и заготавливают веники.

10. Чтобы рыба хорошо ловилась, надо на рыбалку одеться в рибуши.

11. Чтобы хорошо ловилась ряпушка, с первого улова надо всех угостить ряпушкой.

12. Когда лист с деревьев выпадет, это лучшее время переста ряпушки.

13. Чтобы хорошо корова доилась, надо угостить первым [новым] молоком после отёла тех, у кого нет коровы.

14. Чтобы хорошо корова доилась, молоко можно отдавать утром и вечером до захода солнца.

15. Если старый Новый год тёплый и со снегопадом, лето будет тёплым и дождливым, будет много грибов.

16. Если в Крещение холодно и звёзды на небе, лето будет сухим; а если снег идёт и небо затянуто тучами, будут ягоды и грибы.

17. В весенний день погода едет на семи лошадях [т.е. меняется].

18. Сколько ягод на рябине — столько дождей осенью.

19. Комары летают кучно — будет хорошая погода.

20. Ласточки касаются хвостом воды — к дождям.

21. Собака валяется — погода переменится.

22. Кошка забирается на печку — к холодам, к морозам.

23. Сколько в избе мусора — столько и греха [ссор?].

24. Чтобы жизнь в новом доме была складной, хорошей, в первую очередь надо запустить кошку.

25. Кошка умывается — к гостям, к прибытию кого-то.

26. Сон напал [днём] — к гостям.

166.

1. Roštuonpyhässä Varvananpäivä on kežel'l'ä — pyhän jagau. Varvananpäivä-nä ei pie kežrätä, ei n'ägie värttinyä, muut' ein mado n'okkuau kežällä.

2. T'ervarissit luajittih oveh, štobi ei boleittais žiivatat i rahvaš. Čortta varazi t'ervua.

3. Kol'čča štobi kaikičči olis kiäššä! (En tiijä, miksi).

167.

4. Viizikandahini luajittih, štobi ei tulis ukontaltta ših kohtah, ei langieis... Jesli puun alla šeizot, puuh piirret'äh veičel'l'ä, libo meččäperttih, šein'äh, meččäpertin stolah.

5. Nuotanpullošša oli viizikanda, povešša.

6. Ukonjyryn aigua ei ni šyöd'y. N'ygy ei ni ole šemmoist'a ukonjyryö.

166.

1. Варварин день делит Рождественский пост надвое. В этот день — Варварин — нельзя прясть, нельзя смотреть на веретено, иначе летом змея укусит.

2. На дверях смолой рисовали кресты, чтобы не болел скот и сами люди. Чёрт боялся смолы.

3. Кольцо всегда должно быть на руке [не знаю, почему].

167.

4. Чертили пятиконечник, чтобы молния не ударила в это место... Если стоишь под деревом, то на дереве ножом чертили; либо в лесной избушке — на стене, на столе чертили.

5. Пятиконечник был и на поплавах невода.

6. Во время грозы не ели. А нынче уже нет таких гроз.

168.

Viändienkežel' l'ä livanan da Pedrun päivän välillä ei pie viikattehella, rauvalla leikata hein'yä i lehtie, koivuo ei leikata. Vain riibimäl' l'ä, n'yhtimäl' l'ä. Muiten tulou halla...

Pedrun jäl' geh hein'yä niit' t'ämäh da koivuo leikkuamah.

Nuotalla käydih livanan päivyä vaššen, yöl' l'ä osoobenno. Šin'ä yön'ä kai veräjät avauvutah kalalla. Kalua puuttuu äijä...

Pedru on kalan Jumala.

168.

2. В “летние святки” [в период между Ивановым и Петровым днями] нельзя траву косой косить и ветви с берёзы ножом срезать, т.е. железными предметами. Срывать листья и рвать траву только руками. Иначе будут заморозки [летом]...

После Петрова дня начинается сенокос, заготовка веников.

Накануне Иванова дня, особенно ночью, тянули невод. В эту ночь для рыбы все ворота открыты. Рыба хорошо ловится.

Пётр ведь повелитель [Бог] рыб.

169.

1. D'ouččenie ei annettua tappua vanha rahvaš... D'ouččenieda šanotah — hän on Pyhän Bohročan t'yt'är. Šanotah: ku jesli d'ouččenen tapat, ni šiuła hož mi nesčastja lien'öy — hoz'aistvašša, elyäšša, semjašša.

Eigä annettu tappua, eigä händä šyöd'y eigä...

... Šiel'ä mužikka d'ouččenen tappau, jo voinan jäl'gie... Akat oldih meččäpirtillä — ei laškiettu yökši mužikkoja — kun hyö d'oučen tapettih.

2. D'ouččenda ei ammuttua. Šan(o)tah, hän on Jumalan blahoslovima.

3. D'ouččenie ei en'n'en ammuttu... Lihua ei šyvvä!... Ei ammuttu, ei, še oli kuin

ollou... D'oučenda dai hanhie. Meil'ä t'ial'ä ei tapettu valgeida linduloja... Šanottih, što riähkä. No... Jumalan linnut ollah...

4. A vod d'oučenie, mie en tiijä mindäh, toože ei annettua tappua, ni za što... Mamma šilloin pokoinica šano, a mie unohin, min tagie... Yl'en on šuuri riähkä.

Dai d'oučenen lihua ei šyöd'yä... Hän šano, mist'ä on d'oučen rodiudun dai kai, no... en voi muissuttua.

169.

1. Лебедей не разрешали убивать, старые люди... О лебедях говорят — это дочь Святой Богородицы. Говорят: если лебедя убьёшь, то обязательно случится несчастье в хозяйстве, в семье, в жизни.

Не разрешали убивать и не ели мяса...

... Как-то мужик лебедя убил, уже после войны [1941—1945гг.]... Женщины были в лесной избушке — не пустили мужиков почевать в избушку, зачем они лебедя убили...

2. Лебедей не стреляют. Говорят, их Бог благословил.

3. Раньше лебедей не стреляли... Мясо не едят!... Не стреляли, они как-то... Лебедей и гусей. Здесь у нас не убивали белых птиц... Говорили, что это грех. Это Божьи птицы...

4. А вот лебедей, не знаю почему, не убивали, ни за что... Мама-покойница рассказывала, а я забыла, почему... Очень большой грех.

И мясо их не едят. Она говорила, от чего лебеди произошли и всё... но не могу вспомнить.

170.

Skokunua šanottih, što hän on Jumalan buabo. Toože ei annettua tappua, eiga...

Kun lehmä talluau skokunalla piäl'l'ä, lehmäl'd'ä udetet puhaldau, rubetah n'an'n'it ruškeuttumah, šiid'ä verdä... ili šagieda rubieu lypšämäh.

Šiin'ä mid'ä tuaš ruattaneh...

171.

Skokunua ei pie tappua... Še on, kuin ollou, šan(o)tah, što Jumalan mi ollou hän raba. Ei šua händ'ä tappua...

Dai čičiliuškuo ei pie tappua... Vod mi ollou šemmoni.

170.

Про лягушку говорили, что она Божья повитуха. Тоже не разрешали убивать... Если корова наступит на лягушку, у коровы вымя вздуется, соски покраснеют, ещё и кровью... или чем густым будет доиться...

Тут что-то опять делают...

171.

Лягушку нельзя убивать... Она, как-то говорят, что раба Божья или что-то. Нельзя её убивать...

И ящерицу нельзя убивать... Что-то тут такое...

172. Liävyä strojitah

Kolmen uglan alla pid'äy panna — viizikopeikkahini, kolmekopeikkahini i yksikopeikkahini: «T'äššä lahjat ižän'n'äl'l'ä, emän'n'äl'l'ä!»

Kušša rubieu šeižomah, ših uglah viizikopeikkahini, toizeh kolmekopeikkahini, i kyn'n'ykšeh... Nel'l'ändeh ei pie panna.

172. Хлев строят

Под углы, под три угла, надо положить пятикопеечную, трёхкопеечную и однокопеечную монеты: «Вот дары хозяину, хозяйке!»

Где будет стойло для коровы, в тот угол пятикопеечную, во второй — трёхкопеечную, и к порогу... В четвёртый угол не надо.

173.

1. Rubiet kun liävyä strojimah, no ni pid'äy panna šalmojen alla kolmekopeikkahizet. Aluzimien alla, kaikkien šalmojen alla, kolmekopeikkahizet, vaškizet...

Dai, šan(o)tah, liävyä... dorogall(a) ei pie strojie. Kušš(a) on ollun doroga, ših ei pid'äis...

2. Vot šanotah, jesli dorogalla, mist'ä doroga matkuau, kojın strojit, nin še kaiken sem'jan viiživiy. Oli hot kuin šuuri sem'ja... Svoi vek ne živut...

3. Kun oššetah žiivattua... Ken oštai, šan(o)tah, da t'ied'äy — ottai muada... vanhalda tilalda. A šan(o)tah, ei pie andua muada... Hän ottai tiedohuizet... Šiun liäväššä šiidä toizet ei ruvettua el'ämäh... /žiivatat/.

4. Mie olen kuullun, šiid'ä kun konža kiuguada pannah, libo mid'ä, štobi ei olis torokkanua da ei olis klopua, da ei olis mid'ä... No ni čičiliušku pannah šin'n'e, šaveh, kiuguada kun pannah...

173.

1. Когда строят хлев, то под углы, под нижние брёвна, надо положить трёхкопеечные монеты. Под все углы, трёхкопеечные, медные [монеты].

И говорят, что хлев... там, где проходила дорога, нельзя строить. Где была дорога, не надо бы...

2. Говорят, если на дороге, где дорога проходила, построишь дом, то всю семью потом изведёт. Хоть какая большая будь семья... Свой век не живут...

3. Когда покупают скотину... Покупатель, который знает, берёт землю с прежнего места. Говорят, не надо давать землю. Это колдовство... В твоём хлеву потом скотина не приживётся...

4. Я слышала... когда кладут печь, или что-либо, и чтобы в доме не было тараканов и не было клопов, и ничего такого... То ящерицу надо в глину замесить, когда кладут печь.

174. Matkah lähtiet't'yö

1. — Eigö šua pyyhkie [latetta]?

— Ei šan(o)tah šua, kun l'äht'iet'äh konža, ei pie /pyyhkie/.

— A miksi ei pie?

— A šiid'ä pyyhit... hiän ei ni konža tule. Jälet pyyhit... Jesli ed'ähäkši läht'öy, jesli huomneksella l'äksi, ei pyyhkit't'yä toizeh huomneksesh šuati... Ašt'iet'n'e peššä voit, a perttil'öjä ei pyyhit't'yä, ei... Ne vern'otsa, šan(o)tah... Što ei tuldua... Jäl'et što on pyyhit't'y hän'en kaikkin'eh...

— A kun lähtöy kunne nih pitkäh matkah, štobi ei igävöiččis?

— No ni šilloin... Myö läksima evakuacieh, meilä oli pikkaraizet lapšet. No ni käškiettih ottua tuhkuu i hiil'd'ä. Panna paikkazeh, hiilokšešta, i šizälöh, što lapši ei igävöiččiz i paremmin maguais.

— Midä vielä luajittih, štobi ei igävöiččis?

— A kun miehel'l'ä män'n'äh muin'ein toizih kylh, ni otetah muldua, omašta kyl'äštä otat muldua. Šiid'ä kušša kohašša rubiet elämäh, šiihi kuh kaččo, naverno, kodi, pannah, vain kunne pandaneh šid'ä muldua...

Dai ken kuolou ed'ähäkše, omua muldua viijäh šin'n'e...

2. Onnakko Vas'keihha miulani ando pikkaraizen kivzyzen, tuhkua da hiil'dä. T'ämä, šanou, pane, Gal'a oli viel'ä pikkaraini, pane, šanou, od'd'ualah, libo min šiämeš... Mis's'ä lapši rubieu muata, ši i pangua. Libo poduškan, poduškah alla, ...krovtakah, matrassun alla... Hyvin magari lapši.

174. Перед отправлением в путь

1. — Нельзя подметать полы?

— Говорят, нельзя, когда уезжают, нельзя подметать.

— А почему нельзя?

— А если подметёшь, уехавший уже никогда не вернётся. Следы выметешь...

Если далеко уезжает, утром уехал, до следующего утра не подметают... Посуду можно мыть, а полы не подметают, нет... Не вернётся, говорят...

— А когда уезжает в дальнюю дорогу, что делают, чтобы не тосковал?

— Ну тогда... Мы отправлялись в эвакуацию, у нас были маленькие дети. Так нам велели взять золы и углей из загнетки, положить в платочек и под мышку, чтобы дети не тосковали и лучше спали.

— Что ещё делали, чтобы не тосковали?

— А вот как выходят замуж в другие деревни, так берут землю, из своей деревни берут землю. Где будешь жить, там где-нибудь, наверное, в доме, положишь, или куда-нибудь кладут эту землю...

И если кто умрёт далеко [от дома], своей земли туда относят...

2. ... Васькенха [жена Василия, Ваське] дала ведь мне маленький камушек, золы и углей. Это, говорит, положи — Галя была ещё маленькая — положи, говорит, в одеяло либо куда... Туда, где ребёнок будет спать. Либо в подушку, под подушку, в кровать, под матрац... Ребёнок хорошо спал.

**TIETÄJÄT. MAGIA.
TAIKAUSKO**

**ЗНАХАРИ. МАГИЯ.
ВЕРОВАНИЯ**

175. Tiedäjistä

Tuatto tiezi äijän. Hän piäšti hebozie, lehmie, ristikanžua... Dai muamo... «Omašt(a) aijašta» hän piäšti...

Hän arvotti... šen in'ehmizen min kaččo vuatehukšen panou kel'l'ä kaččo pieluk-ših... Ei ičel'l'äh. Kel'l'ä kaččo pielukših, što mid'ä n'ägöy unissa. I šid'ä hän hyvin

t'ied'i šiid'ä. Kun veještä heit t'äyd'y, ni kak butto käzie pežöy... kyžyy šiid'ä, mis's'ä on ollun, mid'ä ruadan...

Kel'l'ä pannah pielukših, še ei tiijä, n'e dolžen t'ied'yä.

175. О знахарях

Отец много знал. Он лечил лошадей, коров, людей [букв.: крещёных]... И мать тоже знала... Избавляла от «родимчика».

Она отгадывала... Какую-либо одежду того, кто болен, положит в изголовье... Не себе. Кому-нибудь в изголовье, что тот увидит во сне. И так она узнавала о болезни. Если от воды пристало, то как будто руки моет... Потом и спрашивает, где был, что делал...

Тот, кому кладут в изголовье, тот не знает, не должен знать.

176. Tiedäjä Muazärveššä

— Oligo hyvie tied'äjie [Muazärveššä]?

— Oli... Mužikka oli, ylen hyvä tied'äjä... Ol'oksei Ivanovič. Toože on kuollun.

— Midä hän mahto parendua?

— Hän mahto parendua... Vot kuin zaboieiččou... Miula kun died'o da buabo vot sil'no zaboieili... Kun šilloin šanotah, tulou «mečän hyvän» kera, še vot kun tulemuš, vain mi še on... Baabuškalla yhellä kerdua oldih t'ämämmoizet loukot n'ämä, kuin paiziet, ajotukšet.

Hiän kun kolme kyl'yö kyl'vet t'äy, i vs'o... A mid'ä šiel'ä ruadau, vot en mie tiijä, mid'ä ruadau. Hän'el'l'ä on kirvehet, veičet, kaikki.

I vot šid'(ä) oli... I hiän t'ied'äy, kun on šurmakši kel'l'ä še boli, no hiän enži kyl'yn kun kyl'vet t'äy... No ičel'l'äh ei šano, a šanou šiel'ä, ken on rodn'a, što hiän kuun libo puolentoista el'äy i kuolou. A yhemmoini kolme kyl'yö hän kyl'vet t'äy.

...Jo enžimmäizen kylyn jäl'geh tied'äy, što ei auta...

— A mistä hän tiezi?

— Hän arvazi... Hiän vot t'ied'äy, arvuau jo, jotta män'emmä t'änpiän'ä. I šil'l'ä akallah šanou:

— Mie t'änpiän'ä unda n'äin, meil'ä gost'at tullah...

Kun tulet, ni šiid'ä akalla anat peitočči tukkua libo šiel'ä... En'n'en kun piet't'ih n'äid'ä, alisvöid'ä, räččin'öis's'ä t'äššä. Alisvöid'ä piet't'ih vanhat, starikat piet't'ih paijois's'a... No, šen vyön, libo tukkua. Hän'el'l'ä pielukših panou, akka, peitočči. No. A ših šuahe hän jo n'ägöy en'n'en /unen/, što meil'ä gost'at tullah... A šiid'ä šanou, što tullun on tuošta — unis's'a n'ägöy šen... Tois's'a piänä män'et — lämmit't'äkyä kyl'y... Hiän tulou... iče taloh, illalla... I omašša /talon/ kyl'yššä

kyl' vet' t' äy, kolme kerdua podr' at...

I autto. Died' o pareni. Dai babba... (päivät magai).

176. Знахарь в Машезере

— А знахари хорошие были в Машезере?

— Были... Мужик один был, очень хороший знахарь... Олексей Иванович. Тоже уже умер.

— Что он умел лечить?

— Он умел лечить... Вот как заболевает... Как тогда говорили, «от леса» при- станет или как там... У моей бабушки было однажды, такие большие нарывы, до дыр.

Он как трижды попарит в бане, и всё... А что он там ещё делает, вот этого я не знаю. У него и топоры, и ножи, и всё.

И он знал, у кого эта болезнь смертельная, как только первую баню спра- вит... Самому больному не скажет, а только родне, что вот он [больной] прожи- вёт только месяц или полтора там. А в три бани всё равно сводит... Но уже после первой бани знает, что не поможет.

— А как он узнавал?

— Он отгадывал... Он уже знал, угадывал, что сегодня к нему придут. Он уже жене своей говорил [заранее]: «Я сегодня сон видел, к нам гости придут...»

А когда приходишь к ним, то жене его дашь тайком волос либо чего... Рань- ше ведь носили пояса³⁰, на рубашах. [Нижние] пояса носили старые люди, на рубашах... Ну, вот этот пояс дашь или волос. Она [жена] тайком положит ему в изголовье. Ну... А потом он говорит, что болезнь пристала оттуда-то — во сне он и видит... На следующий день приходишь — топите баню, говорит... Он приходит... в дом больного сам, вечером... и здесь в бане парит, три раза под- ряд [в баню водит].

И помогало. Дед выздоровел. И бабушка тоже... целые дни спала после «ле- чения».

177. Tiedäjä, kolduna

Tuaton tuaton dieduška /prapraded/... N'e meččähizet kučču pertti, kakši vain kolme ollou. No, hyö /mužikat/ šielä kihlua lyödi. Muin'en oldih viinat četvertilöis- sä, kolme litrua... Hiän, t'äd'ä, kihlat lyödi. Šanou, što «mie kučun, vain el'gyä pöl'äšt'ykkyä». I käy, kunne ollou šiel'ä, ku yöl'l'ä... ennen dvenatcati. Mid'ä hän

³⁰ Пояса-обереги.

šielä pihalla ruado, iče tuli šiid'ä pertti. A muin'en... ollah riuvut pandu ovenšuu, min'n'e kaikkie noššeta /kuivamah/. Died'ö ašteida — korvoloja, bočkie luadi, ni oli tuonun vičat da pannun n'e ših kuivah, yl'ähäksi noštan...

No a hän «hiät» ne kučču pertti, «hyö» tuldih. A hän šano toizilla, što kun «ne» tullah, t'yö el'gyä i mid'ä virkakkua, mie, šanou, tiijän, mid'ä hiän kera pais's'a, dai tiijän «hiät» kuin jäl'el'l'äh t'yönd'yä.

No vot mie šiula šid'ä paginua en tiijä... Mid'ä heil'd'ä kyžyttih... I mid'ä hyö /meččähizet/ hän'el'l'ä šanottih.

Šiidä hän [died'ö] otti šen palikan(?) da kolme kerdua stukni lattieh, dai hyö l'äht'iet't'ih.

A šiid'ä jo ku mi aigua mäni, kun läksi kunne ollou še mužikka [died'ö], kumbani hiät kučču, hän hebozella läksi da viel'ä toizen kera. Kun matattih, matattih, še biessa i tuli, kannoilla šezattih. A /heboni/ yl'äškäbälin nouzi pyst'yh. Še šanou: «Jesli šie obeš's'annoida miulani et ana, mie, šanou, tiijät mid'ä šiula luajin!...»

Mie en tiijä, mid'ä hän oli obeššainun... mid'ä užallutti. Še kun on ammuni, mie šid'ä en muis's'a.

... Ne /meččähizet/ oldih mužikat, šuurette... Bantojen /nappien/ kera vuattiet n'e kaikki, blest'aššoiloijen bantojen kera. Šuuret šuapkat piäššä.

177. Знахарь, колдун

Дед отца моего отца [прапрадед]... Пригласил «хозяев» леса [леших] в избу, двое или трое тех было. Ну, они, мужики, поспорили. Раньше водка была в четвертных [бутылях], по три литра... Он и поспорил. Говорит, что «я приглашу, только не пугайтесь». И вышел, где-то там был, ночью... до двенадцати. Что он там на улице делал, сам потом домой пришёл. А раньше... жерди были под потолком, ближе к дверям, где всё сушили. Дед изготовлял деревянную посуду, ушаты, бочки, и там наверху у него сушились прутья для обручей.

Ну, а «тех» он пригласил в избу, они и пришли. А другим [присутствующим] он сказал, чтобы они молчали: «Я, говорит, знаю, о чём с ними говорить и как их обратно выпроводить».

Ну вот, я не знаю, о чём был разговор... О чём «у них» спрашивали. И что «те» деду говорили.

Потом дед взял ту палку, трижды стукнул об пол, «они» и ушли.

Прошло после этого уже сколько-то времени и этот дед поехал куда-то, который «их» пригласил, поехал он куда-то на лошади, с товарищем. Проехали сколько-то, этот бес [леший] и пришёл, встал на задок саней. Лошадь на дыбы встала. «Тот» и говорит деду: «Если ты не отдашь мне обещанного, я, говорит, знаешь, что с тобой сделаю!...»

Я не знаю, что он обещал... что посулил. Это ведь уже давно было, я не помню.

... «Те» [лешие] были мужчины высокие... Одежда с пуговицами, с блестящими пуговицами. Большие шапки на головах.

178. Tiedäjän nero

Tied'äjä rubieu kuolomah, šiid'ä hot' kel'l'ä jät't'äy kaikki omat n'erot.

— Mindäh pidi jättyä?

— A što greh on kuolla, muuččiu händ'äh... Kolduna, šan(o)tah pit'al'di hengie andau. Ei voi sraazu kuolla. Šiid'ä kun šen aijan händ'äh muokkuau, šiid'ä vašta kuolou. A še pid'äy, kuni hiän on elošša, andua hot kel'l'ä n'ero... Mid'ä t'ied'äy. Kebiimmäšt'i kuolou.

...Oi, oli äijä koldunua... Kai on jo kuoldu.

178. Дарование знахаря

Если знахарь чувствует, что скоро умрёт, тогда кому-нибудь передаёт своё дарование [знание].

— А почему надо было передать?

— Грешно умирать, он будет мучаться... Колдун, говорят, долго душу отдаёт. Не может сразу умереть. А надо, пока он жив, кому-либо передать свой дар... То, что знает. Легче будет умирать.

... Ой, много было колдунов... Все уже умерли.

ЛЕЧЕБНАЯ МАГИЯ

179. Parendamini viändienä

Viändien kežel'l'ä pid'äy piäst'yä, parahiten. Šil'l'(ä) aigua vet't'ä tuuvah — juoksijua vet't'ä, ei šeizojua. Otetah alahuađ'a päin, vaštah vet't'ä, kolmešta kohen: yhešt'(ä) otetah, kolme kerdua, toizešta — kolme, erähästä kolme — yhekšän kerdua...

Šil'l'ä vejellä lašta kyl'vet'ettih, šiid'ä valedih... «vezi alahakši, lapši yl'ähäkši»... Dai l'uboida ristikanžua, ken kun läzinöy...

Olii šanoja, ga mie en tiijä... Tiijän ven'yähekši, karjalakši en tiijä. Ven'yähekši on: «Rečka—devička, dai mne vodički, ne dl'a hitrosti, ne dl'a mudrosti, dl'a radi Boožei milosti, dl'a mladenca»... šen nimen šanot...

179. Лечение в летние святки

В летние святки [Виандиэ] — лучше всего лечить в это время.

Приносят в эту пору воду, проточную воду, не стоячую. Берут снизу, против течения, из трёх мест. С одного места зачерпывают трижды, с другого места — трижды и ещё с третьего — всего девять раз [зачерпнуть].

Этой водой ребёнка в бане моют, парят, обливают... «вода вниз, дитя вверх...» И любого человека/крещёного, если кто болеет.

И слова были, да я не знаю. Знаю русские, карельских не знаю. По-русски такие:

«Речка-девичка, дай мне водички,
не для хитрости, не для мудрости,
для ради Божьей милости,
для младенца...» — скажешь имя...

180. *Veješt'ä heit't'äyd*

1. ...Mie kun Kevät't'ämärvellä jogeh uppozin, šiid'ä kun miula hambahih tarttu jovešta... Kun rahvaž muate, mie karavuulua karjun... Päivät kävel'en, a yöt karavuulua karjun, juokšendelen.

No ni šiid'ä miulan mamma-pokoinica toože opašti:

— L'ubazen, kun mie, šanou, unissa n'äin, edgo jovešša mid'ä?

Mie šanon, «nagroimma lujašti, vedeh kun kuavuimma ven'eheštä, ni nagroimma lujašti.» No ni veješt'ä heit't'äyd'y šiid'ä. Hän šanou: «Mäne prossita, kolme ildua podr'at, kojn luonda, päivän šijouttuo, meččäh, šin'n'e jogeh päin:

Prossi, vezi, Vasilisa Ivanovna,

kuningaš kuldani,

prossi ukkon'es, akkon'es

sugun'eš, rodun'eš

poigin'eš, t'yt't'ärin'eš.

Prossikkua milma,

mid'ä ollen smiettin,

mid'ä ollen nagra,

mid'ä ollen ruadan,

prostikkua milmani

šiid'ä kaikist'a duumist'a,

miun ruadoloist'a.»

I kolme ildua ših tabah prossitin, miula hambahist'a, kak vek ne byvalo kibuo. Suutkat magazin... Jogirandah en män'n'yn. Oman šalmon kohašta šin'n'e päin... jogeh päin vain moliin...

Jumala piäšti. Hot' oliis... Šiid'ä kun suutkat magazin, t'äd'(ä) ilmua en t'ied'an...

— Mih aigah šie šen ruavoit?

— Päivä kun šijauduu, šiid'ä vašta pid'äy män'n'ä prostiudumah, konža rahvaš kai muate ruvetah. Päivä šijauduu, štobi en'ämbi ei ni ken'en kera pais's'a, tulla hil'l'azeh, ven'yt't'äyd'yö muata... i štobi ei ni ken n'ägis.

Mamma n'ägi... unis's'a: «Kun t'yö Zojan kera (miun podruugan), joven piäl'l'ä nagratta, nagratta da ved'eh kačotta... A šiid'ä akka tuli, šanou: "Vuota vain, šanou, šiun t'ytär muist'amah rubieu".»

Vot še muist'amah i rubezin. Kačo vain, mimmoni miula heit't'äyd'y hambahih boli...

Vanha akka. Šanou, pualikan kera šeizou. Naverno vejen emän'd'ä, vejen emän'd'ä...

2. — Mistä taudi heittäydyy, kroome vettä?

— Hož missä duumaiče: dorogalla matkuat, muašta, hož mist'ä. A kun duumainet, prossiuvu:

«Prostikkua muatti, mät't'ähäd miulan,
t'al'l'ä matalla mid'ä ollen... duumainun,
mid'ä ollen smiettin,
kaikist'a duumist'a, kaikist'a smietykšist'ä,
prostikkua milmani, t'ämä matka.
Prossi milma muatti, mät't'ähäizet,
muatti, mät't'ähäizet, prostikkua milma.

Moožed mie mid'ä duumaičin, moožed mie pahoin...»

180. От воды «пристало»

... Я была в Кевязозере [деревне], на реке в воду свалилась, тут как пристала зубная боль, от реки... Люди спать, а я караул кричу... Днём хожу, а ночью караул кричу, бегая. Так мама—покойница меня научила:

— Любушка, я, говорит, во сне видела, так может ты чего в реке?..

Я и сказала, что «мы сильно смеялись, как из лодки выпали, очень громко смеялись». Вот от воды и пристало. Она и говорит: «Сходи, попроси прощения, три вечера подряд, прямо у дома. Как зайдёт солнце, встань лицом в сторону реки:

«Прости, вода, Василиса Ивановна,
золотая королева,
простите с мужьями, с жёнами,
с родом, племенем,
с сыновьями, с дочерьми.

Простите меня,
если что-то подумала,
над чем смеялась,
что не так сделала,
простите меня
за все мои думы,
за все мои деяния».

И три вечера вот так просила прощения, от зубной боли, и как век её не бывало. Сутки после этого спала... На берег реки не ходила. На углу своего дома стояла, лицом к реке... заклинала [молила]...

Бог помиловал. Хоть бы что... Потом сутки спала, света белого не знала...

— А в какое время ты это делала?

— Как солнце сядет, только тогда надо идти просить прощения, как все люди уgomонятся. Солнце сядет, и чтобы ни с кем не разговаривать, прийти домой тихонько, лечь спать... И чтобы никто не видел.

Мама видела... во сне: «Как, говорит, вы с Зоей [моей подружкой] на реке так смеётесь, смеётесь и в воду смотрите... А потом, говорит, пришла женщина и сказала: “Погоди-ка, говорит, твоя дочь ещё припомнит это”».

Вот я и припомнила. Видишь, какая зубная боль пристала...

Старая женщина. Говорит, стоит с палкой. Наверное, хозяйка воды, хозяйка воды...

2. — Отчего, откуда может болезнь пристать?

— А хоть где, подумаешь, по дороге ли идёшь, от земли ли [почвы], хоть от чего. А если подумаешь, то проси прощения:

«Простите меня, земля, кочки,
если по пути я что подумала,
о чём-либо помыслила,
за все думы, за все помыслы,
простите меня, земля и кочки,
земля и кочки, простите меня.
Может быть, чего подумала,
может быть плохо...»

181. Kylystä tarttuu

— Voitgo kylystä heittäydö?

— Voit... Voit heit't'äyd'yö kaikkeh paikkoih — voit heit't'äyd'yö käzih, voit heit't'äyd'yö jalgoih, voit heit't'äyd'yö ličah.

— Kuinba šiidä parenet?

— Šiid'ä pid'äy piäšt'yä... löyd'yä piäšt'äjä.

— Midä hiän ruadau, piäštäjä?

— Kuin šiula šanuo? Kolmešta kohen n'äin kuottelet:

«Kyllynlöyly, lämbimäini,

mehöväini, hučuvaini (?)

ota omaš ičel'l'äš,

ana oma ičel'l'än,

oigiella raballa.»

Šid'ä libo mil'l'ä šan(o)tah.

Kolmešta kohe otetah mid'ä kaččo šiel'ä — ligua, ruhkuu, hod mid'ä kaččo... lattielda, dai kiuguašta voit... Jälel'l'äh šiih paikkah pid'äis panna. Kušta paikašta otat, šiih paikkah panna.

Kolme kerdua ottua. I kolme kerdua pid'äy luadie.

181. В бане пристало

— А в бане может пристать?

— Может... Может пристать к чему угодно — может к рукам, ногам, на лицо.

— А как можно избавиться?

— Надо «снять порчу»... найти избавителя [знахаря].

— Что он делает, избавитель?

— Как тебе сказать? С трёх мест вот так попытаешь:

«Баннй пар, тёплый,

медовый/сочный, [приятный] (!),

возьми своё себе,

отдай моё мне,

праведной рабе...»

Либо кому, называют [имя].

В трёх местах в бане возьмёшь чего-либо там — земли, мусора, чего-нибудь... на полу бани и из печки/каменки в бане можно... И на то же место надо бы положить обратно. С какого места возьмёшь, на то место и положишь.

Трижды надо взять. И три раза надо сделать.

182. Muahini

Še on fakta... Mie iče olin muahizešša, brihaččuna, lapšena. Še kun, tiijät, noužou kähzi, ličah, šemmoist'a... za polsutki ihan šogiekši ottau, ihan šogenet.

Šiid'ä miun muamo šihi tiezi. No, yöl'l'ä nošti miun maguamašta. Muin'ein, niät še, fonarie meil'ä ieullun, otti päret't'ä keralla. Mänimä kylyh, pärieh tulen šai...

Muis's'an, kačo, ottau t'äšt'ä muašta šid'ä muada... I lugou. Vod miula t'äh joga paikkah, mis's'ä on n'e /kibiet/, taputtau, painau. Monešta kohen ottau...

Kolme yöd'ä käyn, jo alettih miulda kaikki kuivua. Ihan oli iho puhaš...

Ottau muada, šiid'ä ličua vašše painau i lugou. En muis's'a ni yht'ä šanua, pieni olin, da en mie ni kuunnellun.

... N'yt šid'ä egzeemakši šanotah.

182. Экзема

Это факт... У меня у самого была экзема, мальчишкой, ребёнком. Это, знаешь, такое появляется на руках, на лице... в течение полусуток станешь слепым, ослепнешь.

Моя мать знала против этого... Ну. Ночью разбудила меня. Раньше, вишь ли, фонарей у нас не было, она взяла лучины. Пришли в баню, она зажгла лучину... Помню, что она берёт в таком-то месте землю... И шепчет. И мне прикладывает, к каждому месту, где есть болячки — прикладывает, прижимает. В нескольких местах берёт землю...

Три ночи ходили, и уже всё начало у меня засыхать. А потом и всё очистилось...

Берёт землю, к лицу прикладывает и произносит [слова]. Не помню ни одного слова, мал был, да и не прислушивался.

... Теперь это экземой называют.

183. Sivut raippuau

Viizikandua rissuijah šel'gäpärieh i šil'l'ä painellah kibied'ä paikkua, ken zaboieččou...

Konža «sivud raippuau», luajitah sierah šemmoizet viizikandahizet, rissuijah. Otetah kirvež i šil'l'ä «riežitäh», kirvež vilahutetah. A šanoja en muis's'a... Sieralla hierotah šelgyä, a šiid'ä kirvehel'l'ä «leikatah»...

183. Лечение прострела

На лучине, отщеплённой от края полена, рисуют пятиконечник и эту лучину прижимают к больному месту, если кто заболел...

Когда поясицу «прострелит», на бруске рисуют пятиконечник. Берут топор и им как бы режут/рубят, топор затем отбрасывают. А слов не помню... Бруском трут спину и топором как бы «рубят»...

184. Sivuloida parennetah

Šivuloida kel'l'ä kivist'äy, kyn'n'ykšest'ä, kolmešta kyn'n'ykšest'ä piäličči, ven'yt't'äyd'y, čelovekka kyn'n'ykšel'l'ä, kumual'l'ah. Otat golikan käd'eh, kirvehen käd'eh. A ven'yt't'äyd'yjä kyžy:

— Mid'ä šie ruat?

— Hut'ukkua leikkuan.

Šiid'ä tuaš... kolme kerdua pid'äy, joga kyn'n'ykšel'l'ä:

— Mid'ä ruat?

— Hut'ukkua leikkuan.

— Leikkua, leikkua!

— Leikkuan dai leikkuan! — Šiin'ä pid'äy karjahtua...

Vot kun on prauda t'ämä, vot kun on prauda t'ämä!

Miula šilloin kun šivuloist'a tavotti, mie polskom polzaičin... En voinun ni yht'ä nošša. Šiid'ä naini miula šanou: «Tule, mie, šanou, šiulaš leikkuan šivut». Mie duumaičen, kuin hän miula šivud leikkua? No.

Šiid'ä kun tuli meil'än, kirvehen käd'eh otti, golikan käd'eh otti. «An'heli, duumaičen, buitto rubieu miulda kirvel'ä šivuloja leikkua mah!» Šanou: «Ven'yt't'äyvy kyn'n'ykšel'l'ä!» Mie ven'yt't'äyvyin kyn'n'ykšel'l'ä. «Šano, šanou, kyžy miulda "mid'ä ruat?» Mie kyžyn: «Mid'ä ruat?» — «Hut'ukkua leikkuan!» «Leikkuan dai leikkuan!» Hiän šanou: «Leikkuan dai leikkuan,» kun karjahtau... Kolmella kyn'n'ykšel'l'ä. I šiihi kado!...

Vot kun še auttau, mie vet polskom polzaičin, engo voinun nošša, engo voinun ni... Šiid'ä nouzin kyn'n'ykšel'd'ä duumaičen, miula ei ole ollun šivulois's'a ni mid'ä šemmoist'a i bolie...

Golikan panou šivuloilla da viel'ä kirvel'ä šid'ä golikkua ähkyt't'äy... šivuloida vaššen. Kak butto hän leikkua... Kibieh kohtah, saamoih šivuloih...

184. Лечение поясницы [прострела]

У кого болит поясница, надо лечь, вниз лицом, на порог, и так проделать на трёх порогах. Берут в руку голик, в другую топор. Тот, кто лежит, спрашивает:

— Что ты делаешь?

— Хутюкку [?!] рублю!

Потом опять... три раза надо, на каждом пороге:

— Что делаешь?

— Хутюкку [?!] рублю!

— Руби, руби!

— Рублю и вырублю! — Тут надо крикнуть...

Вот уж это правда, так правда!

У меня так схватило поясницу, я ползком ползала... Встать не могла.

Женщина пришла и говорит мне: «Давай, говорит, я приду, “порублю” тебе поясицу». А я думаю: «Как это она мне поясницу “порубит”?» Ну.

Пришла она к нам, взяла в руку топор, взяла голик... «Ангелы, думаю, неужто будет топором рубить поясницу?» И говорит: «Ложись на порог!» Я легла на порог. «Скажи, говорит, спроси у меня: “Что делаешь?”» Я спрашиваю: «Что делаешь? — Хутюкку рублю. Рублю и порублю». Она говорит: «Рублю и порублю!» Как крикнет...

На трёх порогах. И тут всё прошло!

Вот как это помогает, ведь я ползком ползала, не могла ни встать, ничего... Тут встала с порога, думаю, у меня и боли-то никакой в пояснице не было.

Голик кладёт на спину и топором по голику... на пояснице. Как будто рубит... На больное место, в аккурат на поясницу.

185. Yönitettäjä

Mie olen kuullun, šan(o)tah, yönit'et't'äjä on.

— Midä hän ruadau?

— Ka hiän lapšie... Tiijäd, miula oli enžimmäizel'l'ä lapšella, pojalla, yönit'et't'äjä. Illašta maguau,... šiid'ä kakšitoista... čuassuo kun noužou, šiid'ä it'köy kahteh—kolmeh čuassuh šuat'e.

No, miulan yksi staruuha šano: «Ota vain, — šanou, — t'ädä... oraist'a, virbie, šuurda nieglua, nahkua, pane, šanou, ombele t'äh, ripakkoh, i pane pielukših, lapšen poduškan alla... Hän kun tulou lašta koškomah, hän'el'l'ä kun ruaduo on poduškan alla, hiän lašta... ni ei tiijä. Hiän kogo aijan ruaduo ruadau.»

Mie tuon luajiin, riähkähini olen... Dai ei ruven it'kömäh. En tiijä, oligo, tuligo še todeh, vain mid'ä...

En muis's'a, pidigö mid'ä šanuo. Hän luadi iče, moožet hän mid'ä i šano? Šano «Hospodi blahoslovi, n'ämä hän'el'l'ä ruavokši, a lapši maguamah.»

185. Полуночница

Я слыхала, говорят, есть полуночница.

— Что она делает?

— А она детей беспокоит... Знаешь, у меня было, у первого ребёнка, у сына. С вечера спит, как двенадцать... часов, проснётся, и плачет, и плачет часов до двух—трёх. Ну, мне одна старуха и говорит:

— Возьми, говорит, шило, дратвы, большую иглу, кожи и положи, говорит, зашей в тряпочку, и положи в изголовье ребёнку, под подушку... Как придёт дитя беспокоить, а под подушкой для него работа, ребёнка... и не тронет. Будет работать.

Я так и сделала, грешна... И не стал плакать. Не знаю, было ли это, помогло ли, или что...

Не помню, надо ли было что-то говорить. Она сама мне и сделала, так может что и сказала. Только сказала [мне]: «Господи, благослови, это ему для работы, а дитя пусть спит».

186. Yönitettäjä

Poigalapši kun it'köy yöl'l'ä, ei magua... šil'l'ä luajitah puušta piššalini pikkaraini, pannah pielukših:

«T'äššä šiulaž ruado, lapši maguakkah spokoissa, a šie piššalin kera rua, omiež ruadojaž.»

Šil'l'ä šan(o)tah, yönit'et't'äjal'l'ä. Hän'd'ä iččieh ei n'ägiel't'yä, a vain šanotah:

«T'äššä šiun ruado. Šie rua omuaž ruadouš, šiula piššali, a lapši jät'ä spokoih muata. Lapši muakkah, a šie omuaž ruado ruu piššalin kera.» Hän otoidiu šiid'ä... Nu vot.

A t'yt't'ölapsella pannah langan kera niegla, nožniččemet i ripakkuo palani... Šamah tabah šanotah:

«T'äššä šiula ruado, anna lapši spokoissa maguau, a šie rua omuaž ruadoloida. Šiula t'äššä ombelukšet, šiula t'äššä veššat, rua omiedaž ruadoloja. Anna lapšen spokoissa muata.»

I lapši rubieu spokoissa muate, uspokoiččiuduu sraazu lapši. A hän šiel'ä omiež ruadoloja ruadakkah...

Auttau, yl'en auttau. Mie šamah tabah luajiin lapšilla. Viel'äi vierahilla luajiin...

186. Полуночница

Если мальчик плачет по ночам, не спит, ... делают из дерева маленькое ружьё, кладут в изголовье: «Вот тебе работа, пусть дитя спит спокойно, а ты играй с ружьём, занимайся своими делами».

Говорят тому полуночнику. Его самого не видят, а только говорят:

«Вот твоя работа. Ты делай своё дело, вот ружьё, а дитя оставь в покое. Пусть ребёнок спит, а ты делай своё дело, играй с ружьём». Оно и отступит... Ну вот.

А девочке кладут нитку с иглой, ножницы и лоскуток... Так же говорят:

«Вот тебе работа, пусть дитя спокойно спит, а ты делай свою работу. Вот тебе шитьё, всё, делай своё дело. Дай ребёнку спокойно спать».

И ребёнок будет спать, сразу успокоится...

Помогает, хорошо помогает. Я так и делала своим детям. Ещё и чужим делала...

187. Yönitettjä

Jesli yönit'et't'äjä lašta koškou, še baabuška tulou, kylyn l'ämmit't'äy... Ottau šield'ä yhekšän varbua, kyl' vend'ävaššašta, tukkuzeh šidou.... kylyn lämmit't'äy. Män'öy, mis's'ä on šeizova vezi, ei juokše. Ottau šid'ä vet't'ä i kaččou, min'n'e päin še vezi pyöriy — myöd'äh päivyä, vaingo vaštah päivyä. Tuou vein i šil'l'ä kylvet't'äy.

Šiid'ä konža lapšen kylyšt'ä tuou, stolan ottau ved'äy i šil'l'ä tilalla panou lapšen. Iče ottau, t'ädä, viikattehen, gorbuškan, i niit't'äy šidä perttie. Ajau yönit'et't'äjäy...

Vaššašta leikatah korn'azie /tyngie/ i ne pannah kät'kyöh, poduškan alla... Vaški-zie obrazaizie, pikkaraizie oli pandu.

187. Полуночица

Если полуночица беспокоит ребёнка, приходит бабушка, топит баню... Берёт девять прутиков из веника, связывает вместе ... истопит баню. Идёт туда, где стоячая вода, без течения. Берёт этой воды и смотрит, в какую сторону по ней идут круги — по солнцу или против солнца. Приносит воду и с той водой парит ребёнка.

Когда принесёт ребёнка из бани, сдвигает с места стол и на это место кладёт ребёнка. Сама берёт косу, горбушу, и «обкашивает» ею всю избу. Изгоняет полуночицу.

От веника, со стороны комля, отрезают прутья и кладут под подушку... Медные образочки, маленькие, тоже клали.

188. Griizi

... Miulani šanottih, pid'äy olla viizikopeikkahini eli kolmekopeikkahini, panna ihan šen pupan kohtah ših,... n'avan kohtah ših... Enžist'äh panna muštua villua. Kum-bazet villat ollah, enži kerdua lammašta keričet, pien'd'ä. Muštua villua t'öppöni, šiid'ä še... viizikopeikkahini eli kolmekopeikkahini: «N'äm(ä) on kaikki purdu, i šiun purou t'ämä!»

Miula šil'l'ä proidi, t'yt't'ärellä. Piet... Kačon, kun proidimah rubezi... Šen šivot... Liemenöist'ä panet... vain muštua.

188. Грыжа [у детей]

... Мне говорили, что надо положить пятикопеечную или трёхкопеечную монету, положить прямо на то место, на пупок... Сначала положить чёрной шерсти. Шерсти, которая от овцы первой стрижки. Немножко чёрной шерсти,

потом эту... пятикопеечную или трёхкопеечную монету: "Это всё покусано, и тебя они загрызут!"

У меня, у дочки, так прошло. Подержишь... смотришь, как начинает проходить... Привяжешь... Первошерстки приложишь... только чёрной.

189. Kuin lapšilla griizie parennettih

Lapšen tuot kylyšt'ä, palavan lapšen, panet laučalla, no palavan lapšen kylyn jäl'geh. Laučalla panet i pel'onkaizet avuat: jesli hänel'l'ä ollou griizi, lapšella šillä. Meilä šanotaa, jesli kuin lapši it'köy, no nin še griizi koškou. No. Jesli šie olet iče muamo, rubiet omua lašta liččimäh; šanat ollaa ven'yäheksi:

Sama ja mat' nosila, / sama ja mat' rodila,

sama ja v bane myla, / sama i posobila.

Gryžu ja zagryzaju / pahovuju gryžu,

čašečnuju gryžu... / pupovuju gryžu,

pahovuju gryžu / gryžu čašečnuju.

Gryžu ja zagryzaju / naveki vekov,

veki vekov, amin'!

— A ruatahgo vielä midä?

— Ruataa, ruataa. Toože šil'l'ä šormella, nimet't'ömäl'l'ä, luaitaa ristikkö. Ših kohtah, missä še griizi on. Auttanou, ei auttane.

— A voijeta ei ni millä?

— Voijetaa kondien ražvalla, še vain kun jesli ollou kel'l'ä kondien ražvalla.

189. Как лечили грыжу у детей

Принесёшь дитя из бани, тёплое, положишь на лавку... и раскроешь пелёнки, если у него грыжа... У нас говорят, что если ребёнок плачет, то его грыжа мучает. Ну. Если ты сама, мама, будешь своего ребёнка лечить:

Сама я, мать, носила, / сама я, мать, родила,

сама я в бане мыла, / сама и пособила.

Грызу я, загрызаю / паховую грыжу,

чашечную грыжу... / пуповую грыжу,

паховую грыжу, / грыжу чашечную.

Грызу я, загрызаю / навеки веков,

веки веков, аминь!

— А что-нибудь ещё делают?

— Делают, делают. Тоже этим же пальцем, безымянным, делают «решётку», чертят. На том месте, где грыжа. Поможет ли, нет ли.

— А ничем не мажут?

— Мажут медвежьим жиром, если он у кого есть, медвежьим жиром.

190. Madoloista

Maduo Uškelašša ei ollun. Markkizen Vuarašša oli... Meil'ä šanottih pahalaini. Pidi meččäh lähtiessä «puhiet» šanu. Šiid'ä ei ožuttauvu kogo kežäššä. No, hän'en, pahan puhiet pid'äy mahtua...

Kunne läksit, muašš(a) eläjä,

kulon alla kulgijaini.

Šiula on kive, kanduo,

miula oma troppa...

En muis's'a kaikkie, hän on pit'kä.

190. О змеех

Змей в Ушкала не было. В Марковой горе были... У нас называли «пахалай-ни». Как уходишь в лес, надо заклинания произнести. Тогда за всё лето не покажется. Ну, на него заговоры надо было знать:

Куда пошёл в земле живущий,

под травую проходящий.

Для тебя хватает пней, камней,

у меня своя тропа...

Не помню, всего, тут ещё много.

191. Mado purou

... Mie olen kuullun, što mado kun t'äd'ä... purou jalan libo min... Ni kun ollou kivi l'äššä, ni kivel'l'ä piäl'l'ä sraazu män'e. Šilloin hän lopniu... Sraazu kivel'l'ä piäl'l'ä.

Mie olen kuullun, en tiijä, ongo prauda, vain ei ole prauda...

Olen kuullun, što mavon vihoja otetah, meil'ä. Oli niid'ä vanhoja, otettih vihoja... Puhutah... Šiemenvoih libo mih šemmoizeh... Puunvoida muin'en vett(e) oli. Puhutah, šiid'ä šil'l'ä voijetah... Liikutellah šiid'ä i, šanoja... Puikkoni otetah... Šiid'ä puhutah n'äin, šyl'giet'äh... Katetah /voi/ i ruvetah voidamah... Šanoja en tiijä.

191. Змея укусит

Я слыхала, что если змея... укусит в ногу, или ещё что... Если близко есть камень, то сразу надо встать на камень. Тогда она [змея] лопнет... Сразу на камень встать.

Я слышала, но не знаю, правда это или нет...

Слышала, что снимают боль [зло] от укуса змеи. Были старые люди, снимали боль... Шепчут... На растительное масло или ещё на что. Раньше ведь было древесное масло. Шепчут, потом этим мажут... Помешивают масло ... берут щепочку... Потом слова произносят, сплёвывают... Масло накроют, а потом мажут... Слов я не знаю.

СКОТОВОДЧЕСКАЯ МАГИЯ

192. Uudeh liäväh žiivatta...

...Konža panet žiivattua liäväh, pid'äy zavodie ugläšta, važemešta ugläšta: «Hospodi blahoslovi! Izänd'äini, emänd'äini, priimikkyä miun žiivattua t'äh liäväh, šuvakkua händ'äh, kuin milma, raba Boožeiда (nimie myöt'e šanot) livanua, niin ni miun žiivattua šuvakkua... T'äššä t'eil'ä palkka.» Šihi piiloh panet kopeikkahizen.

Tuaž molit tuoh uglah... myöd'yä päivyä, kolme uglua, tuaš šanot: «Hospodi blahoslovi! Izänd'äini, emänd'äini, priimikkyä kuin milma, niin miun žiivattua t'äh, pid'äkyä hyvin, t'äššä t'eil'ä palkkua.» Panet tuaš ših hot kakšikopeikkahizen, vain valgieda d'engua ei pie.

Šiid'ä t'äh uglah, tuaš: «Izänd'äizen, emänd'äizen, — kolme kerdua pid'äy ša-
nuo, — priimikkyä, dai šuvaikkua dai pid'äkyä miun žiivattua, kuin milmani, miun žiivattua, el'gyä obižaimah. T'äššä t'eil'ä palkka...» Kolmekopeikkahizen panet.

A tuoh uglah (nel'l'ändeh) et pane i mid'ä.

No vot. Šilloin rubieu yl'en žiivattua hyvin pid'ämäh... A kun et makša, vot hän i rubieu... obižaimah.

192. Ввод скотины в новый хлев

... Когда вводишь скотину [животину] в хлев, надо начинать с угла, с левого угла: «Господи, благослови! Хозяин, хозяйшка, примите в хлев мою скотинку, любите её, как меня, раба божьего [по имени сказать] Ивана, так и скотину любите... Вот вам вознаграждение». Спрячешь там копеечку/монетку.

Опять помолишься в угол... по солнцу, в три угла, опять скажешь: «Господи, благослови! Хозяин, хозяйшка, примите, как меня принимаете, так и мою скотинку, относитесь хорошо, вот вам вознаграждение». Положишь опять хоть двухкопеечную, только белых монет не надо.

Потом опять в этот угол: «Хозяин, хозяйшка... [три раза надо всё повторить], примите и любите и заботьтесь о моей скотине, как обо мне, не обижайте мою скотину. Вот вам вознаграждение...» Положишь трёхкопеечную монету.

А в тот угол [четвёртый] ничего не надо класть.

Ну вот. И скотину будут любить... А если не заплатишь, вот они и будут... обижать.

193. Kuin l'äht'ömyä azeitettih

Ota yn'n'allini D'umalanhyvä — paissettu piirua libo rieška. Šiid'ä ymbäri... kiuguan paččahašta pyörit'ät... myöd'äh päivyä. Yn'n'allini pid'äy olla, libo randahukšen leikkuat... Katkuat puolekkah, štobi olis yn'n'allini vain randahuš... Pyörit'ät šiin'ä. Šiid'ä otat kolme pikkaraista laštuista... tanhuon paččahašta. Kolmeh palazeh panet šid'ä pačasta /laštuzie/:

— Kuin on t'ämä pačas azeitettu liikkumattomaksi, šie niizi, skotina, azeitauvu, dai jalat liikkumattomaksi, emän'n'al'l'ä l'ypšet't'aväksi.

Šiid'ä ymbäri paččahašta pyörit'ät šid'ä l'eibyä, a puikkopalazen panet šil'l'ä leiväl'l'ä.

Šiid'ä mänet liäväh. Lehmäšt'ä ymbäri pyörit'ät šil'l'ä l'eibäpalalla:

— Kuin on t'ämä D'umalanhyvä vagava, azeitettu vagavaksi. Libo: kuin on kiuguanpačas azeitettu vagavaksi, is's'utettu liikkumattomaksi, vagavaksi, niin ni šie, skotinaizen, olizit, šiu jalat olis azeuvuttu, vagauvuttu.

... Kierrät l'äht'ömän piäšt'ä ymbäri, šillä leiväl'l'ä:

— Niin ni šie azeituizit, vagauduizit emän'n'al'l'ä l'ypšet't'aväksi.

Vot häne'el'l'ä korvah šohotat, l'ehmäl'l'ä, läht'ömäl'l'ä šil'l'ä, korvah šohotat. Šiid'ä šil'l'ä l'eibäpalalla ved'elet šivuloja iel'l'äh-jäl'el'l'äh. Jalgoja ved'elet:

— Kuin on t'ämä D'umalanhyvä vagava, niin šie, lehmäzen, olizit vagava, skotinaizen. Kuin on t'ämä pačas azeitettu liikkumattomaksi, niin ni šiu jalat azeuvuttais, vagauvuttais liikkumattomaksi.

No ni šiid'ä šen l'ehmäl'l'ä šyöt'ätte, kolmeh kerdah, kolme palaist'a...

Ažettuu, D'umalan kera.

193. Как «успокаивают» первотёлку

Возьми целый хлеб [букв. Божье добро, Божий дар] — испечённый пирог или колоб. Затем... обведи вокруг печного столба... по солнцу. Выпечка должна быть целой, либо отрежешь цельную краюху... разлочишь её пополам,.. но чтобы была краюха цельная... Обводишь вокруг. Затем берёшь три маленьких щепочки... из столба в хлеву [в сарае]. Эти щепочки положишь на хлеб, на три кусочка, по одной щепочке:

— Так же, как этот столб недвижим, так же и ты, скотинушка, успокойся, и пусть ноги твои будут недвижимы, когда хозяйка будет доить.

Затем опять обводишь этим хлебом вокруг столба, а щепочки положишь на хлеб.

Затем идёшь в хлев. Вокруг коровы обойдёшь с этим хлебом:

— Как спокойна эта выпечка [букв. Божий дар]. Либо: как неподвижен печной столб, стоит он устойчиво, так и ты, моя скотинушка, стояла бы, чтобы ноги твои стояли устойчиво, спокойно.

... Обводишь этим хлебом вокруг её головы.

— Так бы и ты успокоилась, чтоб донть могла твоя хозяйка.

Это всё ей на ухо шепчешь, корове ли, первотёлке ли, на ухо шепчешь. Затем тем же хлебом проведёшь вдоль хребта, взад-вперёд. По ногам тоже:

Как этот хлеб спокоен, так и ты, моя коровушка, была бы спокойной. Как этот столб неподвижен, так и твои ноги пусть успокоятся, пусть будут неподвижны.

И затем этот хлеб скормишь корове, в три приёма, тремя кусками.

Успокаивается, с Богом.

194. Lehmä dorogah otetah

1. Vot šen, što kuin dorogah otetah lehmä, ken oštai tiäld'ä, šanomma, pid'äy viijä viizitoista kilometrua libo kymmenen. Lehmyä kun ei mahettua t'yönd'yä, no ni še ei matkua. Pid'äy t'yönd'yä. Ottajalla šillä pid'äy tied'yä, kuin ottua, «doroga luadie». A libo t'ällä, andajalla. Emänd'ä kun t'yönd'äy, ni elgäh žaleigah da t'yönd'äkkäh. No ni šanou:

«Kodi on korvennun, kiugua on kirbonnun, — emänd'ä šanou.

No a hän'n'än pivuš šiula matka.

Šielä ollah izän'n'ät uuvet, emän'n'ät uuvet,

šie rubiet elämäh šielä,

milma šie elä tiijä, unaha.

Tiälä on kai kodi korvennun», — vanha emänd'ä šanou.

2. A kun lehmä otetah, lehmä ei matkua. Šeizou da ei kehtua matata. No še emänd'ä, kumbani oštai, no ni še kun ymbäri kolme kerdua pyörähyt't'äy, myödäh päivyä, lehman... Miula t'otka šano, lehmä ei matkua. Ei matkuai kuin. Hän šanou, «Ga lähet!» Otti viččazen leikkai, da kolme kerdua pyörähytti n'äin lehmyä, šano: «Hän'n'än pivuš šiula matka.» Kyt'kyön kun čökkäi šelällä, lehmä iellä, hän jälgeh vain matkuau.

194. Корову ведут [в дорогу]

1. Вот о том, как в дорогу готовят корову, если кто купит тут, скажем, надо вести километров пятнадцать или десять. Если корову не сумеют «направить»,

то она тогда не идёт. Надо «направить». Покупателю следует знать, что надо «дорогу наладить». Либо тому, кто продаёт. Хозяйка, которая отправляет, не должна жалеть. Ну и говорит:

«Дом спалён, печь обрушилась, — хозяйка говорит.

Ну, а у тебя путь длиною с хвост.

Там хозяева новые, хозяйки новые,

ты будешь там жить,

меня не знать, забудь всё.

Тут дом весь спалён», — прежняя хозяйка говорит.

2. Когда корову возьмут, и корова не идёт. Стоит и не хочет идти. Ну, та хозяйка, которая купила, она повернёт её трижды вокруг, по солнцу, корову... Мне тётка рассказывала — корова не идёт. Не идёт и всё. Она говорит: «Пойдёшь!» Взяла, срезала вицу да трижды повернула корову вокруг со словами: «У тебя путь длиною с хвост». Поводок бросила корове на спину. Корова впереди, а она сзади шагает.

195. Lehmyä ošsetah

... Pid'äy l'ehmäl'l'ä šiel'ä, määnd'yö, män'et kun emän'n'än l'äiväh, korvah šohottua:

«Hospodi, blahoslovi! Ota matka mieleheš.

Kuundelee, mid'ä mie šiula šanon.

T'ial'd'ä emän'n'ät, izän'n'ät šiula kuoldih,

kojit palettih, kodiloin tilah jääd'ih yhet tuhkat,

t'ial'ä šilma ni ken ei rubie šyöt't'ämäh,

eigo rubie juottamah.

Miula šiel'ä kois's'a šilma vuotetah,

šulkkuhein'ät šyödavänä,

mezijuomizet juodavana.

Matkua, l'ehmäzen, matkua,

pie matkahaš mieleheš.

Kielen pivuž matka.»

Vot kodih vejät kuin l'ehmyä. Otad vierahašta liäväšt'ä, oššat... L'ehmä kun kuundelou, matkuau, ni kun doroška on, ni duumaičet,.. kun ken händ'äh totuttau... Et kergie i išie matata, kun l'ehmä šilma tungou... Jäl'eššä, nuorazešša piette.

— Otatgo oman nuorazen?

— Oman, oman. Dai viččani. Kun katkuat kumbazen viččazen heijän kyl'äšt'ä lähties's'ä, vičikköžešt'ä, šen viččazen kera kodih šuati pid'äy tulla...

Liäväh panet: «Izän'd'äini, emänd'äini, priimikkyä, kuin milma, niin ni miun l'ehmäist'ä.» No.

Šamah tabah n'e šanat šanot, kopeikat panet. I vot še on kaikin paraš ottuas's'a, što l'ehmä matkuau. A mui't'en, ylen upiraiččiuduu. Rubieu pöngäyd'ymäh kai.

195. Покупка коровы

... Корове на ухо надо прошептать, как зайдёшь в хлев той хозяйки, на ухо надо прошептать:

«Господи, благослови! Готовься в путь.

Послушай, что я тебе скажу:

здесь твои хозяйки, хозяева умерли,
дом сгорел, осталось только пепелище,
здесь никто не будет тебя кормить
и некому тебя поить.

В моём доме тебя ждут,
шёлковые травы на корм,
медовое пойло на питьё.

Отправляйся, коровушка в дорогу,
настраивайся на переход.

Дорога длиной с язык».

Вот так и ведёшь корову домой. Возьмёшь из чужого хлева, купишь... А корова слушается, идёт по дорожке, так думаешь... будто кто её подгоняет... И сама не поспеваешь, корова тебя подталкивает. Следом идёт, за верёвочку ведёшь.

— Верёвка своя?

— Своя, своя. И вица. Которую вицу/прутик обломаешь в той деревне, в кустарнике, с той вицей и домой надо прийти...

В хлев поставишь: «Хозяин, хозяйюшка, примите как меня, так и мою коровушку».

Так те же слова скажешь [см. № 193], копейки положишь. И это самое действенное при покупке, корова пойдёт. А иначе очень упирается... Будет противиться.

196.

... Hod mist'ä oššat l'ehmän, oššat häkin šielä, hod važan... Tulet kun:

«T'erveh pellot, t'erveh pol'anat,

t'erveh pellon piendaret,

(vielä pid'äy kumardua),

t'erveh ruijat, t'erveh rammat,

t'erveh keškikerdahizet.

Priimikkyä miun žiivattua,
šuvakkua miun žiivattua,
pid'äkyä kuin milma,
niin ni miun žiivattua».

Män'n'eššä pid'äy šanuo, konža kun oššat... žiivatan... Dai toože pid'äy kopeikat šamah tabah uglīh panna, kolmeh uglah, n'el'l'änd'eh ei pie... «Priimikkyä miun žiivattua, šuvakkua i pid'äkyä kuin milma, raba Boožeida, emän'd'yä, nimie myöt'e šanot, niin ni miun žiivattua».

No ni šiid'ä rubieu hyvin pid'amäh.

196.

... Хотя где купишь корову, купишь ли быка, хоть телёнка... Как придёшь:
«Здравствуйте, поля, здравствуйте, поляны,
здравствуйте, межи на полях,
[надо ещё поклониться],
здравствуйте, убогие, здравствуйте, хромые,
здравствуйте, все средние [?].

Примите мою скотинку,
любите мою скотинку,
относитесь так же, как и ко мне,
так и к моей скотинке».

Подходя [к дому] надо эти слова произнести, когда купишь ... скотину... И тоже надо копейки таким же образом положить, по углам, в три угла, в четвёртый не надо... «Примите мою скотинку, любите и относитесь так же, как и ко мне, рабе Божьей, хозяйке — по имени скажешь, — так и к моей скотине».

Ну, и тогда будут хорошо относиться.

ПАСТУШЬЯ МАГИЯ. ПАСТУХ

197. Paimenista

Paimenet oldih omat, karjalaizet. Käydih talošta taloh. Kel'l'ä on yksi lehmä — yhen päivän on talošša, vuoroloin... Šyöt'etäh, juotetah i vuattiet pidi andua, paimenduas's'a.

Pedrunpäivän'ä annettih joga lehmäšt'ä luzikka voida, paimenella...

Jo viijen aigua trubiū — kadajašta oli truba, kiärit't'y tuohella.

Oldih erähät paimenet postojanno — oli šemmoni Ločču Pekka. Päivän on kois's'a,

illalla män'öy, trubaldau — lehmät kodih juoššah, st'ogaijah. Paimenella on omat šanat...

Hän iče kierdi karjan... Joga vuoži «ando» kondiella l'ehmän. Šanottih, kun, t'ähä, aijkšeh pannah l'ehmät, aijan šiämehe, kierret'äh... Kumbani lehmä tiel'l'ä, dorogalla, enžimmäizena vuidiu, šen lehmän kondie šyöy. Še on jo annettu l'ehmä. Aijkšen vorotoissa on vanneh, pihlajašta.

...L'ehmie vaštah ottamah ei pid'an tulla pal'l'ahin jaloine — paimen sraazu st'ogaiččou vičalla. Oli šemmoni primietta.

197. О пастухах

Пастухи были свои, карелы. Ходили из дома в дом. У кого была одна корова — один день живёт, по очереди... Кормят, поят, и одежду в лес надо было давать.

В Петров день за каждую корову пастуху давали ложку масла...

Уже в пять часов утра трубит, труба была из можжевельника, берестой обернута.

Некоторые пастухи были постоянными — был такой Лоччу Пекка. День просидит дома, вечером идёт, в трубу дует — коровы бегом домой идут. У пастуха свои слова...

Он сам «обходил» стадо... Каждый год «отдавал» медведю корову. Говорили, как в изгородь коров загонят, оберег совершат... Какая корова первой выйдет на дорогу, ту медведь и задерёт. Она уже «отдана».

... За коровами в стадо босиком не приходи — пастух сразу вицей огреет. Была такая примета.

198. Lehmät meččäh

L'ehmät meččää piäššet'ää enži kerda, kuin lumi l'äht'öy äijin-vähin.

Čirppizen otat tiäld'ä orrešta, piäld'ä, jo luajid riežan iel'l'ä, kaheksi katkuat šel'an piäl'l'ä. A rieška taiginašta luajittu, prosto, ei ni mid'ä pandu. Kun ken ollou l'ehmän karvua šiieh pannun, vaššakkaa toizen l'ehmän kera, štob yheššä kävel'd'äis, še oli primietta, štob yheššä kävel'd'äis.

— Šanottiigo midä?

— A en t'ijä mid'ä šanottii. Mie šid'ä en šuata šanuo, a mie n'äin, ku luajittii.

A paimen, še šanottii, što kierdi. Paimen oli.

Paimen t'änä piänä kun on meil'ä, vuoro-vuoroin. Tulou paimen, šyöt'et'ää, juotetaa, paimenella vuattiet annetaa valmehet, jalačit pid'äy andua, kaikki. Myö, myö /andoma/ taloš't'a, mid'ä ollou... Meil'd'ä ku l'äht'öy, toizee taloo män'öy, miän vuattiet

tuaž heit' t'äy da tuaš šen vuattiet piäl' l'äh panou. Še oli niin. N'e ollou oldu n'ämä viržut, moožet, heän iče luad' i viržut... Hattarat pid'äy andua, štanit pid'äy andua, kaikki. Eväšt' ä pid'äy andua, šyöt' t' yä-juottua hän' el' l'ä, yl'en hyvin paimenda šyöt' et' t' ii — uvol'! Eväšt' ä, eväšt' ä. Čäinikkäini oli niizi keralla, šiid' ä juou, šyöy, mečäššä. Paimen oli niin kul' turno.

— Mid' ä oli krome trubua /paimenella/?

— Šauvvani eli vičča. Vičča hän' el' l'ä oli, še kun šauvvani rouvno. Ka mečäšt' ä. No, niid' ä hän talutteli, niid' ä. Ollougo hän' el' l'ä mid' ä ollun šemmoist' a t' iedovutta vain mid' ä, myö šiid' ä vet emmä t' iijä. A paimen ku oli, ni l' ehmät oldih spokoi-dorogoi.

198. Коровы на пастбище

Коров выпускали первый раз в лес [на пастбище], когда сходил снег.

Берёшь серп, до этого уже испечёшь колоб, его разлomiшь надвое, на спине [у коровы]. Колоб из теста, дрожжевого, безо всего. Если только шерсти от коровы кто положит, соединит с шерстью от другой коровы, чтобы вместе ходили. Это примета такая, чтобы вместе ходили.

— Что-нибудь говорили?

— А не знаю, что говорили. Этого я не могу сказать, только видела, как делали.

Про пастуха говорили, что он «обходил» стадо. Пастух был.

Вот, допустим, пастух у нас, по очереди ходил по домам. Придёт пастух, накормят его, напоят, одежду пастуху дадут, и обувь надо дать, всё. Из этого дома дают, что есть... Когда уходит от нас в другой дом, нашу одежду оставляет, а в том доме ему опять дадут. Это так было заведено. Если только лапки из бересты сам делает... Портянки надо дать, штаны надо дать, всё. Еды надо дать, накормить-напоят, пастуха очень хорошо кормили — уволь! С собой дадут. Чайник у него был с собой, он попьёт, поест в лесу. Пастух был такой культурный.

— Что ещё было у пастуха, кроме трубы?

— Палка была или вица/прут. Вица у него была, вроде как палочка. Из лесу. Это он брал с собой. Было ли у него что-то ещё, знахарское [из предметов], мы ведь этого не знаем. А пастух когда был, с коровами был покой дорогой.

199. Karjua laškietah meččäh

Myö kun lažemma lehmäd meččäh, ni miula muamo-pokoinikka dai emän' d' akka opašti... Pikkaraini obrazaini on šemmoni, Pyhä Bohročča, vaški ikonaini. Ni šen

panemma oven piäl'ä, šiih kušta lehmäd lažet... tanhuon oven... A lehmä viel'ä on tanhuošša, oma karja... Ni šiid'ä kierrät kaikki Bohročan kera, šiid'ä iče Pyhä Bohroččua luvet šid'ä... Molitvua luvet: «Bogorodič'a, Deva raduis'a... obradovannaja Marija, Gospod' s toboju; Blagoslovenna ty v žehah, blagoslovenna plod i čreva tvojevo, jako rodila jesi Hrista Spasit'el' duše naših.»

Še on Bogorodič'a... Oma karja tanhuošša kierret'äh... vain kun enži kerda /piäššetäh meččäh/. Kolme kerdua lugietah, i kolme kerdua kierret'äh. Šiid'ä vašta l'ehmä laškietah... Kierret'äh myöd'äh päivyä... A ikonaini pannah šiid'ä oven piäl'ä, tanhuon puoleh... Šihi i jät'et'äh. Šiid'ä kolmet suutkat piet'äh šiin'ä. Kolmaš kerda kun meččäh laškietah, šiid'ä otetah... Ikona valetah puhtahalla veil'l'ä da perttih otetah, pertis's'ä piet'äh.

199. Стадо выпускают из хлева

А мы как станем выпускать коров в лес [первый раз], то моя мать–покойница и свекровь научили... Маленький такой образок, Святая Богородица, медная иконка. Её ставили над дверью, через которую выпускаешь коров... над дверью сарая. А корова ещё в хлеву, своя скотина... Обойдёшь их с Богородицей и читаешь молитву Святой Богородице.

Молитву читаешь: «Богородица, Дева, радуйся... обрадованная Мария, Господь с тобою; благословенна ты в жёнах, благословен плод чрева твоего, яко родила еси Христа, Спасителя душе наших».

Это Богородица... Своё стадо в хлеву «обходят»... когда первый раз [выпускают]. Трижды произносят и три раза «обходят». Только после этого корову выпускают... Делают круг, «обходят», по солнцу. И иконы ставят над дверью, со стороны двора [скотного], после того как «обход» совершён. Там и оставляют. Трое суток держат икону. Когда в третий раз скотину выпускают, потом снимают... Обмоют икону чистой водой и приносят в избу.

ПРОМЫСЛОВАЯ МАГИЯ

200. Nuotalla

Muin'en kun nuotalla pyyvettih. Šanotah, ottakkua t'äd'ä, tabakkua da spiičkua, viel'ä viinua. Šiid'ä ved'ehizel'l'ä... andakkua, ved'ehini t'eil'ä kalua andau...

...Otetah t'äd'ä puušta veššet'äh t'ervaist'a. I še kun on povi, n'äin kerät'äh kaikki käd'eh. T'ervakšet šyt'yt'et'äh, šiid'ä molitah(?). Šiel'ä mid'ä liene lugiettaneh. Šiid'ä kolme kerdua tuli pannah l'äbi povešta. Šiid'ä kun l'äbi jalakežist'ä šin'e svistnitäh, ved'eh...

Kiäššä hän šid'ä pid'äy, povie, i laškou povešta l'äbi, faakelan... I šiid'ä kun vilahuttau tuuvan järveh, tuakši päin. Tulen kera vilahuttau...

Šiel'ä on meil'ä Umbilambi. Män'n'äh nuotalla. Ei ni mid'ä pie šiel'ä virkkua. Virkkanet, kalua et šua. Mänet šin'n'e, meid'ä jo kiellet'äh — ei pie ni mid'ä virkkua.

200. С неводом на рыбалке

Раньше как неводом ловили. Говорят, возьмите табак и спичек, да ещё вина. И дайте водяному [хозяину воды], он вам рыбы даст...

... Берут, нарубят с дерева смолистых дров. У невода есть мотня, её всю собирают в руку. Разожгут смолистые дрова, потом «молятся» — что-то там проносят. Затем трижды проносят огонь под мотней. И после этого промеж ног выбрасывают эти дрова, щепки с огнём в озеро, в воду...

В руке держит мотню, и через неё [под ней] пропускает факел... Потом как выкинет туда, на озеро, позади себя.

Вместе с огнём [горящими] кидает...

Там у нас есть Умбиламби [букв.: непроточная ламба]. Идут рыбачить неводом. Там нельзя разговаривать. Если что скажешь, рыбы не поймаешь. Приходишь туда, уже предупреждают — ничего нельзя говорить.

201. Nuotalla

Jos kalaa ei tartu nuottaan, niin soudetaan maalle ja halkaistaan siellä nuotta kahdeksi osaksi. Toinen nuotanvet'äjistä lähtee vastapäiselle rannalle ja toinen kiertää häntä vastaan. Kun he sitten tulevat vastakkain, syntyy seuraava keskustelu:

«T'erve, t'erve, kunna, velli, l'äksid?» — «L'äksin sloadnikkoa eččimää.» — «Olihan šiula sloadnikka.» — «Šen biessa vei. Myö d'amokka yht'eh nuotad, rubiemma sloadnikoiksi.»

201. С неводом на рыбалке

Если в невод не попадает рыба, гребут к берегу и там разделяют невод на две части. Один из рыбаков отправляется вдоль берега в противоположную сторону, второй идёт навстречу. Когда они сойдутся, происходит следующий диалог:

«Здравствуй, здравствуй, куда братец пошёл?» — «Пошёл искать компаньона». — «Был же у тебя компаньон». — «Того бес унёс. Давай мы с тобой соединим невод, будем компаньонами».

202. Kalat lammista peitettih

Miän lammist'a... kalat kavottih. Niät šie, hyö kuin tuldih konža eläjät, no ni yhel'l'ä susiedalla oli ribatskoit... verkkuo oli, vaingo mid'ä ollou ollun. Da vaingo ollou nuottua ollun. En tiijä, mid'ä oli. A šiid'ä heilä oli ylen äijä šiin'ä lambissa kalua. Kun ei ni konža pyyvet't'y ni kette ga. Äijä oli ylen kalua. Šiid'ä hän rubiekši kun pyyd'ämäh, kalua šuamah. A toizella rodii zaavidno, što hiän ylen äijän kalua šuau. Otti da peitti kalat. Nin šiid'ä šen jalesti kalua ei lien'n'yn.

— Kuinba hän peitti?

— Män'e tiijä. Šilloin kun mahettih rahvaš kolduija nin... Kalat peitti... Kaikki kalat, ei en'ämbyä i kel'l'ä puuttun, ei ni kel'l'ä... Mie omallani šil'mäl'l'ä n'äin, što kalua on lammissa, no kun ei puutu nin... Kalua on, a ei puututa.

...Jo ammuin še oli, konža jo eñzimäizet eläjät tuldih, kaikkien eñzimäizet.

202. Рыбу в ламбе упрятали

В нашей ламбе... рыба пропала. Видишь ли, когда они пришли, жители, так у одного соседа были рыбацкие... сети были или что-то было. Может быть невод был. Не знаю, что было. А тогда было в этой ламбе очень много рыбы. Ведь никогда никто не ловил там до этого. Много было рыбы. Он как стал ловить, рыбу добывать. А другому стало завидно, что сосед много рыбы вылавливает. Взял да и спрятал рыбу. Так вот после этого и не стало рыбы.

— Как он её спрятал?

— Поди знай. Тогда ведь люди умели колдовать... Рыбу упрятали... Всю рыбу, больше никому не попадалась, никому... Я своими глазами видела, что рыба в ламбе есть, ну вот не ловится и всё... Рыба есть, а не ловится... Это было уже давно, когда первые жители пришли, самые первые.

БЫТОВАЯ МАГИЯ

203. Lutikkoja ajetah

Stepanie-t'äd'i... lutikkoida ajo talosta... Hiän pyyhki vaššalla lat'etta... Illalla, kun rubei päivä laškeudumah, hiän ottau t'äl'd'ä, kynnykšešt'ä päin... Pyyhkiy, peräh pirttie. Šiid'ä kaikki, n'ämä, čuppuloja myöt'en. Šiid'ä kun suureštah šiid'ä! Hän oli meil'ä ramba...

I kuin lutikat läht'iet'äh t'äšt'ä kyn'n'ykšešt'ä piäličči! Ni vot n'äin oli, ihan kun ruškie lenta...

— Iče olet nähny?

Ihan kun matattih. Iče olen n'ahn'yn. Myö kun kačomma, šanomma: «Ka vain läht'iet't'ih lutikat...» N'e kun matatah kyn'n'ykšešt'ä piäličči, ihan kun on ruškie lentta, pihalla... Kai lähtiet't'ih, ei ni yht'ä jiän'yn pert't'ih.

Šilloin vet oldih perehet šuuret, eigo ni yht'ä krovattie, lat't'iella magazima...

No vot šiid'ä t'otka meijen ajo... A mid'ä hän šiel'ä šanou? Ičekšeh šielä šano... Ei ni mil'l'ä vaštua kaštan... Kuivalla vaššalla. Ni hyö kun läht'iet'äh kyn'n'ykšešt'ä piäličči, no vot kun lentani, levie. I matatah kai niin jorozellah, kaikin. Ni kai lähet'äh pihalla.

Myö kun nagramma, nagramma, lapšed olima — Stephanie-t'äd'i lutikkoida ajau...

203. Как клопов изгоняли

Тётка Степанида... клопов изгоняла из дома... Веником пол подмела... Вечером, когда солнце стало садиться, она начала отсюда, от порога... Метёт, внутри избы [от порога]. Всё, по всем углам подметает. Сама вся такая сердитая! Она у нас была хромая...

Как пошли клопы через порог, будто красная лента!..

— Ты сама это видела?

— Точно, как шли. Сама видела. Мы смотрим и говорим: «Смотрите, клопы пошли!..» А те идут через порог, на улицу, как будто красная лента... Все ушли, ни одного не осталось в избе.

Тогда ведь семьи были больше, кроватей не было, спали все на полу.

Вот так наша тётка выгнала... А что она там говорила? Про себя что-то говорила... Веник ничем не мочила... Сухим веником. Они как двинулись через порог, ну, как будто лента, широкая. И идут все в линеечку. Все ушли на улицу.

А мы смеемся, смеемся, детьми ещё были — тётя Степанида клопов выгоняет!..

MYYTTEISET TARINAT. ARKITARAHTUMAT

БЫЛИЧКИ. БЫВАЛЬЩИНЫ. БЫТОВЫЕ РАССКАЗЫ

ЛЕШИЙ. ЛЕСНЫЕ ДУХИ

204. Meččäpertillä

Myö olima hein'äl'l'ä... Kuin ven'yt't'äyd'ymä illalla muata, kuin kellojen kera kävel'l'äh... pajatetah vaingo ei pajateta. Meččyä myöt'e... Šiid'ä emmä ruohtin muata. Otettih da ovi pandih nuoralla kiini. Emmä voi muata. Ist'uuduma... Šiid'ä otettih mužikat da virket't'ih: «Lähemmä, šanou, ovikorvašša, t'äššä, ammunma, yl'ähäkši, eigo l'äht'iet't'yä poigeš.» Mie en tiijä, äijähgo šuate myö šiin'ä olima... Kuulemma, šiid'ä l'äht'iet't'ih iel'l'äh, iel'l'äh, loitommakši, loitommakši, n'äin. I vähäzen rubei kuulumah.

Šiid'ä mužikat vuidittih pihalla, kaččelevutah, kaččelevutah, kaikkiella päin. Ei en'ämbiä mis's'ä olla. Vain kun šiel'ä čut-čut kuuluu kellon iäni.

204. В лесной избушке

Мы были на сенокосе... Только легли вечером спать — слышим, ходят с колокольчиками... то ли поют, то ли нет. По лесу... Не смеем уснуть. Дверь закрепили верёвкой. Не можем спать. Сели... Мужики подумали и предлагают: «Пойдём, говорят, к дверям, выстрелим в воздух, вверх, может быть уйдут»... Не знаю, как долго мы сидели... Слышим, отдаляются голоса, проходят всё дальше и дальше. Уже еле-еле слышно.

Тут мужики вышли на улицу, осматриваются, посмотрели всё вокруг. Нигде ничего нет. Только вдали ещё чуть-чуть слышен будто звон колокольчика.

205. Mečänvägi

A mie tritcet' dev' atom godu tuošša učaskalla... ruavoin povarina...

A šiin'ä oli lambi, šenin oli kuin hauvašša, a šiel'ä oli gora šuuri, šiin'ä, dai toini gora oli... Myö kuulemma, kun pajatetah, pajatetah, garmon'alla kižatah, kai... Myö olemma barakoilla, pihalla šiin'ä. Akat šan(o)tah, da mužikat, što naverno tullah Ohtalda šiel'dä,... učaskalda, rahvaš... moolod'oš, kun garmon'alla kižatah... No šiid'ä

tuldih, kun šiin'ä pajatetah, lammin kohašša šiin'ä!.. Kui ei šua ni mid'ä malttua, niin hyö pajatetah da garnon'alla kižatah.

A yksi oli Nuottavuaran starikka, šanou; što «tulgua pois pirtti, n'ämä ieule, šanou, hyvä vägi. T'ämä matkuau mečänvägi. Mečänvägi, šanou, on. Tulgua pois pirtti. Šuagua, šanou, pangua ovet "Hospodi blahosl'oves" umbeh.»

Myö šiid'ä kun kaikin vareuvumma, tungeuvumma kaikin pirtti, šin'n'e barakah...

L'ähemmäksi ei tuldua, meččyä myöt'e matatti šin'n'e. A kun pajatetah... šanoja ei šua razberie.

Heist'ä voi tulla i pahua, zaboileja. Šan(o)tah: «Mečänviän piäl'l'ä et piäze! Hän on niin sil'noi. Ei ni ken piäššä. Šihii kuolla pidi.»

205. Лесные/лешие

Я в тридцать девятом году работала на лесоучастке... поваром.

Рядом была ламба, в низине, а за ней была гора, большая, и вторая горка... Вдруг слышим — поют, поют, на гармонии играют, всё... А мы у бараков, на улице. Женщины говорят, и мужики тоже, что, наверное, это с Охты, с другого участка, молодёжь идёт, раз на гармонии играют... Ну и подошли будто, около ламбы там поют!.. Ничего не разобрать, как они поют, и на гармошке играют.

А был старик из Нуоттаваары. Он и говорит: «Идите-ка вы в дом, это, — говорит, — недобрый люд. Это идут "лесные" [лешие]. Идите скорей в дом. И закройте двери со словами "Господи, благослови"».

Мы все как испугались, все скорее забились в дом, в этот барак. Ну. Ближе «те» не подошли, по лесу прошли туда. А как поют... Слов не разобрать...

От них может и худо быть, можно и заболеть. Говорят: «Над лесной силой верх не одержать» [«Лесную силу не одолеть»]. Она такая сильная. Никто не избавит. От этого и умереть можно.

206. Mečänvägi

Mečän izänd'yä, šiid'ä olen kuullun; dai mečän emänd'yä olen kuullun. Miula yksi naine šano. Hän oli paimen šielä, kyläššä, Šägärveššä. Hän paimendi šiel'ä «mečän viäl'l'ä», žiivattua.

Šiidä hän šanou toizella, šillä podpaskalla: «T'änpiänä, šanou, tulou "mečänakka" lehmän kera, härillä».

No šiid'ä oldih, oldih, oldih ga. Hiän ni šanou: «Niädgö, šanou, kun tulou?» — paimen še šanou podpaskalla. Hiän šanou: «En niä!» — «Polle, šanou, jalan piällä,

pägien piällä polle, šanou!» Hiän polgi: «Niän, šanou. Zdoroovoi ženšina, šanou!» Šuo šuuri, šuuri. Šuošta poikki tulou lehmän kera. Lehmyä ved'äy povodašta, kyt' kyöštä. Helma, šanou, kiän'n'et't'y on, ezihelma.

A šanotah, helmua kiän'n'et't'yä, še on riähkä...

Tulou, a kun lehmällä šillä karva, šanou, losniu kai. Mušta lehmä. Šiih tuli. Paimen šanou: «Pusti, šanou,.. laže lehmä karjah». Akka laški lehmän. No šiinä hiän keralla oli. Paimen še n'ägöy händ'äh, a še toini tovarissa ei niä. Paimenen kera šen paissah. No, paimen kun hänen «viäl'l'ä» paimendau ga.

No oldih, oldih. Naine šanou: «N'yd jo voim män'n'ä kodih, dielo on valmiz jo». Läksi, šanou, šiida.

Še naine miula kerroist'i.

— Kuin še «mečän viäl'l'ä» paimendua?

— A ken heid'ä tiedäy... Šilloin vet oli koldunoja kaikemmoizie.

206. Лесные/лешие

О «хозяине-духе» леса слыхала, и о «хозяйке» слыхала. Мне одна женщина рассказывала. Она была в пастухах там, в деревне Шагозеро. Пасла там скотину «мощью леса» [под покровительством]. Потом и говорит второму этому, подпаску: «Сегодня, говорит, придёт “хозяйка/жена [?] леса” с коровой к быку».

Ну, пасли они, пасли, были там. Пастух и говорит: «Ты видишь, как она идёт?» Он говорит: «Не вижу!» — «Наступи, — говорит, — на ногу, на подъём ноги!» Он наступил: «Виджу!», говорит. «Здоровая, — говорит, — женщина».

А болото большое-большое. Через болото идёт с коровой. Корову ведёт за поводок, за привязь. Подол, говорит, подвёрнут, спереди.

А, говорят, подворачивать подол — это грех...

Идёт, говорит, а у коровы той шерсть так и блестит. Корова чёрная. Подошла. Пастух и говорит: «Пусти, — говорит, — выпусти в стадо». Женщина выпустила корову. Ну, с ними тут побыла. Пастух тот видит её, а этот второй, товарищ, не видит. С пастухом разговаривают. Ну, раз пастух её «мощью/силой» пасёт так. Ну побыли, побыли тут. Женщина и говорит: «Теперь я уже могу идти домой, уже готово дело». Пошла, говорит, оттуда.

Эта женщина мне рассказывала.

— Как это «мощью леса» пасти?

— А кто их знает... Тогда ведь были колдуны всякие.

207. Ved'ehini

1. Muin'en, šanotah, pokaazivaiččiudu... Noužou kuna ni kivel'l'ä, tukkie šugiu. No. Muin'en šiel'ä, muinozet šanottih. Tukkie šugiu da jäl'l'äh ved'eh män'öy.

2. ...Šan(o)tah, hän'el'l'ä on tukat pit'ät, ist'uu korolla... Kivel'l'ä ist'uu da vain tukkie šugiu... En mie n'ähn'yn, elgäh Jumala miulani andakkah...

...Ved'ehine ottau čeloviekan, jesli on luvattu, rugaidu.

207. Водяной

1. В прежние времена, говорят, показывался... Поднимется где-нибудь на камень, волосы расчёсывает. Но. Раньше там старики рассказывали. Волосы расчёсывает и обратно в воду уходит.

2. ... Говорят, волосы у неё длинные, сидит на корге... На камне сидит и волосы расчёсывает... Я не видала, и не приведи Бог...

... Водяной забирает человека, если тот обещан, проклят.

208. Ved'ehini

En mie n'ähn'yn, a n'ägi t'otka miun, no. Meist'ä oli kilometri... Hiän meil'ä torokkanoja kyl'mät't'i, šygyžyl'l'ä. Viel'ä šula oli, ieullun jiäd'ä. No. I ei tullun meil'ä yökši, jäi šin'n'e. Kylyššä rubieu šiel'ä. No. Kois's'ah. Huomenekšella kun aivoin nouzi. A šiin'ä hiän rannašt(a) ei ed'ähän'ä oli šuuri kivi. No. I duumaiččou, mihän on kivel'l'ä... Šenin vejel'l'ä... kiven piäl'l'ä, löyhky, kun on vuate. Mihän tuo n'yd vuattein on kiven piäl'l'ä? Kun kaččomah rubei, ga ved'ehini tukkie šugiu... A n'e kun tukat, šanou, ollah! Ollahgo pit'ät vain ei oldua! Tukat pit'ät!..

208. Водяной

Я не видала, а видела моя тётка. В километре от нас... Она у нас тараканов морозила, осенью. Вода ещё не замёрзла на озере, льда не было. Но. Она не пришла в дом ночевать, там осталась. В бане осталась. Дома. Но. Утром встала рано. А недалеко от берега был большой камень. Но. И думает, что это на камне? На озере, на самом камне, будто одежды развешаются. Что же это за одежды на камне? Стала смотреть, так это водяной волосы расчёсывает. А волосы-то, говорит! До чего длинные, эти волосы...

ДОМАШНИЕ ДУХИ. ДОМОВОЙ

209. Haldiet

— Missä oli haldieda?

— Haldieda, šanottih, muin' ein pertis's'ä oli da, kyl'yl'öis's'ä oli da. Ved'ehini veis's'ä...

Haldieda, šanottih, oli karžinoissa, da kyl'yl'öis's'ä... Liäväššä, šanotah, tože on, liävän emänd'ä, tanhuon izän'd'ä da.

Ku haldie on hyvä haldie, ku haldie on paha haldie. Riiahaldie on hyvä haldie, kylyhaldie on paha haldie.

Hänen kera /haldien/ kun hyvin el'ät, dak hän pahua ei luaji.

209. Духи—«хозяева»

Где могли обитать [быть] духи—хозяева?

— Духи—хозяева, говорят, были раньше в доме, были в бане. Водяные в воде...

Духи—хозяева, говорят, были в подполье и банях... В хлеву, говорят, тоже была «хозяйка» хлева, был «хозяин» скотного двора.

Которые духи—хозяева хорошие, а которые и вредные. Ригачник хороший, а баенник плохой/вредный...

А если с ними ладишь, живёшь по—доброму, то и они вреда не делают.

210. Kojin haldie/emändä

— Oletgo kuullun, ongo kojissa haldie?

— En tiijä, ongo haldie, vain ei ole. Meil'ä n'ev'eskä kun oli... Ni händ'ä moni kerdua paino, haldie... Šielä unis's'a ožuttauduu, što mužikka tulou painamah. Še šan(o)tah on haldie. Händ'ä moni kerdua paino. Ga kačo porotettih pois koist'a,... kačo. A milm(a) ei ole painan...

210. Домовой

— Ты слыхала ли, есть ли в доме дух—хозяин — домовый?

— Не знаю, есть ли, нет ли его... У нас невестка была... Так её много раз беспокоил... Во сне покажется, будто мужик приходит, душит. Это, говорят, домовый. Её много раз душил. Так вот и выжили её из дома... вишь. А меня не беспокоил.

211. Kojin haldie...

Šanotah, on, ga... Ked'ä l'uubi, šil'l'ä hyvyä luadiu, ked'ä ei l'uubi, pahua luadiu. En tiijä...

Mie kuulin, yht'ä rasskaazivaidih, pežöy pirttie, emänd'ä. «Hän» kaikki tulou ligavejet kuadau lat't'iella. En tiijä, nägöygo hän. No kun kaikki ligavejet, tazatti kai lat't'iella hurahuttau... Še haldie. Ei šuvannun /emänd'yä/.

211. Домовой

Говорят, есть, но... Кого любит, тому делает добро, кого не любит, худо делает. Не знаю...

Я слыхала, рассказывали, что мол хозяйка полы моет. А «он» всю грязную воду обратно выливает, на пол. Не знаю, видит ли он. Всю грязную воду на пол, тазы и всё опрокидывает... Этот домовый. Не любил [хозяйку].

212. Kojin haldie

... Babka eli Vuarašša. Šiid'ä hän unen n'ägi. Šanou: kak buitto mie en ni magua. Tuli staaroi starikkaini, šanou, perttih. Tuli, miulani šanou: «Šie večči viel'ä maguat?» Mie, šanou, šanon: «Maguan.» A en ruohi muuda ni mid'ä virkkua, hän'eh kačon. Hän šanou miula: «Šie večči et kuule?» Mie, šanou, duumaičen, ken miulani on tuo? Hän šanou: «Huomena, raukka, män'e poigeš tiäl'd'ä. Ei, ni mie tapan šion. Mie, šanou, jo akan t'yönniin, akka miula läksi! Vain, šanou, ed läht'en'e, mie šion tapan.»

En'ambi ei ruohtin šiel'ä... Hän let des'at' ili dvenadcet' eli yksin'äh... šiel'ä Kel'l'avuarakašša eli... Tuli pois pos'olkah...

212. Домовой

... Баба жила в деревне Вуара.

Видит сон. Рассказывала, что вроде и не сплю. Пришёл старый старичок в избу. Пришёл и говорит мне: «Ты что, ещё спишь?» Я, говорит, отвечаю: «Сплю». А больше ничего не смею говорить, смотрю на него. Он мне и говорит: «Ты что, не слышишь?» Я, говорит, думаю про себя, кто это такой. Он и говорит: «Завтра же, — говорит, — уходи отсюда. А не то я убью тебя. Я, — говорит, — уже отправил жену, жена ушла! Если, — говорит, — не уйдёшь, я тебя убью!»

Больше не смела оставаться... А так лет десять—двенадцать жила одна... там в Келляваараке... Перешла жить в посёлок...

213. Pirtin emänd'ä

Izänd'yä, emänd'yä kaikkiella on...

Yksi naini, vot pyhäpäivä on. Hän'ellä oli hein'yä äijä haravoidavua.. A hiän vaibu, ven'yt't'äydy muata. Lebäyd'ymäh päivällä. Hiän ven'yy, ga karžinan ovi avaudu. Hiän lattiella ven'yy. Muin'en vet ei krovattiloja ollun. No lattiella ven'yy. Ovi kun, šanou, avauduu, kačon. «A iče, šanou, maguan, a vrobe kačon, tuli emänd'ä, šanou: "Nouže, raukka emänd'äizeni, šanou. Ylen šuuri vihma noužou, šanou, vet šiulda hein'ät kaštau." Mie havaččiuvin. Havaččiuvin, kačon, ei ni ked'ä ole, karžinan ovi ummešša. Kun, šanou, kačon — ongo tuučča vain ei ole! Nouzin, šanou, hein'ät kai šubi keräzin. Šiid'ä kun hureudu — monet suutkat vihmui. Ka vain... Muaz'ärveššä še oli.

213. «Хозяйка» избы

«Хозяин» и «хозяйка» есть всюду...

... Одна женщина, было воскресенье. У неё было много сена, сгребать. А она устала, прилегла поспать. Отдохнуть днём. Она легла, а дверь подполья и открылась. Она на полу спит. Раньше ведь кроватей не было. Ну, на полу лежит. «Дверь, — говорит, — как открылась, смотрю. А сама, — говорит, — сплю, и вроде смотрю, как пришла "хозяйка", говорит: "Вставай, хозяйюшка, — говорит, — очень большая туча поднимается, — говорит, — ведь у тебя сено промочит". Я проснулась. Проснулась, смотрю, никого нигде, дверь в подпол закрыта. Как, — говорит, — посмотрела — такая ли туча поднимается! Встала, — говорит, — всё сено убрала. После как дождь хлынул — несколько суток лил». Вишь как... В Машезере это было.

214. Liävän emän'd'ä

Iče mie n'ägen en ole... A mamma miän n'ägi. Yheštä talošta matkuau... pikkaraini, t'ämämmoini... I kandau hein'yä, kogo takan. Hein'yä kandau i toizeh taloh viey. Kummaist'a lehmyä šuvaiččou, šil'l'ä l'ehmäl'l'ä kandau. A kummaist'a l'ehmyä ei šuvače, šil'd'(ä) ottau, a toizeh taloh viey.

Še hald'iego, vain liävän emän'd'ä vain. Še haldie, šan(o)tah, karžinašša on, a še on liävän emänd'ä...

Šen mie olen kuullun, što... liäväh män'n'äh i pissel'l'äh jogo uglah, matin kera... hangolla. Hangolla, libo kirvehel'l'ä leikatah, libo mil'l'ä. Ili viikattehella niit'et'äh niid'ä, uglie. Mie olen niin kuullun...

214. «Хозяйка» хлева

Сама я не видела... А мама наша видела. Идёт из одного дома... маленькая такая... и несёт полную охапку сена. Сено несёт в другой дом. Которую корову любит, той несёт. А которую корову не любит, у той берёт, и в другой дом несёт.

Это дух-покровитель, или «хозяйка» хлева ли. Домовой, говорят, в подполе живёт, а это «хозяйка» хлева...

Я вот это слышала, что ... заходят в хлев и вилами протыкают каждый угол, с бранью... Вилами либо топором режут, либо чем острым, железным. Или же косой косят по углам. Я слышала об этом...

215. Liävän emänd'ä

— Šuvaččigo liävän emändä žiivattoja?

— A konža šuvaččou, da konža ei. Mimmoni mast'... Jesli hän kun šuvaččou, ni hyö ollah por'atke, hyvin... A jesli ei šuvače, hyö ollah kaikičči märät, tiputah... vezi tippuu. A mie en tiijä, mid'ä ruatah...

Meil'ä vain šanottih, kun liävä... strojitah, ni touže, kun ei šuvače, ni šanotah, pid'äy n'äin, ristikkö luadie, liävän alla, ennen strojindua...

215. «Хозяйка» хлева

— Любила ли «хозяйка» хлева скотину?

— А когда любит, а когда и нет. Какая масть...

Если она любит, то они [скотина] в порядке, всё хорошо... А если не любит, они всё время мокрые, с них капает... вода [пот] стекает... Но я не знаю, что делают...

Только у нас говорили, что когда хлев... строят, то, говорят, надо на месте постройки сделать, начертить крестовину...

216. Liävän emänd'ä

Lehmä kun važan šai, kuun, puolentoista kačon — važa šogenou... Tois'sa vuodena tuaš. Šen tappoma, važan... Tuaš šamah tabah. Miula babka i šanou, sussieda:

— Šiun, šanou, pid'äy ičel'l'äš važalda piä leikata, kyn'n'ykšel'l'ä.

Mie šanon:

— Oi kun en ruohi ni.

— Ed ruohi, ni šiula, moniehičči män'ed, šanou, ni šiula i l'ehmä šogenou. No.

Ras, šanou, ei šuvače važoja liävä... emänd'ä liävän, še.

Mie šiid'ä mänin, duumaičen... Važalda otin, piän leikkazin. Vejin važan kyn'n'ykšel'l'ä, šorrin... Iče piän leikkazin važalda...

Tuaš kun päivä—toini proidiu, kun män'en — ni kun on l'ehmä, ni duumaičet on muilalla šenin hierottu kai... vuahešša. Duumaičen, tuatto da muamo šenin kun šanottih, luadie pid'äy. Vuota mie rubien luadimah. Mie šiid'ä. En muis's'a, kumbani miula oli lapši, še pid'äy perehešt'ä olla kaikkein van'hin i kaikkein nuorin šid'ä luadies's'a... Otin mie pojan... liäväh mänimmä... Panin lehmän sarajah (še pid'äy ottua liäväšt'ä). A šiid'ä pid'äy pissel'l'ä kai tanhuo še, liävä še... Pissel'l'ä hangolla, labiella, kirvehel'l'ä. Da šiid'ä lykät'ä tanhuolla jäl'el'l'äh... Ei pie muuda i midä: «Mis's'ä šie olet miun lehmän koškija, mie šiulaš annan! Viel'ägo rubiet koškomah...» Pist'elin, pist'elin, pist'elin. Dai pojalla käžen, veičel'l'ä t'öl'kkiy...

Šiid'ä tuaž unis's'a i niän šiin'ä: «T'ämän, šanou, huiman emän'n'än luokši en'ämbyä en tule!...» Naini, naini on šemmoni... «Kun, šanou, oli toini emänd'ä (en'n'en meid'ä elet't'ih), milma ei ni konža košken. A kačo, t'ämä on, šanou... vain, šanou, yht'ä muilua tungin... T'ämän emän'n'än luo, šanou, el'yäs's'äh en tule». A mie šanon: «En mie šilma i igävoiče!» ...Hän'en keralla riid'el'emmä unis's'a.

Ka en'ämbi ei košken!

216. «Хозяйка» хлева

Корова отелилась, месяц—полтора ухаживала за телёнком — телёнок ослеп... На второй год опять. Телёнка закололи... Опять то же самое. Мне и говорит старушка-соседка:

— Тебе, говорит, надо самой отрубить телёнку голову, на пороге [хлева].

Я говорю:

— Ой, как не смею я.

— Не смеешь, так смотри, ещё и корова ослепнет. Но, раз, говорит, хлев, «хозяйка» хлева не любит телят.

Я пошла, подумала... Отрубила телёнку голову. На пороге его повалила. Сама и отрубила голову телёнку.

Проходит день—второй, прихожу в хлев — у меня корова, как будто намыленная... вся в пене. Думаю, отец с матерью как говорили, надо так же сделать. Давай-ка сделаю... Не помню, кто из детей был. Это должен быть из семьи самый старший [?] и самый младший ребёнок... Взяла с собой сына... пришли в хлев... Вывела корову в сарай, её надо вывести из хлева. А потом надо истыкать весь хлев... Истыкать вилами, лопатой, топором. И выбросить затем их в сарай... Больше ничего не надо: «Где ты, что беспокоишь мою корову... Я тебе сейчас покажу! Будешь ли ещё тревожить!» Потыкала, порубила. И сыну велю, он ножом режет...

Потом и вижу опять во сне: «К этой дурной хозяйке, — говорит, — больше не приду! — Будто женщина это... — Когда, — говорит, — была другая хозяйка (до нас тут жили), никогда меня не трогала. А смотри-ка, что эта надумала, ведь только и сделала я, что мыла напихала... К этой хозяйке, — говорит, — больше в жизни не приду». А я отвечаю: «А я по тебе и не скучаю!» Спорим с ней во сне.

Больше не трогала корову.

217. Kylyn haldie

Mie olen kuullun, što kaikkie l'ä — koi's'a oma haldie, liäväsšä on oma, tanhuolla oma i kyl'yssä oma. I kaikkie l'ä omat haldiet oldih...

Hän on izänd'ä rouno, primerno kyl'yssä tuošša meil'ä,.. šiel'ä i el'äy, hän beregoiččou miän kyl'yö...

— Pidäygo händä hyvittyä?

— Konešno, pid'äy... Kyl'yh män'et, šanot: «T'erveh, l'öyl'y, t'erveh, l'ämmin!...»

217. Баеншик

Я слышал, что всюду — в доме были свои духи-хозяева, в хлеву свои, во дворе [скотном] свои и в бане свои. И всюду были свои духи-покровители.

Он словно «хозяин»/«хозяйка», взять, например, баню у нас... там и обитает, охраняет нашу баню...

— Надо ли его задабривать?

— Конечно, падо... В баню придёшь, скажешь: «Здравствуй, пар, здравствуй, тепло!...»

218. Kylyn haldie

Jesli myöhä män'et kylyh, ni haldie šiun duaviu... Daaže n'yl'göy kaiken čeloveekan. Ei laškiettu myöhä. Pruaznikkua vaššen ei laškiettu pozdno kylyh. Aivoin jo kyly l'ämmit'et'äh.

Män'e tiijä, mid'ä hyö muin'en varauteldih? Lapšet oldih šemmoizet trusliivoit!

218. Баенник

Если поздно в баню пойдёшь, то «хозяин» может удавить... Даже кожу/шку-ру снимет. Не пускали поздно. Особенно под праздники не пускали поздно в баню. Баню топили пораньше.

Поди знай, почему в прежние времена так запугивали? Дети были такие трусливые!

БЫТОВЫЕ РАССКАЗЫ

219. Lamppu

Muin'en kun kyläh tuodih lampu, piisari toi lampan... Kai kylä käydih kaččomah, meilä diädinkä šano. Päret't'ä vet' poltettih. Kačotah: piisari ku alendau — tuli še puolenou, kylel'l'äh tuli lien'öy. Kun noštau — tuaš tuli valgenou. No kuin tuo n'gy on?! St'oklan šämeššä tuli palau?! Kaikilla on še sumlenja.

Kodiloih ku tuldih, rosskazyvaijah: «Vot kun piisari toi šemmoizen tulen! Vie-läi lähemmä!» Ei mahuttuai perttih! Monda ildua käydih kaččomah, kerralla ei mahuttu.

219. Лампа

Давно, в старое время, привезли в деревню Тунгуду лампу, писарь привёз... Вся деревня ходила смотреть, нам рассказывала дяинка [жена дяди]. Ведь тогда лучину [для освещения] жгли. Смотрят: писарь как повернёт — огонь убавляет-ся, боком огонёк горит. Как поднимет — опять огонь сильнее. Ну, как это воз-можно? Внутри стекла огонь горит?! У всех такое сомнение. Возвращаются по домам, рассказывают: «Вот как писарь такую лампу привёз! Ещё пойдём смот-реть!» В избу не вмещаются! Несколько вечеров ходили смотреть, разом все не вмещались.

220. Telefona

Telefonua kun ei ollun. Myö olimma jo šuuret, telefona kun pandih saldatat, tuu-van endizeh papin kodih.

Myö kun mänimä, t'yt't'ölapšette ga: pais's'ah. Myö tulima t'erväizeh, šanoma, što:

— Vot kuin on — šiel'ä kun pais's'ah telefonašša ni — «Ol'oo, ol'oo». A šielä vaššatah!

Vanhad meil'ä šanotah:

— Ei'gyä mängyä! Šiel'ä vet' kun mänet't'ä, provolokka t'eid'ä t'embuau šin'n'e, provolokalla... Void, niät šie, šurma tulla! Män'e tiijä šiel'ä, meččähini šiel'ä pagajau! Meččähini, niät šie, šiel'ä! Ei hyvä, ei hyvä šiel'ä pagaja!

— Ei, saldatat pais's'ah!

...Toissa piän'ä tuašši himottau meil'ä. Myö kun emmä tiijä, niät šie, ni... Lähemmä tuašše, ongo šiel'ä ked'ä. Ei, mužikat ollah. Mužikat pais's'ah telefonašša. Provolokkaa myöt'en pais's'ah...

220. Телефон

Телефона ведь не было. Мы уже большие были, когда телефон устанавливали солдаты, в тот, бывший поповский дом.

Пришли мы, девочки, туда: разговаривают [по телефону]. Мы быстренько вернулись... Говорим, что:

— Вот как там, там говорят по телефону: «Олѐо, Олѐо».

А им отвечают.

Старые люди нам говорят:

— Не ходите туда! Пойдѐте, вас проволокой как дѐрнет, туда и схватит... Может и насмерть! Поди там знай, может это леший говорит! Леший, вишь ли, там. Не с добром там, нечисть там говорит!

— Нет, солдаты разговаривают!

... На другой день нам опять и хочется. Ведь не знаем, что это... Опять идѐм, есть ли там кто? Нет, только мужики. Мужики говорят по телефону. По проволоке разговаривают...

ПРИМЕЧАНИЯ

Эпические песни. Баллады

Контаминация сюжетов: Сватовство (4—70); Состязание в пении (71—99; 112—170); Изготовление кантеле. Игра на нём (100—111); Золотая дева/жена (171—181); Морской поход. Большая щука. Изготовление кантеле (182—225). (1)¹

1. А. 37/32, от П.В. Гужиевой, Койвуниеми, 1956, Фёдоров.²

Публикуемый текст представляет собой не совсем обычную контаминацию нескольких эпических сюжетов. В отличие от традиционных версий, Вайнямёйнена ранит не Лаппалайнен или какой-то другой герой, а кузнец Илмоллине, увидевший его спящим со своей предполагаемой невестой. Вайнямёйнена из моря вылавливает баба Хийси. За ним следует сюжет «Изготовление кантеле и игра на нём». Без какого-либо перехода исполняется «Состязание в пении» с кузнецом, в результате чего Илмоллине отдаёт за старца свою сестру, которая вскоре умирает. Создаётся Золотая дева/жена. Вайнямёйнен отправляется на корабле в море; следует эпизод с «Большой щукой», «Изготовление кантеле и игра на нём». Здесь же диалог с прислужгой — с просьбой посмотреть, кто играет.

В такой контаминации других записей песни не обнаружено. Трудно сказать, является ли текст индивидуальным творчеством исполнительницы, или же он бытовал в локальной эпической традиции? Комментариев в архивной записи не имеется.

Песня опубликована: KKR, I, 123.

¹ В скобках указаны номера текстов в сборнике.

² Первая цифра обозначает номер коллекции в Архиве, вторая — номер единицы хранения; далее — исполнитель, место и год записи, собиратель. Более подробные сведения в указателях исполнителей и собирателей.

Пир в Пяйвеля/Похьёла (2)

2. А. 37/36, от П.В. Гужиевой, Койвуниеми, 1956, Фёдоров.

Типичный вариант сюжета, без упоминания названий Похьёла, Пяйвеля. Пир устраивает Озмони, пригласивший всех, кроме Леммингяйнена, слывшего скандалиста, драчуном. По ходу исполнения в песне (строки 91—105) происходит подмена, смещение имён — Леммингяйнен в роли хозяина, Озмони — незваного гостя. Возможно, это просто ошибка.

Вариант песни из региона Тунгуды (А.35/97) опубликован: КЭП, 77.

Утерянные украшения (3)

3. А. 37/33, от П.В. Гужиевой, Койвуниеми, 1956, Фёдоров.

Несколько сокращённый, фрагментарный вариант традиционной песни на данный сюжет, единственная запись из региона Тунгуды. Опубликовано: KKR, I, 124.

Сваты из моря/Морские женихи (4, 5)

4. А. 37/26, от А.И. Евсеевой, Койвуниеми, 1956, Фёдоров.

В начале песни отсутствует обычная формула-зачин, который появляется при повторе (строки 5—9...). Песня популярная, известная по всей Карелии.

5. А. 35/95, от А.П. Мироновой, Венозеро, 1937, Ругоев.

Вариант песни интересен тем, что наряду с традиционным четырёхкратным сватанием с женихами — медным, серебряным, золотым и хлебным — в начале появляются сваты/женихи с доской/деревом, железом, оловом и предпоследний выходит с платком (?). Таким образом в песне наблюдаем восьмикратный повтор.

Следует отметить, что в обоих вариантах перечисляемые атрибуты жениха (медь, золото и т.д.) не использованы в качестве его эпитета «Noužou mužikka/mieš pereštä — выходит из моря мужчина...», у которого медь, золото и т.д. «во рту, в руке, в кармане». Обычно в более северных вариантах: vaškimieš — «медный мужчина», leipämieš — «хлебный мужчина» и т.д. Опубликовано: КЭП, 78.

Сватовство в дороге/в пути (Встречные сваты) (6)

6. А. 35/46, от А.П. Мироновой, Венозеро, 1937, Ругоев.

Лирикопические песни на сюжеты сватовства были популярны в народе, среди молодёжи. Предлагаемая песня является редкой, других вариантов в иссле-

дуемом регионе не обнаружено. В первой части девушка встречает сватов — молодых и стариков. Во второй части песни речь идёт о зяте/муже — как и чем обихаживают молодого мужа и старого мужа.

Выкуп девушки (7, 8, 9, 10)

Это традиционная лироэпическая песня-баллада, так называемая песня-повтор [kertaustaulu], исключительно популярная в Карелии. Имеется несколько версий/редакций сюжета. В регионе Тунгуды—Шуэзера записано 11 вариантов (таким количеством записей здесь не представлена ни одна другая песня). Девять из них представляют версию «Девушка просится в лодку» (в том числе, все публикуемые здесь); два варианта — «Девушка просит выкупить её».

7. А. 37/9, от Е.С. Еккиной, Нуоттаваара, 1957, Кондратьева.

8. Фон. 2571/24,³ от А.В. Акимовой, Тунгуда, 1979, Степанова.

9. KA SKS, Tunkua, от В. Сидорова, Финляндия, 1932, Вирккунен.

Начало песни не совсем традиционное, обычно так начинаются песни о сватовстве (1—6). Девушка просится в лодку отца, матери, брата. Отказ отца мотивирован — некогда, «хариус нерестится», остальные лишь ссылаются на недосуг. Конец также необычен — девушку никто не выручает.

10. Фон. 3380/22, от К.И. Щелиной, Тунгуда, 1998, Степанова.

Песня как бы в сокращённом варианте. Девушка обращается к отцу и брату, выручает жених — kuldani — «милый», букв. — «золотой».

Поиски исчезнувшего гуся/птицы (1—71). Девушка задерживается у источника (72—148) (11)

11. А. 37/37, от М.М. Мошниковой, Койвуниemi, 1956, Фёдоров.

Песня популярна во всех регионах в Карелии. Вариант достаточно полный, девушка ищет чудо-птицу — vuagalindu, полученную в подарок от брата. Песня контаминирована с сюжетом «Девушка (по имени Лаурикка) задерживается у источника».

От М.М. Мошниковой эту же песню записал Я.В. Ругоев в 1937 г. (140 строк).

Вариант песни, А. 37/31, опубликован: KKR, II, 247.

³ Первая цифра обозначает номер аудиокассеты в фонотеке, вторая — номер текста на кассете.

Вести о смерти родных (12, 13)

Песня популярна как в Карелии, так и у других прибалтийско-финских народов.

12. А.37/37а, от М.М. Мошниковой, Койвуниemi, 1956, Фёдоров.

Вариант полный. Герой — в традиции Тунгуды это Калёшка, сын Киллярво, Каллярво — отправляется в путь на лодке. Четырежды извещают его о смерти родных — отца, матери, брата, сестры. Ответ характерный.

13. Фоп. 2572/23, от А.В. Акимовой, Тунгуда, 1979, Степанова.

Вариант более краткий, исполнительница не могла вспомнить, «что было дальше».

Василейпе/Ийвана уезжает из дома (14, 15)

Песня более известна в районах Южной Карелии, но встречается и севернее.

14. А.37/37в, от М.М. Мошниковой, Койвуниemi, 1956, Фёдоров.

Опубликована: ККР, II, 246.

15. А.37/18а, от Д.Е. Мироновой, Рамоа, 1957, Кондратьева.

Имя героя — Ийвана: песня более краткая, чем предыдущая.

Сестрица Ого (16)

16. А.35/73, от М.М. Мошниковой, Койвуниemi, 1937, Ругоев.

Песня классифицирована как баллада «О гибели влюблённых» — Огой и Гаврой⁴, что допустимо лишь условно (основываясь на имени сестры — Огой). По содержанию же она не соответствует указанному сюжету.

Это типичная песня-повтор с перечислением того, что имеют отец (всё самое лучшее!), сын его брата [племянник] и зять. Повтор многократный, перечисляется 11 наименований того, чем владеют отец, сын его брата и зять. Построена песня в форме диалога сестры Огой и брата Лаури. Встречается редко.

⁴ Ремизова Р.П. Карельские народные баллады. Сюжетно-тематический каталог. Петрозаводск, 1990. С. 65.

ЗАГОВОРЫ. ЗАКЛИНАНИЯ

Заклипание железа.

Заговоры от кровотечения (17, 18, 19, 20)

С их помощью заговаривали боль от пореза и останавливали кровотечение. Эти заговоры являются одними из самых распространённых в Карелии магических способов лечения, дошедших до наших дней.

В пору активного бытования они были довольно объёмными, так как в процессе заговаривания излагалась история «рождения», происхождения железа. Считалось, что знание «биографии» источника зла, боли является наиболее действенным средством избавления.

Слова заговора произносили непосредственно над раной, касаясь её железным предметом, который при этом кусали, затем сплёвывали. С помощью заговора готовили и «лекарства» — мазь, воду. Например, кипятили воду, в которую как бы соскабливали с пожа/топора и т.д. «частицы» (при этом было необязательно, чтобы эти частицы реально отделялись) произнося, «читая» заговор. Такой водой мыли рану, давали её пить.

В заговорах часто призывают на помощь Деву Марию и пчелу для добывания исходных материалов — мёда, нектара, из которых изготавливаются затем мази (см. № 18). Этот мотив популярен у карел и используется во многих заговорах.

В имеющихся записях из региона Тунгуды заговоры небольшие по объёму, лишь в одном (№17) упоминается о происхождении железа. В остальных речь идёт только о лечении раны и остановке кровотечения.

17. А.37/15, от Л.В. Филимоновой, Нуоттаваара, 1957, Кондратьева.

Заговор начинается с изложения «биографии» железа (строки 1—5) и кончается заклинанием раны (строки 6—8).

18. Фон. 2569/19, от Т.Я. Борисовой, Тунгуда, 1979, Степанова.

Несмотря на краткость изложения в данном заговоре отражены все основные атрибуты «лечения» — железное орудие, мазь/мёд из-за девяти морей, которые приносит пчела.

19. А.38/18, от М.А. Ильиной, Лехта, 1959, Кондратьева.

20. Фон. 2570/2 от С.С. Яковлевой, Тунгуда, 1979, Степанова.

В комментарии к тексту исполнительница подтверждает, что при «лечении» использовали железный предмет, обычно, нож, который кусали и прикасались им к ране, затем сплёвывали.

По её словам, заговор использовали и при лечении ожога.

Заговоры от ожога (21, 22)

В них наиболее часто в «помощницы» призываются пчела и/или Дева Мария, которые добывают лечебную мазь.

21. А.36/6, от М.Е. Каториной, Койвуниemi, 1947, Финберг.

22. Фон. 2569/2а, от А.Е. Гридиной, Тунгуда, 1979, Степанова.

Исполнительница объясняет, как происходило лечение ожога и произносит слова заговора.

Интересным является способ приготовления «лекарства/мази», при котором учитывается цвет волос, глаз. Для темноволосых, смуглых её готовили на растительном масле, для светлых — на грудном молоке.

Сам заговор очень короткий, вероятно, слова его уже забыты. Говоря о заклинании железа — в этой же записи — исполнительница подтверждает, что часть слов она забыла.

Заговор от ушиба деревом (23)

Заговоры от ушибов были короткими обращениями к дереву (кашю) с просьбой унять боль, помочь найти/приготовить мазь — эти слова произносили на растительное масло (или «древесное», масло церковное, для лампад), на воду. Затем ими смазывали ушибленное место вновь со словами заговора.

23. Фон. 3305/10, от А.Г. Филатовой, Петрозаводск, 1993, Степанова.

Заговор от экземы — кожных высыпаний (24, 25)

В карельском языке заболевание имеет название «тиаһини», от земли, от почвы — тиа. Может быть, имеются в виду духи, демоны земли, которые наслали болезнь. В любом случае, считалось, что «тиаһини» — экзема, любые высыпания на коже, болячки могли «пристать» от земли/почвы, от грязи, золы/мусора в бане. Причиной этого могло быть неправильное, неаккуратное поведение заболевшего, и следовало поэтому заслужить прощение.

При «лечении» использовали те же компоненты: почву, мусор, золу (в бане). Их следовало брать цепочкой (тремя пальцами), прикладывать к больным местам, произнося слова заговора, и положить обратно на то же место, с теми же словами. Лечение мог производить и сам больной. Об этом подробнее в тексте № 24.

Эти заговоры были обычно короткими.

24. Фон. 2569/26, от А.Е. Гридиной, Тунгуда, 1979, Степанова.

25. А.38/19, от М.А. Ильиной, Лехта, 1959, Кондратьева.

Заговор довольно полный, но не завершённый. Исполнительница обращается к Марии землице — к духу — хозяйке земли? — к золотому королю при-

нести мази/лекарства. Источник заболевания под вопросом — то ли от камня, то ли от почвы (строка 12). Следующая строка, 13-я, не совсем понятна («то ли от котла, от груза» (?)) (букв. = нагруженного воза).

Заговоры от укуса змеи (26, 27, 28)

Его следовало произносить сразу же, немедленно слова проговаривались над раной; затем «заговаривали» воду или растительное масло, которыми смазывали укушенное место. В деревнях Тунгуды змею называли «*rahalaini, paholaini*» — от слова «*raha*» — плохой, худой, приносящий зло; употребляется также в значении «чёрт».

26. KA SKS. Tunkua, от В. Сидорова, Финляндия, 1932, Виркунен.

Текст подробный, особенно интересно в нём объяснение мифологического происхождения змеи — из пены жеребёнка и т.д. Это единственный вариант такого рода. Обычно в качестве основного признака змеи отмечается её способность ползать под травой, между корнями, жить внутри кочек.

27. A.35/91, от Я.М. Петрова, Сиговарака, 1937, Ругоев.

Строки 8, 9, 10:

Šiula šilmät liinan šimenistä,
vardalo lahošta puušta,
korvat koivun lehtizistä...

У тебя глаза из семени льна,
туловище из трухлявой древесины,
уши из листьев берёзы...

часто встречаются в эпической песне на сюжет «Весть о смерти родных».

28. A.37/17, от Д.Е. Мироновой, Рамоа, 1957, Кондратьева.

Заговоры в бане (от пара) (29, 30, 31, 32)

В определённом смысле баня была особым священным местом. Здесь происходило таинство избавления от многих заболеваний и недугов. Но в бане, при неактивном, непочтительном «поведении», можно было «приобрести» многие болезни (например, экзему). Поэтому входя в баню, полагалось произнести заговор-приветствие независимо от того, шли в баню лечиться или просто мыться: «*Štobi ei löyly mänis*»... — «чтобы пар (банный) не прошик»... (внутри человека). Это было особенно важно, когда шли в баню с младенцем.

Если же человек был болен, или у него были какие-либо болячки на коже, чирьи, раны — заговаривание «пара» было обязательным. При этом во рту, зажав зубами, надо было держать листок или кусочек прута от веника.

Когда в баню или с ребёнком, с младенцем, соблюдали особые меры предосторожности. В баню входили со словами заговора-приветствия, парили венником и обмывали тоже с заговорами.

По многолетним наблюдениям и из практики собирательской работы могу утверждать, что заговоры в бане являются наиболее жизнестойкими и популярными.

29. Фон. 3310/6, от Е.И. Проккуевой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

30. А.37/35, от П.В. Гужиевой, Койвуниemi, 1956, Фёдоров.

Заговаривали в бане рану, порез.

31. Фон. 2570/3, от С.С. Яковлевой, Тунгуда, 1979, Степанова.

Заговор от «сглаза», чего особенно боялись в отношении младенцев. Поэтому и в заговоре при избавлении проявляется особая «жестокость» — на предполагаемого виновника насылается страшная кара. Считалось, что если не принять срочных мер, ребёнок может серьёзно заболеть. Поэтому при малейших подозрениях топили баню. Ребёнка парили венником и «измеряли». Происходило это следующим образом: дитя укладывали на коленях, животиком вниз, и «мерили» — правую руку и левую ногу (со стороны спины) притягивали, пока они соприкоснутся, то же с левой рукой и правой ногой. Если они прикасались, соединялись свободно, то всё в порядке, если же нет, то «сглаз» налицо. «Измерение» производили с младенцами и с маленькими детьми при каждом посещении бани. И сейчас многие бабушки делают это со своими внуками — в качестве профилактики.

32. Фон. 3310/52, от Л.Д. Лазаренко, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Исполнительница утверждает, что она всегда парит в бане своих внуков так же, как её детей парила её мать, т.е. с заговорами. И дети были здоровыми и спали спокойно.

Ребёнка укладывают спать (33)

33. Фон. 3307/8, от А.Г. Филатовой, Петрозаводск, 1993, Степанова.

Подобный заговор обычно произносился в бане, но мог быть использован и просто при укладывании ребёнка спать.

Закливание воды [просьба прощения] (34, 35)

Вода почиталась особо, её уважали и боялись, поведение на воде было строго регламентированным (об этом же в разделе «Магия. Знахарство»). Если были убеждены, что болезнь «пристала» от воды, просили у неё, у «хозяев», у всех обитателей воды, прощения.

Просьба прощения входила необходимым элементом в ритуалы лечения от

многих недугов. Недомогание могло приключиться от собственных мыслей, дум. И где бы это ни произошло — в лесу, у воды, на кладбище, в бане и т.д. — тут же следовало просить прощения.

34. А.37/8, от Е.Е. Филимоновой, Нуоттаваара, 1959, Кондратьева.

35. Фон. 3381/1, от А.Д. Никоновой, Тунгуда, 1998, Степанова.

Здесь просят прощения у воды зимой, около проруби. Интересная деталь — использование палки или какого-либо другого предмета в качестве «свидетеля».

Заговор от зубной боли (36)

36. Фон. 3309/3, от Л.Д. Лазаренко, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Заговор несколько необычный, в форме диалога, с обращением к месяцу, что не совсем свойственно для карельской традиции.

Последняя часть — просьба прощения у земли, кочек, дороги — вполне соответствует карельской традиции.

Закливание парыва, чирея (37)

37. А.36/7, от М.Е. Каториной, Койвуннеми, 1947, Финберг.

На финском языке пояснение собирателя.

Заговор от колотья/прострела (38, 39)

38. А.36/5, от М.Е. Каториной, Койвуннеми, 1947, Финберг.

Сведений о том, как происходил процесс заговаривания и «лечения», в архивной записи не имеется.

39. А.37/6, от Е.Е. Филимоновой, Нуоттаваара, 1957, Кондратьева.

Традиционный заговор со счётом; встречается по всей Карелии.

Заговоры при лечении коровы (40а, 40б, 41, 42)

С домашним скотом случались разные неприятности, и здесь также прибегали к помощи заговоров.

40а. Фон. 3306/28, от А.Г. Филатовой, Петрозаводск, 1993, Степанова.

Заговор при лечении коровы, когда к ней «пристало» от хлева. «Дули» на воду, произносятся слова заговора, затем эту воду давали пить.

В тексте много слов и выражений, непонятных с точки зрения современного языка. Как оказалось, они непонятны и исполнительнице, что выясняется из диалога с ней. «Так было, так говорили, так следовало говорить» — обычные в таких случаях пояснения непонятной части текста.

406. Фон. 3306/29, от А. Г. Филатовой, Петрозаводск, 1993, Степанова.

Вариант предыдущего заговора (40а), произнесённый тут же, следом. При сравнении записей выясняется, что они не совсем идентичны. Это и понятно — исполнительница уже десятки лет жила в городских условиях, не соприкасаясь с сельским бытом. Поэтому, естественно, слова заговора забылись.

41. Фон. 2570/14, от Т. М. Самсоновой, Тунгуда, 1979, Степанова.

Эта кумулятивная, или цепная, песня всюду в Карелии считается детской потешкой. Здесь же, в регионе Тунгуды, по свидетельству всех, кто её исполнял, она является заговором при лечении вымени у коровы. Его произносили, готовя «снадобье» — на воде, растительном масле и т. д. Исполнительница объясняет весь процесс лечения.

Перевод начальной части (строки 2—10) невозможен из-за утраты значения слов.

И всё же при встрече в 1994 г. Т. М. Самсонова исполнила её и в качестве детской песни, с незначительными расхождениями (см. № 68).

42. Фон. 3307/22, от А. А. Анциферовой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Здесь приводятся и слова, и способ лечения вымени у коровы путём обращения к «хозяйке» хлева.

Закливание медведя (43)

43. Фон. 3383/8, от Л. Д. Лазаренко, Новое Машезеро, 1998, Степанова.

Отправляясь в лес — за ягодами, грибами, ломать веники или по какому угодно другому случаю, — обращались нередко непосредственно к лесу, его сверхъестественным, мифическим обитателям. Особым почтением пользовался и естественный хозяин леса — медведь. Встречи с ним избегали, боялись и поэтому «заклинали» его.

Свадебные песни (44—49)

Строго говоря, различают две большие свадебные песни, бытовавшие в северо-карельском регионе: *Kokko lendi* — «Летел орёл», исполнявшуюся в доме невесты и сопровождавшую разные моменты обряда свадьбы, с перерывами. В данной записи это продемонстрировано (№ 44, 45, 46).

Были известны и так называемые песни зятя (№ 47), которые исполнялись от имени матери невесты, но они не были столь обязательными для исполнения на свадьбе.

Вторая песня *Miero vuotti...* — «Мир ждал...» — исполнялась уже в доме жениха, в ожидании приезда и по прибытии молодых (48, 49).

44. А. 35/59, от М. Н. Гужиевой, Компаково, 1937, Ругоев.

45. А. 35/60, от М. Н. Гужиевой, Компаково, 1937, Ругоев.

Фрагмент (ошибочно?) начинается с сообщения о готовности невесты, хотя тут же выясняется, что она ещё не готова; и заканчивается, уже логично, тем же сообщением — невеста уже готова «к выданью», к отъезду в дом жениха.

46. А.35/61, от М.Н. Гужиевой, Компаково, 1937, Ругоев.

47. А.35/96, от А.П. Мироновой, Венозеро, 1937, Ругоев.

Песня зятя. Начало (строки 1—11) поётся от имени зятя; далее, до конца, от имени тещи.

48. А.35/92, от А.М. Мироновой, Венозеро, 1937, Ругоев.

Это, можно сказать, классический вариант песни при встрече молодых в доме жениха. В конце, видимо, речь идёт о плате за пение — певец угощали: давали сладости, мелкие деньги.

49. А.35/85, от Х.В. Богдановой, Сиговарака, 1937, Ругоев.

Вариант песни «Мир ждал», несколько отличающийся от предыдущего, дополняющий его.

Лирические песни (50—55)

Собственно карельских лирических песен на карельском языке в регионе записано всего несколько текстов. Здесь бытовали и были весьма популярны русские народные лирические песни. На карельском языке (и на русском тоже) исполнялись частушки, также восполнявшие отсутствие карельских лирических песен.

Песни № 50—51 по форме можно отнести к цепным, или кумулятивным. По тематике же они ближе к любовной, свадебной лирике.

50. А.35/84, от Х.В. Богдановой, Сиговарака, 1937, Ругоев.

51. А.37/27, от А.И. Евсеевой, Койвуннеми, 1956, Фёдоров.

52. Фон. 2569/3, от А.Д. Никоновой, Тунгуда, 1979, Степанова.

53. А.35/93, от А.М. Мироновой, Венозеро, 1937, Ругоев.

Редкая для исследуемого региона лирическая песня, соотносящаяся с любовной лирикой Кантелетар.

54. А.37/5, от Е.Е. Филимоновой, Нуоттаваара, 1957, Кондратьева.

Шуточные песни такого типа, в которых перечисляются названия существующих поблизости деревень, встречаются по всей Карелии. Так, например, в регионе Кестеньги в одной из колыбельных песен перечислены названия близлежащих деревень (см. ПФКК, 150).

55. А.36/3, от М.Е. Каторилой, Койвуннеми, 1947, Финберг.

Это песня-иносказание, при помощи которой женщина, под видом колыбельной, даёт знать любовнику о том, что муж дома. К песне даётся подробный комментарий собирателя.

Подобный мотив имеется в песне/балладе «Сёстры в шведской неволе», где сёстры таким образом оповещают об опасности своих братьев, пришедших им на выручку.

Песни календарные (56, 57, 58)

Собственно календарных песен в Карелии в целом записано мало, то же относится и к данному региону. Имеются немногочисленные песни/формулы, относящиеся к Вербному Воскресенью (56, 57), и песни-обращения к кукушке с вопросом девушек, когда они выйдут замуж (58).

56. KA SKS: KJ 44, 17511, А. Максинен, Швеция, 1957, самозапись.

57. KA SKS, Tunkua, от В. Сидорова, Финляндия, 1932, Вирккунен.

58. А.37/23(2), от П.М. Сидоровой, Койвуниemi, 1956, Фёдоров.

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Записей по детскому фольклору из деревень исследуемого региона немного, особенно мало колыбельных считалок, являвшихся популярными в детской аудитории. Записать их в последнее время также не удалось. На основе имеющегося материала всё же можно судить о наличии здесь в прошлом определённого разнообразия песен для детей разных возрастов.

Колыбельная песня (59)

59. Фон. 2571/18, от А.Д. Никоновой, Тунгуда, 1979, Степанова.

Пестушки, потешки, прибаутки (60—67)

60. KA SKS, VK, 56:1, от В. Сидорова, Финляндия, 1929—31, В. Лоунела.

61. Фон. 2572/18, от Т.М. Самсоновой, Тунгуда, 1979, Степанова.

62. KA SKS, Tunkua, от В. Сидорова, Финляндия, 1932, Вирккунен.

Детская потешка с чередованием набора звуков, русских и карельских слов.

63. А.38/61, от М.М. Мошниковой, Койвуниemi, 1959, Кондратьева.

Состоит из нескольких потешек и прибауток (строки 1—6, 7—13, 14—18), которые могли исполняться и отдельно, и в контаминации с другими потешками.

64. Фон. 2570/18, от Т.М. Самсоновой, Тунгуда, 1979, Степанова.

65. А.37/23(1), от П.М. Сидоровой, Койвуниemi, 1956, Фёдоров.

В этой детской потешке (строки 3—5) мотив из карельской сказки на сюжет «Подменённая невеста» (вариант сюжета «Золушка»), где мнимой невесте мать обстригает ноги, чтобы туфелька пришлась впору...

66. Фон. 2572/13, от Т.М. Самсоновой, Тунгуда, 1979, Степанова.

67. Фон. 3305/3, от А.Г. Филатовой, Петрозаводск, 1993, Степанова.

Вариант предыдущей песни с небольшими расхождениями в тексте.

Кумулятивные песни (68—75)

68. Фон. 3446/17, от Т.М. Самсоновой, Тунгуда, 1994, Степанова.

Кумулятивная песня, построенная на игре слов, звукоподражаниях, трудно переводима. Возможно когда-то слова, непонятные с точки зрения современной речи, имели смысл, но теперь его трудно восстановить. Почти этот же текст (41) исполнен ею же в качестве заговора. Правда, с небольшими вариациями в середине и с иной концовкой: *Minne, hiirirukka män'et...* и т.д. Это уже начало как бы другой детской цепной песни.

69. Фон. 2570/16, от Т.М. Самсоновой, Тунгуда, 1979, Степанова.

Имеется несколько вариантов записи этой песни, совпадающих почти дословно.

70. Фон. 3309/29, от И.М. Дрягуевой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

В таком виде текст является своеобразной контаминацией нескольких песен, обычно бытовавших самостоятельно.

71. Фон. 3307/7, от А.Г. Филатовой, Петрозаводск, 1993, Степанова.

Наиболее полный вариант кумулятивной песни на этот сюжет.

72. Фон. 2572/24, от А.В. Акимовой, Тунгуда, 1979, Степанова.

Концовка несколько необычная, в других вариантах не встречается.

73. А.37/23(1), от П.М. Сидоровой, Койвуниеми, 1956, Фёдоров.

74. А.37/13, от Л.В. Филимоновой, Нуоттаваара, 1957, Кондратьева.

75. А.37/21, от Д.Е. Мироновой, Рамоа, 1957, Кондратьева.

В тексте (строки 2—3) говорится о «кадушке» — *puini, puista*. Возможно, это неточная запись, так как обычно речь идёт о чугушке, горшке — *pada, padaista* — в чём и варят кашу.

Кумулятивная сказка-стих (76, 77)

Оригинальная версия кумулятивной сказки на сюжет «Тит-рыболов».

Здесь герой Сойра (исполнительницы не смогли объяснить, что значит слово «сойра» и почему он является героем сказки) не является домой, и дети его платят от голода.

76. Фон. 2571/20, от А.Д. Никоновой, Тунгуда, 1979, Степанова.

Здесь герой наказан, является домой, дети его спасены.

77. Фон. 3446/15, от Р.А. Масловой, Новое Машезеро, 1994, Степанова.

Исполнительница представила песню в качестве колыбельной, которую она пела, усыпляя своих внуков. Конец песни не совсем типичный — Соира не наказан, домой не явился, и детки его умирают от голода.

Дразнилки (78, 79)

В детской среде естественно бытовали дразнилки. Наиболее характерными были дразнилки, связанные с именами (см. например: *Aukaisten sanaisen arkun*, 1991, № 80, 81). К сожалению, записи их весьма малочисленные.

Среди взрослых более популярны были прозвища жителей по деревням; к примеру жители Койвуниemi — *ryhäristit* — «святой крест», так как «при каждом слове говорили: *ryhäin ryhä risti* — «святой крест святого»; в дер. Воинги — «монахи»; Вийкитехъярви — «зайцы» (Зайковы) и т.д.

78. Фон. 3308/34, от И.А. Самсоновой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

79. А.37/39, от П.М. Сидоровой, Койвуниemi, 1956, Фёдоров.

Считалки (80—1, 2, 3)

Удалось найти только три неполных текста. Публикуем их как доказательство былого бытования и этой разновидности детского фольклора.

80. Самозапись Т.Б. Лутошкиной, 1999, Петрозаводск.

Скороговорки (81 — 1, 2)

Единственный случай записи в регионе скороговорки, как и в целом по Карелии, на карельском языке. Скороговорку на русском языке также публикуем здесь, поскольку она была известна во всяком случае в семье исполнительницы.

81. Фон. 3307/11, от А.Г. Филатовой, Петрозаводск, 1993, Степанова.

Причитания. О причитывании (82—88)

Тунгуда, тунгудский регион является одним из редких в Карелии, где к настоящему времени причитания совсем исчезли из быта и почти из памяти. Все, с кем доводилось беседовать, знают о жанре, вспоминают конкретных плакальщиц, ситуации, в которых звучала причет. Но записать живое полноценное исполнение причети так и не удалось. В нашем распоряжении имеются лишь единичные фрагментарные записи (чуть более десяти текстов, часть из них состоит из нескольких строк).

Но традиция ритуального причитывания, как похоронного, так и свадебного,

существовала. При описании этих обрядов женщины без колебаний отмечали те эпизоды, где полагалось причитывать и о чём говорилось в том или ином плаче.

Публикуются лишь два текста похоронной причети в качестве образца и три внеобрядовых, записанных в последние годы. В этот же раздел сочли целесообразным включить два весьма интересных рассказа, воспоминания, касающихся бытования причитаний в недалёком прошлом.

82. А. 37/43, от П.М. Сидоровой, Койвуниеми, 1956, Фёдоров.

Традиционный похоронный плач. По поэтическим особенностям и стилю близок к северо-карельской плачевой традиции. Судя по тексту, можно предположить, что исполнительница в своё время была хорошей причитальщицей, свободно владела традицией.

83. Фон. 2568/7, от А.Е. Гридиной, Тунгуда, 1979, Степанова.

Причеть исполнена умершей сестре. Комментируя её, исполнительница подтверждает то, что причитывание уже отошло в прошлое — молодые не умеют, а старые, кто умели, уже умерли.

84. Фон. 3306/30, от А.Г. Филатовой, Петрозаводск, 1993, Степанова.

Хотя А.Г. Филатова и говорит, что у них (в Нуоттаваара) уже не причитывали из-за боязни греха, представление о традиции у неё имеется. Это как раз тот случай, когда женщина могла изложить в причети, с помощью причети свои личные переживания, своё горе, свои чувства. В целом плач выдержан в рамках традиции.

85. Фон. 3383/24, от А.И. Кондратьевой, Шуезеро, 1998, Степанова.

Типичный плач «О своей жизни», когда человек в возрасте изливает свою душу, свои чувства в форме причети. Такое явление часто встречается среди женщин-карелок.

86. Фон. 3442/2, от А.Д. Зайковой, Кевятозеро, 1999, Карпова.

Причитывание при встрече и проводах было широко распространено в Карелии. Здесь мать спонтанно причитывает дочерям, которые в силу обстоятельств, не так часто, как бы хотелось матери, посещают родительский дом. Плач исполнен весьма эмоционально.

87. Фон. 3308/6, от Р.А. Масловой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Удивительный по глубине, по эмоциональному накалу, лиричности рассказ-воспоминание. Что же можно предположить о мастерстве, о таланте исполнительницы, если её причитывание оставило такой глубокий след в душе 12—13-летней девочки и запомнилось на долгие десятилетия! Роза Александровна, подчёркивая дарование исполнительницы, отметила: «Hibiedä myöte vilu kävelöy — мороз по коже проходит...»

88. Фон. 3308/5, от Р.А. Масловой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Р.А. Маслова рассказывает о причитывании очень трогательно, с чувством горечи от утраты традиции. Будучи человеком сугубо современным, она тем не менее вопреки всему впитала отголоски жанра.

Загадки (89—92)

Наряду с текстами в раздел включены и рассказы о формах бытования, о времени загадывания загадок, о наказаниях⁵.

Самих загадок записано немного, все они публикуются (24 загадки).

89. Фон. 2570/19, от Т.М. Самсоновой, Тунгуда, 1979, Степанова.

Текст включает три загадки и рассказ о загадывании, о видах наказания за неотгаданные загадки (определённое их количество).

90. Фон. 2571/26, от А.Д. Никоновой, Тунгуда, 1979, Степанова.

В тексте шесть загадок и сведения о наказании.

91. Фон. 3305/8, от А.Г. Филатовой, Петрозаводск, 1993, Степанова.

Все шесть загадок Анна Григорьевна вспомнила подряд. Но для выявления загадок, для их записи желательно, чтобы было несколько человек.

92. А.38/25, от А.Д. Никоновой, Машезеро, 1959, Кондратьева (1—5); А.37/20, от Д.Е. Мироновой, Рамоя, 1959, Кондратьева (6, 7).

Частушки (93—103)

В лирическом песенном репертуаре тунгудских карел заметное место занимает частушка, в отличие от более северных районов. Можно утверждать, что именно это самый северный регион Карелии, где начинается бытование частушки среди карельского населения. Их поют как на карельском языке, так и на русском, поэтому в публикацию включены и тексты, исполненные на русском языке (не считая переводов с карельского).

93. Фон. 2569/5 (тексты 1—3); 2571/17 (4—6); 2571/25 (7, 8); 2571/28 (9, 10); от А.Д. Никоновой, Тунгуда, 1979, Степанова.

94. Фон. 2571/11, от А.В. Акимовой, Тунгуда, 1979, Степанова.

Частушки 1—5 исполнены на карельском языке; 6—12 — на русском.

95. Фон. 2571/2, от Т.Я. Борисовой, Тунгуда, 1979, Степанова.

Частушка № 1 исполнена на карельском языке; 2—8 — на русском.

96. Фон. 2570/4, от С.С. Яковлевой, Тунгуда, 1979, Степанова.

Частушки 1—4 — на карельском; 5—8 — на русском.

97. Фон. 3309/30, от Е.М. Дрягуевой (1—2), Новое Машезеро, от Т.М. Самсоновой (3—5), Тунгуда, 1993, Степанова.

98. А.37/10, от Е.С. Еккипой, Нуоттаваара, 1957, Кондратьева.

99. А.37/12, от Л.В. Филимоновой, Нуоттаваара, 1957, Кондратьева.

100. А.38/4,26, от А.Д. Никоновой, Машезеро, 1959, Кондратьева.

⁵ Карельские народные загадки. Изд. подгот. Н.А. Лавонен. Петрозаводск, 1982. С. 5.

101. А.38/31, от С.И. Михайловой (1—2); 38/39, от А.И. Бутиной (3—4), Машезеро, 1959, Кондратьева; А.38/44, от Р.И. Ивановой (5), Печкинварака; А.38/60, от М.М. Мошниковой (6—7), Койвуниеми, 1959, Кондратьева.

102. Фон. 3442/24 (1—3); 3442/31 (4—6); 3442/36 (7), от А.Д. Зайковой, Кевятозеро, 1999, Карпова.

103. КА SKS KJ 44, 17510 (1—5), А. Максинен, Швеция, 1957, самозапись.

Пословицы (104—107)

Современных записей не так много. Правда, в 1999 году удалось отчасти пополнить раздел пословиц новыми записями. Примерно половину из публикуемых составляют пословицы из фольклорного Архива Общества финской литературы (№ 104).

104. КА SKS KJ 44 (1—55), А. Максинен, Швеция, 1957, самозапись.

105. Фон. 2569/7; 2572/26; 2584/34 и др. (1—12). Записи от разных исполнителей, которые представлены в публикации другими текстами (А.Д. Никоновой, А.К. Мироновой, И.М. Дрягуевой, А.А. Анциферовой, А.Г. Филатовой). Новое Машезеро, 1993, Степанова.

106. Фон. 3442/3, 17, от А.Д. Зайковой, Кевятозеро, 1999, Карпова.

107. Самозапись Т.Б. Лутошкиной, Петрозаводск, 1999.

СКАЗКИ

В примечаниях к текстам, кроме необходимых паспортных данных, будут отмечены лишь самые основные, характерные для данной локальной традиции особенности сказки. Из более ранних публикаций ссылки даются только на академические издания карельских сказок: КНС, 63 и КНС, 67. В них, в разделах примечаний указаны имеющиеся карельские варианты по отдельным сюжетам. Для выявления вариантов использован также каталог «Карельские сказки в Архиве Карельского научного центра Российской Академии наук». Том 1—П. Сост. А.Т. Пакконен, 1991. — Рукопись. А.ф.1, оп.6, д.187 (в дельнейшем, в тексте — каталог и страница).

Классификация сказок в примечаниях дана в соответствии с Указателем сюжетов восточно-славянских сказок: СУС.

В текстах и оглавлении оставлены названия сказок, данные рассказчиком.

Сказки о животных (108—110)

108. Лиса и волк. СУС 15. КА SKS, Tunkua, 1932; от В. Сидорова, Финляндия, 1932, Вирккунен.

Записей данного сюжета в целом по Карелии немного, известно лишь девять вариантов. Обычно он контаминируется с эпизодами совместной работы лисы и медведя/волка. В исследуемом регионе записано три варианта сказки: А.35/21; 36/15, и публикуемый текст, в котором отсутствует мотив выявления виновного.

Обращают на себя внимание прозвища «новорожденных» — Naččiniš, Ser'odiš, Oskriešu, образованные от русских слов: «начало», «середина», «оскребыш». В карельской разговорной речи в такой форме эти слова не бытуют. См. КНС, 67, 1.

109. Кот и дикие животные. СУС 103А. КА SKS, Tunkua, 1932; от В. Сидорова, Финляндия, 1932, Вирккунен. Вариант: А.35/18; См. КНС, 63, 9.

Сказка популярна у русских и в целом у славянских народов (СУС 103). Конец сказки не совсем типичен — кот возвращается к людям, тогда как обычно провозглашает себя царём зверей.

110. Напуганные волки. СУС 126А*] КА SKS, Tunkua, 1932; от В. Сидорова, Финляндия, 1932, Вирккунен.

Сюжет редкий для Карелии. См. КНС, 63, 10, где опубликован вариант, записанный также в этом районе.

Волшебные сказки (111—116)

111. Подмепённая жена/невеста. СУС 403. А.37/45, от А.И. Евсеевой, Койвуниеми, 1956, Фёдоров.

Сказка популярна по всей Карелии, бытует в двух версиях — северно-карельской и южно-карельской — см. КНС, 63, 19 и КНС, 67, 15.

Публикуемый вариант несколько отличается в целом от северно-карельской редакции тем, что подчёркивается не просто красота девушки — сестры героя, а её чудесные свойства, обычно отличающие героев сюжета «Чудесные дети» — СУС 707. В остальном сказка типична, совпадает с северно-карельской версией сюжета.

112. Марко Богатый. СУС 461 (930). А.35/35, от М.М. Мошниковой, Койвуниеми, 1937, Ругоев.

Относится к сказкам о Судьбе, известна по всей Карелии — зафиксировано более 20 вариантов (см. каталог, с. 10); из них 3 варианта в бывшем Тунгудском районе. Близка с русскими сказками данного сюжета. Судьбу ново-

рожденного предсказывают странники, прохожий, случайный почлежник, в нашем случае — Спас.

113. Сказка о жар-птице и царском сыне. [Медный лоб]. СУС 502+570+300. А. 35/39, от А.В. Маркова, Маркова Гора, 1937, Ругоев.

Сказка не имела большого распространения в Карелии, записано менее 10 вариантов. Обычно сюжеты СУС 502 и СУС 570 рассказываются отдельно, как самостоятельные сказки. См. КНС, 67, 26. У карел в подобной коптамниации сказка встречается редко. Публикуемый вариант схож с русскими сказками, записанными в Карельском Поморье (в с. Сумский Посад)⁶.

114. Золушка. СУС 510А. А. 35/43, от Х.Г. Миронова, Венгьярви (Венозе-ро), 1937, Ругоев. Варианты см. КНС, 63, 28; КНС, 67, 19.

Сюжет является одним из самых распространённых в Карелии, хотя имеются определённые различия между северо- и южно-карельскими версиями.

Публикуемая сказка относится к северо-карельскому репертуару, но без её II части (СУС 409) с превращением девушки в важенку.

К сожалению, из бывшего Тунгудского района имеется только эта единственная запись. Но сюжет бытовал и здесь. Доказательством служит именно данный вариант, рассказанный 11-летним мальчиком. Усвоить её он мог только от старших. Рассказана сказка кратко, но с соблюдением всех особенностей сказочной поэтики. Сказывается чисто детское восприятие сказки; забыты отдельные моменты, в частности, существование дочери Сюоятар. О ней упомянуто лишь в конце, вскользь. Сама баба Сюоятар — *Šyöt'ärakka, Šyöt't'ärihhä* — исполняет свою обычную функцию: обращает мать девочки в овцу, подменив её. Роль отца, мужчины, как в целом в сказках на данный сюжет, минимальна. Он упомянут в начале: «Были раньше муж и жена...», и затем, исполнив волю Сюоятар — зарезать овцу, — выпадает из поля зрения рассказчика.

115. Волшебное кольцо [Камень — семнадцать отверстий]. СУС 560. А. 37/25, от А.И. Евсеевой, Койвуннеми, 1956, Фёдоров.

Сюжет достаточно широко бытует среди карел, имеются записи из всех регионов Карелии: см. КНС, 63, 43. В публикуемом варианте ничего не говорится о состоянии семьи — бедности. Герой грозит убить сидящих на дереве кота, собаку, девушку, но по их просьбе снимает их, спасает.

Девушка вместо кольца награждает его камешком с семнадцатью отверстиями. Этот камень является чудесным предметом, с помощью которого герой выполняет требуемые задания, возвращает царевну.

116. Мёртвая царевна. СУС 709. А. 35/33, от В.Я. Евстратовой, Койвуннеми, 1937, Ругоев.

⁶ Русские народные сказки Карельского Поморья. Составители А.П. Разумова, Т.И. Сенькина — Петрозаводск, 1974, № 434; № 467.

Публикуемый текст является кратким, но почти точным переложением пушкинской версии «Сказки о мёртвой царевне». Конец сказки сглажен — девушка прощает мачеху. Подробный комментарий сюжета и данной сказки см. КНС, 67, 39.

Легендарные сказки (117—119)

117. Святой Николай и святой Илья, Бог урожая. СУС 846*. КА SKS KJ 44/17509, А. Максинен, Швеция, 1957, самозапись.

Следует отметить, что записей легендарных сказок в Карелии мало, их нет в академическом издании (КНС, 63; КНС, 67). Публикуемый вариант — единственная запись данного сюжета.

Легендарные сказки были более популярны в Приладожье. На сюжет публикуемой сказки там записано девять вариантов. См.: *Suomalaiset kansansadut. 2. Legenda- ja novellisadut. Toim. P.-L. Rausmaa. SKST, 377. Pieksämäki, 1982. S. 344.*

Язык исполнителя изобилует финнизмами, что легко объяснимо — Алекси Максинен, уроженец дер. Кевятозеро, с начала 30-х гг. проживал в Финляндии, а затем в Швеции.

118. В указателе сюжет не зарегистрирован. А.35/29, от И.С. Щелина, Койвуниemi, 1937, Ругоев.

Сказку можно отнести к легендарным, к сюжетам — Борьба Бога с бесами/чертями; с элементами этиологических преданий.

119. Ночлежник. СУС 750В. Фон. 3441/33, от А.И. Кондратьевой, Петрозаводск, 1996, Карпова.

Новеллистические и бытовые сказки (120—125)

120. Укрощение строптивой. СУС 901. Фон. 2571/21, от А.В. Акимовой, Тунгуда, 1979, Степанова.

Классический вариант сказки на сюжет «Укрощение строптивой». Вариантов мало. См.: КНС, 67, 47.

121. Совместная работа. Мудрые ответы. СУС 1030+875 (частично), КА SKS, Tunkua, 1932, от В. Сидорова, Финляндия, 1932, Виркунен.

Варианты публикуемого сюжета о совместной работе бедного и богатого крайне редки. Обычно партнёрами мужика являются звери — медведь, волк, лиса — см. КНС, 67, 55. Умная дочь бедняка, как обычно, одерживает в суде победу над богатым.

122. Жена-доказница. СУС 1381. А.35/7, от А.Н. Гужиевой, Компаково, 1937, Ругоев.

Сказки на сюжет «Жена-доказчица» более известны в районах Северной Карелии: см. КНС, 63, 61 и КНС, 67.

123. О глупцах. Парень ищет людей глупее своих родных. СУС 1384+1450+?+1210+1245+1286. Фон. 2569/6, от А.Д. Никоновой, Тунгуда, 1979, Степанова.

Если в Южной Карелии сказки-анекдоты часто выступают отдельными сюжетами, особенно анекдоты о киндасовцах, то в северных районах и в Сегозерье это обычно цикл, цепочка сюжетов с завязкой. Муж/сын, убедившись в глупости жены/родителей, отправляется на поиски людей глупее их. Найдя таковых, возвращается домой с прибылью, т.к. за помощь глупцы хорошо вознаграждают героя. Здесь нет и приуроченности к какой-то конкретной местности, как в Пряжинском районе. См.: КНС, 63, 62 (близкий публикуемому варианту); а также — КНС, 67, 57—64.

124. Шут. СУС 1539. А.35/22, от А.И. Иванова, Компаково, 1937, Ругоев.

Сказка опубликована — КНС, 63, 69. Как отмечает У.С. Конкка в примечаниях к ней: «Сказка представляет собой вариант широко распространённого в Карелии сюжета». Там же публикуется ещё два варианта — КНС, 63, 67, 68, а также — КНС, 67, 74. В Архиве КНЦ хранится более 30 вариантов сказки на сюжет «Шут».

125. Разговор знаками. СУС 2136*. ККН, от Л. Евтифеевой, Финляндия, 1922, Кеттунен.

Других вариантов сюжета в Карелии не зафиксировано.

ПРЕДАНИЯ. ЛЕГЕНДЫ

Предания о заселении края (126—131)

За последние годы удалось записать несколько вариантов преданий об основании деревни Тунгуда (126—128). Она действительно находится в километрах пяти от одноимённого озера. Имеют место расхожесия в наименовании образа, иконы — называют образ Спаса, и образ Богородицы. В тексте (№ 126) исполнительница сначала говорит о Спасе, а потом о Святой Богородице. Престольным праздником в деревне было Успение Богородицы. Псаломщик М. Ручьёв писал об этом так: «Часовня в честь Нерукотворённого образа в с. Тунгуде, построена до начала жительства здесь — в лесной чаще, по случаю явившегося Нерукотворённого образа Спасителя. По преданию означенный образ Спасителя несколько раз переносился жителями за 7 вёрст к Тунгудскому озеру на высокую варакку, где обитатели нынешней дер. Тунгуды первоначально хотели поселиться. Но образ чудесно оказывался в лесной елышковой

чаще на месте своего первоначального явления, а потому и построили на том месте часовню, а затем стали населяться здесь жители, образовавшие нынешнюю дер. Тунгуду»⁷. Таким образом, опубликованные предания имеют глубокие корни в истории.

Сама же деревня Тунгуда существовала уже в 16 веке. Она значится в Дозорной книге лопских погостов 1597 года, входила в состав Шуезерского Ильинского погоста, где был «храм Илья Пророк»⁸.

Самостоятельный Тунгудский приход был образован в 1848 году. По данным 1890 года в Тунгуде «находилась деревянная одноглавая, тёплая, 1-престольная церковь во имя образа Спасителя».⁹

Как вспоминает местный житель Д. П. Аникиев — Фон. 2564/21 — на куполе церкви была отмечена дата — 1865 г. Купол высотой 12 метров был виден, по его словам, за 18 километров. Сюда же входят и предания о построении часовен в различных местностях района.

126. Фон. 2579/7, от А. В. Акимовой, Тунгуда, 1980, Конкка.

127. Фон. 2584/22а, от Д. П. Аникиева, Тунгуда, 1980, Конкка.

Вариант предыдущего предания. Здесь место указывает образ Святой Богородицы. В варианте — Фон. 2585/16 — речь идёт об образе Спаса.

128. Фон. 3309/47, от М. А. Проккуева, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Здесь место для основания деревни определяет также икона Спасителя.

129. Основание дер. Маркова Гора. KSS A, от О. Маркова, Финляндия, 1939, Кеунас.

130. Машезерская часовня. Фон. 2584/22б, от Д. П. Аникиева, Тунгуда, 1980, Конкка.

Место для построения часовни здесь указывает икона — образ Святого Егория/Георгия. Как обычно, действие происходит трижды.

131. Часовня Варвары Великомученицы. Фон. 3436/10, от А. Г. Филатовой, Петрозаводск, 1994, Степанова.

⁷ М. Ручьёв. Тунгудский приход Кемского уезда. // Архангельские епархиальные ведомости, №№ 14, 15, 1908.

⁸ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск–Йоэнсуу, 1987. С. 211–212.

⁹ Государственный Архив Архангельской области (в дальнейшем ГАО), фонд 29, опись 17, лл. 18.

Предания о «панах» (132, 133)

132. На Шагозере. Из книги: Pääkkönen, 1898, S. 184.

Автор Л.В. Пяаккёнен, финский исследователь, историк, путешествовал по Северной и Средней Карелии летом 1892 г. в поисках памятников древней истории края. Предания опубликованы в авторском изложении.

Здесь «паны» скорее всего выступают в роли аборигенов, первопоселенцев края¹⁰.

133. «Паны» в Рийхиваара. Из книги: Pääkkönen, 1898, S. 185.

«Паны» преследуются властями за «веру» — мотив преследования иноверцев, и в результате этого — самосожжение. Аналогичные предания рассказываются о раскольниках, которые, по преданию, совершили самосожжение в этих же местах.

Предания о борьбе с внешними врагами (134—138)

134. Фон. 3309/34, от И.М. Дрягуевой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

В роли внешнего врага в имеющихся в нашем распоряжении преданиях всегда выступают руоччи, т.е. шведы, но так называли и финнов, имея в виду Шведское государство. Такие предания ещё помнят до сих пор.

Сохранились названия островов, болот руоччи. Враг или гибнет, чаще на острове, или слепнет. Дата «три тысячи лет», конечно, не историческая, не достоверная.

135. Фон. 3308/3, от Р.А. Масловой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Подробное изложение истории появления креста в дер. Кевязозеро как спасителя деревни от разорения.

136. Руочинсуо... Из книги: Pääkkönen, 1898, S. 186.

О происхождении топономических названий Руочинсуо и Руочинсилта (мост). Мотив о том, что враги слепнут, насмехаясь над церковью или другими святынями, встречается и в других преданиях региона.

137. Остров Троицы. KSSA, от П. Аалто (Иванова), Финляндия, 1940, Кеуняс.

Об острове Троицы, точнее о древнем храме, находящемся на острове, вспоминают многие, но уяснить, когда этот храм (возможно, с монастырём) был построен, пока не удалось. Место считалось священным, и на этот остров приходили местные жители поклоняться святым местам.

Здесь основной мотив — враги слепнут, пока остров «охраняют» святые мощи.

¹⁰ См.: *Северные предания. Беломорско-обонежский регион*. Изд. подг. Н.А. Криличная, Ленинград, 1978. С. 6—7; 174—175.

Обычно в таких преданиях речь идёт о «руоччи» (шведах), но в записях М. Кеуняс это уже «финны».

138. Фон. 3381/16, от А.Д. Никоновой, 1998, Степанова.

Предания о наказании за осквернение святых мест встречаются по всей Карелии. Об этом часто рассказывают, вспоминая 20—30-е гг. XX века, когда деятельность церквей запрещалась, здания разоряли, сбрасывали колокола, выкидывали и сжигали иконы. И в каждом таком рассказе вспоминается тот или иной конкретный человек, пострадавший в результате своих действий. Чаще всего — его разбил паралич, он ослеп, у него отнялись ноги и т.д.

В публикуемом тексте, как и присуще преданиям, насмешник иноверец, ино-родец, т.е. чужой.

На каменной плите приплыли на остров (139, 140)

139. Фон. 3441/20, от А.И. Кондратьевой, Петрозаводск, 1996, Карпова.

Предания о том, что на Троицын остров монахи/женщина (Богородица?) приплыли на камне, широко известны в крае. Об этом в той или другой форме говорили многие. Камень этот, по преданию, и теперь находится на острове, только он раскололся на две части (см. фото). И деньги, и различные вещи — платки, материю — люди оставляют в церкви на Троицком острове до сих пор.

И здесь «нарушителя», присвоившего деньги из часовни, постигла кара.

140. Фон. 3382/19, от Л.Д. Лазаренко, Новое Машезеро, 1998, Степанова.

Тот же мотив прибытия на остров по озеру на каменной плите. Но уже приплыли монахи, тогда как в первом случае это была женщина.

Предания о силачах—«военачальниках» (141)

141. KSSA, от П. Аалто (Иванова), Финляндия, 1940, Кеуняс.

Называются в начале легендарные «военачальники» карелов: Рогаччу (Рогаччу), Вуорна (Ворна) и Ахма. О первых двух существует много преданий, последний — Ахма, менее известен.

В публикуемом предании говорится о борьбе Рогаччу с внешним врагом — финнами, которые, испугавшись его силы/меткости, ушли.

Мотив о том, что могила Рогаччу «растёт» с каждым годом, встречается и в других преданиях о нём.

Предания о раскольниках и «самосожженцах» (142—146)

Предания о раскольниках/староверах в регионе Тунгуды были распространённым явлением, т.к. здесь насчитывалось самое большое количество так называемых староверов среди карельского населения. Ещё в марте 1993 года почти все, с кем приходилось беседовать (из людей старшего поколения), помнили, что-то слышали о «самосожженцах» на острове, недалеко от деревни Койвуниemi, в Рийхиваара и других местах. Многие из моих собеседников сами ходили, по «завету», обету, на места таких сожжений с целью избавления от болезней.

142. ККСА, от П. Аалто, Финляндия, 1940, Кеуняс.

143. Фон. 3308/1, от А.К. Годиевой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Здесь несколько иная версия — верующих сожгли шведы, враги. Но чаще рассказывают о самосожжении. Выявляется и название острова — Лукин Остров, куда, по свидетельству Анны Кирилловны, старые люди ходят до сих пор. Место считалось священным, помогало в избавлении от болезней и недугов.

144. Фон. 3446/20, от Т.М. Самсоновой, Тунгуда, 1994, Степанова.

145. Фон. 3306/25, от А.Г. Филатовой, Петрозаводск, 1993, Степанова.

Здесь рассказывается о другом месте сожжения (самосожжения?). Оно было расположено недалеко от деревни Рийхиваара, что на оз. Шуезеро (Šuigujärvi). Находилось это место в лесу, за озером. Там жили «староверы», «богомольцы», отвергнувшие официальную церковь.

146. Фон. 3441/13, от Л.И. Кондратьевой, Петрозаводск, 1996, Карпова.

Указывается то же место, что и в предыдущем предании.

Предания об исторических событиях (147, 148)

В разговоре мне часто приходилось слышать выражение *Kesseliaina* — «Кошель-война», буквально. Оказалось, такое название получил период гражданской войны. Людям, местному населению, трудно было понять, разобраться, что происходило — свои воевали между собой. Поэтому уходили в леса, особенно мужчины, в лесные охотничьи избушки, где и пережидали трудное время. Уходили из дому с кошельми за спиной, несли пропитание. Это явление в народе получило меткое название — *Kesseliaina*.

147. Фон. 3310/1, от М.А. Проккуева, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

148. Фон. 3441/26, от А.И. Кондратьевой, Петрозаводск, 1996, Карпова.

Бытовые рассказы о раскольниках/староверах (149, 150)

О староверах знают и помнят все, их было много в деревнях исследуемого региона. Для иллюстрации этого явления и публикуются эти два достоверных рассказа, которые не относятся к собственно преданиям.

149. Фон. 3305/15, от А.Г. Филатовой, Петрозаводск, 1993, Степанова.

Воспоминания Анны Григорьевны о том, как крестили её свёкра в раскол, «в староверы», уже в преклонном возрасте. Это одно из многих воспоминаний такого рода. Люди в старости обращались в «старую» веру, жили обособленно, часто отдельно от семьи, в кельях (см. текст 150), проводили время в молитвах.

150. Фон. 2579/5а, от А.В. Акимовой, Тунгуда, 1980, Конкка.

Подробный рассказ о пожилых «староверах». Они отделялись от семьи в собственные «кельи», небольшие избышки (см. фото), построенные молодыми членами семьи, и жили там своей жизнью, в молитвах и постах. Особого внимания заслуживает забота деревенской общины о стариках, если у них не было близких родственников. Они со своей стороны и жили по принципу: «Будет день, будет и пища», с верой в Бога.

О крестах — в деревнях, вдоль дорог (151—155)

Рассказы об установлении крестов в деревнях, вблизи деревень, вдоль дорог, особенно характерны именно для данного региона.

151. Фон. 2584/23, от Д.П. Апикиева, Тунгуда, 1980, Конкка.

Сюжет с элементами предания, кстати мотив этот встречается неоднократно. Но крест вблизи деревни стоял вплоть до 40-х годов.

152. Фон. 3308/3, от Р.А. Масловой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Воспоминания о крестах в деревне Кевятозеро. Как показали экспедиционные выезды, о крестах рассказывают жители самых разных деревень, т.е. они были вблизи каждой деревни. Им поклонялись, их почитали; они исполняли функцию оберега деревни, оберега путника в дороге. Во многих местах они сохранялись вплоть до начала Великой Отечественной войны, т.е. до 1941 года. После войны кресты уже не восстанавливались.

153. Фон. 2584/24, от А.В. Акимовой, Тунгуда, 1980, Конкка.

Такого рода топонимические названия встречаются по всей Карелии.

154. Фон. 3307/25, от А.А. Анциферовой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Речь идёт о крестах в дер. Ушкала, их было два — в центре деревни и вблизи деревни.

155. Фон. 2583/2, от А.К. Мироновой, Тунгуда, 1980, Конкка.

Здесь кресты выступают в функции оберегов жилых строений, помещений для скота.

Следующий легендарный рассказ не относится непосредственно к заявленной теме. Это легенда о Распятии Христа. Публикуем её в данном разделе, так как других легенд такого рода более не обнаружено.

156. Фон. 3441/18, от А.И. Кондратьевой, Петрозаводск, 1996, Карпова.

Рождество. Святки. Гадания (157—162)

Гадания происходили в святки, зимой, и в период между Ивановым и Петровым днями — летом [«летние святки»].

157. Фон. 2579/5, от А.В. Акимовой, Тунгуда, 1980, Конкка.

158. КА SKS, МТ 7, 1958, А. Максинен, Швеция, 1958, самозапись.

Это обряды Васильева дня, 13 января.

159. Фон. 3306/13(а, б, в) (1—4), от А.Г. Филатовой, Петрозаводск, 1993, Степанова.

Перечисление способов гаданий о предстоящей судьбе девушек — выходе или невыходе замуж — в наступающем году. Часть представленных здесь гаданий сводится к слушанию, подслушиванию.

160. Фон. 2583/20 (5, 6, 7), от А.К. Мироновой, Тунгуда, 1980, Конкка.

С водой, с прорубью связано много различных гаданий — здесь и «слушали», и снег «сеяли», замачивали лучину, смачивали чулок на ноге и др.

161. Фон. 3308/28 (8), от И.А. Самсоновой, Новое Машезеро, 1993, Степанова; Фон. 3304/27 (9), от А.Г. Филатовой, Петрозаводск, 1993, Степанова.

162. Фон. 2583/17, от А.К. Мироновой. Тунгуда, 1980, Конкка.

Материала о «летних святках» в наших архивах почти нет, поэтому рассказ А.К. Мироновой особенно интересен и ценен.

Приметы. Запреты. Поверья (163—165; 166—171; 172—174)

Примет было множество, или руководствовались в прежние времена во многих случаях жизни, в сельском хозяйстве и т.д.

Бережись было отношение к природе, как к живому существу, как к святыне. Отношение к лебедям было особенно почтительным, уничтожение их — непростительным грехом. Это подтверждают все. На вопрос «Почему нельзя было стрелять лебедей?» — ответ примерно одинаков: «Нельзя ни за что. Они, говорят, как боженьки. Нельзя стрелять». «Лебедей не стреляли... Греха боялись... Это божьи...»

163. Фон. 2583/24 (1—4), от А.К. Мироновой, Тунгуда, 1980, Конкка.

164. Фон. 2584/1, 7, от А.К. Мироновой, Тунгуда, 1980, Конкка.

165. Фон. 2637/7, от А.Д. Никоповой, Тунгуда, 1981, Ремшуева; б/н, от А.Д. Зайковой (2—9), Кевятозеро, 1999, Карпова.

166. Фон. 2584/4, 12 (1—3), от А.К. Мироновой, Тунгуда, 1980, Конкка.

167. Фон. 2584/14 (4—6), от Д.П. Аникнева, Тунгуда, 1980, Конкка.

168. Фон. 2582/15, от Т.М. Самсоновой, Тунгуда, 1980, Конкка.

169. Фон. 2585/11 (1), от А.К. Мироновой, Тунгуда, 1980, Конкка; Фон. 3309/43 (2); 3309/48 (3); 3310/35 (4), от И.М. Дрягуевой, М.А. Проккуева и Л.Д. Лазаренко, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

170. Фон. 2585/12, от А.К. Мироновой, Тунгуда, 1980, Конкка.

Грехом считалось убивать и лягушку.

171. Фон. 3310/33, от Л.Д. Лазаренко, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Исполнительница не помнит причины почитания лягушки, но слышала о том, что она имеет какое-то отношение к Богу.

172. Фон. 3311/47, от П.Р. Артамоновой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Такого рода рассказы можно услышать ещё нередко в разных районах Карелии.

173. Фон. 3309/28 (1); 3308/15 (2); 2585/12. Записи от разных исполнителей: И.М. Дрягуевой, И.А. Самсоновой, 1993, Степанова; от А.К. Мироновой, 1980, Конкка.

174. Фон. 3309/21 (1); 3309/22 (2), от И.М. Дрягуевой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

ЗНАХАРИ. МАГИЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ. ВЕРОВАНИЯ

Раздел связан с заговорами, но здесь больше повествовательного материала, связанного с магией, магическими ритуалами, рассказы о знахарях; о способах лечения, избавления от различных заболеваний, недугов.

Знахари. Колдуны (175—178)

175. Фон. 3310/16, от Е.И. Проккуевой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

176. Фон. 3307/33, от А.К. Годиевой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Многоточия в тексте обозначают сокращения не относящихся к сути изложения деталей.

Таких рассказов/воспоминаний много. Слава о хороших знахарях распространялась широко.

177. Фон. 2585/18, от А.К. Мироновой, Тунгуда, 1980, Конкка.

Только очень сильные, обладающие особыми магическими способностями

колдуны осмеливались общаться со сверхъестественными силами — «хозяевами» леса, лешими. Здесь традиционное описание внешности леших — *meččähini*, *meččäpvägi*: «То были мужики... одежда с блестящими пуговицами. Большие шапки на головах».

178. Фон. 3309/24, от И.М. Дрягуевой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Повсеместно распространено мнение о тяжких предсмертных муках знахарей, колдунов. Чтобы смерть была более лёгкой, следовало «отдать» свои знания кому-либо, т.е. «оставить» их на этом свете, на земле. Оставить такому человеку, который способен их воспринять и применять.

Лечебная магия (179—184)

179. Фон. 2581/8, от А.В. Акимовой, Тунгуда, 1980, Конкка.

Наилучшими периодами для совершения разного рода колдовства, знахарства, в том числе и лечебного, считались зимние и летние святки.

180. Фон. 3309/3; 3310/50, от Л.Д. Лазаренко, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Вера в то, что болезнь может «пристать» от любого природного объекта, строения, у которых имеются духи—«хозяева», была бесспорной. Поэтому при пребывании на воде, в лесу, на кладбище и т.д., следовало вести себя с особым тактом. Здесь приводятся и слова заговора, но мы не сочли нужным отделять их.

181. Фон. 3310/5а, от Е.И. Проккуевой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

182. Фон. 2584/17, от Д.П. Аникиева, Тунгуда, 1980, Конкка (см. раздел «Заговоры» — №№ 24, 25).

183. Фон. 2583/13, от А.К. Мироновой, Тунгуда, 1980, Конкка.

Пятиконечник был одним из важных атрибутов в лечебной и охранительной магии.

184. Фон. 3309/2, от Л.Д. Лазаренко, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Ещё один способ «лечения» прострела, известный и в других районах Карелии.

Полуночица (185—187)

185. Фон. 3309/25, от И.М. Дрягуевой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Вера в сверхъестественное существо — *Yönikettäjä* — «Полуночица» — беспокоящее ребёнка, младенца по ночам, широко бытует и поныне. Существовало много способов избавления от неё. Здесь изложен один из простейших — отвлекать работой.

186. Фон. 3309/1, от Л.Д. Лазаренко, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

187. Фон. 2583/15, от А.К. Мироновой, Тунгуда, 1980, Конкка.

Приводится уже более «действенный» и сложный способ изгнания — баня и «разрубание» острыми железными предметами. Место, где стоял обеденный стол (оно было постоянным, строго определённым), также считалось значимым. На этом месте избавляли детей от родимчика и других заболеваний. Надо сказать, что без надобности стол со своего места не сдвигали.

Грыжа (188, 189)

Частым заболеванием у детей в младенческом возрасте была грыжа. Против неё также существовали различные способы воздействия.

188. Фон. 3311/40, от П.Р. Артамоновой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

189. Фон. 2570/15, от Т.М. Самсоновой, Тунгуда, 1979, Степанова.

Слова заговора русские. Такое встречается в этом регионе, т.к. были тесные связи с Поморьем, с русским населением побережья Белого моря.

Оберег от укуса змеи (190, 191)

Хотя на севере Карелии змеи встречаются реже, чем в южной её части, укусы змей случаются, и они доставляют неприятности людям и домашнему скоту.

190. Фон. 3309/42, от И.М. Дрягуевой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Змея называлась *rahalaini* — от слова *raha* — «плохой, злой»; так называется и дьявол.

Считалось, что слова этого заклинания служили оберегом от укуса змеи в течение всего лета.

191. Фон. 3308/18, от И.А. Самсоновой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Способы лечения от укуса змеи (без слов заговора) (см. тексты соответствующих заговоров — 26—28).

Скотоводческая магия.

Ввод скотины в новый хлев (192—196)

В ведении домашнего хозяйства большую роль играла скотоводческая магия, особенно продуцирующего и бережного характера. Важно было не только сохранить скот, но и приумножить его. Это, как считалось, не всегда зависело от ухода, существенное влияние оказывали, по народным представлениям и мифические, сверхъестественные силы.

Особую осторожность следовало соблюдать при покупке скота, а также при выводе из старого жилища и при вводе в новое (194—196).

192. Фон. 3310/28, от Л.Д. Лазаренко, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

193. Фон. 3304/18, от А.Г. Филатовой, Петрозаводск, 1993, Степанова.

Очень важно было «направить» первотёлку, научить её спокойно вести себя во время дойки.

194. Фон. 3381/11, 12, от А.Д. Никоновой, Тунгуда, 1998, Степанова.

Исполнительница поясняет, что следовало делать, отправляясь с коровой в дорогу после её покупки. И тут же подтверждает свой рассказ конкретным случаем из жизни.

195. Фон. 3310/29, от Л.Д. Лазаренко, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

При покупке домашних животных применялись меры предосторожности, чтобы скотина не тосковала, чтобы плодилась и не болела на новом месте.

196. Фон. 3310/14, от Л.Д. Лазаренко, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Обращаются к духам — «хозяевам» нового дома, чтобы те приняли животное.

Пастушья магия. Пастух (197—199)

Здесь сконцентрированы основные сведения о пастухе, его действиях, роли в жизни деревенской общины.

Обряды при первом выпуске скота обычно исполнял пастух. Существовало много поверий, запретов, связанных с пастьбой скота. Обычно пастух обладал магическими свойствами.

197. Фон. 2581/5, от Д.П. Аникнева, Тунгуда, 1980, Конкка.

198. Фон. 2636/4, от А.В. Акимовой, Тунгуда, 1981, Ремшуева.

Относились к пастуху с почтением, поили — кормили лучшим, что было в доме.

199. Фон. 3304/6, от А.Г. Филатовой, Петрозаводск, 1993, Степанова.

Кроме пастуха, каждый хозяин сам совершал магические действия при выпуске из хлева своей скотины. Здесь представлено одно из таких действ.

Промысловая магия (200—202)

Рыбная ловля в хозяйственной жизни края играла ведущую роль. Для образаца публикуем тексты с описанием магических действий для привлечения удачи на рыбалке. Образцов охотничьей магии зафиксировать не удалось.

200. Фон. 2585/13, от А.К. Мироновой, Тунгуда, 1980, Конкка.

201. КА SKS, Тупкуа, от В. Сидорова, Финляндия, 1932, Вирккунен.

202. Фон. 3435/2, от А.Г. Филатовой, Петрозаводск, 1994, Степанова.

Как выясняется, при помощи магии, колдовства можно было добиться не только удачи на рыбной ловле, но и совершенно обратного — «упрятать», укрыть рыбу в водоёме. И это не единственное свидетельство такого рода (например, см. Фон. 3309/50).

Бытовая магия: как клопов изгоняли (203)

203. Фон. 3307/37, от А.К. Годиевой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Единственная такого рода запись из региона. В архиве SKS 9L, в записях Х. Мериляйнена за 1886—1895 гг., сделанных от жителя дер. Маслозеро Даниила Ондроева, 86 лет, описан ещё один способ изгнания клопов. Приведу его здесь в переводе: «Клопы уйдут, если взять «три на девять» клопа (т.е. 27 клопов) в тряпочку и положить их в такую лодку, на которой (когда-то) тонули гребцы, и лодку гоняло по волнам/всде». Тогда клопы в доме исчезнут.

Былички. Бывальщины

Как следует из предыдущих разделов, связанных с магией, магическими способами, приёмами и средствами избавления от разных недугов, напастей и бедствий, вера в сверхъестественные силы и мифические существа в сознании народа была достаточно устойчивой. Этим объясняется и сохранность быличек, бывальщин, персонажами которых являются лесные/лешие, водяные, ригачные, баенные и т.п. духи—«хозяева» стихий, явлений природы, строений.

Былички ещё живы в памяти людей старшего поколения, до сих пор есть возможность их записать. Рассказываются они серьёзно, даже с некоторым чувством страха, испытанным когда-то, если рассказчик сам является очевидцем случившегося. Они не безопасны для человека. Правда, о духах природы — лешем, водяном — помнят меньше. Большие упоминаются домашние духи — домовый—«хозяйка» дома, «хозяин/хозяйка» конюшни, хлева, баенник.

Леший. Лесные духи (204–206)

204. Фон. 3309/35, от Е.М. Дрягуевой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

205. Фон. 3309/36, от И.М. Дрягуевой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Здесь рассказчицы очень живо передают события, очевидцами которых были сами.

206. Фон. 3439/25, от А.Г. Филатовой, Петрозаводск, 1995, Степанова.

Не совсем понятно, то ли женщина, рассказавшая об этом, сама была в пастухах, или же ей рассказал пастух.

Водяной (207—1, 2; 208)

Если исходить из классификации русских быличек, то у карел *vedehini*—водяной, по описанию соответствует мифологическому персонажу русалки.

207. Фон. 2585/13, от А.К. Мироновой, Тунгуда, 1980, Конкка.

208. Фон. 3307/20, от А.А. Анциферовой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

В обоих текстах наблюдаем обычное для карельской традиции описание внешности — персонаж имеет длинные волосы, расчёсывает их, сидя на камне.

208. Фон. 3311/45, от П.Р. Артамоновой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Конкретный случай, но, как водится, происшедший с кем-то. Мотив сидения на камне устойчив по всей Карелии.

Домашние духи. Домовой (209—213)

О них, об их «существовании» знают повсеместно. И в Тунгуде, в 1993 году удалось записать большое количество быличек о домовом, хлевнике, ригачнике, баешнике и других духах — «хозяевах» — izänd'ä, etänd'ä.

209. Фон. 2585/15, от А.К. Мироновой, Тунгуда, 1980, Конкка.

Здесь рассказчица подтверждает, что духи-покровители, духи-властители — haldiet — были всюду. Об этом же и в следующем тексте.

210. Фон. 3311/11, от А.И. Аникиевой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Основное «деяние» домового — то, что он «давит» спящих, наваливается на них так, что не пошевелиться. Считалось, что это не к добру.

211. Фон. 2586/10, от А.К. Мироновой, Тунгуда, 1980, Конкка.

Домовой мог проявлять своё отношение к хозяевам дома, людям и таким образом.

212. Фон. 2585/13, от А.К. Мироновой, Тунгуда, 1980, Конкка.

Здесь домовая «показывается» в образе старика, изгоняет, выживает хозяйку из дома.

213. Фон. 3381/3, от А.Д. Никоновой, Тунгуда, 1998, Степанова.

«Хозяйка» хлева (214—216)

Мифологический персонаж, дух-покровитель хлева, скотного двора известен по всей Карелии. Обычное его название — liävän etänd'ä — «хозяйка» хлева, т.е. персонаж женский. В отдельных рассказах, беседах упоминалось о «хозяйше» двора, конкретно, копошши, духе-покровителе лошадей — им был персонаж мужского рода. Таких быличек записано меньше.

Былички же о «хозяйке» хлева и в наши дни может припомнить почти любая женщина старшего поколения. Основной смысл таких рассказов сводится к тому, любит или не любит «хозяйка» скотину — овец, корову — в хлеву.

214. Фон. 3308/11, от И.А. Самсоновой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Если «хозяйка» любит скотину, то даже из другого дома носит для неё корм.

215. Фон. 3307/13, от А.А. Анциферовой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

216. Фон. 3311/46, 47, от П.Р. Артамоновой, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Достоверный рассказ о том, как рассказчица «наказала» неласковую «хозяйку» хлева. О таком способе расправы, изгнания злого персонажа рассказывали многие собеседники в посёлке Новое Машезеро. А здесь живут выходцы почти из всех близлежащих, но опустевших карельских деревень.

П.Р. Артамонова рассказывала былички и на другие случаи из жизни. Но что характерно для неё, так это её сны — каждый раз она видела во сне тот мифологический персонаж, обычно женщину, с которым она вступала в единоборство при помощи магических действий.

Баенник (217, 218)

Известный персонаж карельских быличек. Его боялись, он считался злым, как выявляется и из других текстов.

217. Фон. 3310/5, от М.А. Проккуева, Новое Машезеро, 1993, Степанова.

Рассказчик подчёркивает мысль о том, что духи-«хозяева» оберегают своё владение, и к ним пужно относиться с уважением, задабривать их.

218. Фон. 2585/6, от А.К. Мироновой, Тунгуда, 1980, Конкка.

Мотив — баенник сдирает кожу с человека, нарушившего определённые запреты (обычно это позднее мытьё в бане), — для Карелии является редким. Но запрет на позднее посещение бани, особенно в канун праздников, соблюдается почти повсеместно и в наши дни.

Бытовые рассказы (219, 220)

В завершение публикации хотелось дать чисто бытовые рассказы, в которых вспоминаются давние времена, быт без электричества, без телефона, многих других достижений прогресса, прочно укоренившихся в современной жизни. А.В. Акимова была умелой, признанной рассказчицей, с удовольствием и радостью откликалась на просьбы собирателей. В честь светлой её памяти эти два рассказа/воспоминания из далёкого и не столь далёкого прошлого.

219. Фон. 2571/32, от А.В. Акимовой, Тунгуда, 1979, Степанова.

Анна Васильевна рассказывает об этом по воспоминаниям своей «дядинки» (жена дяди), сама она росла уже при лампе.

220. Фон. 2580/56, от А.В. Акимовой, Тунгуда, 1980, Конкка.

Рассказчица сама была очевидцем проведения в деревню телефона.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

♩ = 100 g = E

1 (96-5)

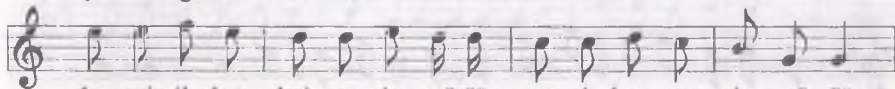
Все б я пе - ла, все б я пе - ла все б я ве - се - ли - ла - се.

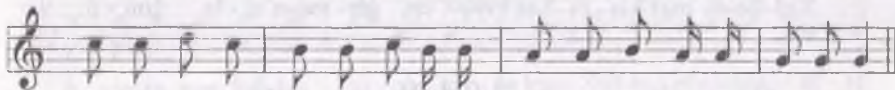
Ста - ро - преж - ня - я, лю - бовь об - рат - но во - ро - ти - ла - се.

♩ = 110 g = C

2 (96-3)

Is - suin il - lan kai - von vie - reš - šä, ve - zi - kor - von vie - reš - šä.

Is - suin il - lan po - jan pol - vel - la, tol' - ko toin(i) o - li mie - leš - šä.

♩ = 104 g = C

3

El - gyä nai - zet nag - rak - kua da miu - da nuor - da leš - kie.

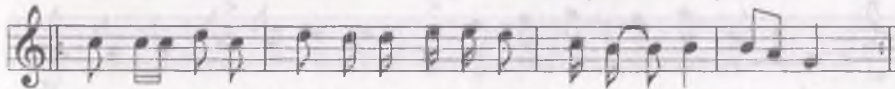

Kuin mie pa - juo pa - ja - tan da nuor - da ai - gua vie - hä - t'än.

4 (93-8)

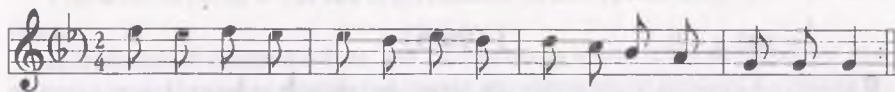
Is - t'uu An - ni ik - ku - nal - la, šulk - ku - paik - ka piäš - šä.

Mat - kuau Pek - ka ik - ku - nan al - la gar - mo - n' a - ni kiäš - šä.

♩ = 92 g = E

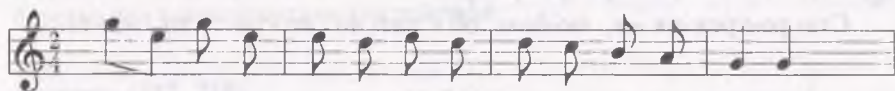
5 (93-1)

Tun-guon d'är-vi šuu - ri d'är - vi, siič - ča pai-kal(la) voit kat - tua.
O - lis kok - kua li - pa - ta da Tun-guon poi-gie n'ä - pä - t'ä.

♩ = 100 g = D

6 (93-4)

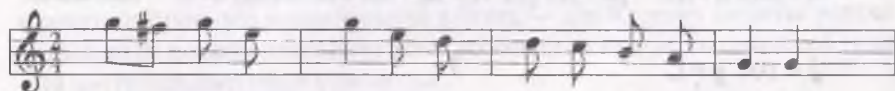
Mi - e is' - sun ik - ku - nal - la ri - pakk'o - li poik - ki.

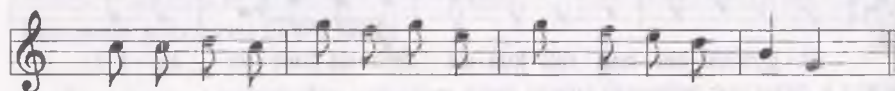
Kul-da-ni mat-kai pi-hua myö-t'en, gar- mo-n'al - la šoit - ti.

♩ = 132 g = C#

7 (93-9)

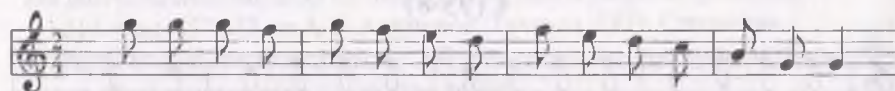
Mi - e is' - sun boč - kal - la, boč - kan al - la hii - ri,

miu-la ša - no Pek-ka ruk-ka, t'äm(ä) on Tun-guon pii - ri.

♩ = 132 g = C#

8 (93-10)

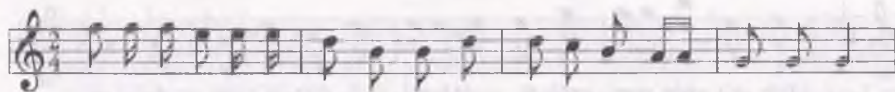
Kum-mua kuu-lin, kum-mua kuu-lin, rua-do(h) män-nä So-rok-ka(a),

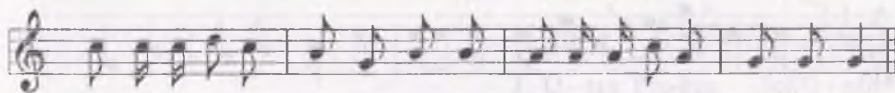
Šou-dua Val-gien me - ren tuu - li, ual-lot vie-dih Po-ven - čaa.

♩ = 128 g = A

9 (96-2)

Äij(a) o-li len-to-ja kaš-šan piäš-šä nuot-ta nuo - rua ei tul - lun,

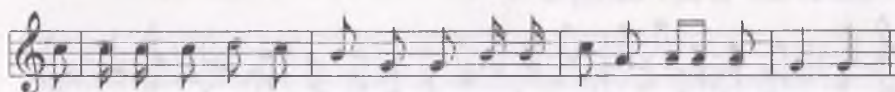
äij(a) o - li bri-hua pol' - an - kal - la mi-nul-la pua-rua ei t'äy-d'yn.

♩ = 120 g = A

10 (96-1)

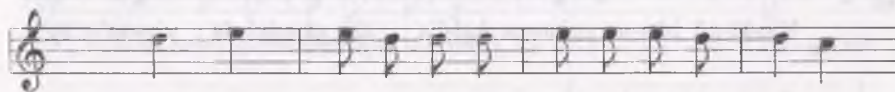
Ei-hän še o - le niin vai - gie työ, kuin rik-ka-zen rii-hen puin-da.

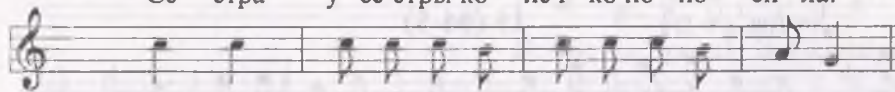
A vie-ra-han kul-lan kai - na - loš - ša kuin vaš-ta vir(e)-daa ui - ja.

♩ = 100 g = E

11 (95-8)

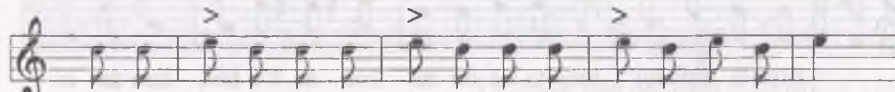
Се - стра у се-стры ко - леч - ко по - но - си - ла.

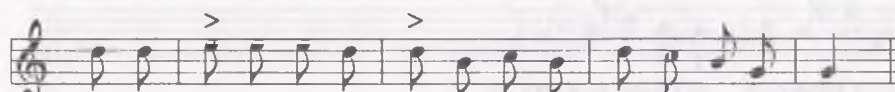
Се - стра у се - стры ми - ле-ноч-ка от - би - ла.

♩ = 112 g = F

12 (95-6)

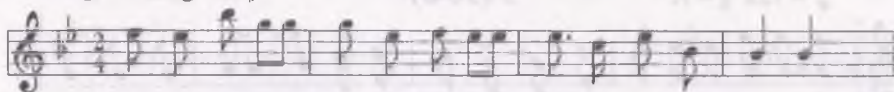
Мо-е и-меч-ко на - пи - са - но в ле - су на ве - рс - су,

мо - я мо-ло-дость про-хо-дит по ба - ра-кам да в ле - су.

♩ = 100 g = C#

13 (94-3)

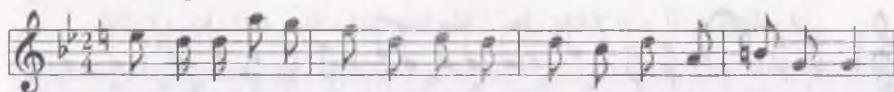
Em voi vuot-tua, em voi vuot-tua š i - dā a - jas - ta - ni,

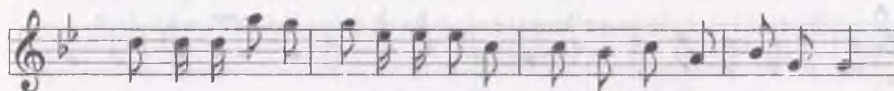
kon-ža šu-luau kon - ža kui-vuau miun-ne ik - ku - n'ais-ta.

♩ = 100 g = D

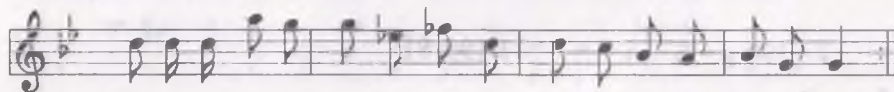
14 (94-4)

Lin-du-ni len-däy le - pet - täy da sii - byt - tä hän pla-kut-tau.

Vie-lä-gö miun-ne tuu-val-la kal-lis tän-göi miel-dä vie-ret'-t'äy.

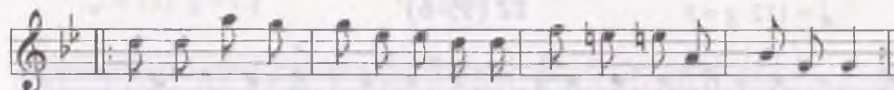
Vie-lä-gö hän-ne miun-ne kal-lis tä - gä miel-dä vie-ret'-t'äy.

♩ = 108 g = D#

15 (94-5)

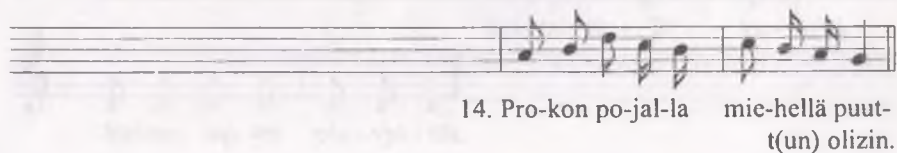
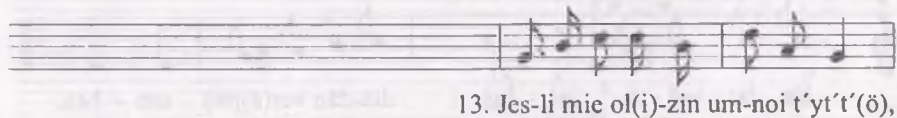
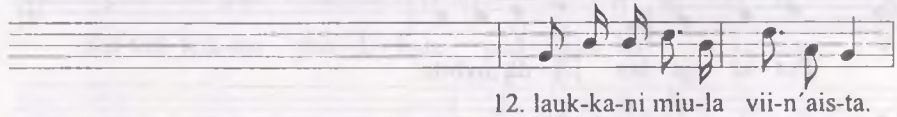
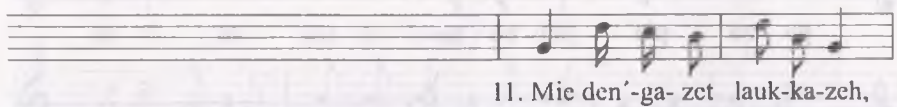
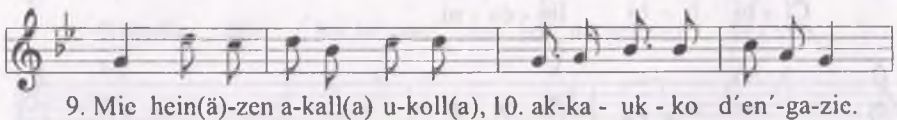
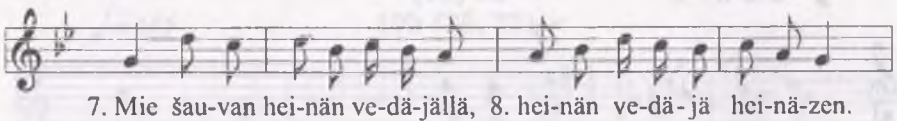
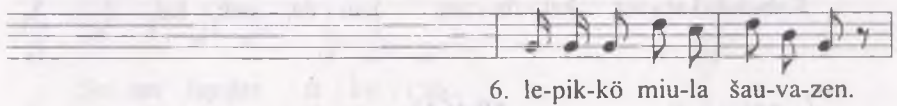
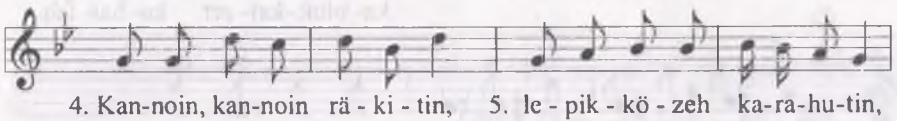
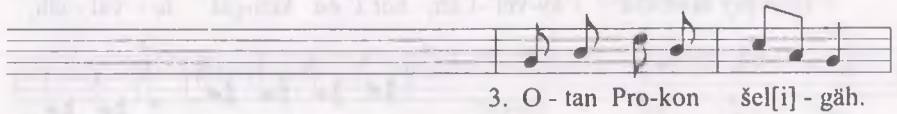
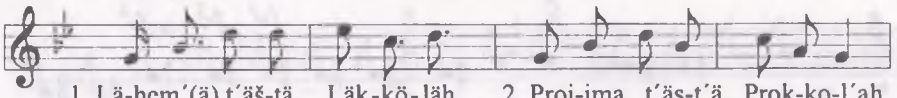
Kuk-ku kä - gi kuu - ži - koš - ša, kon - ža kuk-kuu, kon-ža ei.

Miu-la mii-loi muš-ta šia-mi-ni, kon - ža l'u-biu, kon-ža ei.

$\text{♩} = 100 \text{ g} = \text{D}$

16 (72)

♩ = 144 h = E

17 (64)

Hyp-piy škoč-čiu t'äy-vel'-l'äh, hot't' on ken-gät le - väl - läh,
 ka- bluk - kai - zet ka - hal - lah.
 Kab - luk - kai - zet kai - da - zet, kan - da - nah - kat...

♩ = 276 h = E

18 (61)

Či - bi li - bi lin - du - ni,
 pu - na piä pei - bo - ni.
 Pot - ki ja - lan jiä - dä myö-te.
 Jiä jär - vcš - tä ul - loš, diä-dän ver(ä)jät um - beh.

$\text{♩} = 148 \text{ h} = \text{H}$

19a (76, 77)

Oi koi - ra , koi - ra,
 hau-ku - šie Soi - rua,
 Soi - ra ei tul-lun ko - dih,
 Soi-ran lap-šet it - kie - t'äh.

$\text{♩} = 152$

19b (76, 77)

Kon-die šöi he - bo - zen , he - bo - ne mur-di ki - ven,
 ki - vi löi kir - ve - hen.
 Kir-vež leuk-kai pua - li - kan, pua - likka löi koi - ran,
 koi - ra hauk-ku Soi - ran,
 Soi - ra tu - li ko - di(h),
 Soi-ran lap-šet ele - vyt - tih.

♩ = 200 h = D $\sharp$

20 (69)

Šuar - nua vuar - nua, ko - ve - rua kouk - kuo,

min pyy pyy - dāy, šen vai-va-ni va - raš - tau,

vaš-šan al - la peit - täy. Ku - nin - gaš kuu - lou

kuu-vel- da virš-šal - da, šeič-čc- mel - dä šel-go-zel-da,

ka-hek- šal - da kan-ga-hal-da.

Mis-sä leh-mä rön' - gyy,

šiel - lä ša - vu t'ön - gyy

kul - da-zis' - s'a kin-da - his'-s'a, ša - vi - zis - sa šuap-pais-sa.

$\text{♩} = 100 \text{ g} = \text{G}$

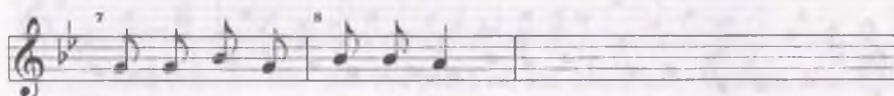
21 (52)

Ken tuuv-val-la tul-da polt-tau? Va-n'a tuuv-vall(a) tul-da polt-tau.

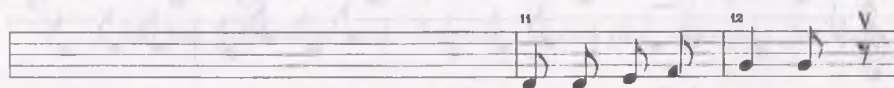
Mi-dä-bä hiän rua-dau?

Kor-jan kok-kie ko- hen- dau,

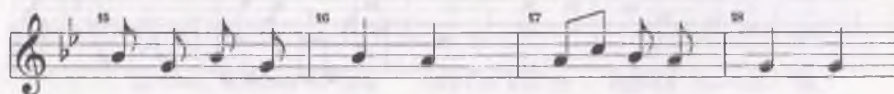
ai-zan päi - dä a - žet - tau.

Vem-be-l'yi- zic kruas-siu.

Kun-ne-ba hiän šuo - rieu? Nai - mah šuo - ricu.

Keš-tä, kuš - ta nai - mah? An' - n'is-ta nai - mah.

Kc-nen sar(a)jaš-ta läh - tie - tä(h)? An-nin sar(a)jaš-ta läh-tie-tä(h).

♩ = 76 g = B

22 (59)

1 Bai bai laš - ta, tu-lou ka-zi vaš - tah,

5 tu - lou ka- zi vaš - tah da le-ka-hut-tau laš - ta.

9 Hyp-päi ka- zi kiu-guan kor-val-la, le - ka - hut-ti laš - ta.

13 Bai - bai bai-bai-bai ba-juš-ki ba - ju ba - ju

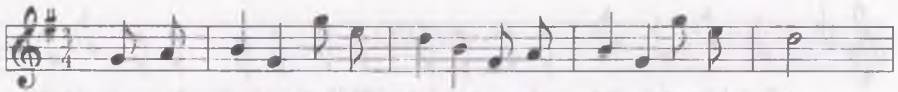
17 bai bai ba- sa - lai, T'e-ron ak-ka lap-šen šai,

21 pan-di(h) ni-mi Ni - ko - lai. T'e-ro os - ti vod - kua,

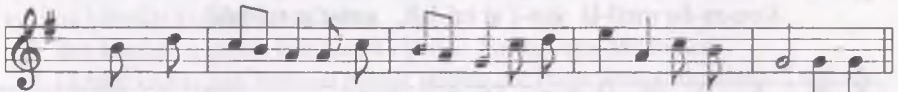
25 ak-kua per-žieh pot - kai.

$\text{♩} = 100 \text{ g} =$

23

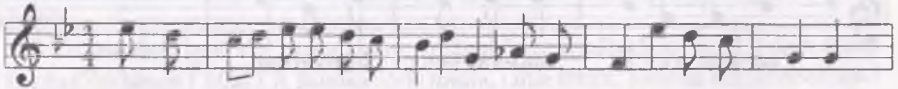
It - köy nei-čut u - la - hut-tau, ka-da - jik-koo ka-ja - huu,

kač- čou y - läh - päi-vyä pais-t'au, kač-čou a-lah - ve-n'ou, šou- dau.

$\text{♩} = 70 \text{ g} =$

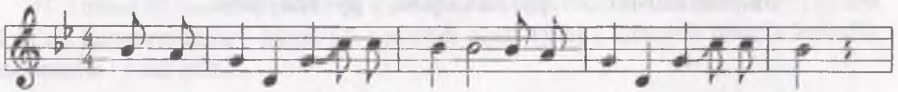
24 (8)

Is - tuu tyt-tö-ne u - la - hut-tau, ka-da - jik-koh ka-ja - hut-tau...

$\text{♩} = 120 \text{ g} =$

25

Kai-voin kai - voin mi-nä kai-vuo viš-n'a - vois-sa sa - vuš - ša,

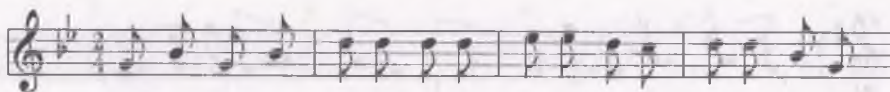

ka-čon, ka-čon tu- lou nei-čut kii- re - heš-šä ho-vuš - ša,

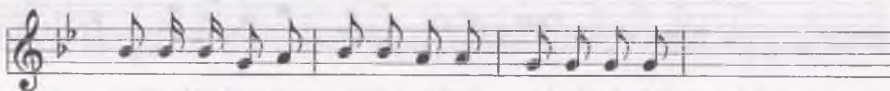
ka-čon, ka-čon as- tuu nei-čut kii- re - heš-šä ho-vuš - ša.

♩ = 132 g = H

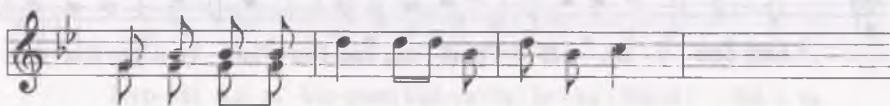
25

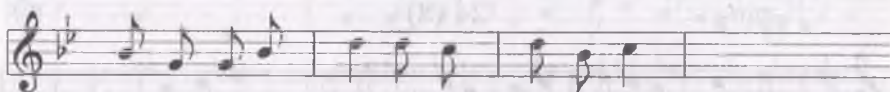
Ruš-kie nei-čut, val-gei nei-čut, ša-no si-nă, ša-no si-nă,

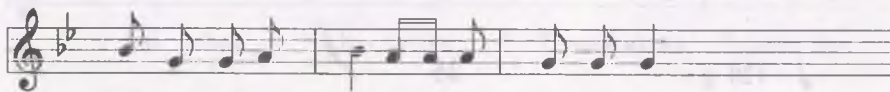
Kon-za-ba meil-lă gos-t'at tul-lah, gos-t'at tul-lah?

Muš-ta - piă piă - t[i]ni - čan, piăt-ni-čan,

mi-nun vel-li šuo-vat-tan, šuo-vat-tan,

mi-nun mii-loi py-hăn - piăn, py-hăn-piăn.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

КОМПАККА

Matteuksen evankeliumin II luku.

1. Kuin šünd'ü Iisus Ijuudan moan linnašša Viŋl'eemašša kun'ingahan lirodan päivinä, tuldi koił'izešta¹ t'ied'äjät i paist'ih:

2. «Missä on šünd'ünüt Ijuudan kun'ingaš? N'ägmä müö hänen t'ähen koił'izešša i tul'ima hänellä² kumardamahače».

3. Šen kuuluhuo liroda häd'äüd'ü i kaikki Jerusal'ima hänen kera.

4. I keräi kaikki van'himmat pappil'issošta dai kirjamiehet rahvahašta i toimitti heild'ä: «Missä šünd'üv⁴ Xristos?»

5. Hüö šanottih hänellä: «Ijuudan moan Viŋl'eemašša; n'iin on prorokka kirjuttanut:⁵

6. «I šie Viŋl'eema Ijuudan moa, n'i mil'l'ä et ole pienembi Ijuudan vanhembie⁶; šiušta l'ähtöv van'hin, kumban'e paimendav miun rahvahan, Izrael'in».

7. Šilloin liroda kučču⁷ peitokkal' i t'iedäjät i toimitti heild'ä, kuh aigah t'äht'i ožuttih.

8. I tüöndähüö heät Viŋl'eemah šano: «mängüöde t'iijuštakkuo⁸ šünd'üjah n'ähen; i konža t'üö hänen l'öüät't'ä, šanokkuode miula, i mie lähen, hänellä kumardoachen».⁹

9. Kuunneldih hüö kun'ingašta i läht'iet't'ih: i ka t'äht'i, kumban'e n'äht'ih päiväzen noužun rannašša¹⁰, heän ieššä širdel'ih, kun'ei, tulduho šeizaudun šen paikan peällä, mis's'a ol' i Šuurišünd'ü.

10. N'äht'üöhö, t'äht' i piet't'ü, ülen äjjäld' i ihaššuttih.

11. I mänd'üö huoneheh n'äht'ih Šuurišünd'ü hänen moamoh Moarien kera i moaha šoat'en kumarrettihiče¹¹ hänel'l'ä i avattih omat takat i lahjottih händ'ä kullalla, loadanalla i void'iella.

¹ Käsikirjoituksessa tavataan seuraavat Genetzin julkaisemasta poikkeavat kohdat: päivännoužušta l. koił'izešta;

² hänen luokši;

³ kk:ssa myös: keräz'i;

⁴ šünd'üü;

⁵ prorokat kirj/utettih/ ja prorokoił'l'a sanottu;

⁶ myös: vanhemmil'l'a;

⁷ kutču (tšu);

⁸ t'iiustakkuode;

⁹ kumardoatšen;

¹⁰ noužun rannašša;

¹¹ kumarrettihiše~te;

12. I un'is's'a kuin heil'ä šanottih, ei män'n'ä jäl'el'l'äh¹² lirodan luokši, l'äht'iet't'ih hüö toist'a dorogoa müöt'e omah moah.

13. Heän l'äht'ehüö Jumalan an'hel'i ožuttih Os's'ipalla un'is's'a i šano: «Nouže da¹³ ota lapsi i hänen moamo¹⁴ i pagene Jegiptah i ole šiel'ä, kun'i en šano šiula; tahtov liroda eččie lašta i tappoa¹⁵ händ'ä.

14. Noštuoh otti heän lapšen i hänen moamon¹⁶ üöl'l'ä i läks'i Jegiptah.

15. I ol'i šiel'ä lirodan šurmah šoahe¹⁷, ana l'ien'öv Jumalan šanoa müöt'e, prorokašta n'iin on šanottu: «Jegiptašta kučuin oman poijan¹⁸».

16. liroda kuin n'ägi, što t'ied'äjät händ'ä vain nagrokšeh otettih, ülen äiäld'i šeänd'ü i t'üönd'i tappamah kaikki lapšet Viŋ'eemašta i šen ümbärüššäld'ä, kakšivuodizet i nuoremmat, šid'ä aigoa müöt'en, kuin toimitti tied'äjild'ä.

17. Šilloin tul'i prorokan Jeremein šanalla:

18. «Eän'i¹⁹ kuulu roamašša; Raxila it'ki omiedah lapšie i ei tahton heit't'eä it'end'eä, jotta heid'ä e ole».

19. lirodan kuolduo Jumalan an'hel'i un'is's'a ožuttih Os's'ipalla Jegiptašša i šano:

20. «Noštuo ota lapši i hänen moamo i mäne Izroael'in moaha; kuoldih hänen hengen eččijät».

21. Heän noštuo otti lapšen²⁰ i hänen moamon i tuli Izroaelin moaha.

22. Kuulduo²¹, što Arxelai²² ist'uhiče kun'ingahakši omah toattoh lirodan šialla Ijud'ejašša, varaz'i šinne männä; vain män'i unda müöt'e Galilein²³ randah.

23. Mänd'üöhö²⁴ rubez'i²⁵ elämäh l'innašša, n'imie müöt'e Nazarietašša, ana l'ienöv²⁶ prorokan šanalla: «Nazar'eiks'i n'imit't'öäksi.»

[A. Genetz: TVKK, ss. 28—29. — Käsikirj.: kl. n:o 1996, ss. 107—108.]

¹² d'alél'l'äh;

¹³ noštuo /ota/;

¹⁴ muamo;

¹⁵ tappa;

¹⁶ muamon;

¹⁷ šoahe;

¹⁸ pojan.

¹⁹ kk:ssa myös: eän'iröngüimin'e;

²⁰ šuuren sün'n'ün;

²¹ l. kuulust'ahuo;

²² jo-d'o ist'uhiče;

²³ Galil'ein;

²⁴ mänd'üöh(ö);

²⁵ myös: rubei;

²⁶ lien'öü.

ŠUIKUJÄRVI

Matteuksen evankeliumin VIII luku.

1. Konža hiän läksi vuuralda, hän'en jälešti rahvašta äijä aštu.
2. I kačo kibetüd'ün tul'i lähemmä i kumardih hän'el'l'ä, šano: «Hospod'i! kuin tahtonet, voit šie milma puhtahakši luad'ie²⁷».
3. Nošti Isuusa kiän, kožetti händ'ä i šano: «tahon, puhaššu!» I hiän šillä kerdua²⁸ puhaštu kibeist'ä.
4. Šanou Isuusa hän'ellä: «Kačo, n'i kellä elä šanele, a mäne, ožuta ičeäs²⁹ (= ožuttuače) papil'l'a, tuo lahjuo³⁰, müt'ü't't'ä³¹ käški Moisei zakonašša, heilä t'ijokši».
5. Kuin Isuusa tul'i kapernaumah, tul'i hänen luo šuam piäl'l'ä van'hin, mol'i händ'äh, pagaz'i:
6. «Hospod'i! miun kuundel'ija [koi's'a] ven'üü tauvis's'a i äijäld'i vaivuakši».
7. Isuusa šanou hän'ellä: «mie tulen, peššän³² hänen».
8. Van'hin vaštah šano: «Hospod'i! en makša, kuin män'izit šie miun katokšen alla; a üksi šana virka, i spruavieksi miun kuundel'ija».
9. Mie iče olen muijen vallašša, a miun vallašša ollah saldatat, ühellä šanon: «mäne!» dai matkuau, i toizella: «tule!» dai tulou, i omalla kuundel'ijalla: «luai še!» i luad'iu».
10. Šen kuulduo Isuusa d'iivuol'ih i šano hänen jälgeh matkuajilla: «tožieh šanon t'eil'ä: šemmoist'a vieruo en löüdän Izruael'issa».
11. Šanon t'eilä: «äijä tulou stokašta [uššondua] i vuarašta i ven'üt't'üäkši Avruaman, Isaakan i Juakkovan kera taivaš-kun'ingahuošša.
12. A kun'ingahuon poijat l'ien'n'äh porotetut³³ piättömäh pimieh; šielä ro'iks'i itku i hambahien kričautuš».
13. I šano Isuusa van'himmalla: «matkua, i kuin vieruičit, n'iin lien'öü šiulaš».
14. I šillä kerdua t'erveh't'ü kuundel'ija.
15. Tulduo Pedrin kod'ih Isuusa n'ägi hänen anoppie tauvis's'a palavana.
16. I kožetti hänen kät't'ä, i palava-taud'i häneštä l'äks'i. Hiän nouži i kuundel'i händ'äh.
17. Kuin vain rod'ih ilda, tuodih hänen luo äijä lembolaist'a; hiän henget ajo šanalla i spruavičči³⁴ kai l'äzijät.

²⁷ Kk:ssa myös: luad'ie.

²⁸ Kk:ssa myös: šillä čičäššüllä.

²⁹ Pitänee olla: ičeies.

³⁰ p.o. lahjuu (vrt. kerdua).

³¹ TVKK:ssa on müt'ät't'ä, jonka toisen tavun ä on ilmeinen painovirhe.

³² Kk:ssa myös: t'ervehüt'än.

³³ Kk:ssa myös: ajetut.

³⁴ Kk:ssa myös: t'ervehüt't'i.

17. Ana lien'õu prorokan Isaijan šanalla, kuin hiän šanou: «hiän otti iččeh piällä miän voimattomuot i tauvit miän kando».

18. N'ägehüö ičeštäh ümbär'i äijän rahvašta Isuusa käski opaštujil'l'a ven'ehellä män'n'ä toizella puolella.³⁵

19. I lähend'ih hänen luoksi kirjan'ikka, šano hänellä: «opaštaja! mie lähen šiun jälgeh, hot šie kunne läht'en'et».

20. Šanou hänellä Isuusa: «reboloil'l'a čuhmut ollah i taivahan linduloil'l'a pežät, a in'ehmizen pojalla euo, kunne piäd'ä heit't'üä».

21. A toine opaštujist'a šano hänellä: «Hospod'! iellä milma laže tuattuo muaha panomah».

22. A Isuusa šano hänellä: «tule miula jälgeh i jät'ä kuol'eil'l'a panna omat kuol'iet muaha».

23. I kuin hiän män'i ven'ehel, mändih i opaštujat hänellä jälgeh.

24. I kačo: ualdo rubei käümäh suur'i, äzen uallolla³⁶ ven'eht'ä rubei umbuamah; hiän magai.

25. Hän'en opaštujat l'ähen'n'et't'ihize hän'en luo, noššettih händäh maguamašta, šanottih: «Hospod'i, piäšša, meid'ä, kuolomašša olemma!»

26. Šanou hiän heil'ä: «mid'ä t'üö šen'lin varajatta, vähänuškojaizet?» Šiid'ä noštuo kield'i tuulet dai meren, i lien'i³⁷ ülen t'üün'i.

27. A rahvaš d'iivuold'ihize da paist'ih: «ken on t'ämä, kuin tuulet i mer'i händ'ä kuunnellah?»

28. I kuin hiän tul'i Gergesinan randah poikki merest'ä, tul'i hän'ellä vaštah kakši lembolaist'a, kalmoist'a läht'en'üöt, ülen pattiet, äzen dorogua müöt'e ni ken ei ruohtin matata.

29. I kirkumah rubettih, šanottih: «Isuusa Jumalan poiga, mi meil'ä i šiula? Tul'it ennen aigoa t'änne meid'ä muokkoamah».

30. I ed'ähän'ä heist'äh ol'i suur'i karja šigoja paimennettavana.

31. Biesat küžüt't'ih händ'ä, šanottih: «kuin šie miät porottanet, t'üön'n'ä meid'ä šigojen karjah».

32. Hiän šano heilä: «mängüä!» I hüö läht'iet't'ih pois, mänd'ih šigojen karjah; i kačo sillä kerdua kai karja loihiččeh äbrähästä mereh i hävii ved'eh.

33. A paimenet läht'iet't'ih juokšomah, tuldih lindah, šanottih kaikki lembolaizien³⁸ kohtah.

34. I kačo, kai linda tul'i Isuusalla vaštah, i kuin näht'ih händ'äh, küžüt't'ih händ'ä läht'ie pois hiän paikoist'a.

[A. Genetz: TVKK, ss. 30—31. — Käsikirj.: kl. n:o 2158, ss. 25—26.]

³⁵ Kk:ssa myös: *пуолелла*.

³⁶ Kkssa: myös: *уаллолла*.

³⁷ Kk:ssa myös: *rod'ih*.

³⁸ Kk:ssa: *biessojen*.

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

- Аалто/Иванов Пекка, 1897 г.р., дер. Кевятозеро — 137, 141, 142.
- Акимова Анна Васильевна, 1913 г.р., дер. Тунгуда — 8, 13, 72, 94, 120, 126, 150, 153, 157, 179, 198, 219, 220.
- Аликиев Дмитрий Петрович, 1907 г.р., дер. Шауниваара — 127, 130, 151, 167, 182, 197.
- Аликиева Анна Ивановна, 1911 г.р., дер. Машезеро — 210.
- Анциферова Анна Архиповна, 1914 г.р., дер. Ушково — 42, (105)¹, 154, 207, 215.
- Артамонова Полина Родионовна, 1918 г.р., дер. Ушково — 172, 188, 208, 216.
- Богданова Февронья/Хавронья Васильевна, 56 лет (в 1937 г.), дер. Сиговаара — 49, 50.
- Борисова Татьяна Яковлевна, 1904 г.р., дер. Тунгуда — 18, 95.
- Бутина Акулина Ивановна, 1904 г.р., дер. Машезеро — (101).
- Годиева Анна Кирилловна, 1917 г.р., дер. Шагозеро/Машезеро — 143, 176, 203.
- Гридина Агния Елисеевна, 1906 г.р., дер. Тунгуда — 22, 24, 83.
- Гужиева Анастасия Никифоровна, возраст и место рождения не указаны [запись — дер. Компаково] — 122.
- Гужиева Мария Никитична, 56 лет (в 1937 г.), дер. Компаково — 44, 45, 46.
- Гужиева Прасковья Васильевна, возраст и место рождения не указаны [запись — дер. Койвуннеми] — 1, 2, 3, 30.
- Другуева Елена Михайловна, 1923 г.р., дер. Койвуннеми — 174, 204.
- Другуева Ирина Михайловна, 1919 г.р., дер. Ушково — 70, (97), (103), 134, (169), (173), 174, 178, 185, 190, 205.
- Евсеева Анна Исааковна, 83 года (в 1956 г.), место рождения не указано — 4, 51, 111, 115.
- Евстратова Василиса Яковлевна, 60 лет (в 1937 г.), дер. Койвуннеми — 116.
- Евтифеев Лари/Ларион, 50 лет (в 1922 г.), дер. Кевятозеро — 125.
- Еккина Екатерина Савельевна, 1891 г.р., дер. Машезеро — 7, 98.
- Зайкова Анна Дмитриевна, 1928 г.р., дер. Кевятозеро — 86, 102, 106.
- Иванов Афанасий Иванович, 33 года (в 1937 г.), место рождения не указано [запись — дер. Компаково] — 124.
- Иванова Римма Ивановна, 1907 г.р., дер. Печкинваара — (101).
- Ильина Марина Алексеевна, 1904 г.р., с. Лехта — 19, 25.
- Каторина Матрена Евдокимовна, 1898 г.р., дер. Койвуннеми — 21, 37, 38, 55.

¹ В скобках указаны номера, под которыми публикуются тексты, записанные от нескольких исполнителей (пословицы, загадки, гадания).

Кондратьева Анисья Ивановна, 1917 г.р., дер. Шуезеро — 85, 119, 139, 146, 148, 156.

✓ Лазаренко Любовь Даниловна, 1931 г.р., дер. Ушково — 32, 36, 43, 140, 171, (173), 180 (1, 2), 184, 186, 192, 195, 196.

Лутошкина Тамара Борисовна, 1949 г.р., дер. Ушково — 80, 107.

Максинен Алекси/Алексей, 1907 г.р., дер. Кевятозеро — 56, (103), 104, 117, 158.

Марков Анисим Васильевич, 64 года (в 1937 г.), дер. Маркова Гора — 113.

Марков Осип Васильевич, 1872 г.р., дер. Маркова Гора — 129.

Маслова Роза Александровна, 1928 г.р., дер. Кевятозеро — 77, 87, 88, 135, 152.

Миронов Хейкки Герасимович, 11 лет (в 1937 г.), дер. Венозеро — 114.

Миронова Аксинья Петровна, 80 лет (в 1937 г.), дер. Венозеро — 5, 6, 47.

Миронова Акулина Максимовна, 60 лет (в 1937 г.), дер. Венозеро — 48, 53.

Миронова Анастасия Константиновна, 1908 г.р., дер. Хижезеро — (105), 155, 160, 162, 163, 164, 166, (169), 170, (173), 177, 183, 187, 200, (207), 209, 212, 218.

Миронова Дарья Ефремовна, 1897 г.р., дер. Вирнаволоок — 15, 28, 75.

Михайлова Соломанья Ивановна, 1907 г.р., дер. Машезеро — (101).

Мошникова Марина Михайловна, 73 года (в 1956 г.), дер. Койвуниemi — 11, 12, 14, 16, 63, (101), 112.

✓ Никонова Анна Дмитриевна, 1916 г.р., дер. Машезеро — 35, 52, 59, 76, 90, 92, 93, 100, (105), 123, 138, 165, 194, 213.

Петров Яков Михайлович, 70 лет (в 1937 г.), дер. Сиговаара — 27.

✓ Проккуева Елена Ивановна, 1927 г.р., дер. Помпи — 29, 175, 181.

Проккуев Михаил Алексеевич, 1921 г.р., дер. Шагозеро — 128, 147, (169), 217.

✓ Самсонова Ирина Андреевна, 1920 г.р., дер. Ушково — 78, (161), (173), 191, 214.

Самсонова Татьяна Макаровна, 1912 г.р., дер. Койвуниemi — 41, 61, 64, 66, 68, 69, 89, (97), (103), 144, 168, 189.

✓ Сидоров Василий Леонтьевич, 1856 г.р., дер. Койвуниemi — 9, 26, 57, 60, 62, 108, 109, 110, 121, 201.

Сидорова Пелагея Михайловна, возраст не указан, дер. Койвуниemi — 58, 65, 73, 79, 82.

✓ Филатова Анна Григорьевна, 1897—1997; дер. Удозеро/Ипатти — 23, 33, 40а, 40б, 67, 71, 81, 84, 91, (105), 145, 149, 159, (161), 193, 199, 202, 206.

✓ Филимонова Елена Евлантьевна, 1870 г.р., дер. Нуоттаваара — 34, 39, 54.

Филимонова Лукерья Васильевна, 1908 г.р., дер. Нуоттаваара — 17, 74, 99.

✓ Щелин Иван Семёнович, 54 года (в 1937 г.), дер. Койвуниemi — 118.

Щелина Клавдия Ивановна, 1919 г.р., дер. Койвуниemi — 10.

✓ Яковлева Секлетя Семёновна, 1909 г.р., дер. Летнее Озеро — 20, 31, 96.

УКАЗАТЕЛЬ СОБИРАТЕЛЕЙ

Вирккунен Айли — 9, 26, 57, 62, 108, 109, 110, 121, 201.

Карпова Елена Ивановна — 86, 102, 106, 119, 139, 146, 148, 156.

Кеттунен Лаури — 125.

Кеуняс Майю — 129, 137, 141, 142.

Кондратьева Ирма Петровна — 7, 15, 17, 19, 25, 28, 34, 39, 54, 63, 74, 75, 92, 98, 99, 100, 101, 153.

Конкка Алексей Петрович — (105), 126, 127, 130, 150, 151, 155, 157, 160, 162, 163, 164, 166, 167, 168, (169), 170, (173), 177, 182, 183, 187, 197, 200, (207), 209, 212, 218, 220.

Лоунела В. — 60.

Лутошкина Тамара Борисовна — (самозапись) 80, 107.

Максинен Алекси — 56, 103, 104, 117, 158.

Пяаккёнен Л.В. — 132, 133, 136.

Ремшуева Раиса Петровна — 165, 198.

Ругоев Яков Васильевич — 5, 6, 16, 27, 44—50, 53, 112, 113, 114, 116, 118, 122, 124.

Степанова Александра Степановна — 8, 10, 13, 18, 20, 22, 23, 24, 29, 31, 32, 33, 35, 36, 40а, 40б, 41, 42, 43, 52, 59, 61, 64, 66—72, 76, 77, 78, 81, 83, 84, 85, 87—91, 93—97, (105), 120, 123, 128, 131, 134, 135, 138, 140, 143, 144, 145, 147, 149, 152, 154, 159, 161, (169), 171, 172, (173), 174, 175, 176, 179, 180, 181, 184, 185, 186, 188—196, 199, 202—208, 210, 211, 213—217, 219.

Фёдоров Фёдор — 1, 2, 3, 4, 11, 12, 14, 30, 51, 58, 65, 73, 79, 82, 111, 115.

Финберг Хелми — 21, 37, 38, 55.

СПИСОК

географических названий и численности населения карел бывшей
Тунгудской, Шуэзерской/Летнеконецкой и Маслозерской волостей¹

	1905	1907–1908	1933	1959	1989 ²
	двор. Нас.	Дв. М. Ж.	Нас.	Нас.	Состоян.
Тунгудская волость³					
1. Берёзово – Koivuniemi	30 159	27 86 92	143	65	снят с уч.
2. Венозеро – Vennäizd'ärvi	5 32	5 8 24	30*	—	—
3. Вирнаволоок – Viiru	6 40	7 15 17	13*	—	—
4. Вошьгнозеро – Voingi	7 42	7 19 23	32*	—	—
Заламбина – Voingi	3 26	3 10 16	23*	—	—
5. Вотулма – Votulma	3 22	3 10 12	24*	—	—
6. Калливолахта – Kallivolakši	1 8	2 10 9	нет сведений		—
7. Кевятозеро – Kevät't'ämärvi	41 133	43 60 73	272	99	20 (98-5)
8. Келляварака – Kel'l'a- vuara (D'emozenvuara)	14 65	14 28 37	65*	—	—

¹Сведения взяты из следующих книг:

Архангельская Карелия. Архангельск, 1908 г. см. Приложение № 2.

Iivo Härkönen, Itäinen vartio. Helsinki, 1920; S. 333–336.

Сведения о состоянии деревень и численности населения за 1933–1989(98) годы представлены ст. научн. сопр., канд. ист. наук Е.И. Клементьевым.

См. также: Karjalan heimo. Karjalan sivistysseuran äänenkannattaja. Helsinki, № 9–10, 1999 — (Tunkuan erikoisnumero).

²Для сравнения численности населения в приведённых в списке деревнях даты взяты выборочно, причём в более ранних указано количество дворов, а во второй графе — отдельно количество мужчин и женщин. Учёт численности населения для многих деревень заканчивается 1933-м годом, хотя все они существовали вплоть до начала Великой Отечественной войны, до 1941 года (* после цифры обозначает, что это последние сведения).

³В списке деревни расположены по волостям, как они были распределены в 1905–1908 гг.; внутри волости — по алфавиту. Позднее границы волостей менялись, часть деревень перемещалась из одной волости в другую. В годы советской власти были образованы сельские советы. Их было семь, таким образом больше, чем волостей. Кроме того, образовывались новые рабочие посёлки, часто рядом с уже существовавшими деревнями, которые не включены в список [кроме пос. Новое Машезеро]. Назовём ещё некоторые: Афонино, Кевятозеро (сняты с учёта в 1962 г.), Рокково (сняты с учёта в 1961 г.); Алозеро, Юлозеро (сняты с учёта в 1965 г.).

	1905	1907-1908	1933	1959	1989
	двор. Нас.	Дв. М. Ж.	Нас.	Нас.	Состоян.
9. Компаково – Kompakka	27 169	28 86 87	131*	—	—
10. Коссо-озеро – Viikatehd'ärvi	10 53	10 23 30	71*	—	—
11. Куйковарака – Kuikkavuara	4 17	5 17 15	39*	—	—
12. Кучезеро – Kučarvi	19 127	19 60 67	нет сведений		—
13. Лужмаварака – Lužmanvuara	13 65	13 25 37	44*	—	—
14. Лукин Остров – Šuari	12 63	12 25 38	45*	—	—
15. Маркова Гора – Markkizenvuara	17 116	17 50 66	88*	—	—
16. Машезеро – Muaz'ärvi	41 256	41 125 140	176	177	23 (98-8)
16а. Новое Машезеро	зафиксирован с 1959 г.			917	806 (98-)
17. Онигма – Onihma	2 10	2 7 3	нет сведений		—
18. Пертозеро – Klimkol'a	6 31	8 24 15	(в наст. - Сегежский р.)		—
19. Печкинварака – Peškavuara	4 20	4 10 10	36*	—	—
20. Помпи/варака – Pompinvuara	3 16	3 7 9	21*	—	—
21. Сиговарака – Šiigavuara	3 18	3 8 10	6	—	—
22. Тунгуда – Tunguo/ Tungut	69 354	69 160 194	219	202	102 (98-89)
23. Хижезеро – Hiiž'ärvi	6 25	6 10 15	нет сведений		—
24. Шауниварака – Šäynyävuara	7 28	7 12 16	56*	—	—
25. Шурозеро – Šuurid'ärvi	1 5	1 1 4	6*	—	—

Летисконцевская/Шуезерская волость

26. Большая Сенная варака – Šuuri Hein'ävuara	1 6	1 2 4	10*	—	—
27. Борисварака – Borissanvuara	4 26	5 12 15	30*	—	—
28. Кипозеро – Kippärvi	7 47	8 25 24	34*	—	—
29. Летнеозерское/Шуезеро – Šuigärvi ⁴	27 356	26 78 83	155	220	35 (98-27)

⁴Шуезеро делится на две части — Летнеконцевскую и Северно-концевскую (№ 35), которые фигурировали и отдельно. Приход же был известен как Шуезерский Ильшский.

	1905		1907-1908			1933	1959	1989
	двор. Нас.		Дв. М. Ж.			Нас.	Нас.	Состоян.
30. Летнеозерская – Kežärvi	23	137	23	64	68	106	55	6 (98-3)
31. Лехта берег – Lehtoranda	2	10	3	7	8	18*	—	—
32. Лехта (село) – Lehto(niemi) ⁵	40	250	41	128	132	427	732	120(98-73)
33. Неуговаара – N'ouguvuara	2	17	2	9	10	24*	—	—
34. Риговарака – Riihivuara	9	49	10	22	27	53*	—	—
35. Северноконецкая – Pohjoispiä	29	123	31	67	65	151(объед. с Шуэзером)		
36. Шагозеро – Šägärvi	14	61	13	28	35	68*	—	—
37. Шароикко – Šarohikko	6	59	7	21	24	нет сведений		
38. Шароварака – Šarovuara	—	—	6	14	18	54	7 (1970 - 1) —	

Ноттоварацкое общество

39. Боровая варака – Kangažvuara	10	42	8	15	26	51*	—	—
40. Гангиварака – Hangivuara	2	8	2	8	4	15*	—	—
41. Голодная варака – N'älgävuara	5	26	7	15	12	25*	—	—
42. Калливарака – Kallinvuara	9	52	8	29	30	34*	—	—
43. Киприяно/Кипролы – Kibrol'a	6	28	6	14	13	16*	—	—
44. Курья варака (совр. Пушное) – Kurjužvuara ⁶	10	56	10	30	28	52	189	609(98-623)
45. Медвежье озеро – Kondied'ärvi	11	62	10	30	30	46*	—	—
46. Нижняя Лууламбина – Ala Luulambi	3	16	3	8	9	137*	—	—
47. Никонова Сельга – Niikkananvuara	17	98	17	52	50	101*	—	—

⁵Центр бывшего Тунгудского района, образованного в 1927 году. Первоначально райцентром была Тунгуда, но затем её сочли слишком отдалённой и центр перевели в село Лехта. Название же района осталось прежним.

⁶Современный посёлок Пушное, бывшая Курьюжвуара, является самым крупным населённым пунктом на территории бывшего Тунгудского района.

	1905	1907-1908	1933	1959	1989
	двор. Нас.	Дв. М. Ж.	Нас.	Нас.	Состоян.
48. Ноттоварака – Nuottavuara	38 242	43 135 138	?		
49. Окунева варака – Ahvenvuara	1 7	2 2 5	14*	—	—
50. Падоварака – Padavuara	3 6	2 1 7	6*	—	—
51. Перевозная варака – Ehätyžvuara	7 34	7 18 29	36	8	—
52. Сосновец – Sosnovitsa	1 4	2 4 4	? (раб. Пос.-98 - 2300)		
53. Тапповарака – Tappovuara	3 19	3 8 10	27*	—	—
54. Тороварака – Torovuara	5 32	нет сведений	41	5	—
55. Удозеро – Ipatti	7 46	8 25 26	67*	—	—
56. Филимоново – Hil'о(Pertozero?)	8 39	8 16 18	34*	—	—
57. Шеппяварака – Šepänvuara	4 12	4 10 14	25*	—	—
58. Шуеварака – Šuijunvuara	6 26	7 15 16	28*	—	—

Маслозерская волость. Афонинское общество

59. Алозеро – Alarvi	6 43	6 19 27	38	46*	—
60. Афонино – Ofon'anniemi	22 132	22 78 85	100	40*	—
61. Бряллиева варака – Brällinvuara	4 10	4 8 9	нет сведений		—
62. Деревня (Васильев)	1 10	1 2 7	—	—	—
63. Пусты (Васильев) – Puusta	2 8	2 4 5	11		
64. Половина – Puolimatka ⁷	1 4	2 2 5	—		—
65. Тарко-озеро – Tarkond'ärvi	1 8	1 1 3	14*	—	—
66. Троица – Troičča	2 7	2 4 1	нет сведений		—
67. Ушково – Uškela	35 207	37 97 108	212	120	(98-3)
68. Христанова варака – Hristananvuara	6 36	6 17 19	46*	—	—
69. Чёрная варака – Muštavuara	4 17	4 8 8	21*	—	—

⁷Хутор Половина [Вороново?] существовал по крайней мере ещё в 1945 году.

	1905	1907-1908	1933	1959	1989
	двор. Нас.	Дв. М. Ж.	Нас.	Нас.	Состоян.
Маслозерское общество					
70. Ближняя варака – Kirilänvuoga	3 10	3 6 7	нет сведений —		
71. Кангашнаволок – Kangažniemi	2 15	3 8 6	27	23*	—
72. Лежево – Ležol'a	14 83	14 34 38	107	35*	—
73. Маслозеро – Void'ärvi	48 277	49 108 135	191	290	?
74. Пибозеро – Piebärvi	22 137	23 60 70	134	100*	—
75. Ригорека – Riithid'ogi	6 63	8 30 43	89	54*	—

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- А. — Архив Карельского Научного Центра.
 КНС, 63 — Карельские народные сказки. Издание подготовила У.С. Конкка.
 М.—Л., 1963. [Вторая цифра указывает на номер текста в книге: КНС, 63, 67].
 КНС, 67 — Карельские народные сказки. Южная Карелия. Издание подготовили У.С. Конкка и А.С. Тупицына (Степанова), Л. 1967.
 КЭП — Карельские эпические песни. Предисловие, подготовка текстов и комментарий В.Я. Евсеева. М.—Л., 1950.
 ПФКК — Песенный фольклор кестеньгских карел. Издание подготовила Н.А. Лавонен. Петрозаводск, 1989.
 СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточно-славянская сказка. Л., 1979.
 Фон. — Фонотека Института языка, литературы и истории Карельского Научного центра Российской Академии наук [сокращённо ИЯЛИ КНЦ РАН].
 КА SKS — Kansanrunousarkisto; Suomalaisen kirjallisuuden seura.
 KKR — Karjalan kansan runot. I—II osa. Toim. V. Jevsejev. Tallinn, 1976, 1980.
 KSSA — Karjalan sivistysseuran arkisto.
 Pääkkönen — Kesämatkoja Venäjän Karjalassa sekä hajanaisia kuvauksia Karjalan kansan nykyisyydestä ja entisyydestä. // Suomen muinaismuisto-yhdistyksen Aikakauskirja, XVIII, Helsinki, 1898.
 TVKK — A. Genetz. Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä. Helsinki, 1980.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Вступительная статья	9

1. ПОЭЗИЯ КАЛЕВАЛЬСКОЙ МЕТРИКИ

Heppiset laulut, Balladit / Эпические песни. Баллады

1. Kosinta ym.	60
Сватовство и другие	60
2. Päivölän/Pohjolan pivot	66
Пир в Пяйвеля/Похьёла	66
3. Kadotetut koristeet	69
Утерянные украшения	69
4.-5. Meren kosijat	70
Сваты из моря	70
6. Tiellä kosinta	73
Сватовство в дороге/в пути	73
7.-10. Neidon lunastus	74
Выкуп девушки	74
11. Kadonnut lintu/hanhi. Vesitiellä viipynyt	79
Поиски птицы/гуся. Девушка задерживается у источника	79
12.-13. Kuolin sanomat	83
Вести о смерти родных	83
14.-15. Vasileine lähtee kotoa	85
Василейне уезжает из дома	85
16. Ogo ossizoini	86
Сестрица Ogo	86

Loitsut / Заговоры. Заклинания

17.-20. Rauvan vihat	89
Закливание железа	89
21.-22. Palandahizeh	91
От ожога	91
23. Puun vihat	93
Заговор от ушиба деревом	93
24.-25. Muahizeh	93
Заговор от экземы	93
26.-28. Mavon vihat	94
Заговор от укуса змеи	94
29.-32. Kylvetyssanat	96
Заговор в бане	96
33. Lašta uinottuassa	99
При укладывании ребёнка спать	99

34. Lugu vedeh	99
Закливание воды [просьба прощения у водоёма]	99
35. Kuin prossitetah	100
Как прощения просят	100
36. Hambahien kivušta piäššet äh	100
Избавляют от зубной боли	100
37. Čiireen puhumini	101
Закливание нарыва, чирсы	101
38.–39. Pissošta vaštah	102
Заговор от колотья [прострела]	102
40.–42. Lehmüä paranduas's'a	102
Заговор при лечении коровы	102
43. Kondien sanat	106
Закливание медведя	106

Näälaulut / Свадебные песни

44.–45. Kokko lendi	107
Летел орёл	107
46. Kuule, n'cido/Neuvonda	108
Послушай, девица/Наставления	108
47. Vävyä virzi	109
Песня зятя	109
48.–49. Miero vuotti	110
Мир ждал	110

Lyyriset laulut / Лирические песни

50. Kenbä tuuvalla šuarešša	113
Кто там на острове	113
51. Kirjone, virjone	114
Пёстренький, рябенький	114
52. Ken tuuvalla tulda polttau	114
Кто там костёр разжёт	114
53. Läksi kulda Piiterih	115
Отправился милый в Питер	115
54. Läksi kudy naimah	115
Посхал наш деверь жениться	115
55. Elä kolka koilistuuli	115
Не стучи, ветер, с северо-востока	115

Kalendaariset laulut / Календарные песни

56.–57. Virba bruažnikkana	116
В вербное воскресенье	116
58. Kukuš, kukuš, kăgozeni	117
Ты кукуй, кукуй, кукушка	117

2. ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Kehto- ja muita lauluja / Колыбельные, пестушки, потешки

59. Baji, baji lašta	120
Баю, баю, дитятко	120
60. Šouvan, šouvan, šorkuttelen	120
Гребу на лодке, подгребаю	120
61. Čibi-libi, linduni	121
Чиби-либи, пташечка	121

62. Kuikka kugarli	121
Гарара, гарара	121
63. Kis, kis, kaizeni	121
Кис, кис, кисонька	121
64. Nurpi, skoëiu	122
Скачет, прыгает	122
65. Turu-turu, raimole	122
Тур-тур, пастушок	122
66.-67. Yksi ytti	122
Один утти	122

Ketjurunoja / Кумулятивные песни

68. Onni manni	123
Онни манни	123
69. Suarnua, vuarnua	124
Сказка, присказка	124
70. Issakka, Jassakka	124
Исаак, Ясак	124
71.-72. Läksin minä L'äkköl'äh	125
Пошла я в Ляккёля	125
73. Hiiri, hiiri	127
Мышь, мышь	127
74. Kolo, kolo ikkunaista	127
Тук-тук в окошечко	127
75. Kolo, kolo kovaist'a	128
Тук-тук в шалаше	128
76.-77. Oi koira, koira	128
Ой, собака, собака	128

Leikkilukuja / Дразнилки. Считалки. Скороговорки

78. Anni-punni	132
Анни-пунни	132
79. Iivana ist'uu	132
Иван сидит	132
80. Luguzet	132
Считалки	132
81. Скороговорки	133

3. ПРИЧИТАНИЯ

82. Konža kuolou ukko, it'köy akka ukolla	136
Когда умирает муж, причитывает жена мужу	136
83. Čikon kuolduo	137
На смерть сестры	137
84. Mužikalla, kun kuoli	138
Мужу умершему	139
85. Omu cländ'yä	140
Причеть о своей жизни	140
86. T'yt'ärie vaššatessa da šuattuassa	141
При встрече и проводах дочерей	142
87. Iänci'l'ä itkuo evakuacijah lähtieessä	142
Причитывание перед отъездом в эвакуацию	143
88. Iänciläitkijöistä	144
О причитальницах	145

4. МАЛЫЕ ЖАНРЫ

Arvoitukset, Arvoutuksista / Загадки. О загадывании

89.–92.	148
--------------	-----

Častuškat / Частушки

93.–103.	154
---------------	-----

Sananparret / Пословицы

104.–107.	163
----------------	-----

5. СКАЗКИ

Eläinsadut / Сказки о животных

108. Rebo da hukka	172
Лиса и волк	173
109. Rebo da kaži	174
Лиса и кот	175
110. Koza da bokko	177
Коза и баран	178

Ihmesadut / Волшебные сказки

111. [Piili, piili, Pilkkazeni]	179
[Пийли, Пийли, моя Пятнашка]	181
112. Markki Bohatteri	184
Марко Богатый	186
113. Šuarna Žar-pticašta da čuarin pojašta	188
Сказка о Жар-птице и царском сыне	194
114. Harmua lammias	200
Серая овца	202
115. Kivi — seicčementoista loukkuo	205
Камень — семнадцать отверстий	207
116. Čuarin tytär	210
Царская дочь	212

Legendaariset sadut / Легендарные сказки

117. Suarna Pyhästä Il't'ašta, vil't'a D'umalašta	214
Сказка о Святом Илье, Боге урожая	215
118. [Борьба бога с нечистой силой]	216
119. Yöniekka	217
Ночлежник	218

Novellsadut ja kaskut / Новеллистические и бытовые сказки

120. Upr'uamoi t'ut'är	219
Упрямая дочь	221
121. Bohatta da keyhä	224
Богатый и бедный	225
122. Gluuppa akka	226
Глупая жена	227
123. Kui gluupat elet'tii	228
Как глупцы жили	229
124. Pluutta mužikka	231
Плутоватый мужик	233
125. Šuarna toizen tuuan korolih i Venyähän čuarih nähen	236
Сказка о чужеземном короле и о царе российском	237

5. НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА

Tarinat. Legendat / Предания. Легенды

126.–128. Tinguon kylä	240
Деревня Тунгуда	240
129. Markkizen vuori	242
Маркова Гора	242
130. Muajärven časovna	242
Машезерская часовня	242
131. Varvara Velikomučenica	243
Варвара Великомученица	243
132. Sägjärvelä	243
Шагозеро. «Паны»	244
133. Panit. Palanuzet	245
Паны. Сожженцы	245
134. Ruočči matkazi	245
Швед проходил	246
135. Ruočči. Risti	246
Руоччи. Крест	247
136. Ruotsinsuo, Ruotsinsilta	247
Болото Руоччи, мост Руоччи	248
137. Troitsan saari	248
Троицын остров	248
138. Časoun'a Kompakašša	248
Часовня в деревне Компакка	249
139. Troičan šuari	249
Троицын остров	249
140. Kiviplitalla šuareh	250
На каменной плите на острове	250
141. Rogatsu	250
Рогаччу	251
142. Uskonnon vainoa	251
Преследование за веру	252
143.–146. Palanuzet	252
Сожженцы	252
147.–148. Kessclivoina	256
Кесселивойна — кошель-война	257
149. Kuin rissittih starovieraksi	258
Крещение в староверы	258
150. Starovieroista	258
О староверах	259
151. Kondie toi rissin	260
Медведь принёс крест	260
152. Risti Kevät't ämävessä	260
Крест в Кевятозере	261
153. Mis's'a rissit šeizottih /Tinguon kylässä/	262
Где были кресты [в деревне Тунгуда]	262
154. Risti kylässä	262
Крест в деревне	262
155. Ristijä ovissa	263
Кресты на дверях	263
156. Čigana ei luadin kahta nuagla	263
Цыган не выковал двух гвоздей	264

Roŕtuo. Vierissan keski / Рождество. Святки. Гадания	
157. Hristosua sluavitih Христа славили	264 265
158. Vierissänkeški Святки	265 266
159.–161. Gadainnat Гадания	266 268
162. Viändienkežet Летние святки [7—12 июня]	270 270
Ennustukset. Kiellot. Uskomukset / Приметы. Запреты. Поверья	
163.–171.	271
172.–173. Liävyä strojitah Хлев строят	277 277
174. Matkah lähtiet' t'yö Перед отправлением в путь	278 279
Tietäjät. Magia. Taikausko / Знахари. Магия. Веравания	
175. Tiedäjistä О знахарях	279 280
176. Tiedäjä Muazärveššä Знахарь в Машезере	280 281
177. Tiedäjä, kolduna Знахарь, колдун	281 282
178. Tiedäjän nero Дарование знахаря	283 283
179. Parendamini viändienä Лечение в летние святки	283 284
180. Veješt'ä heit' t'äydy От воды «пристало»	284 285
181. Kylystä tarttuu В бане пристало	286 287
182. Muahini Экзема	287 288
183.–184. Sivut raippuau Лечение прострела	288 288
185.–187. Yönitettäjä Полночиница	290 290
188.–189. Griizi Грыжа [у детей]	292 292
190. Madoloista О змеях	294 294
191. Mado purou Змея укусит	294 294
192. Uudeh liäväh žiivatta Ввод скотины в новый хлев	295 295
193. Kuin l'äht' ömyä ažetettih Как «успокаивают» первотёлку	296 296
194. Lehmä dorogah otetah Корову ведут [в дорогу]	297 297
195.–196. Lehmyä oššetah Покупка коровы	298 299
197. Paimenista О пастухах	300 301

198. Lehmät meččäh	301
Коровы на пастбище	302
199. Karjua laškieta meččäh	302
Стадо выпускают из хлева	303
200.–201. Nuotalla	303
С неводом на рыбалке	304
202. Kalat lammista peiteti	305
Рыбу в ламбе упрятали	305
203. Lutikkoja ajeta	305
Как клопов изгоняли	306

Myyttiset tarinat, Arkitapahtumat / Былички. Бывальщины. Бытовые рассказы

204. Meččäpertillä	307
В лесной избушке	307
205.–206. Meččäpvägi	307
Лесные/лешне	308
207.–208. Ved'chini	309
Водяной	309
209. Haldiet	310
Духи-«хозяева»	311
210.–212. Kojin haldie	311
Kojin haldie	311
213. Pirtin emänd'ä	313
«Хозяйка» избы	313
214.–216. Liävän emänd'ä	313
«Хозяйка» хлева	314
217.–218. Kylvn haldie	316
Басенник	316
219. Lampru	317
Лампа	317
220. Telefona	317
Телефон	318

Примечания	319
Приложение 1 [ноты – К. Раутио]	353
Приложение 2 [текст Евангелия от Матфея на карельском языке]	365
Указатель исполнителей	369
Указатель собирателей	371
Список географических названий	372
Список сокращений	376

Александра Степановна Степанова
Устная поэзия тунгудских карел

Технический редактор В. Наконечный
Компьютерная верстка — О. Макарова

Подписано в печать 25.07.2000. Формат 60х90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 24. Уч.изд.л. 19,2. Тираж 1000 экз. Заказ № 2306.
Издательство "Периодика" 185610, г. Петрозаводск, ул. Германа Титова, 3
Лицензия ЛР № 040464 от 02.04.98.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГП республиканская типография
им. П.Ф. Анохина 185005, г. Петрозаводск, ул. "Правды", 4

